

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

1199

Россія при царѣ Алексѣѣ

Въ 1-й ш.

78/127

ЧТЕНІЕ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе четвертое.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Осипа Сикорскаго, Мазовецкая улица N. 6.
1877.

Дозволено цензурою.

Варшава, 11 (23) Іюня 1877 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ

(1863 года.)

Знать исторію своего отечества со всею полнотою и подробностію есть обязанность каждаго образованнаго человѣка; но есть много и другихъ знаній, настоятельно необходимыхъ; поэтому курсъ отечественной исторіи приходится сокращать, ограничивая его указаніемъ и объясненіемъ только важнѣйшихъ явленій народной жизни. Сообразно съ этимъ составляются программы и пишутся учебники отечественной исторіи, при чемъ тѣ и другіе неизбѣжно грѣшатъ или сухостію, происходящею отъ желанія коснуться какъ можно большаго числа фактовъ, или неполнотою, если имѣлось въ виду оживить имена, числа и происшествія драматическимъ разсказомъ и историческою мыслію.

Мнѣ казалось, что благоразумнѣе будетъ не гнаться за двумя, одна другую исключающими цѣлями, и что въ помощь существующимъ учебникамъ полезно было бы написать такую книгу, которая, соотвѣтствуя современному состоянію исторической науки, обнимала бы подробности предмета, изображала бы съ возможною выпуклостію личности историческихъ дѣятелей, передавала бы происшествія съ драматическою занимательностію, представляла бы духъ времени и колоритъ мѣстности.

Такое сочиненіе по объему своему, разумѣется, можетъ предназначаться только для чтенія, а не для изученія; тѣмъ не менѣе оно можетъ глубоко врѣзаться въ молодую память, если изложеніе его будетъ столько занимательно, что его станутъ читать не во исполненіе лишь обязанности, а ради внутренняго его интереса.

Этотъ взглядъ на предпринятую мною задачу я выяснилъ въ предисловіи къ первому изданію *Чтенія изъ русской исторіи*. Критика обратила нѣкоторое вниманіе на мою книгу (*), еще болѣе на мою мысль. *Современникъ* напечаталъ о ней рецензію, въ которой говорилось, что нѣтъ причины не употреблять книгу мою даже въ видѣ учебника, или вмѣсто него. Г. Соловьевъ въ *Русскомъ Вѣст-*

(*) Первое изданіе перваго выпуска вышло въ 1861 году.

никъ, напротивъ, замѣчалъ, что я напрасно старался соображать ее съ существующими учебниками, что она можетъ и должна существовать самостоятельнымъ образомъ: „Мы думаемъ,“ говорилъ онъ „что книга, подобная книгѣ г. Щебальскаго, должна имѣть самостоятельное значеніе, не связываться такъ неразрывно съ учебникомъ и не ограничиваться возрастомъ отъ 13 до 15 лѣтъ.“ Противъ мысли моей о томъ, что въ учебникъ не можетъ войдти яркое изображеніе историческихъ личностей, драматическое изложеніе происшествій, характеристика времени и мѣстности, развитіе исторической мысли, уважаемый профессоръ возражалъ, что все это должно войдти въ хорошій учебникъ и что кромѣ учебника надо имѣть въ виду еще „живаго человѣка—учителя.“

Въ подробную оцѣнку этихъ замѣчаній входить я считаю излишнимъ, предоставляя воспитателямъ и преподавателямъ дѣлать изъ моей книги то употребленіе, какое они считаютъ полезнѣйшимъ; но основной своей мысли я не измѣняю и нынѣ, при второмъ изданіи. Однакожъ я воспользовался нѣкоторыми сдѣланными мнѣ замѣчаніями относительно частностей и однимъ, имѣющимъ характеръ общій. Это послѣднее принадлежитъ профессору Соловьеву. Въ предисловіи къ первому изданію я писалъ: „я старался держаться въ равномъ разстояніи отъ чисто ученаго изслѣдованія и отъ романа, не позволялъ себѣ ни искажать фактовъ, ни представлять историческихъ явленій въ ложномъ свѣтѣ, но допускалъ черты которыя не позволилъ бы себѣ помѣстить въ чисто серьезномъ трудѣ.“ Г. Соловьевъ не безъ основанія порицалъ такой неопредѣленный характеръ книги: при второмъ и слѣдующихъ выпускахъ я убѣдился, что романъ и исторію уравновѣсить невозможно, далъ перевѣсъ исторіи, и мнѣ кажется что отъ этого трудъ мой не потерялъ въ отношеніи занимательности, или по крайней мѣрѣ, удобочитаемости.

П. Щебальскій.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Взгляните на карту Россіи; проведите черту отъ Бѣлаго моря мимо Онежскаго и Ладожскаго озеръ къ Чудскому; оттуда по границѣ нынѣшнихъ псковской и витебской губерній на рѣку Сожъ до Днѣпра; потомъ внизъ по Днѣпру до устья Самары; отъ этой рѣки чрезъ низовья Дона на Терекъ: такова была граница европейской Россіи 200 лѣтъ тому назадъ. Что касается до Сибири, то тамъ не было опредѣленныхъ границъ: мѣста были *вольныя*; наши промышленники и звѣроловы доходили до Амура и на его берегахъ строили свои *острожки* (укрѣпленьица).

Это было государство огромное, но безобразно растянутое отъ запада къ востоку вдоль пустынныхъ, печальныхъ сѣверныхъ морей, и только мѣстами выдвигавшееся на югъ отдѣльными выступами; на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ обитало едва ли болѣе десяти милліоновъ жителей, да и то главнѣйше въ нынѣшнихъ центральныхъ губерніяхъ; отъ Курска, Ельца, Тамбова уже начиналась безлѣсная и частію безводная степь, которая неизмѣримою и все меньше и меньше населенною полосой развертывалась между Днѣпромъ и Волгой, сливаясь, съ одной стороны, со степями буджакскихъ татаръ, за Днѣпромъ, съ другой — съ пустынями средней Азіи—кочевьями киргизовъ, калмыковъ и др. Отъ Москвы

къ сѣверу и сѣверо-востоку, за Костромой и Казанью, опять лежала пустыня, только покрытая непроходимыми лѣсами, гдѣ хозяйничали на просторѣ медвѣди, волки и отчасти соболи; лѣса эти непрерывною чащею простирались къ сѣверу до Ледовитаго моря, а отъ запада къ востоку—отъ Кореліи до Перми.

Собственно русское племя занимало не все это огромное пространство. Оно группировалось около Новгорода и Пскова, между Западною Двиной и Днѣпромъ съ одной стороны, и Волгою съ другой, разсыпаясь оттуда во всѣ стороны въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ и древнихъ поселеній. Такимъ образомъ лѣтъ за 200 передъ настоящимъ временемъ были русскія деревни на берегу Финскаго залива и Невы; были онѣ, и даже въ большомъ числѣ, на дальнемъ сѣверѣ, въ глубинѣ архангельской губерніи, на верховьяхъ Камы; шли длинною полосой вдоль южной части Сибири до самаго Амура и даже до Охотскаго моря; были на Терекѣ, тянулись по правому берегу Урала до самаго Каспійскаго моря, окаймляли низовья Дона и Днѣпра, такъ что еслибъ на картѣ Россіи означить особою краской, — напримѣръ, зеленою,—русское племя, то оно представило бы огромную неправильную фигуру, которая, имѣя вершину у Новгорода и Пскова и расширяясь между Волгою и Днѣпромъ, тонкими линіями, какъ будто лапками, цѣпляется за Бѣлое, Балтійское, Черное, Каспійское и Охотское моря, къ которымъ въ послѣдствіи это племя плотно и придвинулось (*). Бо́льшая часть пространства, которое затѣмъ осталось бы бѣлымъ на нашей предполагаемой картѣ, было населено различными племенами чудскаго или финскаго происхожденія, какъ-то: корелами, мордвою, черемисами, вотяками, зырянами, лопарями, остяками и др. Всѣ эти племена проживаютъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ; это настоящіе аборигены (туземцы) Европей-

---

(*) Необходимо замѣтить здѣсь, что кромѣ вышеозначенныхъ мѣстъ, русское племя жило и въ другихъ мѣстностяхъ, а именно: въ предѣлахъ Польскаго государства, гдѣ оно занимало нынѣшнія губерніи: Кіевскую, Подольскую, Волынскую, Минскую, Гродненскую (частію), Могилевскую и Витебскую съ восточною половиной Виленской. Наконецъ, русское же племя обитало и обитаетъ въ нынѣшней Галиціи, въ ея восточной половинѣ.

ской Россіи. Но съ V вѣка по Рождествѣ Христовомъ въ среду финскихъ дикарей начали проникать съ юга Русскіе (Славяне), а съ востока постоянно врывались азіятскія орды татаръ, калмыковъ и др. Татарское царство рушилось, но племя, которое его основало, осталось, жило и живетъ, перемѣшавшись съ Русскими и финнами, по обѣ стороны Волги начиная съ Нижняго. Калмыки же, сохраняя свой кочевой бытъ, занимали въ описываемое время степи, простирающіяся отъ Волги къ Тереку и Дону. Таковъ въ общихъ чертахъ былъ племенной составъ народонаселенія Россіи 200 лѣтъ тому назадъ.

Сосѣдями нашими,—такими, съ которыми мы наиболѣе имѣли сношеній,—были, вопервыхъ, крымскіе татары, подвластные Турецкому султану; вовторыхъ, владѣнія турецкія подходили къ нашимъ по низовью Днѣпра; потомъ Польское королевство, то-есть русскія и литовскія его земли, съ которыми Россія граничила Днѣпромъ, Сожемъ и Западною Двиной, и наконецъ королевство Шведское, начинавшееся въ то время за Чудскимъ озеромъ и Новгородомъ. Со всѣми этими сосѣдями у насъ были частныя войны, и едва ли проходило нѣсколько лѣтъ сряду, чтобъ на которой-нибудь нашей границѣ не пылали города и не лилась кровь; мы безпрестанно то воевали, то мирились съ нашими сосѣдями, а торговыхъ сношеній и дружелюбныхъ взаимныхъ посѣщеній, какъ это теперь дѣлается, было очень мало. Не только съ иноземными государствами,—одна наша область съ другою имѣла мало сношеній; дороги были небезопасны и непроѣздны; промышленность была самая ничтожная; земледѣліемъ занимался каждый настолько лишь, чтобы прокормиться съ семействомъ своимъ; простой народъ жилъ не иначе какъ въ курныхъ избахъ; города были крыты соломою; не существовало, можетъ-быть, бѣдности,—то-есть люди не умирали съ голоду и милостыня подавалась щедро,—но удовлетвореніе однѣмъ матеріальнымъ нуждамъ составляетъ лишь первую степень гражданскаго развитія: наши же предки, какъ и всѣ народы еще не просвѣщенные, трудиться не любили, не видѣли надобности учиться, и поэтому болѣе просвѣщенные иностранцы называли не безъ основанія Россію *дикою Московіей*.

Многія государства западной Европы были въ это время въ совершенно иномъ положеніи: Голландская и Венеціянская республики покрывали всѣ моря своими торговыми кораблями; Англія вела тоже обширную торговлю и быстро богатѣла; во Франціи начинался такъ-называемый золотой вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ Людовика XIV; эти и нѣкоторыя другія западныя государства имѣли хорошія арміи и флоты, университеты, типографіи, литературу, театры, академіи, художества. Германія была нѣсколько позади Франціи въ отношеніи просвѣщенія; Польша и Венгрія еще болѣе. Вообще, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ гуще былъ мракъ невѣжества. Западная Европа была въ это время тѣмъ же, чѣмъ прежде былъ Римъ, а еще прежде Греція и Египетъ, то-есть страною, откуда свѣтъ просвѣщенія разливался окрестъ,—чѣмъ далѣе, тѣмъ, разумѣется, слабѣе. Это очень похоже на то, какъ еслибы въ огромномъ какомъ-нибудь зданіи мы ярко освѣтили одну залу и оставили изъ нея двери отпертыми: ближайшія комнаты имѣли бы достаточно свѣта, слѣдующія менѣе, и наконецъ въ какомъ-нибудь отдаленномъ углу едва мерцалъ бы одинокій лучъ. Этимъ темнымъ угломъ въ Европѣ была долгое время Россія; она даже затворяла, такъ-сказать, дверь отъ этого свѣта, который представляли ей опаснымъ. Но наконецъ очередь дошла и до нея: въ XVII вѣкѣ мы замѣчаемъ въ ней проблески какого-то отдаленнаго свѣта; замѣтны начатки чего-то новаго и еще болѣе замѣтно недовольство старымъ. Церковь и отчасти правительство недовѣрчиво смотрѣли на это броженіе и старались его сдерживать; но вотъ явился государь, который не только далъ ему ходъ, но и двинулъ его съ необыкновенною силой. Это былъ Петръ I.

Поэтому исторія Петрова времени есть чрезвычайно важная эпоха въ судьбѣ Русскаго народа. Мы долго жили вдали отъ другихъ народовъ,— отчужденные отъ нихъ и не имѣя съ ними (кромѣ ближайшихъ сосѣдей) почти никакихъ сношеній. Эти народы между тѣмъ, обращаясь между собою, развивались, крѣпчали, богатѣли, просвѣщались,—Россія же, напротивъ того, въ своемъ одиночествѣ, или въ отношеніяхъ по большей части враждебныхъ къ своимъ сосѣдямъ, росла туго и медленно. И вотъ переворотъ совершается въ ея поли-

тикѣ: Петръ вводитъ Россію въ кругъ европейскихъ государствъ, и судьба Россіи соединяется съ судьбами всего образованнаго міра. Нерѣдко этому младшему члену европейской семьи приходилось играть только страдательную и незавидную роль: мы удивлялись чужому, новому, хотя и у другихъ не все, конечно, заслуживало похвалы и удивленія; мы учились, и при этомъ переносили высокомѣріе своихъ учителей, бросали старое свое,—иногда и то, что въ немъ было хорошаго. И это продолжалось въ теченіе всего XVIII вѣка и половины XIX-го. Кажется, эпоха подражанія приближается къ концу; мы мужаемъ и зрѣемъ; въ насъ укрѣпляется сознаніе и развивается чувство національнаго достоинства. Мы знаемъ что многое намъ приходится еще заимствовать у народовъ, историческая жизнь коихъ началась ранѣе нашей, но думаемъ что и наша историческая жизнь выработала кое-что доброе, солидное, съ чѣмъ мы не хотимъ разстаться.

рѣдкіе, печальные удары колокола: это была вѣсть народу о преставленіи царицы Марьи Ильинишны. Народъ, правда, мало зналъ своихъ царицъ, которыя никогда не являлись публично и выѣзжали не иначе какъ въ закрытыхъ каретахъ, но онъ питалъ уваженіе и преданность къ царскому семейству и не былъ равнодушенъ къ потерямъ, которыя его постигали.

Царь Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ супругѣ своей великолѣпныя похороны; заказалъ по ней поминанья во всѣхъ московскихъ церквахъ, въ иныя сдѣлалъ богатые вклады; тосковалъ, печалился, глядя на дѣтей своихъ оставшихся сиротами, но наконецъ сталъ скучать и тяготиться своимъ одиночествомъ. Не меньше Царя печалились и родственники покойной царицы—Милославскіе, а также и ихъ друзья и свойственники: Соковнины, Хитрово, Урусовы; всѣ они были въ милости, силѣ и почетѣ главнѣйше по свойству своему съ покойною. Бывало, чего бы ни пожелали они для себя или для своихъ,—чести ли боярской, воеводства ли доходнаго, придворной ли должности приближенной, тотчасъ къ Ильѣ Даниловичу, отцу царицы; тотъ къ дочери, а она къ Царю, — и дѣло слажено. Теперь ужъ на это нельзя было больше надѣяться; а хуже всего для нихъ было то, что Государь могъ вступить и во второй бракъ, а съ новою царицей приблизилась бы и новая родня, новые люди.

Уже въ послѣднее время, при прежней еще царицѣ, стали появляться новые люди, на которыхъ царская родня косо посматривала, напримѣръ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Это былъ умный, дѣльный, ловкій человѣкъ. Началъ онъ съ небольшаго: былъ сынъ небогатаго дворянина, безъ родства и безъ связей, но мало-по-малу сдѣлался чуть не первымъ лицомъ въ государствѣ. Когда онъ появился при дворѣ, никто не обращалъ на него вниманія; жилъ онъ тихо и скромно въ небольшомъ домикѣ, въ приходѣ Николы-на-Столбахъ, никому не навязывался въ дружбу, но ни отъ кого и не удалялся: въ царскихъ ли палатахъ, или въ думѣ заговоритъ съ нимъ какой-нибудь важный бояринъ,—Долгоруковъ, или Ромодановскій, или Черкасскій,—Матвѣевъ разумно и тихо отвѣтитъ, но самъ на разговоры не напрашивается, удивлять никого не думаетъ. И такимъ образомъ онъ добился, что привыкли его

видѣть, и коситься на него родовитые бояре перестали. А между тѣмъ Государь все больше къ нему привязывался, принималъ его запросто и безъ совѣта его ни на что не рѣшался; коротко сказать, онъ сдѣлался любимцемъ Царя, какъ прежде бояринъ Морозовъ. Милославскіе всполошились и рады были бы оттереть его отъ двора, но уже было поздно. Государь безъ него уже не могъ обойдтись, да и между первыми царедворцами не мало было такихъ, которымъ онъ вошелъ въ душу. Князь Черкасскій, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ то время людей, былъ задушевнымъ другомъ Матвѣева; Одоевскій тоже, а это былъ весьма близкій къ Государю человѣкъ, такъ что, когда его сынъ внезапно умеръ, Царь утѣшалъ старика и сокрушался съ нимъ, какъ близкій родственникъ.

Когда скончалась царица Марья Ильинишна и вдовцу стало казаться пусто въ его кремлевскихъ палатахъ, Матвѣевъ началъ еще чаще прежняго видаться съ Государемъ. Мало того что онъ и утромъ, послѣ думы, зайдетъ въ царскіе покои, и нѣсколько часовъ сряду у него просидитъ послѣ вечерень, Государь и самъ не рѣдко сталъ къ нему жаловать. Матвѣевъ былъ тогда уже начальникомъ посольскаго приказа, то-есть какъ бы министромъ иностранныхъ дѣлъ; слѣдовательно не только всѣ иноземцы, проживавшіе въ Москвѣ, — а ихъ было не мало,—но и посланники разныхъ государей, пріѣзжавшіе въ Россію, должны были къ нему являться по своимъ дѣламъ. Въ маленькой и тѣсной избенкѣ такихъ людей принимать не приходилось. Государь и самъ любилъ, чтобъ все вокругъ него было парадно, и посмѣивался, что его министръ живетъ какъ какой нибудь стрѣлецкій голова. Матвѣевъ долго отшучивался, понимая очень хорошо, что заживи онъ на широкую ногу, сейчасъ найдутся добрые люди, которые заговорятъ, что онъ корыстуется казеннымъ добромъ и хочетъ перещеголять родовыхъ князей,—а это такая вина, которая показалась бы хуже самой корысти. По этому-то Матвѣевъ, какъ умный человѣкъ и отыгрывался отъ постройки новаго дома. „Я человѣкъ маленькій, незнатный,“ говорилъ онъ Царю: „не годится мнѣ жить въ великихъ хоромахъ!“

Случилось, что объ этомъ какъ-то распространился по-

Москвѣ слухъ, и что же? Стрѣльцы и простые люди, съ которыми Матвѣевъ былъ всегда ласковъ и обходителенъ, пришли къ нему и сказали: „Мы разберемъ могилы нашихъ отцовъ и братій, и навеземъ тебѣ каменьевъ для твоего дома, если ты жалѣешь царскую казну!“ Матвѣевъ, конечно, не принялъ такой жертвы, но немедленно построилъ себѣ новый домъ, каменный и, по тогдашнему, большой и красивый, къ которомъ не стыдно было принять хотя бы и цесарскаго посла.

Не надобно, однакожь, думать, чтобъ это было чтонибудь въ родѣ нынѣшнихъ дворцовъ: самыя обширныя и великолѣпныя тогдашнія палаты удобно установились бы, и съ крышею, и съ фундамемтомъ, въ иную залу Зимняго или новаго Кремлевскаго дворца. Ни дома Матвѣева, ни даже изображеній этого дома, къ сожалѣнію, не сохранилось; но есть въ Москвѣ и въ другихъ старинныхъ городахъ нашихъ много зданій построенныхъ въ XVII вѣкѣ; есть даже нѣкоторыя изъ нихъ, которыя сохраняются безъ измѣненія, какъ образчики старины, или которыя возобновлены въ старинномъ видѣ: домъ князя Юсупова въ Москвѣ, домъ издавна принадлежащій фамиліи Романовыхъ и терема царскіе, въ Кремлевскомъ дворцѣ, оставшіеся въ томъ видѣ какъ они были при Алексѣѣ Михайловичѣ. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ комнатки маленькія, низенькія, со сводами, расписанныя *травами* или обитыя кожей съ тиснеными на ней узорами; вдоль стѣнъ — лавки, вездѣ множество образовъ, независимо отъ особой молельни; въ передней или столовой палатѣ длинный дубовый столъ, за который ежедневно садилась семья и весьма не рѣдко садились гости, потому что предки наши любили угостить и угоститься. Тутъ же, въ особомъ шкафѣ, или на полкахъ, стояли тажелыя серебряныя блюда, кубки, ковши, — драгоцѣнности, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Женская половина была обыкновенно отдѣльная, чаще въ верхнемъ этажѣ. Это были такъ называемые *терема*. Тамъ жила сама хозяйка и дѣти; хозяинъ приходилъ туда только ночевать, и лишь очень немногіе изъ числа близкихъ родственниковъ имѣли туда доступъ. Такимъ образомъ наши прабабки вели жизнь уединенную, которая проходила въ попеченіяхъ о домашнемъ хозяйствѣ и дѣтяхъ, да въ рукодѣльныхъ заня-

тіяхъ; на виду были одни мужчины; но не рѣдко бывало, что женщины имѣли вліяніе на ихъ дѣйствія, какъ мы и будемъ имѣть случай увидѣть.

Нижній этажъ дома всегда бывалъ занятъ кладовыми и погребами. Прадѣды наши были бережливы и имѣли вещи прочныя, цѣнныя: денегъ тогда было мало, перемѣнчивости модъ не существовало, а потому шубы, женскія парчевыя и атласныя одежды, жемчужные уборы, ковры, пуховики (которые тоже составляли предметъ роскоши), хранились въ этихъ кладовыхъ за тяжелыми замками и крѣпкими засовами. Что же касается до погребовъ, то хотя и ихъ берегли какъ зѣницу ока, однако частенько ихъ тревожили: это были хранилища квасовъ разнаго сорта, пива, медовъ и разныхъ винъ. Какъ только у воротъ раздавался стукъ желѣзнаго кольца, замѣнявшаго теперешній колокольчикъ, ключникъ или ключница бѣжитъ въ погребъ, тяжелые засовы скрипятъ, ключъ, визжа, отворяетъ исполинскіе замки, и пѣнистое пиво изъ дубовой бочки, шипя, струится въ объемистую ендову; откупоривается и фряжское вино, и липецкій старинный медъ.

Такъ жили Русскіе двѣсти лѣтъ тому назадъ. Матвѣевъ жилъ не совсѣмъ такъ, какъ другіе. Другіе любили бражничать. Матвѣевъ этого не терпѣлъ; любилъ быть одинъ и не рѣдко заглядывалъ въ книги духовнаго или историческаго содержанія. Онъ и самъ писалъ; его собственною рукой было написано кое-что изъ исторіи нашего отечества по извѣстіямъ, вычитаннымъ въ старинныхъ хартіяхъ и лѣтописяхъ. Онъ любилъ бесѣдовать съ иностранцами, разспрашивать какъ живутъ люди въ чужихъ земляхъ и какъ тамъ управляются государства. Прослышавъ отъ иноземныхъ своихъ знакомыхъ, что въ большихъ городахъ другихъ государствъ существуютъ театры и театральныя представленія, онъ составилъ труппу изъ своихъ дворовыхъ людей, сформировалъ кое-какой оркестръ и иногда забавлялъ Царя и дворъ музыкою и театральными зрѣлищами. Пьесы были большею частію духовнаго содержанія; изъ нихъ нѣкоторыя были писаны Симеономъ Полоцкимъ, ученымъ монахомъ, однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей того времени. Мало того: находя пользу и удовольствіе въ чтеніи и умной бесѣдѣ, онъ и сына пріучилъ къ тому же; давалъ ему

чителей иностранныхъ языковъ и исторіи, и еслибы прожилъ долѣе, то имѣлъ бы утѣшеніе видѣть, что старанія его не пропали даромъ; молодой Матвѣевъ былъ въ первое время царствованія Петра однимъ изъ полезныхъ его помощниковъ и оставилъ послѣ себя Записки, въ которыхъ очень занимательно разсказаны смуты, случившіяся въ Москвѣ вскорѣ послѣ смерти царя Θеодора Алексѣевича.

Дочерей у Матвѣева не было. Но въ домѣ его жила дочь одного изъ его старыхъ сослуживцевъ, небогатаго дворянина Кирилла Нарышкина. Правду сказать, образованіемъ ея занимались немного, да и никто тогда въ Россіи не думалъ, чтобъ женщинѣ нужно было что нибудь знать, кромѣ молитвъ и хозяйства; но воспитанница Матвѣева не была по крайней мѣрѣ отдалена отъ всего свѣта, подобно дѣвицамъ знатныхъ домовъ; онъ ея не пряталъ въ неприступныхъ теремахъ; ее видали многіе изъ пріѣзжавшихъ къ нему, даже иностранцевъ. Звали ее Натальей; она была красивая дѣвушка, высокая ростомъ, съ темнорусою косой, съ широкими рѣсницами на большихъ карихъ глазахъ.

Случилось, что увидѣлъ ее и Царь; красота дѣвушки сдѣлала на него впечатлѣніе.

— „Я не зналъ, Сергѣичъ, сказалъ онъ, что у тебя есть дочь.“

— „Это не дочь моя, а пріемышъ“, отвѣчалъ Матвѣевъ, и назвалъ ее.

Тѣмъ на первый разъ и кончилось, но черезъ нѣсколько времени Царь сказалъ Матвѣеву, что желаетъ вступить съ нею въ бракъ. Сказываютъ, что Матвѣевъ повалился ему въ ноги, говоря, что эта новая къ нему милость погубитъ его. Трудно этому повѣрить: до царской родни рѣдко досягали придворныя крамолы; съ воспитателемъ и благодѣтелемъ, почти отцомъ царицы мудрено было кому бы-то-ни было бороться. Поэтому такому смиренію Матвѣева мало кто вѣрилъ, и многіе разсказывали объ этомъ совсѣмъ другое: говорили, что Матвѣевъ самъ подготовилъ это сватовство... Этого тоже нельзя выдать за вѣрное, но, конечно, Матвѣевъ былъ болѣе честолюбивъ, чѣмъ иные простаки изъ его друзей думали, и во всякомъ слу-

чаѣ ему не было никакого повода валяться въ ногахъ у Царя, чтобъ не попасть къ нему въ родство.

Государь сочетался бракомъ съ Натальей Кирилловною въ 1671 году. Вслѣдъ за нею явилась во дворцѣ и родня ея, Нарышкины. Отецъ ея былъ сдѣланъ бояриномъ и получилъ богатыя волости; братья взяты ко двору; Матвѣевъ тоже получилъ санъ боярскій.

30-го мая 1672 года, въ старомъ Кремлевскомъ дворцѣ у Царя родился сынъ, котораго назвали Петромъ. Этотъ младенецъ былъ будущій великій императоръ.

Около этого времени между людьми близкими ко двору стали ходить слухи, что между мачихой и падчерицами не стало согласія. Какъ это случилось, съ чего это началось— врядъ ли кто нибудь могъ достовѣрно сказать; царевны ли, дочери Алексѣя Михайловича, изъ которыхъ многія были совершеннолѣтнія, недружелюбно встрѣтили мачиху; мачиха ли оттолкнула отъ себя падчерицъ,—дѣло темное: но между царевнами и царицей не было дружества. Государь горячо привязался къ молодой своей супругѣ и къ ея младенцу и, казалось, охладѣлъ нѣсколько къ своимъ прежнимъ дѣтямъ. Глядя на это, и дворъ раздѣлился на двѣ партіи: Матвѣевъ и большая часть царедворцевъ были на одной сторонѣ, окружая Наталью Кирилловну; другіе, родственники покойной царицы, угрюмо жались около царевенъ и двухъ царевичей отъ перваго брака. Впрочемъ, все это не выходило за черту кремлевскихъ стѣнъ; не всѣ знали это и въ Москвѣ, а по другимъ городамъ все оставалось какъ прежде, да и Государь не показывалъ никакой немилости своей старой роднѣ.

Черезъ два года послѣ рожденія Петра *объявленъ* былъ старшій сынъ Государя, Ѳеодоръ Алексѣевичъ. *Объявленіе* было то же, что признаніе наслѣдникомъ престола. Въ самый Новый Годъ (который начинался тогда перваго сентября) происходила эта церемонія. Въ передней палатѣ Кремлевскаго дворца были собраны бояре, думные люди, духовенство. Царь вышелъ къ нимъ съ молодымъ царевичемъ, которому тогда еще не исполнилось 13 лѣтъ, и сказалъ, что настало время „дать его Господу Богу въ послуженіе и ввести его въ святую, соборную и апостольскую церковь.“ Ѳеодоръ Алексѣевичъ

былъ худенькій, довольно болѣзненный отрокъ, но душу имѣлъ добрую, умъ здравый и былъ прекрасно по тому времени образованъ умнымъ и ученымъ Симеономъ Полоцкимъ.

Съ этого времени царевичъ Ѳеодоръ считался наслѣдникомъ престола; на него смотрѣли какъ на будущаго государя Россіи. И дѣйствительно, когда, въ январѣ 1676 года, Алексѣй Михайловичъ скончался, онъ вступилъ на престолъ.

Царствованіе Алексѣя Михайловича не было счастливо. Не то чтобъ онъ велъ несчастныя войны; нѣкоторыя изъ нихъ были и удачны: съ Польшей онъ заключилъ перемиріе, по которому къ Россіи отходила часть нынѣшнихъ смоленской, витебской и черниговской губерній, а главное—колыбель Россіи, Кіевъ; еще болѣе важнымъ дѣломъ было присоединеніе Малороссіи: это было дѣло славное и полезное. Но съ другой стороны, въ это царствованіе Россію посѣщали разныя несчастія: голодъ, пожары, моровыя повѣтрія; какое-то темное неудовольствіе жило въ народѣ, который безпрестанно волновался; то тутъ, то тамъ вспыхивали мятежи, и если власти не успѣвали принять быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, то эти мятежи сильно и жестоко разгарались, какъ напримѣръ бунтъ извѣстнаго Стеньки Разина. Даже въ дѣлахъ церковныхъ произошло въ это царствованіе такое замѣшательство, которому подобнаго передъ тѣмъ никогда не бывало. Объ этомъ нужно сказать нѣсколько словъ.

Въ тѣ времена духовенство наше было очень мало образовано и даже, прямо сказать, мало грамотно; книги церковныя переписывались полуграмотными людьми, и потому въ нихъ вкрались мало по малу грубыя ошибки. Это замѣчали уже и прежде нѣкоторые просвѣщенные люди между духовенствомъ и принимались-было дѣлать исправленія; но либо на людей этихъ смотрѣли какъ на еретиковъ, посягающихъ на святыню, либо они напутывали хуже прежняго. Наконецъ патріархъ Никонъ принялся цѣлымъ соборомъ за исправленіе священныхъ книгъ, собралъ множество древнихъ греческихъ рукописей и довелъ дѣло до конца. Но нашлось не мало людей, которымъ это дѣло показалось богохульствомъ. *Новыя* книги казались имъ подозрительными, и они ихъ отвергли; когда же имъ старались доказать, что именно эти новыя книги

только и правильны, потому что онѣ повѣрены по *самымъ старымъ* книгамъ, то они говорили: если наши прежнія книги не суть святыя книги, то какъ же по нимъ могли спастись святые Филиппъ, Петръ, Алексій и другіе святители русской церкви? Имъ говорили, что крестное знаменіе установлено совершать тремя перстами, а не двумя, какъ ввелось у насъ обычаемъ. Они возражали, что крестясь двумя перстами однакожъ спаслись многіе отцы православной церкви. На это имъ опять возражали исторіей и толкованіями, но они ихъ не хотѣли знать. Досада и ожесточеніе росли съ обѣихъ сторонъ; противъ людей *старой вѣры* начались гоненія: они принимали эти гоненія какъ вѣнецъ мученическій, а народъ, видя ихъ непоколебимую стойкость, вѣрилъ имъ, слушалъ ихъ, и цѣлыя тысячи отступали отъ православія, оставляли города и селенія, уходили въ глухіе лѣса, въ безлюдныя степи, въ отдаленные концы государства, даже вовсе оставляли отечество. Расколъ проникъ въ кругъ людей знатныхъ и богатыхъ, даже въ среду самого духовенства; множество священниковъ оставляли свои церкви и уходили въ раскольничьи скиты; одинъ епископъ отложился отъ православія; царскій духовникъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ раскольниками; они наполнили знаменитую Соловецкую обитель, и за ея стѣнами подняли оружіе противъ Царя, который, говорили они, покровительствуетъ *никоніанцамъ*. Раскольники предсказывали близкій конецъ міру, говорили о пришествіи антихриста и все сильнѣе ожесточались противъ церковной и свѣтской власти, а число ихъ умножалось; къ концу царствованія Алексѣя Михайловича ихъ считали десятками и сотнями тысячъ... И не нашлось тогда ни одного человѣка, который, оставляя споръ о буквахъ и словахъ, объяснилъ бы, что ученіе Христа требуетъ прежде всего братской любви, добрыхъ дѣлъ и чистой совѣсти!

РОССІЯ ПРИ ЦАРѢ ѲЕОДОРѢ.

Наружность царя Ѳеодора. — Одежда нашихъ предковъ. — Вступленіе на престолъ Ѳеодора. — Слухи о проискахъ Матвѣева и Нарышкиныхъ устранить его отъ наслѣдства.—Царица Наталья удаляется отъ двора.—Матвѣевъ отправляется въ ссылку. Новые любимцы. — Царевна Софія; она сближается съ Милославскими, Хованскимъ, Голицынымъ.—Значеніе Голицына при царѣ Ѳеодорѣ; уничтоженіе мѣстничества.—Второй бракъ Царя. — Апраксины и Языковъ. — Царь сближается съ своею мачихой. — Болѣзнь Царя. — Заботы о престолонаслѣдіи; дворъ раздѣляется на двѣ партіи: за Іоанна и за Петра. — Смерть Царя (1682 г.). —Избраніе Петра.—Протестъ царевны Софіи.

До насъ дошло нѣсколько портретовъ Ѳеодора Алексѣевича; къ сожалѣнію, они не похожи между собой и очень мало соотвѣтствуютъ описанію наружности этого государя, оставленному современниками. На портретахъ онъ изображенъ молодымъ человѣкомъ цвѣтущей наружности, между тѣмъ какъ описанія очевидцевъ представляютъ его слабымъ, болѣзненнымъ юношей. Портреты эти, слѣдовательно, не имѣютъ цѣны какъ портреты, но они любопытны тѣмъ, что даютъ вѣрное понятіе объ одеждѣ того времени.

Предки наши вообще носили длинную одежду: короткая казалась имъ неприличною и слишкомъ отступающею отъ изображенія святыхъ отцовъ и отъ обычаевъ старины. Цари являлись народу не иначе какъ осыпанные самоцвѣтными камнями и жемчугами: Алексѣй Михайловичъ изображенъ, напримѣръ, на старыхъ портретахъ въ длинной парчевой одеждѣ выложенной камнями, вышитой жемчугами, формою своею напоминающей діаконскую ризу и называемой *становымъ кафтаномъ*; сверхъ кафтана надѣто у него такъ называемое *ожерелье*,—родъ пелерины, спускающейся почти до половины

други,—которое также все унизано драгоцѣнностями. Почти въ такой же одеждѣ изображена большая часть царей нашихъ, —одеждѣ великолѣпной, но, надо признаться, чрезвычайно неудобной.

Одежда партикулярныхъ людей была и удобнѣе и, кажется даже, красивѣе: удобнѣе уже по одному тому, что не была обременена драгоцѣнностями, очень тяжеловѣсными. Она состояла изъ кафтана атласнаго, или менѣе дорогаго шелковаго, спускавшагося до колѣнъ или немного ниже, подпоясаннаго кушакомъ или ремнемъ съ восточнымъ серебрянымъ наборомъ. Это была одежда соотвѣтствующая нынѣшнему жилету; человѣкъ который не хотѣлъ прослыть невѣжею, не могъ ни явиться куда-нибудь, ни даже принять почетнаго гостя, не надѣвъ сверхъ кафтана *ферязи*,—длинной и широкой одежды изъ шелковой матеріи, атласа или парчи. Выходя на улицу, надо было еще надѣть въ лѣтнее время широкій *охабень* или *однорядку*, а въ зимнее—шубу; мѣха этихъ шубъ были нерѣдко собольи или черные лисьи, а верхи бархатные и даже парчевые. Головной уборъ составляла шапка, почти всегда опушенная мѣхомъ, а у богатыхъ людей украшавшаяся еще перомъ изъ какихъ нибудь драгоцѣнныхъ камней, или нарядн ымъ бѣлымъ султанчикомъ, какъ у Поляковъ. Что касается до обуви, то она состояла изъ высокихъ, до колѣнъ, сафьянныхъ, цвѣтныхъ сапоговъ съ каблуками и иногда съ острыми носками, загнутыми кверху.

Такъ одѣвались наши предки. Все то, что здѣсь описано, а также домашняя утварь, вооруженіе, конская сбруя и т. п., изображены въ превосходномъ изданіи, подъ названіемъ: *Древности Россійскаго государства*, и въ *Историческомъ описаніи одежды и вооруженія россійскихъ войскъ*.

Теперь возвратимся къ тому, что происходило въ Москвѣ послѣ смерти царя Алексѣя.

Москва и Россія цѣловали крестъ Θеодору Алексѣевичу, котораго привыкли уже считать и прежде наслѣдникомъ отцовскаго престола. Поэтому необыкновенно страннымъ показался слухъ, который въ это время началъ распространяться, будто покойный царь, въ послѣдніе дни своей жизни, хотѣлъ передать престолъ, помимо старшаго своего сына, млад-

шему, четырехлѣтнему Петру. Иные говорили, что Алексѣй Михайловичъ, видя болѣзненность старшаго сына своего, боялся, что онъ будетъ недолговѣченъ и скончается не оставивъ прямаго наслѣдника престола, который такимъ образомъ всетаки перейдетъ къ меньшему брату. Но это казалось невѣроятнымъ. Θеодоръ точно былъ юноша очень слабаго здоровья, но въ жизни и смерти воленъ одинъ Богъ, а Петръ, хотя былъ здоровое, прекрасное дитя, но лѣта его были таковы, что за жизнь его было еще едва ли не труднѣе ручаться: извѣстно, что всего чаще дѣти умираютъ до пятилѣтняго возраста. Притомъ измѣнять старинный обычай первородства казалось несообразнымъ безъ особенно важныхъ причинъ, а причинъ этихъ никто не видѣлъ. Наконецъ между Θеодоромъ и Петромъ былъ еще царевичъ Іоаннъ,—отрокъ еще болѣе болѣзненный, правда, чѣмъ его старшій братъ, почти слѣпой и слабый духомъ, но казалось, что и ему могло бы быть обидно, если бы государство было отдано младшему царевичу. Петру оставалось лѣтъ 12 до совершеннаго возраста, слѣдовательно лѣтъ 12 пришлось бы Россіи оставаться подъ опекой бояръ, временщиковъ, *семибоярщины*, которой народъ не отвыкъ еще пугаться.

Такъ разсуждали между собою купцы, гости московскіе, небогатые дворяне, вообще всѣ тѣ, которые знали дворскія дѣла по отдаленнымъ слухамъ. Но тѣ, которые ближе знали все что въ послѣднее время дѣлалось при дворѣ, разсказывали дѣло это иначе: они говорили, что Наталья Кирилловна и Матвѣевъ совершенно овладѣли умомъ Царя, ослабѣвшаго отъ болѣзни, и что они то именно настаивали, и вѣроятно настояли бы, на назначеніи царемъ Петра, еслибы нѣкоторые другіе царедворцы не успѣли удалить царицу въ самую послѣднюю минуту жизни Алексѣя Михайловича. Называли даже одного изъ тѣхъ, которые сильно противились устраненію отъ престола Θеодора Алексѣевича, именно князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, человѣка очень уважаемаго покойнымъ государемъ,—и, надо признаться, это послѣднее извѣстіе гораздо болѣе вѣроятно чѣмъ первое. Оно подтверждается и тѣмъ между прочимъ, что вслѣдъ за вступленіемъ на *престолъ Θеодора,* вдовствующая царица немедленно удали-

лась въ подмосковное село Преображенское, Нарышкины потеряли всякое значеніе и подверглись явной немилости, а одинъ изъ нихъ чуть не лишился головы; Матвѣевъ тоже подвергся опалѣ и не больше какъ черезъ полгода по воцареніи Θеодора Алексѣевича отправленъ былъ въ ссылку въ Пустозерскій *острогъ* (городокъ). Матвѣева обвиняли въ чернокнижіи, въ покушеніи извести Государя и въ лихоимствѣ; одного изъ братьевъ царицы въ томъ, что онъ замышлялъ умертвить Царя и говорилъ объ этомъ. Но если мы откинемъ лихоимство, за которое рѣдко тогда наказывали, и чернокнижіе, которое не имѣетъ для насъ никакого значенія, то останутся одни враждебныя дѣйствія противъ новаго Царя. Это, конечно, и было дѣйствительною причиной паденія Нарышкиныхъ и Матвѣева, заодно съ личною къ нимъ непріязнію партіи Милославскихъ, которую, какъ сказано, они низвергли послѣ кончины царицы Марьи Ильинишны.

Эта партія явилась теперь у престола болѣе могущественною чѣмъ когда-нибудь. Она была сильна родствомъ не только съ Государемъ, но и съ многочисленными царевнами, дочерьми царя Алексѣя отъ перваго брака; а между ними была одна, отличавшаяся большимъ умомъ и характеромъ и имѣвшая вліяніе на царственнаго своего брата: это была царевна Софія Алексѣевна.

Царевенъ и царицъ зналъ народъ только по именамъ, которыя вычитывались на эктеньяхъ, но ни одной изъ нихъ народъ не видалъ и не могъ видѣть. Если онѣ и выѣзжали когда изъ своихъ палатъ, то только въ монастыри, на богомолье, и то въ закрытыхъ каретахъ и колымагахъ, окруженныя стражею, которая не дозволяла народу приближаться. За исключеніемъ этого, онѣ проводили всю жизнь въ своихъ теремахъ, между сѣнными дѣвушками, приживалками, которыя забавляли ихъ городскими сплетнями, да между юродивыми и *блаженными*, которыхъ тогда чествовали, какъ угодныхъ Богу людей. Кромѣ этого, онѣ могли принимать только очень немногихъ старыхъ боярынь, а изъ мужчинъ—своихъ родственниковъ, и то самыхъ близкихъ и пожилыхъ.

Такъ велось искони и почти также было еще при послѣднемъ царѣ. Но Софія Алексѣевна съ ранней молодости

вела себя совершенно особливымъ образомъ. Ее не занимали вышиванья шелками и золотомъ, пустыя бредни полоумныхъ старухъ и пискливыя пѣсни комнатныхъ мастерицъ; она полюбила книги, въ которыхъ разсказывались исторіи о возвышеніи и паденіи царствъ, о громкихъ побѣдахъ, о людяхъ, отличавшихся умомъ и славными дѣлами. Наставникъ царскихъ дѣтей, Симеонъ Полоцкій, давалъ ей такія книги, читалъ ей и свои стихи, свои драмы, и говорятъ что она сама сочиняла драмы. При такомъ складѣ своего ума царевна не очень стѣснялась строгими теремными обычаями и умѣла устроить такъ, что къ ней были допускаемы лица, которыя по настоящему не должны бы были имѣть доступъ къ царевнамъ. Свойственникъ ея по матери Иванъ Богдановичъ Милославскій,— человѣкъ умный, и его родственникъ и однофамилецъ Иванъ Михайловичъ и князь Иванъ Хованскій навѣщали ее. Они разсказывали ей о дѣлахъ государственныхъ, о своей службѣ на отдаленныхъ украинахъ (*), о битвахъ своихъ съ Поляками и Татарами, о народахъ населяющихъ Россію и о томъ, какъ живутъ и управляются эти народы, а также народы состоящіе подъ державою другихъ государей. Сѣдые бояре дивились, что эта молодая дѣвица всѣмъ интересуется, многое знаетъ, и нерѣдко останавливались въ недоумѣніи передъ ея вопросами, не находясь какъ и что на нихъ отвѣчать.

Въ это время находился во всей Россіи можетъ-быть одинъ только человѣкъ, котораго просвѣщенный умъ могъ стать въ уровень съ любознательностью царевны: это былъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

Человѣкъ этотъ игралъ въ свое время важную роль, а потому надо познакомиться съ нимъ покороче. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которые, подобно Матвѣеву, Симеону Полоцкому и нѣкоторымъ другимъ, не только безъ отвращенія смотрѣли на иноземцевъ, но замѣчая, что западные народы далеко опередили насъ и въ благосостояніи и въ просвѣщеніи, старались ближе съ ними познакомиться и научиться отъ нихъ. Зная нѣсколько иностранныхъ язы-

---

(*) Украинами вообще назывались пограничныя области.

ковъ, онъ имѣлъ къ тому всѣ средства. Ближе другихъ странъ онъ познакомился съ Польшей, въ которой хоть и начинались уже тогда неустройства бывшія причиною ея паденія, но которая однакожь блистала прежнею своею славой и между всѣми государствами Европы отличалась свободою, предоставленною ея дворянству. Усердные хранители старинныхъ преданій ставили Голицыну въ укоръ его вниманіе къ иноземному, порицали польскій покрой его платья, любовь его къ чтенію латинскихъ книгъ и частыя его бесѣды съ Нѣмцами и Поляками. Но молодой Царь, ученикъ Полоцкаго, былъ самъ человѣкъ новаго времени; онъ отличилъ Голицына въ толпѣ своихъ царедворцевъ, приблизилъ его къ себѣ и скоро замѣтилъ въ немъ большой государственный умъ. Такой помощникъ былъ находкою для умнаго, образованнаго, но болѣзненнаго Θеодора. Видя, что нѣкоторыя изъ войнъ веденныхъ отцомъ его и имъ самимъ, были неуспѣшны, онъ сталъ, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ, обдумывать, какія бы тому могли быть причины, и отыскивая эти причины, они дошли до вопроса о *мѣстничествѣ*.

Каждый свободный человѣкъ былъ обязанъ въ то время, о которомъ здѣсь говорится, служить, а служа, онъ занималъ извѣстное *мѣсто* въ чиновной лѣстницѣ, то есть былъ бояриномъ, окольничимъ, головою и т. п. По стариннымъ понятіямъ, *честь*, заслуженная отцомъ, переходила къ сыну; а потому предки наши, проходя военную, гражданскую или придворную службу, считались между собою „мѣстами," которыя занимали ихъ отцы и дѣды. Такимъ образомъ человѣку, котораго отецъ былъ бояриномъ, „не доводилось" становиться подъ команду человѣка, котораго отецъ былъ только окольничимъ, или идти позади его въ какой-нибудь процессіи, или садиться ниже его за царскимъ столомъ. Это соблюдалось съ необыкновенною строгостью; изъ-за мѣстъ происходили драки даже въ царскихъ палатахъ, изъ-за мѣстъ воеводы покидали рать въ виду непріятеля. Цари наши, при всемъ ихъ самовластіи, не могли истребить мѣстничества, съ которымъ связывался для Русскаго человѣка вопросъ личнаго самолюбія и чести всего его рода. И вотъ этотъ-то старинный обычай задумали уничтожить Θеодоръ Алексѣевичъ и его молодой любимецъ.

и что тогда все пойдетъ изъ рукъ вонъ дурно,—по крайней мѣрѣ для нихъ, Милославскихъ и ихъ друзей. И здѣсь, точно также, не принималъ въ этихъ толкахъ участія именно тотъ, чье имя выставлялось впередъ: царевичъ Іоаннъ сидѣлъ въ свѣтлицѣ, печально опустя къ землѣ свои мутные, слабые глаза, и не заботился нисколько о всемъ томъ, что вокругъ него происходило.

А царь Θеодоръ? Онъ скоро послѣ свадьбы слегъ въ постель, и около этой-то постели сильнѣе всего кипѣли толки, происки. Молодая царица и царевна Софія не отходили отъ больнаго; но первая вся предана была своей горести: передъ нею раскрывалась унылая будущность нескончаемаго вдовства, печальнаго уединенія въ пышномъ теремѣ; царевна Софія, напротивъ, старалась воспользоваться короткими минутами, остававшимися еще ея брату, чтобъ открыть для себя дорогу къ значенію и власти, о которыхъ она давно мечтала. Для этого ей было нужно, чтобъ Царь назначилъ по себѣ преемникомъ Іоанна: она вполнѣ была увѣрена, что будетъ управлять его именемъ.

Но было еще и третье лицо не отходившее отъ изголовья умиравшаго Государя, а именно любимецъ его Языковъ. Начавъ дѣйствовать въ пользу Петра, онъ употреблялъ всевозможныя старанія, чтобъ меньшой царевичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола: при немъ онъ могъ надѣяться быть если не первымъ лицомъ, то хоть изъ первыхъ.

Θеодоръ Алекѣевичъ колебался между этими двумя вліяніями и не дѣлалъ никакого распоряженія. И вотъ 27-го апрѣля, часа въ 4 пополудни, когда весеннее солнце играло на золоченыхъ главахъ кремлевскихъ соборовъ и молодая зелень начинала одѣвать сады, которыми Москва богата, опять раздался протяжный, печалный звонъ колокола: это значило, что Царь закрылъ глаза на вѣки. Народъ повалилъ къ Кремлю; царедворцы, бояре, служилые люди, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ тяжелой колымагѣ, спѣшили туда же. Площадь передъ Грановитою палатой была залита народомъ; по Красному крыльцу (*) торопливо, съ озабоченнымъ видомъ,

(*) *Краснымъ крыльцомъ* называется то крыльцо, которое съ площади пе-

всходили сановные люди. Скоро потомъ дьякъ объявилъ народу, что всѣ, кто желаетъ, могутъ дать усопшему послѣднее цѣлованіе. Народъ хлынулъ во дворецъ, но безъ шума, съ тѣмъ благоговѣніемъ и трепетомъ, которые невольно ощущаются при видѣ свѣже-похищенной смертію жертвы.

Сожалѣніе о молодомъ, добромъ и умномъ государѣ смѣшивалось съ безпокойствомъ; кто будетъ править царствомъ? спрашивали одни у другихъ. Многіе, знавшіе колебанія покойнаго царя относительно назначенія себѣ преемника, боялись, чтобъ не произошло безпорядковъ, такъ что иные надѣли панцыри и кольчуги подъ кафтаны, отправляясь во дворецъ.

Бо́льшая часть знатныхъ людей: Одоевскіе, Черкасскіе, Долгоруковы, Ромодановскіе, Троекуровы, Репнины, желали видѣть царемъ Петра; патріархъ, — имъ былъ въ то время престарѣлый Іоакимъ,—тоже склонялся на его сторону, любя набожную, щедрую къ монастырямъ Наталью Кирилловну. Сторонниковъ Іоанна было гораздо меньше. Тѣ и другіе, собравшись въ передней палатѣ, шепотомъ, но горячо разговаривали между собою, когда дверь распахнулась и въ тѣсно наполненную палату вступилъ патріархъ съ духовенствомъ. Благославивъ присутствовавшихъ, онъ сказалъ: „Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ отошелъ въ вѣчное блаженство. Чадъ по немъ не осталось, но остались братья его, царевичи Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи. Царевичъ Іоаннъ шестнадцатилѣтенъ, но одержимъ скорбію (болѣзнію) глазъ и слабъ здоровьемъ; царевичъ же Петръ девятилѣтенъ. Изъ сихъ двухъ братьевъ кто будетъ наслѣдникомъ престола россійскаго? Единый или оба будутъ царствовать? Спрашиваю и требую, чтобъ сказали истину по совѣсти, какъ предъ престоломъ Божіимъ; кто же изречетъ по страсти, да будетъ тому жребій измѣнника Іуды!“

Выслушавъ эти слова въ глубокомъ молчаніи, собраніе заговорило все вдругъ, голоса сливались и покрывались одинъ другимъ; но наконецъ, поверхъ смутнаго говора, послышался совѣтъ отдать это важное дѣло на рѣшеніе всему православному народу.

редъ Грановитою палатой ведетъ въ Святыя сѣни, и оттуда въ Грановитую палату и во внутренность дворца; верхняя площадка этого крыльца соединяетъ Святыя сѣни съ Благовѣщенскимъ соборомъ.

Совѣтъ былъ благоразумный; только гдѣ было взять *весь* православный народъ? У Краснаго крыльца толпилась только Москва, а не вся Россія. Однако это не было принято во вниманіе, и патріархъ, съ крестомъ въ рукѣ, духовенство съ хоругвями, и царедворцы, бояре и другіе чиновные люди выступили на верхнюю площадку Краснаго крыльца. При видѣ ихъ, смутный говоръ многочисленной толпы смолкнулъ, головы обнажились, и посреди глубокаго безмолвія первосвятитель произнесъ торжественный вопросъ: „Кому изъ двухъ царевичей быть царемъ всея Россіи? Да объявятъ о томъ свое единодушное рѣшеніе.“

И тысячи голосовъ отвѣтили на это именемъ Петра.

Патріархъ благословилъ народъ и, возвратясь въ палаты, объявилъ народное рѣшеніе, а діаконъ возгласилъ многолѣтіе новому Государю.

Это было великимъ торжествомъ для Нарышкинской партіи и жестокимъ ударомъ для Милославскихъ. Царевны, по тогдашнему обычаю, при избраніи не присутствовали; Софія Алексѣевна, окруженная своими сестрами и тетками, съ мучительнымъ безпокойствомъ ожидала, чѣмъ окончится избраніе. Явился патріархъ и объявилъ о немъ.

— Избраніе это не право! воскликнула пылкая царевна:—Петръ еще юнъ и неразуменъ, Іоаннъ же совершеннолѣтенъ: онъ долженъ быть царемъ!

Кровь ея кипѣла; она требовала, чтобы незаконное, по ея мнѣнію, избраніе было уничтожено, или чтобъ оба брата царствовали.

— Многоначаліе пагубно, возразилъ святитель:—да будетъ единъ царь: такъ угодно Богу.

Скоро однакоже Софія Алексѣевна овладѣла собою и вмѣстѣ съ прочими царевнами поспѣшила поздравить Государя.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА.

I.

Нарышкины призываютъ Матвѣева. — Они захватываютъ важнѣйшія должности. — Стрѣльцы; ихъ неудовольствіе противъ своихъ полковниковъ; ихъ челобитная. — Опрометчивое рѣшеніе по ней. — Царевна Софія и ея приближенные. — Они искусно возбуждаютъ между стрѣльцами неудовольствіе. — Начало волненій въ стрѣлецкихъ слободахъ. — Возвращеніе Матвѣева въ Москву. — 15 мая (1682): А. Милославскій и Толстой увѣряютъ стрѣльцовъ, что царевичъ Іоаннъ лишенъ жизни Нарышкиными. Стрѣльцы врываются въ Кремль, Матвѣевъ ихъ успокоиваетъ. Долгоруковъ снова раздражаетъ ихъ. Убійства. Смерть князя Ю. Долгорукова. — 16 мая; случай съ датскимъ резидентомъ. — 17 мая; умерщвленіе И. Нарышкина и Гадена. Стрѣльцы успокоиваются. — Арабъ Матвѣева. — Царевна пріобрѣтаетъ господствующее значеніе. — Стрѣльцы требуютъ, чтобъ царевичъ Іоаннъ соцарствовалъ Петру, а царевна была правительницею. — Вѣнчаніе царей.

Велика была досада царевны Софіи и ея злоба противъ Языкова, Нарышкиныхъ и царицы, ея мачихи, къ которой, какъ сказано, она и прежде не была въ добрыхъ отношеніяхъ. Ея родственники, друзья, совѣтники собрались къ ней подумать, что́ и какъ дѣлать? Всѣ они были того мнѣнія, что одна Москва не имѣла права рѣшить дѣла, касавшагося цѣлой Россіи, и что, слѣдовательно, избраніе было неправильно; они говорили, что имя Петра было произнесено вовсе не такъ единогласно, какъ увѣряли ихъ противники, и что много было голосовъ за Іоанна. Но какъ теперь перевершить избраніе? Вотъ вопросъ. Рѣшились ждать благопріятнаго случая, а между тѣмъ распространять, сколько можно, мысль о томъ, что царевичъ Іоаннъ неправильно устраненъ отъ престола, и раздражать народъ противъ Нарышкиныхъ.

Между тѣмъ, какъ только Петръ былъ избранъ, Нарышкины послали нарочнаго гонца къ Матвѣеву, чтобъ онъ спѣ-

шилъ въ Москву; онъ былъ первый человѣкъ между ними: умный, осторожный, опытный въ дѣлахъ правительственныхъ. Матвѣевъ поднялся въ путь, но ѣхалъ довольно медленно: останавливался по дорогѣ въ монастыряхъ, отдыхалъ, выслушивалъ привѣтственныя рѣчи, служилъ молебствія. Правда, поѣздка его имѣла видъ торжественнаго шествія: этимъ труіумфомъ онъ вознаграждалъ себя за печальные годы изгнанія; но за то онъ потерялъ много времени и прибылъ въ Москву только 12-го мая, а въ эти 15 дней со смерти покойнаго царя, въ Москвѣ очень многое измѣнилось и неудовольствіе противъ новаго правительства имѣло время сильно распространиться. Нарышкины захватили себѣ почетнѣйшія должности при дворѣ; высокомѣріе ихъ раздражило уже многихъ изъ значительнѣйшихъ людей, и главное, они успѣли показать свою неспособность къ правленію.

Это обнаружилось по поводу стрѣлецкихъ жалобъ. Въ другое время можно будетъ подробнѣе разсказать, какъ образовались и управлялись стрѣльцы; теперь довольно знать, что они составляли самую стройную часть тогдашняго нашего войска, но управлялись очень худо, что ихъ полковники и другіе начальные люди притѣсняли ихъ, дурно съ ними обращались, заставляли на себя работать, не отпускали слѣдующихъ имъ денегъ и жестоко мучили ихъ, когда они жаловались. При Ѳеодорѣ стрѣлецкимъ приказомъ управляли князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ и Языковъ. Первый былъ слишкомъ старъ, чтобы хорошенько заниматься своимъ дѣломъ; онъ былъ восьмидесятилѣтній старецъ и лежалъ въ параличѣ; что же касается до Языкова, то онъ почти не отходилъ отъ царя, слѣдовательно ему не было времени вникнуть, какъ управляются стрѣлецкіе полки. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда до него доходили жалобы стрѣльцовъ на чинимыя имъ притѣсненія, онъ не принималъ никакихъ мѣръ. Такъ и теперь; за нѣсколько дней передъ смертію Ѳеодора Алексѣевича до него дошла одна такая жалоба; до того ли было ему, чтобы разбирать, кто правъ, кто виноватъ? Онъ приказалъ жестоко наказать жалобщиковъ и поспѣшилъ къ постели умиравшаго государя.

Однако его распоряженіе причинило чуть не мятежъ,

между стрѣльцами: они избили дьяка, которому было поручено учинить наказаніе, и сердито волновались въ своихъ слободахъ, жалуясь, что не могутъ найдти ни суда, ни расправы. Когда же вступилъ на престолъ Петръ, выборные почти отъ всѣхъ полковъ явились къ нему съ жалобами на притѣсненія своихъ полковниковъ. Совѣтники молодаго Царя понимали, что раздражать войско въ то время, какъ ихъ власть еще не прочно утвердилась, опасно, и, не задумаваясь долго, приказали *выдать головою* (*) этихъ полковниковъ стрѣльцамъ. Они не разочли только одного,—что лишь правый судъ, а не потворство, могъ успокоить стрѣльцовъ. Стрѣльцы, получивъ царскій указъ, схватили своихъ полковниковъ и начали истязать ихъ самымъ мучительнымъ образомъ, и это продолжалось нѣсколько дней; продолжалось бы конечно и болѣе, еслибы патріархъ не прислалъ священниковъ уговорить и усовѣстить ихъ.

Это показало царевнѣ Софіи и ея друзьямъ, что ихъ противники люди посредственные, даже меньше чѣмъ посредственные, и что съ ними можно бороться. Это доказало также, что немного нужно было усилій, чтобы раздуть мятежъ въ Москвѣ, и они рѣшились воспользоваться волненіемъ стрѣлецкаго войска.

Но кто же были эти друзья царевны, которые помогали ей въ этомъ случаѣ? Безъ сомнѣнія, первымъ ея совѣтникомъ былъ Голицынъ; но онъ былъ человѣкъ очень осторожный и нѣсколько нерѣшительный, такъ что объ его участіи въ различныхъ происках царевны можно только догадываться; въ настоящихъ же обстоятельствахъ онъ держался совершенно въ сторонѣ, въ тѣни. Другой повѣренный царевны былъ князь Иванъ Хованскій; но это былъ человѣкъ пустой и чрезмѣрно тщеславный, который никогда и ни въ чемъ не хотѣлъ видѣть затрудненій, и воображалъ, что все должно само собою сдѣлаться, лишь только онъ того пожелаетъ. Поэтому, въ дѣлѣ, гдѣ нужны были осторожчость и исскуство, онъ не

(*) Выдать головою значило отдать жалобщику виноватаго для нак по его *усмотрѣнію*.

могъ быть полезенъ. По счастію для царевны, у нея былъ Иванъ Михайловичъ Милославскій, а онъ въ настоящемъ случаѣ одинъ стоилъ многихъ. Рысьими своими глазками онъ все видѣлъ; слышалъ все, вѣдалъ все; не зналъ ни отдыха, ни покоя, не гнушался ничьей услугой, лишь бы она была полезна, не останавливался ни предъ какою мѣрой, лишь бы она вела къ цѣли. Въ нѣсколько дней онъ сблизился съ вліятельнѣйшими людьми въ стрѣлецкомъ войскѣ и чрезъ нихъ успѣлъ распространить между стрѣльцами сомнѣніе въ справедливости Петрова избранія и подозрѣніе въ замыслахъ Нарышкиныхъ на самую жизнь Іоанна. Эти злодѣи, внушалъ онъ имъ, устранивъ беззаконнымъ образомъ старшаго царевича отъ престола, и боясь чтобъ его мщеніе когда-нибудь не постигло ихъ, теперь думаютъ только, какъ бы его извести.

Сказки эти имѣли видъ правдоподобія и быстро распространялись между стрѣльцами; онѣ распространялись тѣмъ сильнѣе, что почти никто не зналъ откуда онѣ вышли. Милославскій притворялся больнымъ, сидѣлъ дома, и только по ночамъ принималъ своихъ повѣренныхъ изъ числа стрѣлецкихъ начальниковъ, между которыми достаточно назвать одного Цыклера, игравшаго роль и въ послѣдствіи. Ему помогали еще родственники его, Александръ Милославскій и Толстые, Иванъ и Петръ, тогда еще молодые люди, незначительные, но расторопные, ловкіе, умные, особенно послѣдній, которому удалось не только увернуться отъ наказанія, когда Петрова сторона одолѣла, нѣсколько лѣтъ спустя, но сдѣлаться даже однимъ изъ любимцевъ Петра I.

Внушенія Милославскаго сильно смущали стрѣльцовъ. Они собирались въ *круги* (*) по казачьему обычаю, совѣщались между собою, ругали Нарышкиныхъ, печалились за царевича Іоанна. Если кто изъ ихъ начальниковъ пробовалъ ихъ унимать или запрещалъ имъ собираться, того они не только били, но и убивали: втаскивали на высокія каланчи своихъ *съѣзжихъ избъ* (**) и съ размаху оттуда сбрасывали.

(*) *Круги* у донскихъ, *рады* у малороссійскихъ казаковъ, и *міры* у великороссійскихъ крестьянъ, все это разныя названія поголовной сходки для рѣшенія общихъ дѣлъ.

(**) *То же самое*, что полковые дворы въ нынѣшнихъ полкахъ.

Нарышкины все это терпѣли, боясь раздражать стрѣльцовъ. А между тѣмъ вся Москва была въ страхѣ и безпокойствѣ отъ этихъ стрѣльцовъ: они бродили по городу пьяными ватагами, съ пѣснями, криками и угрозами; ночью никто не смѣлъ выходить на улицу; ставни и ворота, какъ только они показывались, поспѣшно запирались. Въ слободахъ, гдѣ они жили, лилось вино, безъ всякаго приказа и повода гремѣли барабаны и раздавался набатный колоколъ.

Въ это время пріѣхалъ въ Москву Матвѣевъ. Дворъ его поросъ травою во время его долгаго отсутствія, но скоро колымаги и рыдваны, верховые кони и толпы слугъ наполнили этотъ дворъ; покои едва могли вмѣщать посѣтителей, спѣшившихъ привѣтствовать знаменитаго изгнанника, который теперь дѣлался первымъ человѣкомъ въ государствѣ. Царица встрѣтила его со слезами, и онъ плакалъ, цѣлуя руки ея и ея сына.

Матвѣевъ пріѣхалъ въ трудное время; происки царевниной партіи не были ни для кого тайною; всѣ ожидали большихъ безпорядковъ; надо было немедленно сдѣлать быстрыя распоряженія: увезти царскую фамилію изъ Москвы, собрать вокругъ нея надежныхъ защитниковъ и унять буйство стрѣльцовъ. Къ сожалѣнію, Матвѣевъ не былъ такимъ человѣкомъ, какой былъ нуженъ въ подобное время, то-есть, энергическимъ, смѣлымъ и быстрымъ. Два дня прошло со времени его прибытія, а никакихъ мѣръ не предпринималось; на третій же день было уже поздно.

15-го мая, рано утромъ, въ стрѣлецкія слободы прискакали Толстые и Александръ Милославскій, крича, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. Грянули барабаны, загудѣли набатные колокола; стрѣльцы сбѣгались со всѣхъ сторонъ къ полковымъ своимъ дворамъ. Тамъ на бойкихъ *аргамакахъ* извивались коварные вѣстники и разжигали стрѣльцовъ. „Злодѣи Нарышкины,“ говорили они, „выбрали тотъ самый день, когда была такими же злодѣями пролита кровь святаго царевича Димитрія.“

И въ самомъ дѣлѣ, 15-го мая празднуется память этого святаго страдальца.

Не разсуждая долго и уже издавна подготовленные

стрѣльцы [illegible] въ Кремль, крича: „изведемъ всѣхъ измѣнниковъ царскаго рода!“

Въ это время во дворцѣ было много сановниковъ, собравшихся для засѣданія въ думѣ *); былъ тамъ и Матвѣевъ; ничего не подозрѣвая, онъ собирался ѣхать домой, когда къ нему изъ передовыхъ князь Урусовъ, блѣдный и разстроенный, прибѣжалъ, крича, что стрѣльцы съ оружіемъ и пушками прибѣгали уже въ Кремль. Всѣ страшно всполошились. Приказали поскорѣе запереть кремлевскія ворота, но уже было поздно: толпы стрѣльцовъ, какъ волны, хлынули въ Спасскія, Никольскія, Боровицкія ворота; въ одну минуту они наводнили весь Кремль, и бердыши и копья ихъ засверкали подъ самыми окнами Грановитой палаты. Они требовали, чтобъ имъ выдали убійцъ царевича Іоанна; „если не выдадутъ ихъ“, кричали они, „всѣхъ перебьемъ!“

Матвѣевъ тотчасъ сообразилъ, что самое лучшее средство унять стрѣльцовъ, это показать имъ царевича Іоанна. Послушались его. Царь Петръ, царевичъ Іоаннъ, царица Наталья Кирилловна, нѣкоторыя изъ царевенъ и за ними множество царедворцевъ и бояръ вышли на верхнюю площадку Краснаго крыльца. Царица робко прижимала къ себѣ маленькаго Царя, но онъ бойко озирался своими большими, умными, черными глазами; Іоаннъ, напротивъ того, надвинувъ шапку на брови, стоялъ, потупивъ взоры и опустивъ голову. Стрѣльцы приумолкли, видя обоихъ ихъ здравствующими, но не надолго. Насъ обманываютъ, стали поговаривать нѣкоторые: это не царевичъ Іоаннъ; кого-нибудь другаго вмѣсто него подставили. И взбѣгая на крыльцо, они подходили къ нему, вглядывались въ него и спрашивали: „ты ли царевичъ Іоаннъ, и кто изъ бояръ-измѣнниковъ изводитъ тебя?“

Разумѣется, царевичъ отвѣчалъ такъ, что подозрѣвать было нечего и некого. Стрѣльцы немножко успокоились. Тогда спустился съ крыльца Матвѣевъ: этотъ умный и всегда осторожный старикъ сталъ говорить стрѣльцамъ тихимъ голо-

*) Дума—совѣтъ государя, въ которомъ обсуждались важнѣйшія дѣла.

сомъ, съ кроткимъ видомъ, что ихъ обманули, что они сами видятъ, что царевичъ Іоаннъ здравствуетъ, что обоихъ братьевъ соблюдаютъ приставленные къ нимъ бояре, какъ зѣницу ока, и убѣждалъ разойдтись по домамъ, оставивъ мятежное дѣло. Эти разсудительныя, кроткія слова, почтенная наружность Матвѣева, нѣсколько похудѣвшее отъ лѣтъ и страданій лицо, съ длинною, сѣдою бородой и серебряными волосами, память о прежней къ нему любви и о ратной его службѣ подѣйствовали на стрѣльцовъ: они стали переглядываться, пятиться и, кажется, готовы были расходиться. На бѣду, когда Матвѣевъ взошелъ опять наверхъ, вздумалъ помочь ему князь Михайло Долгоруковъ, сынъ князя Юрія, недавно назначенный въ стрѣлецкій приказъ вмѣсто Языкова; онъ тоже обратился къ стрѣльцамъ, но заговорилъ грознымъ голосомъ, прикрикнулъ, сталъ грозить,—и испортилъ все дѣло: стрѣльцы вспыхнули, кинулись наверхъ, схватили Долгорукова и сбросили на копья своихъ товарищей.

Первая капля крови была пролита: полились ея и потоки. За Долгоруковымъ полетѣлъ внизъ и Матвѣевъ. Царица кинулась было къ нему, чтобъ защитить его; одинъ изъ старыхъ его друзей, князь Черкасскій, прикрылъ его собою: ничто не помогло; въ одну минуту онъ былъ исколотъ копьями, изрубленъ бердышами (*). Царица съ сыномъ, царевна, царевичъ съ ужасомъ бросились во дворецъ: стрѣльцы за ними; наклонивъ копья, они бѣгали изъ одного покоя въ другой, требуя Нарышкиныхъ; искали ихъ вездѣ: въ теремахъ царевенъ, въ молельняхъ и храмахъ дворцовыхъ, въ кладовыхъ, въ погребахъ. Въ слѣпомъ своемъ изступленіи, они убивали одного вмѣсто другаго: такъ изрубили они Солтыкова, принявъ его за брата царицы. Но это не спасло Нарышкина: онъ былъ отысканъ и изрубленъ въ куски.

Пока однѣ толпы неистовствовали во дворцѣ, другія разсыпались по всему городу, избивали бояръ, противъ которыхъ они были ожесточены, и своихъ начальниковъ, на которыхъ давно злобились. Такъ былъ убитъ старый воевода Ѳе

(*) Родъ топора на длинномъ древкѣ.

Алексѣевича, князь Ромодановскій, нѣсколько стрѣлецкихъ полковниковъ и дьяковъ стрѣлецкаго приказа. Въ Замоскворѣчьѣ убили они одного изъ Нарышкиныхъ, дальняго родственника царицы, стольника,—человѣка слѣдовательно незначительнаго и который едва ли могъ сдѣлать имъ какое-нибудь зло. Тогда же погибъ и Языковъ, любимецъ покойнаго царя, бывшій начальникъ стрѣлецкаго приказа, и еще нѣкоторые другіе.

День сталъ клониться къ вечеру; стрѣльцы начинали расходиться по своимъ слободамъ. Одна толпа проходила мимо дома князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, отца того, чья кровь была пролита первою въ этотъ день. Это былъ нѣкогда бодрый воевода, одинъ изъ любимцевъ Алексѣя Михайловича, тотъ самый, который сокрушилъ нѣкогда Стеньку Разина и отстоялъ право Ѳеодора на престолъ. Стрѣльцы вошли къ нему и стали извиняться въ смерти его сына. Старикъ, скрывъ и свое горе, и свое негодованіе, отпустилъ ихъ съ миромъ и даже приказалъ выкатить имъ бочку вина; но оставшись одинъ, онъ воскликнулъ съ злобою: „добро, щуку они съѣли, но зубы ея осостались,“ — намекая на то, что найдутся мстители за смерть его сына. Слова эти были переданы стрѣльцамъ. Они вспыхнули, вломились въ спальню стараго князя, вытащили его на дворъ и изрубили въ куски.

Этимъ окончился кровавый день 15-го мая. Всю ночь въ стрѣлецкихъ слободахъ гремѣли пѣсни, горѣли веселые огни; за то городъ былъ теменъ и тихъ, какъ могила; окна были наглухо заперты, улицы безлюдны; только раздавалось завываніе собакъ да оклики карауловъ, разставленныхъ стрѣльцами въ Кремлѣ и въ другихъ мѣстахъ, чтобъ кто-нибудь изъ обреченныхъ на смерть не могъ пробраться за городъ.

На слѣдующій день опять загремѣли у стрѣльцовъ барабаны, раздался звонъ набата, и буйныя толпы явились въ Кремль, требуя выдачи Нарышкиныхъ; стрѣльцы были увѣрены, что они спрятаны гдѣ-нибудь во дворцѣ, и опять принялись вездѣ шарить и все перерывать. Въ самомъ дѣлѣ, оставшіеся въ живыхъ братья царицы, отецъ ея и молодой Матвѣевъ скрывались все это время то въ покояхъ у вдовы царя Ѳеодора, то у маленькой царевны Натальи Алексѣевны,

то въ какомъ-нибудь темномъ чуланѣ, между перинами и прочимъ хламомъ: они слышали шаги своихъ враговъ, ихъ голоса; слышали свои имена, произносимыя съ страшными угрозами, и ежеминутно ожидали смерти.

Въ тотъ день однакожъ совершилось меньше убійствъ, чѣмъ въ предшествовавшій. Замѣчателенъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Стрѣльцы были необыкновенно ожесточены противъ лѣкаря покойнаго государя, перекрещеннаго еврея фонъ-Гадена, про котораго была распущена молва, что онъ отравилъ царя; не миновать бы ему смерти, еслибъ онъ не успѣлъ уйдти изъ Москвы; его вездѣ искали, перерыли весь его домъ, допрашивали сосѣдей, и наконецъ ворвались къ резиденту Датскаго короля, про котораго думали, что онъ знаетъ куда скрылся Гаденъ. Резидентъ, какъ и посланникъ, представляетъ лицо своего государя; поэтому онъ самъ и его домъ считаются неприкосновенными; но стрѣльцы на это не посмотрѣли, да и не знали этого; они схватили его и повели въ Кремль, чтобъ допытать отъ него истину. Резидентъ, видно, былъ находчивый человѣкъ; онъ не сопротивлялся, не толковалъ имъ о своей неприкосновенности,—чего они, конечно, не могли понять,—но сѣлъ на лошадь очень спокойно, ѣхалъ со стрѣльцами, разговорился съ ними и просилъ только защитить его отъ другихъ шаекъ, которыя, не зная его, могли бы его оскорбить и даже убить. Стрѣльцы взялись охранять его; и въ самомъ дѣлѣ, когда съ ними встрѣчались другія толпы и, видя иностранца и принимая его за Гадена, готовы были на него броситься, стрѣльцы, сопровождавшіе резидента, говорили: „не трогайте, это посолъ ѣдетъ къ Царю съ грамотой", и такимъ образомъ благополучно доставили его въ Кремль, откуда онъ былъ, разумѣется, немедленно отпущенъ домой.

Стрѣльцы разошлись по домамъ довольно рано, объявивъ, что возвратятся на другой день, и что если тогда не будетъ имъ выданъ Иванъ Нарышкинъ, то достанется и правымъ, и виноватымъ. На прочихъ Нарышкиныхъ они не такъ злобились, какъ на Ивана, и соглашались удовольствовать[illegible] ніемъ ихъ отъ двора. Пользуясь этимъ, братья цар[illegible] лодой Матвѣевъ пробрались ночью изъ дворца, [illegible]

впрочемъ и трепеща, чтобъ не встрѣтиться съ какою нибудь пьяною ватагой стрѣльцовъ.

17-го мая рано утромъ стрѣльцы снова явились въ Кремль, и видъ ихъ не предвѣщалъ добраго. Они объявили, что не выйдутъ, пока не получатъ головы Ивана Нарышкина. Что было дѣлать? Бояре и царедворцы совершенно потеряли голову отъ двухдневнаго безпрерывнаго страха и тревоги. Они боялись и за семейство царское, и за себя собственно; у одного изъ нихъ, князя Якова Никитича Одоевскаго, любимца Алексѣя Михайловича, поворотился языкъ сказать царицѣ, чтобъ она выдала брата своего. „Сколько вамъ, государыня", сказалъ онъ, „брата ни жалѣть, отдать его нужно будетъ; а тебѣ, Ивану, скорѣе отсюда идти надобно, чѣмъ намъ всѣмъ погубленнымъ быть!"

Видя, что и старые друзья ея супруга оставляютъ ее, царица зарыдала и, по совѣту Софьи Алексѣевны, отвела брата въ церковь Нерукотвореннаго Спаса, надѣясь, что въ этой священной обители злодѣи не рѣшатся его тронуть. Однако это не спасло его: стрѣльцы вломились туда „какъ львы рыкающіе", говоритъ Матвѣевъ-сынъ въ своихъ *Запискахъ*, схватили его и поволокли въ *застѣнокъ* (*). Туда же привели несчастнаго доктора Гадена, который два дня бродилъ по окрестностямъ Москвы, но наконецъ принужденъ былъ голодомъ возвратиться въ Нѣмецкую слободу, гдѣ и былъ схваченъ. Его и Ивана Нарышкина жестоко мучили, а потомъ вытащили на Красную площадь и изсѣкли бердышами.

Это были послѣднія двѣ жертвы. Замучивъ ихъ, стрѣльцы говорили: „дай Богъ здоровья Царю-государю! Теперь мы довольны!" Всего погибло въ эти несчастные дни 65 человѣкъ. Страданія и смерть нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ будто веселили ихъ мучителей. Таща ихъ на убіеніе, они кричали, какъ свидѣтельствуетъ одинъ современникъ: „се князь Долгорукій ѣдетъ! Се бояринъ Матвѣевъ!" Особенно-злымъ мученіямъ они предавали нѣкоторыхъ изъ своихъ полковниковъ и дьяковъ стрѣлецкаго приказа; при этомъ они пьянствовали, неистов-

(*) Мѣсто, гдѣ производились пытки.

ствовали. Но грабить, и особенно воровать никто не смѣлъ: нѣсколькимъ человѣкамъ пойманнымъ въ кражѣ, сами стрѣльцы отрубили головы.

Между тѣмъ тѣла убитыхъ валялись въ разныхъ мѣстахъ, и въ особенности на Красной площади, распространяя вокругъ себя нестерпимый смрадъ; стрѣлецкій караулъ стоялъ на этой площади и не позволялъ родственникамъ несчастныхъ подходить къ нимъ и убирать трупы. Да рѣдко кто и рѣшался выразить свое участіе къ тѣмъ, которыхъ постигла ненависть стрѣльцовъ; даже братья, жены, дочери убитыхъ оплакивали ихъ въ домахъ своихъ, крѣпко затворивъ двери, чтобъ кто-нибудь не увидѣлъ ихъ слезъ.

Но чего не смѣли сдѣлать жены и дочери для своихъ мужей и отцовъ, то сдѣлалъ рабъ для своего господина. Выкрещенный арабъ Матвѣева, по имени Иванъ, прошелъ между стрѣлецкими караулами, отыскалъ трупъ Артамона Сергѣевича, отнесъ его на своихъ плечахъ и предалъ землѣ въ оградѣ Никольской (на Столбахъ) церкви. Въ послѣдствіи надъ этимъ мѣстомъ поставлена была часовня, существующая и до сего времени, и вѣрный рабъ покоится въ ней рядомъ съ своимъ господиномъ.

Стрѣльцы между тѣмъ перестали убивать и угрожать, но не перестали бродить по городу; они являлись съ ранняго утра на Красную площадь, къ окнамъ Грановитой палаты, бродили, толкались; одна толпа уходила, другая являлась на ея мѣсто. Все это поддерживало безпокойство въ городѣ и держало правительство въ страхѣ, потому что стрѣльцы то жаловались, что имъ не додано жалованье за прежніе годы, то просили себѣ наградъ за вѣрную службу. Въ этихъ случаяхъ Софья Алексѣевна требовала къ себѣ выборныхъ, умно и спокойно съ ними разговаривала, объясняла, что ихъ требованія будутъ исполнены, если окажутся справедливыми, и этимъ удерживала ихъ отъ самоуправства. Стрѣльцы и народъ привыкли ее видѣть, слышать ея умныя рѣчи, отъ нея ожидать и ласки и справедливости, а между тѣмъ ея агенты безпрестанно трубили въ уши по стрѣлецкимъ слободамъ, что только тогда Русское царство процвѣтетъ и успокоится, когда она, царевна, будетъ имъ править; но для этого нужно, говорили они, чтобъ

царствовалъ ея единоутробный братъ Іоаннъ Алексѣевичъ, несправедливо устраненный отъ престола. Въ это время назначенъ былъ начальникомъ стрѣлецкаго приказа князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, одинъ изъ друзей царевны: дѣло пошло тогда гладко и скоро.

Черезъ нѣсколько дней по прекращеніи мятежа, явились выборные отъ стрѣлецкаго войска и объявили, что это войско и народъ московскій желаютъ видѣть на Мономаховомъ престолѣ обоихъ братьевъ, Іоанна вмѣстѣ съ Петромъ. Собрали думу и выборныхъ отъ разныхъ сословій и постановили: царствовать въ Россіи двумъ царямъ. Прошло еще нѣсколько дней, опять явились во дворецъ выборные отъ стрѣльцовъ и сказали, что народъ московскій и стрѣлецкое войско желаютъ, чтобъ за малолѣтствомъ царей, управляла государствомъ Софья Алексѣевна. Согласились и на это.

Скоро послѣ этого происходило вѣнчаніе на царство обоихъ Царей вмѣстѣ; для младшаго изъ нихъ были сдѣланы корона и другія регаліи совершенно такія же, какъ и древнія, которыми вѣнчались цари наши со временъ Іоанна IV; сдѣланъ былъ также и двойной тронъ съ закрытымъ позади его мѣстомъ для царевны Софьи, откуда она могла подсказывать своимъ братьямъ, что имъ дѣлать и что говорить (*). Этотъ тронъ можно видѣть и теперь въ московской Оружейной палатѣ.

(*) Вѣнчаніе Іоанна и Петра происходило въ Успенскомъ соборѣ 23-го іюня 1682 года.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛЪ.

II.

Князь Хованскій.—Надежды, возбужденныя между старообрядцами его возвышеніемъ. — Домогательство старообрядцевъ о публичномъ состязаніи съ патріархомъ.—Патріархъ отъ этого уклоняется.—Самонадѣянность раскольниковъ увеличивается; они публично проповѣдуютъ. — 5-го іюля толпы ихъ вступаютъ въ Кремль и требуютъ публичнаго пренія съ православнымъ духовенствомъ. — Царевна назначаетъ это преніе въ Грановитой палатѣ. — Буйство Никиты Пустосвята.—Царевна находитъ опору въ стрѣльцахъ.—Никиту казнятъ, другихъ ссылаютъ; остальные притихаютъ. — Разрывъ Хованскаго съ партіею царевны.—Слухъ о замышляемомъ имъ избіеніи царскаго дома во время крестнаго хода.—Удаленіе двора изъ Москвы.—Призывъ ратныхъ людей. — Приглашеніе Хованскаго на церемоніалъ въ Троицкую лавру.—Дорогою князь Лыковъ его арестуетъ. —Казнь его и его старшаго сына, безъ суда.

Мы уже отчасти знаемъ что такое расколъ и какъ онъ образовался. Мы знаемъ что многія духовныя лица и міряне всякаго званія не захотѣли принять исправленій, произведенныхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Московскимъ соборомъ (стр. 23). Эти люди отказались отъ всякаго общенія съ православною церковью, а она провозгласила ихъ отщепенцами.

Правительство начало преслѣдовать этихъ отщепенцевъ, этихъ *старо-обрядцевъ*, этихъ *старо-вѣровъ*. Съ своей стороны, искренно вѣруя въ правоту своихъ мнѣній и считая однихъ только себя православными, старообрядцы желали подчинить весь народъ своимъ убѣжденіямъ. Но такъ какъ люди проповѣдовавшіе противъ „Никоновыхъ новшествъ" имѣли очень ограниченныя познанія, а говорили главнымъ образомъ по внушенію страсти, по увлеченію, то они скоро начали противорѣчить другъ другу, порицать одинъ другого съ такимъ-же ожесточеніемъ, какъ и „никоніанцевъ," и далеко выйдя за первоначальные предѣлы спора, коснулись самыхъ догматовъ или основныхъ положеній вѣроученія. Это уже былъ настоящій *расколъ*.

Правительство, желая охранить православіе отъ такихъ лжеученій, обратило противъ нихъ еще болѣе строгія преслѣдованія. Ихъ подвергали жестокимъ мученіямъ и даже смерти. И что-же? Ни раскольниковъ, ни старообрядцевъ эти преслѣ-

дованія не устрашали. Идя на казнь, перенося тяжкія истязанія, эти несчастные пѣли священныя пѣснопѣнія, читали молитвы и проповѣдывали о преимуществахъ *старой вѣры.* Такимъ образомъ зрѣлище казней, которыми думали устрашить ихъ, производило совершенно противное дѣйствіе: они поражали умы самихъ православныхъ, которые говорили: видно ихъ вѣра и впрямь хороша, когда они идутъ за нее на мученія и на смерть!

Послѣ каждой обрушившейся на нихъ грозы, они разбѣгались въ глухіе лѣса, въ отдаленныя пустыни, въ пограничныя мѣста, гдѣ уже не боялись преслѣдованій, вписывали новыхъ мучениковъ въ число чтимыхъ ими святыхъ и въ ихъ примѣрахъ почерпали новыя силы, новую непріязнь къ правительству, терпѣливо ожидая конца, какъ они говорили, царствованію антихриста.

Это блаженное время, казалось, наступило для нихъ съ возвышеніемъ одного изъ ихъ братіи, князя Хованскаго, попавшаго въ число приближеннѣйшихъ людей новаго правительства. Теперь намъ какъ-то странно вообразить себѣ старообрядца или раскольника между знатными людьми: всякій образованный человѣкъ понимаетъ нынѣ, что не двуперстнымъ знаменіемъ, а добродѣтельною жизнію можно угодить Богу; но въ то время, когда просвѣщеніе было въ Россіи весьма слабо, старообрядцы и даже настоящіе раскольники часто встрѣчались въ числѣ знатныхъ и именитыхъ людей, какъ напримѣръ, князь Хованскій. Это былъ человѣкъ очень знатный и богатый; его любилъ покойный царь Алексѣй Михайловичъ, хотя и не давалъ ему особенно важныхъ порученій, не имѣя слишкомъ высокаго мнѣнія о его способностяхъ. За то самъ князь считалъ себя первымъ человѣкомъ въ государствѣ и никого не признавалъ себѣ равнымъ. Господствующая его страсть была тщеславіе: онъ только тогда и былъ счастливъ, когда ему кланялися, льстили ему, удивлялись; выѣзжая изъ дому, онъ бралъ съ собою множество мелкихъ денегъ, которыя разбрасывалъ народу и радовался, видя какъ за нимъ бѣгутъ толпы всякаго сброду. Между новыми своими подчиненными, стрѣльцами, онъ былъ очень популяренъ; они его называли не иначе какъ *„батюшкой“ и, указывая* на шумъ и давку, которыя поднима-

лись, когда онъ появлялся на улицѣ, говорили: „большой ѣдетъ!“

Впрочемъ серьезнымъ уваженіемъ онъ не пользовался, и народъ припечаталъ его насмѣшливымъ прозвищемъ *тараруя*. Хованскій, какъ сказано, принадлежалъ къ расколу. Увидя его въ милости и силѣ, единовѣрцы его заволновались; приходитъ конецъ, говорили они, царству антихристову, и начинается торжество истинной вѣры! Они нахлынули въ Москву, явились въ стрѣлецкихъ слободахъ, гдѣ было много раскольниковъ, стали поучать народъ на улицахъ, на площадяхъ, предсказывая близкую гибель *никоніанцевъ* и называя священниковъ хищными волками, а церкви амбарами... Народъ слушалъ ихъ и смущался.

Но раскольникамъ уже недостаточно казалось, что они свободно проповѣдуютъ въ самой Москвѣ; имъ захотѣлось полнаго и гласнаго торжества, котораго они надѣялись достигнуть публичнымъ, всенароднымъ преніемъ съ патріархомъ и епископами. Нашелся грамотѣй, который написалъ объ этомъ челобитную; нѣсколько раскольничьихъ поповъ и проповѣдниковъ, да нѣсколько выборныхъ стрѣльцовъ прослушали ее и положили довести свое желаніе до Царей черезъ Хованскаго. „Только смотрите же,“ говорили попы стрѣльцамъ: „стойте крѣпко за святую вѣру!“

Отправились къ Хованскому. Тотъ никакъ не ожидалъ, чтобы нѣсколько малоизвѣстныхъ постниковъ затѣяли состязаться съ нашимъ высшимъ духовенствомъ, въ средѣ которыхъ были и ученые люди. „Ты инокъ смиренный, тихій и немногословный, сказалъ онъ тому, кто сочинялъ челобитную: „не станетъ тебя на такое великое дѣло.“ Но тотъ и не думалъ робѣть; онъ отвѣтилъ Хованскому текстомъ: „Не пецытеся, како или что возлаголите: не вы убо будете глаголющіе, но Духъ Отца вашего, глаголяй вами.“ Хованскій ничего не нашелъ возразить противъ этого и обѣщалъ постараться.

Черезъ нѣсколько времени онъ ввелъ было раскольничьихъ учителей къ патріарху; но тотъ отказался разсуждать съ ними о церковныхъ дѣлахъ, говоря, что это не ихъ дѣло. Разумѣется, они приняли это за неувѣренность патріарх

было у него отказа. Нѣкоторымъ изъ московскихъ полковъ слѣдовало отправляться на службу на украинскую границу; но имъ этого не хотѣлось, и полки эти продолжали оставаться въ Москвѣ. Стоило только стрѣльцу пожаловаться на своего начальника, его выдавали на истязаніе, на *правежъ* (*). Стоило объявить претензію въ недоданномъ жалованьѣ за прежніе годы,—Хованскій, не справляясь долго, справедлива ли эта претензія, становился ея ходатаемъ, и если въ царской думѣ встрѣчалъ хоть малѣйшее сопротивленіе, то грозилъ новымъ возмущеніемъ, и выходя къ стрѣльцамъ, говорилъ: „дѣти, я ничего не могу для васъ сдѣлать; бояре угрожаютъ и мнѣ самому; дѣлайте сами какъ знаете.“

Можно вообразить себѣ, что при такомъ управленіи, стрѣльцы сдѣлались для Москвы сущею бѣдой; завидя ихъ издали, всякій сторонился; женщины не осмѣливались выглянуть за ворота; это было совершенно какъ татарское нашествіе. Можно вообразить также, что царевна жестоко раскаивалась въ томъ, что допустила Хованскаго такъ усилиться, и искала только случая, чтобъ отдѣлаться отъ него; а между тѣмъ она его боялась, и не было человѣка сильнѣе его во всемъ государствѣ.

19-го августа храмовой праздникъ въ Донскомъ монастырѣ. Цари наши, вообще строго соблюдавшіе всѣ церковныя празднества, являлись на крестные ходы и т. п., царевна же пользовалась подобными случаями, чтобы показаться народу во всемъ величіи правительственной власти. И вдругъ распространился слухъ, что Хованскій замышляетъ истребить во время крестнаго хода въ этотъ день весь царскій домъ... Это былъ, конечно, пустой слухъ, потому что, какъ ни былъ силенъ Хованскій, невѣроятно, чтобы стрѣльцы рѣшились, даже и по его приказанію, на такое дѣло. Даже во время майскаго мятежа, когда страсти очень были взволнованы, ими не было сдѣлано никакого оскорбленія ни одному лицу царскаго семейства; они хвалились, напротивъ, что истребляютъ злодѣевъ

(*) Правежемъ называлось усиленное добываніе, „выправленіе“ долга *съ неис*правнаго плательщика: кредиторъ выводилъ его на площадь и билъ *батогами, повторяя это ежедневно* до уплаты.

царскихъ. Какъ бы то ни было, дворъ обнаружилъ большую тревогу: *походъ* въ Донской монастырь былъ отложенъ, и все царское семейство поспѣшило оставить Москву, переѣзжая изъ одного подмосковнаго села въ другое.

2-го сентября, на другой день Новаго (1683) года (*), на воротахъ Коломенскаго села, гдѣ находился тогда дворъ, было найдено письмо съ надписью: „вручить государынѣ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ.“ Царевнѣ подали это письмо; она его распечатала и приказала немедленно укладываться и готовиться въ путь: куда—никто не зналъ. Стали узнавать, развѣдывать, что̀ это было за письмо. Оказалось, что оно заключало извѣтъ о злоумышленіи Хованскаго. Хованскій намѣревался будто бы истребить весь царскій домъ, кромѣ одной царевны Екатерины Алексѣевны, выдать ее за своего сына, Андрея, самъ же онъ хотѣлъ-де сдѣлаться царемъ, поставить въ патріархи кого-нибудь „что̀бъ старыя книги любилъ“ и перебить Черкасскихъ, Шереметевыхъ, Одоевскихъ, Милославскихъ и прочихъ вельможъ. Таково было содержаніе извѣта; болѣе нежели вѣроятно, что онъ не заключалъ въ себѣ ничего серьезнаго, а былъ написанъ для того, чтобы погубить Хованскаго.

Дворъ переѣхалъ въ Звенигородскій, а потомъ въ Троицкій монастырь. Оттуда царевна, отъ имени Царей, разослала грамоты по всѣмъ городамъ, чтобъ дворяне и всякихъ чиновъ ратные люди спѣшили къ Москвѣ на защиту царскаго до̀ма и православной вѣры противъ замысловъ Хованскаго. Такимъ образомъ въ Россіи, казалось, могло вспыхнуть междоусобіе: земская рать призывалась противъ московскаго стрѣлецкаго войска. Дѣло однакожъ не дошло, да и не могло дойдти до междоусобія: стрѣльцы были сильны лишь среди невооруженныхъ москвичей и власть Хованскаго имѣла значеніе лишь потому, что правительство дѣйствовало слабо. Хованскій былъ притомъ слишкомъ тщеславенъ, чтобы быть благоразумнымъ, и слишкомъ самонадѣянъ, чтобы быть осторожнымъ. Онъ самъ отдался въ руки своихъ враговъ.

(*) Новый годъ до XVIII вѣка начинался, по русскому счисленію, съ 1-го сентября.

Вотъ какъ это случилось. Въ Москву ѣхалъ сынъ малороссійскаго гетмана. Малороссія была тогда вновь присоединенная страна, и гетманъ управлялъ ею, хотя и подъ рукою царя, но почти неограниченно. Поэтому гетманскому сыну приготовляли парадный пріемъ. Пригласили и Хованскаго, какъ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ, участвовать въ этомъ церемоніалѣ, и онъ былъ такъ простъ, что не колеблясь выѣхалъ изъ Москвы, когда со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ уже собиралось противъ него войско Эта довѣрчивость доказываетъ чрезвычайную его самонадѣянность, но съ другой стороны убѣждаетъ, что онъ вовсе не имѣлъ тѣхъ фантастическихъ замысловъ, какіе ему приписывали.

Онъ выѣхалъ изъ Москвы. Ѣхалъ онъ съ пышностію, которою всегда любилъ себя окружать; нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ сопровождали его. Проѣхавъ верстъ двадцать по Троицкой дорогѣ, онъ велѣлъ разбить шатры и расположился на ночлегъ. Между тѣмъ о выѣздѣ его изъ Москвы немедленно дали знать царевнѣ. Она никакъ не могла ожидать такого легкаго успѣха. Тотчасъ призвала она одного изъ приближенныхъ своихъ, князя Лыкова, приказала ему взять съ собою нужное число людей, безъ шума идти на встрѣчу Хованскому, развѣдывая о немъ на каждомъ шагу, окружить его и взять добромъ или силою Лыковъ исполнилъ все это въ точности: незамѣтно приблизился къ *табору* князя и объявилъ ему плѣнъ именемъ царевны, къ которой немедленно подъ крѣпкимъ карауломъ и отправилъ его. Точно также былъ взятъ и старшій его сынъ, Андрей, ѣхавшій другою дорогой.

17-го сентября, въ самый день именинъ царевны, Хованскіе и захваченные вмѣстѣ съ ними ихъ приверженцы были привезены въ село Воздвиженское, гдѣ тогда находился дворъ. Старый князь, равно какъ и сынъ его, были приговорены къ отсѣченію головы. Исполненіемъ приговора такъ торопились, что не хотѣли дожидаться прибытія палача изъ Москвы, и заставили исполнить его обязанность какого-то стрѣльца Стремяннаго полка. Хованскихъ вывели, прочли имъ приговоръ; сначала князь Иванъ положилъ голову на плаху; потомъ подошелъ Андрей, поцѣловалъ трупъ отца своего и тоже склонилъ голову. Послѣ нихъ казнены были взятые

съ ними стрѣльцы.. Это былъ второй уже при правительницѣ случай казни безъ суда, безъ разбирательства. Намъ еще много встрѣтится подобныхъ случаевъ. Понятіе о правѣ и законности вырабатывается медленно, особенно относительно такъ называемыхъ политическихъ преступленій, и только въ весьма недавнее время стали понимать, что всякому безъ исключенія обвиняемому слѣдуетъ дать всевозможные способы къ оправданію. Но объ этомъ, какъ сказано, никто еще не думалъ 200 лѣтъ тому назадъ; большею частію одобряли правительницу, хвалили ея энергію, справедливо порицали Хованскаго, и безъ сомнѣнія, еслибъ онъ побѣдилъ, Милославскому пришлось бы сложить свою голову на плахѣ.

III.

Мятежъ стрѣльцовъ.—Патріархъ дѣлается посредникомъ между дворомъ и ими.—Стрѣльцы приносятъ повинную.—Рѣчь къ нимъ царевны.—Въ стрѣлецкій приказъ назначается Шакловитый.—Москва успокоивается.—Польша предлагаетъ намъ союзъ противъ Турокъ.—Какія выгоды обѣщалъ этотъ союзъ?—Старинные споры наши съ Польшею за Малороссію, за Смоленскую и Сѣверскую земли и пр.—Споры изъ-за Кіева.—Голицынъ прекращаетъ эти споры къ выгодѣ Россіи.—Договоръ 1686 г.—Царевна именуетъ себя самодержицею.

Второй сынъ князя Хованскаго былъ стольникомъ при Царѣ Петрѣ и находился съ нимъ *въ походѣ* по монастырямъ; въ ночь, послѣдовавшую за казнію его отца и брата, онъ тайно ускакалъ въ Москву къ стрѣльцамъ и объявилъ имъ, какая участь постигла ихъ „батюшку.“ „Убили его,“ говорилъ онъ, „бояре безъ суда, безъ розыска, безъ вѣдома царскаго. Переведутъ они и васъ. Посмотрите: со всѣхъ сторонъ идутъ къ Москвѣ ратные люди въ несмѣтномъ числѣ!“ Стрѣльцы остервенились; ударили въ набатъ, схватили оружіе, кинулись къ пушечному двору и достали тамъ пушекъ и пороху. Одни хотѣли защищаться въ Москвѣ; другіе кричали: „пойдемъ на бояръ!“ И всѣ они толпились на площадяхъ, бѣгали по улицамъ, гремѣли оружіемъ. Въ это время въѣзжалъ въ Москву царскій гонецъ съ грамотой о казни Хованскаго; стрѣльцы

его схватили, съ толчками и угрозами привели къ патріарху, гдѣ грамота и была имъ прочитана.

Еслибы въ это время къ Москвѣ приблизилось царское войско, не мудрено, что произошло бы кровопролитіе. По счастію, царевна умѣла этого избѣгнуть: отряды земской рати со всѣхъ сторонъ остановлены были въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы, такъ что до боя дойдти не могло, а между тѣмъ стрѣльцы должны были видѣть, что защищаться имъ, а тѣмъ болѣе „идти на бояръ“ невозможно; поэтому волненіе ихъ нѣсколько успокоилось. Между тѣмъ отъ Царей прислана была грамота, которою стрѣльцамъ обѣщалось полное прощеніе, если они положатъ оружіе и пришлютъ выборныхъ съ повинною. Люди, которые были поспокойнѣе и поразсудительнѣе, совѣтовали покориться; но много еще было горячихъ головъ, которыя не хотѣли о томъ и слышать. Патріархъ принялъ въ этомъ дѣлѣ участіе: онъ успокоивалъ тѣхъ, которые боялись жестокаго наказанія, уговаривалъ тѣхъ которые сопротивлялись, указывалъ на сильную рать, которая окружала Москву, и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней переговоровъ достигъ того, что стрѣльцы рѣшились послать своихъ выборныхъ въ Троицкую лавру, куда между тѣмъ переѣхалъ дворъ.

25-го сентября, стало быть черезъ недѣлю послѣ казни Хованскаго, эти выборные отправились. Очень многіе изъ нихъ еще боялись, что обѣщанное имъ прощеніе—ловушка, и думали что имъ не воротиться живыми; съ горькими слезами прощались они съ своими семействами; жены и дѣти ихъ громко рыдали; они шли съ веревками на шеѣ, волоча съ собою плахи, въ знакъ смиренія.

Боязнь ихъ была однакоже совершенно напрасна; ихъ впустили на монастырскій дворъ; царевна вышла къ нимъ и сказала: „Люди Божіи, какъ не боялись вы Бога, поднимаясь противъ Государей, противъ царскаго дома и синклита? Развѣ забыли вы ваше крестное цѣлованіе?“ Потомъ она сказала имъ, что ради ихъ раскаянія она прощаетъ и отпускаетъ ихъ съ миромъ, приказывая только возвратить забранные ими пушки и порохъ. Тогда только стрѣльцы повѣрили, что головы *ихъ останутся* у нихъ на плечахъ.

Царевна при этомъ случаѣ въ первый еще разъ говорила публично, обращаясь къ народу, одна, безъ братьевъ, окруженная царскою пышностію, сопровождаемая толпою царедворцевъ; одежда ея блестѣла золотомъ, жемчугомъ, разноцвѣтными камнями; на плечи была наброшена алая бархатная шуба, подбитая горностаемъ; молодое, прекрасное ея лицо сіяло величіемъ и разумомъ; свѣтлорусые волоса были подобраны подъ золотую шапочку, похожую на корону: видъ ея напоминалъ изображенія греческихъ императрицъ. Такою изображена она на портретѣ, находящемся въ Зимнемъ дворцѣ.

Москва успокоилась; стрѣльцы въ точности исполнили приказаніе царевны. Желая еще болѣе очиститься въ ея глазахъ, они сваливали всю вину на молодаго Хованскаго и отправили его въ лавру. Тамъ объявлена ему была смертная казнь, но правительница не хотѣла запятнать кровію свое торжество; онъ былъ прощенъ. Довольно казней! Кровь гражданъ должна проливаться какъ можно рѣже. Въ то время впрочемъ рѣдко разсуждали такимъ образомъ и недолго задумывались отрубить человѣческую голову. Не обошлось безъ нѣсколькихъ смертныхъ приговоровъ и послѣ настоящаго случая, потому что стрѣльцы отъ времени до времени пробовали волноваться. Но вообще нельзя не замѣтить, что казни были нечасты во время правленія Софьи Алексѣевны: она не щадила только тѣхъ, кто угрожалъ ея власти. Начальникомъ надъ стрѣльцами былъ поставленъ думный дьякъ Шакловитый, человѣкъ рѣшительный и преданный царевнѣ, который умѣлъ мало-по-малу завести между ними порядокъ.

Цари и все царское семейство возвратились въ Москву въ ноябрѣ; вслѣдъ затѣмъ была распущена земская рать.

Меньшой Царь по прежнему отправился въ Преображенское со вдовствующею царицей, своими дядьками и приближенными, и рѣдко, лишь по большимъ праздникамъ, пріѣзжалъ въ Москву, чтобъ участвовать въ какомъ нибудь крестномъ ходѣ; въ управленіе же государствомъ онъ, имѣя десять лѣтъ отъ роду, разумѣется, не могъ входить. Не болѣе его входилъ въ завѣдываніе дѣлами и Іоаннъ, такъ что все правленіе, вся власть были въ рукахъ царевны. Москва мало-по-малу успокоилась и забыла недавнія волненія; въ государствѣ по прежнему было *тихо*.

Но въ сосѣднихъ земляхъ въ это время собиралась военная гроза. Турки, которые двѣсти лѣтъ тому назадъ были еще народомъ воинственнымъ и страшнымъ всей восточной Европѣ, вторгнулись въ Венгрію, проникли до Вѣны и осадили ее. Императоръ Германскій поспѣшно оставилъ свою столицу и потребовалъ помощи у германскихъ князей и другихъ своихъ союзниковъ. Храбрый король Польскій, Янъ Собѣсскій, явился на помощь Вѣны, смѣло кинулся съ своими Поляками на Турокъ и заставилъ ихъ снять осаду. Между тѣмъ собрались германскія войска, прибылъ императоръ, и Турки, уже не въ состояніи будучи держаться противъ соединенныхъ силъ, побѣжали къ своимъ границамъ. Побѣдители, воспламененные успѣхами, не только рѣшились ихъ преслѣдовать, хотя бы до самаго Константинополя, но задумали и вовсе изгнать ихъ изъ Европы.

Они понимали однакоже, что для этого имъ нужно соединить какъ можно болѣе войскъ, и потому обратились ко многимъ сосѣднимъ государямъ, прося ихъ принять участіе въ дѣлѣ, священномъ для всего христіанства. Папа благословилъ ихъ на это дѣло; Венеціанская республика вызывалась помогать имъ своимъ флотомъ. Король Янъ пригласилъ и Царей принять участіе въ этой войнѣ.

Это было въ началѣ 1683 года; стрѣлецкое волненіе только что тогда затихло, и безразсудно было бы, не имѣя полной безопасности дома, пускаться въ отдаленные походы. Но предложеніе было заманчиво. Поляки, Нѣмцы, Венеціанцы тѣснили Турцію со всѣхъ сторонъ; Крымскіе татары, которые были данниками султана Турецкаго, не могли слѣдовательно разсчитывать на его помощь, и еслибы мы начали съ ними въ это время войну, то, казалось, на успѣхъ можно было надѣяться; одолѣть же этихъ стародавнихъ нашихъ враговъ, потомковъ Батыя и Чингиса, выгнать ихъ изъ Крымскаго полуострова, было бы дѣломъ славнымъ и истинно-полезнымъ, потому что лучшая часть тогдашней Россіи, области Курская, Орловская, нынѣшняя Воронежская губернія, постоянно тревожимы были татарами; города въ этихъ мѣстностяхъ не успѣвали отстраиваться, поля почти ежегодно были притаптываемы татарскими конями, жители уводимы въ плѣнъ. Притомъ достигнуть

до Чернаго моря, утвердиться на его берегахъ значило открыть Россіи возможность начать торговлю, завести корабли, безъ чего государство не можетъ благоденствовать. Русскіе цари, начиная съ Іоанна Грознаго, въ разное время старались пробиться къ Балтійскому морю и вели съ этою цѣлью долгія войны съ ливонскими рыцарями, Поляками и Шведами; теперь открывался случай добыть море, хотя, правда, и не такое торговое и оживленное какъ Балтійское, но все же море: какъ было не призадуматься надъ предложеніемъ Польскаго короля!

Между тѣмъ онъ продолжалъ объ этомъ переписку, и даже съ большою настойчивостью. Ему хотѣлось во что бы ни стало разрушить Турецкое государство, и для этого онъ былъ готовъ на многія жертвы, ласкался къ нашимъ Царямъ, избѣгалъ всякихъ пограничныхъ споровъ, которые нерѣдки между сосѣдями. Императоръ Германскій, считавшійся старѣйшимъ между европейскими государями, преемникъ Римскихъ кесарей, заискивалъ въ насъ, прислалъ въ Москву пословъ; Турецкій султанъ съ своей стороны всячески старался намъ угождать, и вслѣдствіе нашей жалобы на крымскаго хана, поспѣшилъ его смѣнить. Такъ важнымъ считали обѣ воюющія стороны участіе Россіи въ этой войнѣ!

Сношеніями съ иноземными государствами завѣдывалъ въ это время любимецъ царевны, Голицынъ, съ которымъ мы уже нѣсколько знакомы. Онъ съ большимъ искусствомъ воспользовался такимъ положеніемъ Россіи; дѣлалъ видъ, что не находитъ выгодными предложенія Польскаго короля и давалъ чувствовать, что мы можемъ начать съ нимъ заодно войну не иначе, какъ окончивъ споры съ Польшей, начатые еще въ прежнія царствованія.

Надо припомнить, что еще со времени царя Михаила у насъ не было прочнаго мира съ Польшей, а были только перемирія. По условіямъ этихъ перемирій пограничныя области, то есть, нынѣшнія губерніи Смоленская, Витебская, частію Черниговская и Могилевская, переходили изъ рукъ въ руки, отъ Россіи къ Польшѣ и обратно, а изъ этого естественно проистекали недоразумѣнія. Въ послѣдствіи поводы къ тому еще болѣе увеличились. Богданъ Хмельницкій принялъ русское подданство съ Малороссійскимъ народомъ обѣихъ сторонъ

Днѣпра; но при послѣдовавшихъ за тѣмъ войнахъ съ Польшей, царь Алексѣй не въ состояніи былъ удержать за собою всей Малороссіи; онъ отказался отъ Заднѣпровья, сохранивъ за собою на правомъ берегу одинъ Кіевъ, но лишь на срокъ. Когда этотъ срокъ истекъ, Польша стала требовать Кіевъ, а русское правительство, жалуясь на частыя нарушенія договоровъ, не возвращало этого священнаго для Россіи города. При всѣхъ бывшихъ послѣ того мирныхъ соглашеніяхъ выговаривалось со стороны Россіи владѣніе Кіевомъ, но всегда лишь на срокъ. Очевидно, Россія не хотѣла возвращать его Польшѣ, а Польша не хотѣла уступить его Россіи.

Теперь представлялся благопріятный случай рѣшить всѣ эти давніе споры выгоднымъ для Россіи образомъ.

Въ 1686 году король Польскій прислалъ въ Москву посольство для заключенія окончательнаго мира и, буде можно, союза противъ Турціи. Голицынъ началъ съ того, что предъявилъ требованія на всѣ названныя земли. Поляки заспорили; грозили прекратить переговоры и оставить Москву; но мало-по-малу стали уступать и, наконецъ, послѣ двухъ съ половиною мѣсяцевъ почти ежедневныхъ споровъ, миръ былъ заключенъ. Велижъ, Полоцкъ, Себежъ навсегда отходили къ Россіи; Кіевъ утверждался за нею на вѣчныя времена вмѣстѣ съ Малороссіей лѣваго берега Днѣпра; наконецъ Запорожью (*) положено было состоять подъ державою обоихъ государей. Россія съ своей стороны обязывалась уплатить Польшѣ 146,000 руб., объявить войну Турціи и начать ее нападеніемъ на Крымъ. Заключая этотъ трактатъ, Россія вступила въ союзъ съ Римскою (Германскою или Цесарскою) имперіей и Венеціянскою республикой, при чемъ всѣ союзныя государства уговорились не заключать мира отдѣльно, безъ союзниковъ.

Тяжело было польскимъ посламъ согласиться на всѣ эти уступки, не выговоривъ для своего отечества ни малѣйшихъ выгодъ. Король Янъ со слезами подписалъ этотъ трактатъ, за

(*) Запорожье—страна лежащая за днѣпровскими порогами; тамъ жили выходцы изъ сосѣднихъ русскихъ и польскихъ украинъ, самые отчаянные головорѣзы, опасные Турціи, Крыму, Польшѣ и иногда Россіи. Мы будемъ имѣть *случай говорить* о нихъ подробнѣе.

то царевна съ гордостью и веселіемъ поспѣшила повѣстить о немъ всей Россіи. „Никогда еще,—писала она,—при предкахъ нашихъ Россія не заключала такого выгоднаго и славнаго договора... Преименитая держава Россійскаго царства гремитъ славою во всѣ концы міра.“ Дѣйствительно, въ такія обширныя дипломатическія связи никогда еще Россія передъ тѣмъ не вступала и рѣдко пріобрѣтала, послѣ многолѣтнихъ войнъ, такія выгоды, какія теперь ей доставило одно согласіе на вступленіе въ союзъ противъ Турціи. Но независимо отъ того она пріобрѣтала трактатомъ 1686 года возможность имѣть огромное вліяніе на Польшу. Можетъ быть сами подписывавшіе этотъ трактатъ не предвидѣли всего значенія, которое можно было придать одной статьѣ этого трактата,—именно той, которою Россія выговорила для своихъ единовѣрцевъ въ предѣлахъ Польскаго королевства свободу богослуженія и зависимость тамошняго православнаго духовенства отъ митрополита жившаго въ Кіевѣ, который теперь отходилъ на вѣки къ Россіи. Духовенство православныхъ церквей, при всякомъ насиліи со стороны Поляковъ, доносило своему верховному пастырю, кіевскому митрополиту, а тотъ—московскому правительству, и дипломатическая переписка начиналась по поводу такихъ происшествій, которыя прежде не вызывали ничего, кромѣ безмолвныхъ слезъ со стороны пострадавшихъ. Послѣ 1686 года, напротивъ, иногда случалось, что представленія Русскаго двора доставляли удовлетвореніе обиженнымъ, а это, разумѣется, увеличивало расположеніе заднѣпровскаго народа къ Москвѣ, пріучало его смотрѣть на нее какъ на единственную свою заступницу и ожидать отъ нея своего освобожденія.

Мы увидимъ какъ эти послѣдствія Московскаго договора съ теченіемъ времени развивались, а между тѣмъ замѣтимъ здѣсь, что такъ какъ всѣ переговоры съ польскими послами были ведены любимцемъ царевны, то она щедро наградила и его и всѣхъ другихъ участниковъ этого славнаго дѣла: сама же она, въ указѣ возвѣщавшемъ о помянутомъ договорѣ, впервые назвала себя „благовѣрною государынею, царевною и *самодержицею*.“

IV.

Какой видъ представляло Московское государство въ XVII вѣкѣ? — Церкви и монастыри, помѣщичьи усадьбы и крестьянскія деревни. — Рѣдкость народонаселенія; слабость промышленности и торговли; плохое состояніе сообщеній; небезопасность ихъ. — Образъ жизни нашихъ предковъ; ихъ домосѣдство; нелюбовь къ войнѣ сравнительно съ воинственностью западныхъ Европейцевъ. — Военныя силы Россіи: помѣстная рать, стрѣльцы, солдатскіе и другіе полки. — Приготовленія къ походу въ Крымъ. — Сборъ рати на южной Украйнѣ. — Походъ 1687 года. — Пожаръ степи. — [illegible] — Слухъ объ измѣнѣ гетмана Самойловича.

До сихъ поръ мы не оставляли Москвы; пора намъ покинуть ея высокій Кремль, кривыя улицы и грязные переулки, и посмотрѣть что дѣлается въ другихъ частяхъ нашего отечества.

Вездѣ просторъ; вездѣ раздолье полей; мѣстами засѣянныя нивы; но пустырей, луговъ и лѣсовъ гораздо болѣе. Вдоль большихъ дорогъ, разбѣгающихся отъ Москвы въ разныя стороны, — Можайки, Каширки, Владимирки и другихъ,—по берегамъ Москвы-рѣки, Оки, Клязьмы и пр., разбросаны монастыри, одинокія церкви, села, деревушки, большія и малыя усадьбы. Многія изъ нихъ существуютъ и теперь; большая часть церквей сохранили донынѣ свой первоначальный видъ; но всѣ эти прекрасные дома, эти готическіе замки, эти итальянскія виллы, эти просторныя хоромы съ фронтонами, колоннами и львами на крыльцѣ, которыя мы такъ часто можемъ видѣть въ окрестностяхъ Москвы, эти зеленѣющіе парки, эти темныя аллеи и узорчатые цвѣтники, — все это уже создалось въ ближайшія къ намъ времена. Предки наши, даже богатые и знатные, до половины прошедшаго вѣка, довольствовались небольшими деревянными хоромами, держась пословицы: „не красна изба углами, а красна пирогами;“ въ одномъ изъ царскихъ подмосковныхъ селъ, Измайловскомъ, гдѣ провелъ Петръ часть своего дѣтства, домъ былъ маленькій, деревянный, одно-этажный, и отъ времени почти вросшій въ землю. Садами тоже наши предки не занимались; разводить цвѣты началъ только царь Θеодоръ, а за нимъ, разумѣется, и нѣко-

торые изъ его придворныхъ. Не заботясь о томъ, чтобъ украшать жизнь, Русскіе XVII вѣка сажали только фруктовыя деревья да разводили огороды; понятіе о садѣ и огородѣ сливалось въ понятіяхъ нашихъ предковъ, такъ что для того и другаго понятія существовало одно только названіе—*огородъ*.

Такимъ образомъ старинная господская усадьба представляла слѣдующій видъ: небольшой бревенчатый домъ на возвышенномъ мѣстѣ; насупротивъ этого дома—церковь; кругомъ дома, въ безпорядкѣ—жилья челядинцевъ, клѣти и клѣтушки, амбары, конные и скотные дворы, гумна и *огородъ* съ яблонями, грушами, вишнякомъ, малиною, капустою, горохомъ, свеклою и пр; далѣе избы задворныхъ крестьянъ. Что касается до небогатыхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, до дѣтей боярскихъ и мелкихъ дворянъ, то они жили въ бѣдныхъ хуторкахъ; домà ихъ мало чѣмъ отличались отъ крестьянскихъ избъ и были, такъ же какъ онѣ, крыты соломой и даже иногда состояли просто изъ курныхъ избъ: такъ по крайней мѣрѣ можно думать по коротенькому извѣстію, сообщаемому однимъ изъ иностранцевъ, посѣтившихъ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Наконецъ, жилья крестьянъ, общій видъ деревни былъ почти тотъ же какъ и теперь; только *бѣлыхъ* избъ (съ дымовою трубой) не было вовсе: крестьяне жили исключительно въ *курныхъ* избахъ, т. е. такихъ, которыя наполнялись въ время топки дымомъ, выходившимъ въ раскрытыя окна и двери. Таковъ былъ всеобщій обычай въ Великой Россіи; въ Малороссіи хаты были чистыя, внутры и снаружи выбѣленныя мѣломъ.

Каждая помѣщичья усадьба, даже самая незначительная, могла бы, повидимому, доставлять ея владѣльцу безбѣдное существованіе, потому что вездѣ были земля, вода и лѣсъ въ изобиліи. И вообще недостатка въ первыхъ потребностяхъ жизни у владѣльцевъ, даже самыхъ небогатыхъ, не было; амбары, даже въ самыхъ маленькихъ имѣніяхъ, были наполнены хлѣбомъ, скотные дворы могли доставлять изобильную и разнообразную пищу; лѣсà были наполнены дичью; во многихъ, мѣстахъ были пасѣки; изъ домашней шерсти ткалось сукно, изъ домашняго льна—холстъ. Но это самое обстоятельство,—что почти у всѣхъ было все свое, домашнее,—составляло од-

ну изъ причинъ той мертвенности и неподвижности, которая поражала писавшихъ о Россіи иностранцевъ.

Человѣку свойственно жить въ обществѣ людей; ему нужно видѣть себѣ подобныхъ, говорить съ ними, обмѣниваться взаимными услугами, совокуплять свои силы, чтобъ достигать общаго благосостоянія; но огромныя пространства и рѣдкое населеніе Россіи препятствовали общенію нашихъ предковъ, а обиліе средствъ для удовлетворенія первыхъ потребностей устраняло тѣ причины, которыя побуждали людей въ другихъ странахъ къ жизни большими группами. Что же отъ этого происходило? То, что у насъ не было почти никакой промышленности, а слѣдовательно не было никакой торговли: всякій старался производить лишь столько, сколько было ему нужно для себя и своего семейства; никто не думалъ что-нибудь продать или обмѣнять. Отъ этого, въ свою очередь, никто не заботился, чтобъ дороги содержались въ исправности: онѣ были наполнены рытвинами и ухабами; колеса то вязли въ пескѣ, то тонули въ грязи; по самымъ только бойкимъ изъ дорогъ топи были вымощены накатникомъ; но эти мостовыя, которыя еще существуютъ кое-гдѣ, приводятъ теперь въ ужасъ проѣзжающихъ, принужденныхъ трястись по нимъ; даже рѣки,— эти пути, созданные самою природой,—и притомъ самыя значительныя, каковы Ока и Волга, представляли весьма мало удобствъ для сообщенія. Олеарій,—иностранецъ, посѣтившій Россію въ половинѣ XVII вѣка, пишетъ, что судно, на которомъ онъ плылъ по Волгѣ, безпрестанно натыкалось то на мели, то на карчи, или деревья свалившіяся съ берега въ рѣку. Но все еще плаванье по рѣкамъ считалось самымъ удобнымъ способомъ путешествія; что же касается до сухопутныхъ дорогъ, то хотя по нѣкоторымъ и были *ямы* (*), а слѣдовательно движеніе могло производиться безостановочно, но за то не существовало никакихъ пріютовъ, въ которыхъ измученный путешественникъ могъ бы дать отдыхъ своимъ разбитымъ бокамъ.

Дороги эти были сверхъ того и не безопасны; лѣса новгородской и псковской губерній, муромскіе, брянскіе и другіе,

---

(*) Поселенія людей, занимающихся извозомъ.

пріобрѣли грозную и доселѣ еще незабытую извѣстность въ этомъ отношеніи; по Волгѣ, начиная отъ Казани и до Астрахани, разъѣзжали удальцы и грабили плывшія суда. Одинъ іезуитъ, посѣтившій Россію въ концѣ XVII вѣка, разсказываетъ свое странствованіе отъ Астрахани до Москвы: какихъ бѣдствій онъ не натерпѣлся! Судно, на которомъ онъ плылъ, загорѣлось по неосторожности судовщиковъ; добравшись кое-какъ до берега, онъ едва не былъ захваченъ кочевыми калмыками; потомъ принужденъ онъ былъ странствовать пѣшкомъ по слякоти и морозу, ночуя подъ открытымъ небомъ и питясь кореньями... Что́ же, когда въ этихъ пустыняхъ путника застигала метель?... При такихъ неудобствахъ сообщеній, удивительно ли, что движенія, не вызываемаго притомъ нуждою, почти вовсе не было ни по нашимъ сухопутнымъ дорогамъ, ни по рѣкамъ? Олеарій, плывя отъ Москвы до Нижняго, встрѣтилъ всего одну барку.

И замѣтимъ: все что выше говорено относится къ самой населенной части тогдашней Руси. Что же надо сказать про мѣстности болѣе отдаленныя? Тамъ была почти пустыня: за Пензой начиналась голая степь не только безъ жилья, но на которой глазъ не находилъ даже дерева. Такая же степь разстилалась къ юго-востоку отъ нынѣшнихъ центральныхъ губерній,—Рязанской, Орловской, Курской, а по другую сторону Волги и Камы до Уральскихъ горъ и Ледовитаго моря стояли непроходимые лѣса, — убѣжище раскольниковъ да дикихъ звѣрей.

И въ самыхъ населенныхъ частяхъ Россіи, какъ сказано, было довольно пустынно. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, напримѣръ, что отъ Москвы до Вязьмы, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ, онъ проѣзжалъ только чрезъ одно селеніе. Эти дальнія разстоянія между жильями, эти дурныя, а нерѣдко и небезопасныя дороги были причиною того, что наши предки, безъ особой надобности, не охотно покидали свои жилища. Что́ же дѣлали они, сидя безвыходно дома? Довольно трудно разсказать, чѣмъ былъ наполненъ ихъ день; объ этомъ сохранилось мало извѣстій; но вотъ описаніе образа жизни царя Ѳеодора Іоанновича, сдѣланное однимъ изъ самыхъ умныхъ иностранцевъ бывшихъ въ Россіи, Англичаниномъ

Флетчеромъ: царь обыкновенно встаетъ въ 4 часа утра, пишетъ Флетчеръ, и тотчасъ послѣ этого къ нему входитъ его духовникъ, благословяетъ его и вноситъ образъ того святаго, который чествуется въ тотъ день. Царь молится съ четверть часа, по окончаніи чего опять входитъ духовникъ и кропитъ святою водой какъ его, такъ и иконы, которыми уставлены стѣны и передъ которыми теплятся свѣчи и лампады. Послѣ того царь идетъ въ покои царицы и вмѣстѣ съ нею слушаетъ заутреню; потомъ принимаетъ царедворцевъ и разговариваетъ съ ними. Часовъ въ 9 утра онъ слушаетъ обѣдню, потомъ обѣдаетъ (и вѣроятно долго, потому что къ столу его подавали ежедневно до 70 блюдъ); послѣ обѣда отдыхаетъ часа три; вставши, идетъ къ вечернѣ, и наконецъ остальную часть дня, до ужина, проводитъ съ царицею, слушая пѣсни, глядя на кувырканья карловъ и потѣшаясь остротами шутовъ.

Таковъ былъ образъ жизни царя Ѳеодора. Конечно, онъ жилъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ временемъ, о которомъ здѣсь говорится; но въ домашнемъ быту нашихъ предковъ чувствительной перемѣны въ это время не могло произойти. Правда и то, что образъ жизни царя и образъ жизни частнаго человѣка—не одно и то же; но все-таки по тому описанію, которое здѣсь приведено, можно себѣ представить приблизительно, какъ проводилъ время старинный бояринъ и вообще зажиточный человѣкъ. Извѣстно, что они много и долго бражничали, долго сидѣли за столомъ, много спали; но чтобъ они много занимались — на это мы не имѣемъ никакихъ указаній. Люди бѣдные, а тѣмъ болѣе крестьяне, должны были отдавать труду гораздо бо́льшую часть своего времени, но, конечно, разбогатѣй каждый изъ нихъ, онъ точно также предался бы бездѣлью.

Неповоротливы были наши дѣды, сонливы, безпечны; въ этомъ надо сознаться. Иностранцы сверхъ того упрекали ихъ въ томъ, что они были невоинственны и даже трусливы: послѣднее совершенно несправедливо. Они не боялись плавать по своимъ рѣкамъ и озерамъ въ душегубкахъ, выходить въ одиночку на медвѣдя, и едва ли гдѣ-либо существовали люди болѣе отважные, чѣмъ казаки; но войны, подобно рыца-

рямъ западной Европы, наши предки дѣйствительно не любили, и когда царское повелѣніе призывало ихъ подъ знамена, они не приносили съ собой того понятія о *воинской чести*, какое выработалось въ западной Европѣ. Между тѣмъ на этомъ понятіи, съ которымъ соединяются слава побѣды и стыдъ пораженія, основывается нравственная сила регулярныхъ армій, а потому справедливость обязываетъ сказать, что наши старинныя арміи, или рати, были вообще плохи.

Здѣсь кстати будетъ дать понятіе о ихъ составѣ и устройствѣ.

Главная, т.-е. многочисленнѣйшая военная сила наша состояла изъ *земской рати* или милиціи; по приказанію царя и по объявленіи войны, каждый *помѣщикъ*, т.-е. владѣтель даннаго ему правительствомъ имѣнія, *помѣстья*, долженъ былъ вооружаться и, съ извѣстнымъ числомъ своихъ крѣпостныхъ, слѣдовать па указанное сборное мѣсто; кромѣ того, съ имѣній принадлежащихъ церквамъ, монастырямъ и собственно царю, набирались *даточные люди*. Тѣ и другіе были вовсе не воины по ремеслу, а, напротивъ, земледѣльцы, домосѣды; никому изъ нихъ не хотѣлось покидать своего дома, своего хозяйства, своей семьи, а потому они кланялись воеводамъ, давали имъ подарки и слезно молили показать ихъ больными, калѣками или подъ какимъ-нибудь предлогомъ уволить отъ ратной службы. Инымъ это удавалось; большей части, конечно, нѣтъ, а потому они хотя и являлись на сборное мѣсто, но ужъ, разумѣется, хорошими воинами не могли быть: они и шли неохотно, и владѣть оружіемъ не умѣли,—и никакихъ военныхъ познаній у нихъ не было; ихъ душа и сердце были далеко — посреди кровной семьи да родимыхъ полей. До насъ дошли письма, писанныя нѣкоторыми изъ такихъ воиновъ-поневолѣ въ дома свои: о военныхъ дѣйствіяхъ въ нихъ ни слова, какъ о дѣлѣ для нихъ мало интересномъ, а только распоряженія по хозяйству, да поклоны роднымъ и сосѣдямъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ: личной злобы противъ людей, съ которыми шли сражаться, они не могли, натурально, имѣть, а какіе у правительствъ между собой разсчеты—они не вѣдали; имъ было ясно только одно, что надо бросать семью и хозяйство, терпѣть нужду и голодъ, — не говоря уже объ опа-

сности, — да платить лишнія подати на военныя издержки. Но когда непріятель вступалъ на родную нашу землю, истреблялъ жатвы, жегъ города и селенія, оскверналъ храмы, бралъ въ неволю людъ православный, тогда всякому становилось ясно, что нужно прогнать незваныхъ гостей, и старый и малый вооружался, какъ это было въ 1612 году, во время нашествія Поляковъ, и въ 1812, во время нашествія Французовъ.

Кромѣ земской рати у насъ были стрѣльцы, уже знакомые намъ. Это были люди, которыхъ главнымъ назначеніемъ была военная служба; всякій стрѣлецкій сынъ, достигнувъ совершеннолѣтія, дѣлался ратникомъ и оставался имъ до глубокой старости. Стрѣльцы жили особыми слободами въ Москвѣ и въ пограничныхъ городахъ, занимая караулы, исправляя „всякую государеву службу“ и постоянно занимаясь „воинскимъ артикуломъ.“ Конечно, и ихъ ничто не могло особенно привлекать изъ слободъ, гдѣ они жили семьями и занимались промыслами, либо мелкою торговлей, на войну, цѣль и причины которой для нихъ были неизвѣстны; но будучи вооружены не чѣмъ попало, какъ земскіе ратники, а саблями, бердышами и ружьями, будучи притомъ пріучены обращаться съ оружіемъ и сохранять нѣкоторый порядокъ въ строю, они представляли лучшую, наиболѣе надежную часть русскаго стариннаго войска. Про дворянъ и дѣтей боярскихъ одинъ современникъ говоритъ: „только у нихъ строю, что сабли остры, да аргамаки рѣзвы, а бьются кто лучнымъ, кто огненнымъ боемъ;“ они кидаются на непріятеля отважно и съ крикомъ, говоритъ одинъ иноземецъ, бывшій въ русской службѣ: но за то при неудачѣ „бѣгутъ какъ зайцы.“ Что же касается стрѣльцовъ, то про нихъ и иностранцы пишутъ, что, не имѣя особой пылкости при аттакѣ, они съ твердостью выдерживали нападеніе и съ ожесточеніемъ защищали городки и „острожки.“ То же самое въ отношеніи военныхъ качествъ можно сказать про полки солдатскіе, рейтарскіе, драгунскіе и гусарскіе, которые отъ стрѣлецкихъ отличались только одеждою да тѣмъ, что ими командовали по большей части полковники изъ иноземцевъ. Стрѣлецкіе и другіе регулярные полки имѣли предъ земскою ратью и то большое преимущество, что они выступали въ походъ совершенно организованными, тогда какъ помѣщики

и даточные люди собирались не зная ни тѣхъ, кто будетъ ими начальствовать, ни тѣхъ, кого судьба пошлетъ имъ въ ратные товарищи; между людьми этихъ нестройныхъ дружинъ не могло слѣдовательно быть ни взаимнаго довѣрія, ни довѣрія къ своимъ начальникамъ, которые въ свою очередь не могли питать довѣрія къ своимъ подчиненнымъ.

Итакъ, вотъ какова была старинная русская военная сила.

Вслѣдствіе заключеннаго съ Польшей договора слѣдовало немедленно двинуть рать противъ Крыма; но это не такъ легко было сдѣлать: надо было прежде собрать ее, а на это требовалось много времени. Въ „розрядномъ“ приказѣ (*), завѣдывавшемъ военными силами, закипѣла работа: стали разбирать, кого изъ числа всѣхъ „верстаныхъ окладомъ“ (**) слѣдуетъ требовать на сборъ, кого можно оставить въ покоѣ; потомъ нужно было время, чтобъ разослать объ этомъ указы во всѣ отдаленные уголки Россіи; наконецъ надо было дать ратнымъ людямъ время изготовиться къ походу и прибыть на сборное мѣсто. На все это потребовалось почти годъ времени: сборъ былъ назначенъ къ 1-му марта (1687) на украинской границѣ.

И вотъ во всѣхъ городахъ, наконецъ получены царскіе указы; въ воеводскихъ канцеляріяхъ списываютъ съ нихъ копіи и разсылаютъ по селамъ и деревнямъ; на городскихъ площадяхъ приказные люди громко прочитываютъ ихъ по базарнымъ днямъ. Вѣсть о близкомъ походѣ проникаетъ во всѣ захолустья; вездѣ суета, вездѣ хлопоты; дворяне осматриваютъ старыя фузеи и пистоли и приводятъ ихъ въ исправность, ставятъ коней на зерно, назначаютъ, кому изъ челядинцовъ съ ними отправляться на государеву службу; въ дворцовыхъ и церковныхъ имѣніяхъ берутъ даточныхъ. Переднія избы воеводскихъ домовъ наполнены охотниками „остаться въ нѣтяхъ“ (***), а по заднимъ крыльцамъ тащутъ „посулы“ и „по-

---

(*) Приказы въ старину были почти то же, что теперь министерства.

(**) Тотъ кто былъ верстанъ окладомъ, т. е. кому было дано помѣстье, или вообще „царское жалованье,“ обязывался за это нести службу, какую и когда указано будетъ.

(***) Такъ говорили про людей, которые *отнѣкивались* отъ службы и оставались дома.

клоны,—“ кто золотую цѣпь, кто кусокъ сукна или парчи, а кто является и съ домашними издѣліями,—медомъ, наливками или зерновымъ хлѣбомъ: воеводѣ, человѣку пріѣзжему, все-де пригодится въ хозяйствѣ; изъ Москвы и посылали на воеводство „для корму.“

Зима на исходѣ; срокъ отправляться въ походъ приближается; у людей зажиточныхъ сѣдлаютъ коней, нагружаютъ подводы сушеною и соленою рыбой, мясомъ, толокномъ, крупами, виномъ: путь дальній, гостинницъ нѣтъ и не вездѣ есть знакомцы, у которыхъ можно и отдохнуть, и сытно угоститься. Сборы бѣдняковъ короче: котомка за плеча и съ Богомъ, отъ селенія до селенія, въ надеждѣ на подачу „Христа-ради.“

Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ, дорогами и тропинками, собираются ратные люди въ окрестности Ахтырки, на границѣ нынѣшней харьковской губерніи. По прибытіи на мѣсто, подъячіе записываютъ ихъ имена, составляютъ списки; воеводы распредѣляютъ ихъ по полкамъ и ротамъ или сотнямъ, назначаютъ головъ, пятисотенныхъ и другихъ начальниковъ. Прибываютъ и стрѣлецкіе и другіе регулярные полки; тяжело тащится изъ Москвы „снарядъ“ или артиллерія. Между земскими ратниками оказывается много „нѣтей;“ въ стрѣлецкихъ и другихъ полкахъ много оставлено по городамъ больныхъ; не взирая однакожь на все это, всего на сборномъ мѣстѣ набирается до 100 тысячъ человѣкъ. Время уходитъ, надо пускаться въ путь. Казаки, правда, еще не прибыли, но они догонятъ дальше, на дорогѣ.

Главнымъ воеводой назначенъ былъ князь Голицынъ, любимецъ царевны, тотъ самый, который устроилъ союзъ съ Польшей. Патріархъ благословилъ его образомъ; Цари сами провожали выступавшія съ нимъ изъ Москвы знамена.

Не взирая однакожь на это выраженіе сочувствія къ предпринимаемому походу и къ главнокомандующему, при дворѣ была сильная партія, которая отрицала пользу предпріятія и старалась подорвать кредитъ Голицына. Интрига противъ него обнаружилась еще до открытія военныхъ дѣйствій: нѣсколько царедворцевъ изъ числа Петровыхъ приверженцевъ явились на сборное мѣсто въ черныхъ платьяхъ и на коняхъ *подъ черными* попонами, какъ бы готовясь на погибель, а меж-

ду тѣмъ они сами же обвиняли Голицына въ медленности, жаловались что онъ теряетъ время въ сборахъ.

И точно, пора было выступить: почти три мѣсяца прошло въ приготовленіяхъ.

Широкою, открытою степью, но степью плодоносною, двинулось наконецъ во второй половинѣ мая наше войско. Переходы были очень невелики и могли походить на прогулку посреди этихъ прекрасныхъ, изобильныхъ, хотя и весьма малолюдныхъ тогда мѣстъ, орошаемыхъ рѣками Ворсклой и Орелью. На рѣкѣ Самарѣ, которая считалась границей, присоединились казаки, въ числѣ 50 тысячъ, подъ начальствомъ своего гетмана, Ивана Самойловича. Степь становилась все пустыннѣе и глуше, а зной сильнѣе. Около половины іюня многочисленная наша рать достигла рѣки Конскія Воды. Татары не показывались.

Но уже во время нѣсколькихъ послѣднихъ переходовъ можно было замѣтить на южной сторонѣ небосклона днемъ какія-то темныя, тяжелыя облака, а ночью отдаленное красное зарево; вѣтеръ приносилъ иногда оттуда горькій запахъ гари... Что это могло значить? Это—*горѣла степь*...

Въ степныхъ мѣстахъ Россіи и до сего еще времени крестьяне нерѣдко запаливаютъ осенью траву, которую не успѣли выкосить, въ полной увѣренности, что отъ этого на слѣдующій годъ трава лучше уродится. Этотъ обычай бываетъ причиной большихъ несчастій: вѣтеръ раздуваетъ пламя на необъятное пространство и иногда направляетъ его не только на стоги съ сѣномъ или хлѣбомъ, но на жилья, и цѣлыя деревни выгораютъ. Пожаръ степи истребляетъ все, что̀ ему попадается на встрѣчу: изсушаетъ болотца и ручейки, стаи степныхъ птицъ съ крикомъ несутся отъ него, четвероногія бѣгутъ съ ужасомъ; отъ него нѣтъ пощады никому и ничему. Что должна была дѣлать наша армія, встрѣтясь съ такимъ врагомъ? Выжидать пока пожаръ прекратится? Но можно было опасаться, что окажется недостатокъ въ провіантѣ. Идти впередъ? Лошади погибнутъ отъ безкормицы, степные ручьи, и безъ того обыкновенно скудные, могутъ вовсе пересох-
пороховымъ ящикамъ угрожаютъ ежеминутные взрывы...
цынъ собралъ военный совѣтъ. Спорили долго, но [illegible]

Слухъ объ удалой жизни запорожцевъ скоро распространился по всей московской и польской Руси, и отвсюду къ нимъ начали стекаться новые выходцы. Хлопы утѣсняемые польскими панами и латинскими монахами, польскіе дворяне преслѣдуемые кредиторами, Русскіе, даже Татары, — всякій, кто бы ни явился въ Сѣчь, находилъ тамъ пріютъ и безопасность, лишь бы онъ былъ, или сдѣлался православнымъ да не боялся при случаѣ сложить буйную свою голову. Вся жизнь ихъ состояла изъ отважныхъ набѣговъ да изъ кутежа на счетъ награбленной добычи. Во время похода не было людей болѣе воздержныхъ: они довольствовались какою-нибудь горстью толокна; за то, по возвращеніи въ Сѣчь, вино лилось у нихъ рѣкой, червонцы бросали они пригоршнями, кусокъ парчи давали за ведро горѣлки. На неутомимыхъ своихъ коняхъ они проскакивали страшныя пространства, переплывали широкія рѣки, налетали какъ вихрь и уносились назадъ; пускались въ открытое море на небольшихъ своихъ лодкахъ, нападали на военные турецкіе корабли, дѣлали высадки на берега Малой Азіи. Ни законовъ, ни судовъ не было между запорожцами; всѣ были „паны-братья" между собою. Изъ среды своей, вольными голосами, они избирали атамана, называемаго кошевымъ, который долженъ былъ предводить ими, когда они поднимались „добывать себѣ зипуновъ" у Поляковъ, Татаръ или Турокъ. Но постоянной власти этотъ атаманъ не имѣлъ: его слушались только потому что ему довѣряли, и только до тѣхъ поръ пока довѣряли; въ противномъ случаѣ ставили на его мѣсто другаго.

Таково было коренное казачество. Запорожцы были всѣ холосты, или жили въ Сѣчи безъ семействъ, какъ нѣкогда Римляне на капитолійскомъ холмѣ. Жилища ихъ были не избы, а огромные сараи, называемые *куренями*, въ которыхъ помѣщалось по нѣскольку сотъ человѣкъ имѣвшихъ общимъ все — столъ, имущество, и гдѣ каждый долженъ былъ повиноваться волѣ всѣхъ. Кромѣ такихъ куреней, въ Сѣчи была церковь, щедро обогащаемая награбленнымъ золотомъ и серебромъ, — и все это было обнесено рвомъ и валомъ съ башенками.

Въ тоже время какъ одни выходцы изъ московской и польской Руси селились за днѣпровскими порогами, другіе, и *гораздо въ большемъ* числѣ, устроивали себѣ отдѣльные хутора

или располагались многолюдными селитьбами за Кіевомъ, по сю-сторону пороговъ, на привольныхъ степяхъ, которыя въ то время никому еще не принадлежали. Благодаря этимъ выходцамъ, къ концу XV-го вѣка заселилась не только южная часть нынѣшней кіевской и восточная подольской губерній, но и часть екатеринославской и херсонской, по которымъ до того невозбранно разгуливали стада и табуны дикихъ кочевниковъ Крымскаго хана.

Дѣло въ томъ, что эти выходцы,—бѣглецы, пожалуй,—сдѣлались на новыхъ мѣстахъ своего жительства настоящими казаками, достойными своего образца—запорожцевъ. Эта масса воинственныхъ и вооруженныхъ людей, эта украинская область прикрыла отъ крымскихъ набѣговъ и Московское царство и, еще болѣе, Польское королевство. Польскій король Стефанъ Баторій образовалъ на Украйнѣ казачье войско, раздѣлилъ его на полки и всѣ эти полки подчинилъ гетману, котораго, равно какъ полковыхъ своихъ командировъ и вообще *старшину*, выбирали сами казаки. Впослѣдствіи такіе же полки образовались и въ полтавской, харьковской, волынской и черниговской (нынѣшнихъ) губерніяхъ, такъ что казачество раскинулось по обоимъ берегамъ Днѣпра, до впаденія въ него Сожа.

Но на всемъ этомъ пространствѣ, занятомъ казачествомъ, кромѣ казаковъ, были и крестьяне (*посполитые*) и помѣщики. Посполитые были православные, а помѣщики почти безъ изъятія—католики. Помѣщики, подстрѣкаемые ксендзами, издавна утѣсняли своихъ крестьянъ, понуждая ихъ переходить въ католичество или въ унію (*). Эти притѣсненія становились все тяжелѣе и довели крестьянъ до возмущеній, которыя, будучи поддержаны казаками, приняли размѣръ настоящихъ войнъ, чрезвычайно ожесточенныхъ и истребительныхъ, окончившихся, какъ извѣстно, тѣмъ, что гетманъ Хмельницкій со всѣмъ народомъ Украйны и юго-западной Россіи отдался въ подданство Московскаго царя.

Алексѣй Михайловичъ, который въ то время царствовалъ, принялъ казаковъ „подъ свою руку", обѣщая сохранить ста-

(*) Объ уніи, казачествѣ, возсоединеніи Малороссіи см. *Разсказъ* *падной Руси*.

ринныя ихъ права и вольности, а именно: избирать себѣ гетмана и всю войсковую старшину, судиться и вѣдаться по своимъ обычаямъ и не знать надъ собою никакой власти, кромѣ выбранныхъ войскомъ лицъ. Но такое управленіе, очень мало похожее на то, которое существовало въ Россіи, не нравилось ни царю, ни боярамъ московскимъ; съ другой стороны, гетманы, привыкшіе къ полной независимости, старшина—къ самоуправству, неохотно подчинялись даже и справедливымъ требованіямъ порядка. Гетманы, по старинному, безпрестанно обсылались съ варшавскимъ, крымскимъ и турецкимъ дворами, а это было несогласно съ государственнымъ порядкомъ. Предупреждая неустройства на Украйнѣ, царь держалъ тамъ русское войско, что, съ своей стороны, не нравилось казачьей старшинѣ. Поэтому въ Малороссіи, и послѣ присоединенія ея къ Россіи, происходили частыя волненія, и между чиновными казаками было много такихъ, которые сожалѣли о рѣшеніи принятомъ Хмельницкимъ, и готовы были передаться опять Польшѣ, или даже Крыму и Турціи. Дѣйствительно заднѣпровская Малороссія, т. е. нынѣшнія кіевская, волынская и подольская губерніи не удержались за нами: онѣ снова уступлены были Польшѣ. Московскій договоръ 1686 года опредѣлялъ Днѣпръ границей между Московскимъ и Польскимъ государствами.

Во время Крымскихъ походовъ гетманомъ украинскихъ казаковъ лѣваго берега Днѣпра былъ Иванъ Самойловичъ. Это былъ человѣкъ преданный Россіи болѣе чѣмъ многіе изъ чиновныхъ казаковъ, но еще болѣе ненавидѣвшій Польшу, нежели любившій Россію. Поэтому ему очень не нравился союзъ заключенный нами съ Варшавой. Онъ писалъ въ Москву, стараясь помѣшать этому союзу, и крайне досадовалъ, когда, по условію этого союза, былъ объявленъ походъ въ Крымъ. „Купила себѣ Москва лиха за свои гроши!“ говорилъ онъ, намекая на сумму, выговоренную Польшей при заключеніи договора, и пророчилъ неудачу въ войнѣ съ татарами. Самойловичу не нравилось и назначеніе главнымъ воеводой Голицына, съ которымъ онъ еще прежде былъ въ нехорошихъ отношеніяхъ. Быть подъ его начальствомъ казалось оскорбительнымъ гетману, который, по *своимъ старинымъ* правамъ и преимуществамъ и по незави-

симости своего положенія, считалъ сѣбя первымъ и вовсе исключительнымъ человѣкомъ въ Россіи.

Самойловичъ былъ человѣкъ неглупый: самая вѣрность его Россіи доказывала, что онъ умѣлъ разсчитать, чье покровительство ему полезнѣе; но онъ былъ не любимъ казаками за свое высокомѣріе. Забывая примѣръ Хмельницкаго, который, не взирая на то, что былъ главой почти независимаго народа и носилъ почетное названіе „батька", забывая, говорю, что славный Хмельницкій былъ для всѣхъ доступенъ, охотно выпивалъ чарку горѣлки съ послѣднимъ казакомъ, низко кланялся міру, когда являлся въ казачій кругъ, не рѣдко униженно просилъ у него прощенія, когда замѣчалъ что казаки имъ недовольны,—забывая такой примѣръ, Самойловичъ, далеко не имѣвшій правъ своего предшественника на любовь и уваженіе народа, держалъ себя гордо, допускалъ къ себѣ только старшину и требовалъ чтобъ народъ ломалъ передъ нимъ шапку, какъ предъ царемъ Московскимъ. Кромѣ того онъ былъ скупъ, не любилъ, по обычаю дорогому для казака, поставить ребромъ послѣднюю копѣйку, потѣшиться и потѣшить пановъ-братьевъ; напротивъ, онъ любилъ откладывать рубль къ рублю и съ этою цѣлію установилъ откупъ на вино, медъ и пиво, такъ что за право курить или варить и продавать ихъ всякій долженъ былъ платить нѣкоторую сумму въ войсковую казну, которою гетманъ распоряжался какъ своею собственностію.

За все это казаки не любили Самойловича; не любили его полковники и вообще войсковая старшина; не любили его даже тѣ, которые выражали ему всевозможную преданность. Въ числѣ недовольныхъ было одно изъ главныхъ лицъ казачества, войсковой эсаулъ Иванъ Мазепа. О человѣкѣ этомъ придется много говорить въ послѣдствіи, а потому познакомимся съ нимъ теперь. Мазепа былъ заднѣпровскій казакъ; въ молодости онъ служилъ пажемъ при польскомъ королевскомъ дворѣ, получилъ тамъ порядочное образованіе и, при большомъ своемъ умѣ, при характерѣ чрезвычайно искательномъ и пронырливомъ, могъ бы безъ сомнѣнія достигнуть значительныхъ степеней въ польской службѣ. Но одинъ случай далъ его жизни совершенно новое направленіе. Онъ оскорбилъ какого-то польскаго пана, и тотъ однажды съ нѣсколькими слугами, под-

карауливъ его одного ночью, схватилъ его, велѣлъ раздѣть донага и привязать навзничь на спину дикой степной лошади, головою къ хвосту; потомъ велѣлъ бить бичами эту лошадь и, окончательно взбѣсивъ ее выстрѣлами, пустить на всѣ четыре вѣтра. Бѣшеный конь, доведенный до изступленія бичеваніемъ и выстрѣлами, кинулся куда глаза глядѣли и постоянно подстрекаемый непривычнымъ щекотаніемъ веревокъ, которыми былъ привязанъ Мазепа, мчался безъ остановки чрезъ поля и овраги, чрезъ ручьи, лѣса и колючій кустарникъ. Эта дикая, бѣшеная скачка увѣковѣчена прекрасною поэмой англійскаго поэта Байрона и картиною французскаго живописца Вернѐ, съ которой существуетъ множество литографій: на ней изображено, что дикій конь мчится лѣсомъ, прыгаетъ черезъ сваленныя бурею деревья, стая волковъ гонится за нимъ, а несчастный всадникъ, ободранный колючими сучьями, растянутъ на спинѣ его, недвижимый и почти мертвый...

Но наконецъ силы измѣнили бѣшеному бѣгуну: онъ рухнулся, оскалилъ зубы и издохъ. Это было недалеко отъ Днѣпра. Какая-то женщина, казачка, проходя мимо, увидала издохшаго коня и издыхающаго всадника, отвязала послѣдняго и возвратила его къ жизни. Мазепа поселился между заднѣпровскими казаками, записался въ войсковой списокъ, скоро далъ себя замѣтить своею расторопностію, но во время войнъ правобережскихъ казаковъ съ лѣвобережскими, попался въ плѣнъ и былъ представленъ гетману. Самойловичъ поручилъ ему учить своихъ сыновей, а между тѣмъ записалъ его въ казаки, повышалъ и наконецъ довелъ до званія войсковаго эсаула, одного изъ самыхъ важныхъ въ войскѣ.

Мазепа лисилъ передъ Самойловичемъ, но втайнѣ интриговалъ противъ него: горевалъ о казачьей вольности съ тѣми, которые ее оплакивали, говорилъ имъ, что гетманъ продаетъ эту вольность „Москалямъ" (*) за царское жалованье, а между тѣмъ не пропускалъ случая съѣздить въ Москву и завести тамъ полезныя для себя связи. Между прочимъ ему удалось

(*) Такъ обыкновенно называли Русскихъ Поляки и малороссіяне.

сблизиться съ В. В. Голицынымъ, который не замедлилъ оцѣнить его умъ и повѣрилъ его преданности Россіи.

Весьма вѣроятно, и даже болѣе чѣмъ вѣроятно, что Мазепа и шепнулъ Голицыну, что перекопскія степи выжжены по приказанію Самойловича. Это могло показаться и въ самомъ дѣлѣ не совсѣмъ невѣроятнымъ. Старый гетманъ постоянно ворчалъ съ самаго начала похода, жаловался, что безразсудная прихоть царевнина фаворита лишаетъ его зрѣнія, потому что его глаза, и безъ того слабые, страдали отъ зноя и пыли; а когда пожаръ принудилъ нашу рать возвратиться, то онъ съ какимъ то злорадствомъ твердилъ, что предвидѣлъ ея неудачу. „Не сказывалъ ли я,“ повторялъ онъ, „что Москва Крыму ничего не сдѣлаетъ?“ Все это, конечно, никакъ нельзя принять за доказательство измѣны со стороны Самойловича; но Голицынъ былъ радъ случаю свалить на кого-нибудь вину своей неудачи. А замѣтивъ этотъ тайный и, конечно, весьма непохвальный изгибъ души Голицына, враги Самойловича стали дѣйствовать смѣлѣе, и собравшись между собою, написали доносъ, въ которомъ формально обвиняли его въ злонамѣренномъ поджогѣ степи, въ замыслѣ отложиться отъ Россіи, въ лихоимствѣ и самовластіи.

Весьма вѣроятно, что при другихъ обстоятельствахъ и въ отношеніи другаго лица, Голицынъ не повѣрилъ бы бездоказательному обвиненію въ предательствѣ, и едва ли далъ бы большое значеніе жалобамъ на лихоимство и самовластіе,— качества слишкомъ въ то время обыкновенныя; но въ настоящемъ случаѣ, надѣясь облегчить свою личную отвѣтственность, онъ принялъ казацій доносъ и послалъ его въ Москву. Отвѣтъ оттуда не замедлилъ придти. Царевна, не упоминая о мнимой измѣнѣ Самойловича, приказывала смѣнить его „буде онъ казакамъ негоденъ,“ и сослать „куда пристойно,“ на его же мѣсто выбрать гетмана вольными голосами, по обыкновенію.

Въ дѣйствительности Самойловичъ пересталъ быть гетманомъ, какъ только былъ принятъ Голицынымъ на него доносъ. Ловко распущенный слухъ о его измѣнѣ быстро распространился между казаками, которые заволновались и такъ энергически выразили свою нелюбовь къ гетману, что он

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Ha- [illegible] показать, [illegible]

Этому необыкновенному человѣку назначено было играть такую огромную роль въ судьбахъ Россіи, что о немъ надо поговорить съ особою подробностію. Академикъ Устряловъ собралъ въ послѣднее время о его молодости много драгоцѣнныхъ извѣстій, и мы ими воспользуемся.

Петру былъ четвертый годъ, когда скончался царь Алексѣй; непріятныя отношенія вдовствующей царицы къ своему пасынку, Ѳеодору Алексѣевичу, принудили ее, какъ мы уже знаемъ (стр. 25), оставить Москву и удалиться въ Преображенское съ весьма небольшимъ числомъ друзей, оставшихся ей вѣрными. Съ рукъ *маты* и *верховной барыни*, которымъ было поручено, по тогдашнему обычаю, попеченіе надъ царевичемъ, онъ перешелъ подъ надзоръ дядекъ; дали ему и учителя, дьяка Никиту Зотова, человѣка неглупаго и не безъ свѣдѣній, но большаго пьяницу, который мало занимался своимъ питомцемъ и ничему не училъ его. Недавно отысканы учебныя тетради Петра; изъ нихъ видно, что шестнадцати лѣтъ онъ еще учился четыремъ правиламъ ариѳметики и писалъ очень не твердо. Можетъ-быть и царица сама, женщина очень обыкновенная, любя горячо, но не разумно, своего сына, не желала, чтобъ его много занимали науками. Еще недавно было множество такихъ маменекъ.

Но природа щедро одарила нашего царевича и здоровьемъ, и красотой, и живостью, и умомъ, и памятью. Теперь дѣти рано получаютъ возможность проводить время одни, не нуждаясь въ товарищахъ, находя развлеченіе въ книгахъ и въ бесѣдахъ съ образованными родителями или наставниками: въ старину было не такъ, а потому дѣти проводили большую часть времени съ сверстниками, товарищами ихъ игръ. Дѣтей небогатыхъ дворянъ окружали для этой цѣли толпы дворовыхъ мальчишекъ, дѣтей знатныхъ дворянъ—дѣти небогатыхъ ихъ родственниковъ или сосѣдей, наконецъ царскихъ дѣтей—дѣти приближеннѣйшихъ царедворцевъ. Такъ было и съ Петромъ. Только въ первое время царствованія Ѳеодора Алексѣевича при опальномъ царевичѣ не могло быть много товарищей; число ихъ конечно увеличилось, когда возвысились Языковъ и Апраксины, успѣвшіе примирить Ѳеодора съ его

мачихой, и увеличилось еще болѣе, когда десятилѣтній Петръ сдѣлался царемъ.

Но этотъ живой и пылкій ребенокъ игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что ему хотѣлось имѣть все больше и больше товарищей. Голиковъ, собравшій около ста лѣтъ тому назадъ множество извѣстій о Петрѣ,—не всегда впрочемъ вѣрныхъ,—разсказываетъ, что еще при царѣ Ѳеодорѣ онъ выпросилъ себѣ въ товарищи молодыхъ конюшенныхъ служителей. Но ранѣе или позднѣе, все равно,— вѣрно то, что у Петра была цѣлая толпа товарищей, съ которыми онъ забавлялся различными играми и, между прочими, игрой въ *солдатики*. Эти дѣти, между которыми были и рослые парни, строились фронтомъ, занимались „метаніемъ артикула,“ по образцу солдатскихъ полковъ; а такъ какъ эти игры очень забавляли молодаго царевича, то охотниковъ поступать въ *потѣшные* нашлось такъ много, что въ 1687 году,—въ годъ перваго Крымскаго похода,—они уже не могли помѣщаться въ Преображенскомъ, и часть ихъ была переведена въ другое дворцовое подмосковное село, Семеновское.

Эти *потѣшные*, размѣщенные такимъ образомъ, были началомъ двухъ полковъ Петровой *гвардіи*, учрежденія совершенно новаго въ Россіи, которое имѣло въ послѣдствіи большое значеніе: Петръ, начавъ управлять царствомъ, нашелъ въ прежнихъ товарищахъ своихъ игръ надежныхъ помощниковъ, и способнѣйшіе изъ нихъ были выдвинуты имъ на важнѣйшія должности въ государствѣ; таковы были: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, Бутурлинъ, Меншиковъ и нѣкоторые другіе.

Но это случилось гораздо позднѣе, а покамѣстъ Петръ продолжалъ заниматься въ окрестностяхъ Москвы „потѣхами,“ которыя однакожъ мало-по-малу начинаютъ принимать характеръ настоящихъ военныхъ упражненій: при потѣшныхъ уже заводится артиллерія; они строятъ укрѣпленія.

Скоро у молодаго Царя является новая забава, которая еще болѣе, чѣмъ игра въ солдатики, должна была получить значенія для Россіи.

Вскорѣ послѣ заключенія союза съ Польшей царевна отправила въ Испанію и Францію посольство; посломъ былъ

назначенъ весьма извѣстный въ послѣдствіи князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ въ Преображенскомъ и, разговорясь съ Петромъ, сказалъ ему, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстоянія, а также высоту строеній, не сходя съ мѣста. Вещь показалась любознательному Петру затѣйливою, интересною; онъ просилъ Долгорукова прислать ему такой инструментъ изъ-за границы. Но когда онъ былъ присланъ, никто изъ окружавшихъ Государя не умѣлъ объяснить его употребленіе. По счастію, придворный лѣкарь изъ Нѣмцевъ сказалъ, что между его земляками въ Москвѣ есть человѣкъ, который вѣроятно будетъ въ состояніи помочь Царю, и прислалъ къ нему Франца Тиммермана.

Тиммерманъ былъ невеликій ученый, однако безъ труда увидѣлъ, что иноземный инструментъ есть простая астролябія, и показалъ какъ ее употреблять. Но для этого надобно знать геометрію, а Петръ не очень отчетливо еще справлялся съ „мультопликаціею." Что было дѣлать? Учиться. И Петръ сталъ учиться и геометріи, и фортификаціи,—всему, чему могъ его научить съ грѣхомъ пополамъ Тиммерманъ, но чего однакожь, можно сказать, никто не зналъ изъ Русскихъ.

Такимъ образомъ любознательность молодаго Царя была возбуждена; но мало было людей около него, которые могли бы удовлетворить ей. Однажды онъ былъ въ Измайловѣ, одномъ изъ подмосковныхъ дворцовыхъ селъ, гдѣ давно уже никто не жилъ. Тамъ между старымъ хламомъ, валявшимся въ амбарахъ, онъ увидѣлъ небольшое судно, конструкція котораго остановила его вниманіе. Онъ спросилъ что это за судно? Его дядьки, Стрѣшневы, не могли отвѣтить на это: не вѣдаемъ, сказали они. На счастье тутъ же случился Тиммерманъ; онъ объяснилъ что это англійскій ботъ. Этого однакожь было недостаточно для Петра: онъ сталъ разспрашивать отчего оно построено не такъ, какъ строятъ суда въ Россіи? въ чемъ его преимущество предъ нашими? какъ имъ управляютъ? Тиммерманъ былъ въ состояніи сказать только, что такое судно можетъ ходить на парусахъ противъ вѣтра, но больше ничего объяснить не могъ, а обѣщалъ прислать другаго своего земляка, который знаетъ кораблестроительное дѣло, и дѣйст-

мачихой, и увеличилось еще болѣе, когда десятилѣтній Петръ сдѣлался царемъ.

Но этотъ живой и пылкій ребенокъ игралъ съ такимъ увлеченіемъ, что ему хотѣлось имѣть все больше и больше товарищей. Голиковъ, собравшій около ста лѣтъ тому назадъ множество извѣстій о Петрѣ,—не всегда впрочемъ вѣрныхъ,— разсказываетъ, что еще при царѣ Ѳеодорѣ онъ выпросилъ себѣ въ товарищи молодыхъ конюшенныхъ служителей. Но ранѣе или позднѣе, все равно, — вѣрно то, что у Петра была цѣлая толпа товарищей, съ которыми онъ забавлялся различными играми и, между прочими, игрой въ *солдатики*. Эти дѣти, между которыми были и рослые парни, строились фронтомъ, занимались „метаніемъ артикула,“ по образцу солдатскихъ полковъ; а такъ какъ эти игры очень забавляли молодаго царевича, то охотниковъ поступать въ *потѣшные* нашлось такъ много, что въ 1687 году,—въ годъ перваго Крымскаго похода,—они уже не могли помѣщаться въ Преображенскомъ, и часть ихъ была переведена въ другое дворцовое подмосковное село, Семеновское.

Эти *потѣшные*, размѣщенные такимъ образомъ, были началомъ двухъ полковъ Петровой *гвардіи*, учрежденія совершенно новаго въ Россіи, которое имѣло въ послѣдствіи большое значеніе: Петръ, начавъ управлять царствомъ, нашелъ въ прежнихъ товарищахъ своихъ игръ надежныхъ помощниковъ, и способнѣйшіе изъ нихъ были выдвинуты имъ на важнѣйшія должности въ государствѣ; таковы были: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, Бутурлинъ, Меншиковъ и нѣкоторые другіе.

Но это случилось гораздо позднѣе, а покамѣстъ Петръ продолжалъ заниматься въ окрестностяхъ Москвы „потѣхами,“ которыя однакожъ мало-по-малу начинаютъ принимать характеръ настоящихъ военныхъ упражненій: при потѣшныхъ уже заводится артиллерія; они строятъ укрѣпленія.

Скоро у молодаго Царя является новая забава, которая еще болѣе, чѣмъ игра въ солдатики, должна была получить значенія для Россіи.

Вскорѣ послѣ заключенія союза съ Польшей царевна отправила въ Испанію и Францію посольство; посломъ былъ

назначенъ весьма извѣстный въ послѣдствіи князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ былъ въ Преображенскомъ и, разговорясь съ Петромъ, сказалъ ему, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно измѣрять разстоянія, а также высоту строеній, не сходя съ мѣста. Вещь показалась любознательному Петру затѣйливою, интересною; онъ просилъ Долгорукова прислать ему такой инструментъ изъ-за границы. Но когда онъ былъ присланъ, никто изъ окружавшихъ Государя не умѣлъ объяснить его употребленіе. По счастію, придворный лѣкарь изъ Нѣмцевъ сказалъ, что между его земляками въ Москвѣ есть человѣкъ, который вѣроятно будетъ въ состояніи помочь Царю, и прислалъ къ нему Франца Тиммермана.

Тиммерманъ былъ невеликій ученый, однако безъ труда увидѣлъ, что иноземный инструментъ есть простая астролябія, и показалъ какъ ее употреблять. Но для этого надобно знать геометрію, а Петръ не очень отчетливо еще справлялся съ „мультопликаціею." Что было дѣлать? Учиться. И Петръ сталъ учиться и геометріи, и фортификаціи,—всему, чему могъ его научить съ грѣхомъ пополамъ Тиммерманъ, но чего однакожъ, можно сказать, никто не зналъ изъ Русскихъ.

Такимъ образомъ любознательность молодаго Царя была возбуждена; но мало было людей около него, которые могли бы удовлетворить ей. Однажды онъ былъ въ Измайловѣ, одномъ изъ подмосковныхъ дворцовыхъ селъ, гдѣ давно уже никто не жилъ. Тамъ между старымъ хламомъ, валявшимся въ амбарахъ, онъ увидѣлъ небольшое судно, конструкція котораго остановила его вниманіе. Онъ спросилъ что это за судно? Его дядьки, Стрѣшневы, не могли отвѣтить на это: не вѣдаемъ, сказали они. На счастье тутъ же случился Тиммерманъ; онъ объяснилъ что это англійскій ботъ. Этого однакожъ было недостаточно для Петра: онъ сталъ разспрашивать отчего оно построено не такъ, какъ строятъ суда въ Россіи? въ чемъ его преимущество предъ нашими? какъ имъ управляютъ? Тиммерманъ былъ въ состояніи сказать только, что такое судно можетъ ходить на парусахъ противъ вѣтра, но больше ничего объяснить не могъ, а обѣщалъ прислать другаго своего земляка, который знаетъ кораблестроительное дѣло, и дѣйстви-

а согласно этикету того времени, всякая благовоспитанная дѣвица,—при людяхъ, по крайней мѣрѣ,—сидѣла не иначе какъ смиренно опустивъ рѣсницы: всякая изъ нихъ слѣдовательно казалась скромною. Итакъ выборъ царицы скоро остановился, а именно на дочери дворянина Лопухина, Евдокіи Ѳедоровнѣ. Не въ обычаѣ также было спрашивать и согласія жениха, предоставлять же ему самому выбирать себѣ невѣсту по сердцу никто и не думалъ. Но какъ несчастливы бываютъ браки, заключаемые подобнымъ образомъ, поразительнымъ примѣромъ можетъ служить тотъ, о которомъ мы теперь говоримъ и о которомъ еще будемъ говорить не разъ.

Свадьба Петра была отпразднована 27-го января 1689 года, а черезъ нѣсколько недѣль, съ первымъ вѣяніемъ весны, онъ уже летѣлъ, покинувъ молодую свою жену, на Переяславское озеро, гдѣ старикъ Брантъ работалъ надъ фрегатами. Прошло еще нѣсколько недѣль, и фрегаты эти были спущены на воду и выстрѣлами своихъ небольшихъ пушекъ огласили окрестность.

Этотъ маленькій флотъ, это маленькое войско тревожили царевну. И она, и ея приближенные еще старались придать всему этому видъ дѣтской, болѣе или менѣе неприличной шалости, а потѣшныхъ презрительно называли „конюхами“; но въ душѣ Софія была неспокойна и съ горечью отзывалась о молодомъ царѣ и его матери. Между тѣмъ приживалки, юродивыя, которыя, по обычаю, наполняли хоромы царевнъ, прослышавъ что-нибудь отъ ихъ сѣнныхъ и постельныхъ дѣвушекъ, немедленно бѣжали ко вдовствующей царицѣ и передавали, конечно не безъ прикрасъ, „непригожія рѣчи“, которыя про нея говорятся; потомъ, запасшись такими же извѣстіями отъ прислуги царицы, спѣшили съ вѣстями въ терема царевнъ. Все это, разумѣется, усиливало взаимное неудовольствіе; съ обѣихъ сторонъ стали подсылать шпіоновъ, стали слѣдить за друзьями и домашними той и другой стороны: тотъ кто часто бывалъ у Нарышкиныхъ, подвергался подозрѣнію царевны, а иногда и ея немилости.

Царевна съ безпокойствомъ считала годы Петра и предвидѣла, что онъ скоро сбросить ея опеку. Это навело ее на мысль надѣть корону самой. Повѣреннымъ ея въ этихъ тай-

ныхъ думахъ былъ Шакловитый. Человѣкъ этотъ казался ей безусловно преданнымъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ преданъ ей. Будучи очень простаго происхожденія, не имѣя никакихъ связей, онъ видѣлъ въ ней одной свою опору, а честолюбіе его не имѣло предѣловъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются во время общественныхъ потрясеній и увлекаютъ народныя толпы своею отвагой и дерзостью своихъ замысловъ, которые готовы все истребить, все залить кровью. Слыша жалобы царевны на ея мачиху, онъ говорилъ ей: „чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извести!“ Услышавъ же, или догадавшись о ея желаніи возсѣсть на престолъ, онъ тотчасъ сталъ приводить эту мысль въ исполненіе. Имѣя большое вліяніе на стрѣльцовъ, онъ собралъ тѣхъ, на которыхъ наиболѣе надѣялся, и началъ ихъ подбивать, чтобъ они написали челобитную отъ всего стрѣлецкаго войска, прося царевну вѣнчаться на царство. Это предложеніе смутило ихъ, они колебались.

— Согласится ли патріархъ съ боярами? замѣтили нѣкоторые?

— Что патріархъ! возразилъ Щакловитый:—не тотъ, такъ другой будетъ. А о боярахъ не безпокойтесь: всѣ они отпадшее, зяблое дерево.

Ничто не останавливало Шакловитаго, онъ все отбрасывалъ въ сторону, когда ему было нужно пройдти.

Подготовляя стрѣльцовъ къ исполненію задуманнаго, онъ не открывалъ имъ, даже самымъ довѣреннымъ изъ нихъ, всѣхъ своихъ замысловъ; объ этихъ замыслахъ зналъ только одинъ игуменъ Заиконоспасскаго монастыря, Сильвестръ Медвѣдевъ, большой грамотѣй, богословъ, астрологъ, слагатель виршей, человѣкъ умный и очень честолюбивый. Онъ былъ друженъ съ Симеономъ Полоцкимъ; царь Θеодоръ уважалъ его; Шакловитый, его землякъ и короткій пріятель, сблизилъ его съ царевною, которая скоро вполнѣ ему довѣрилась. И она, и ея повѣренный обращались за совѣтами къ Медвѣдеву; Медвѣдевъ „смотрѣлъ“ для царевны „на звѣзды“; запершись вдвоемъ съ Медвѣдевымъ въ его кельѣ, Шакловитый проводилъ цѣлыя ночи.

Что касается до Голицына, то, конечно, болѣе нежели *кто нибудь* онъ зналъ тайные помыслы царевны. Она питала

а согласно этикету того времени, всякая благовоспитанная дѣвица,—при людяхъ, по крайней мѣрѣ,—сидѣла не иначе какъ смиренно опустивъ рѣсницы: всякая изъ нихъ слѣдовательно казалась скромною. Итакъ выборъ царицы скоро остановился, а именно на дочери дворянина Лопухина, Евдокіи Ѳедоровнѣ. Не въ обычаѣ также было спрашивать и согласія жениха, предоставлять же ему самому выбирать себѣ невѣсту по сердцу никто и не думалъ. Но какъ несчастливы бываютъ браки, заключаемые подобнымъ образомъ, поразительнымъ примѣромъ можетъ служить тотъ, о которомъ мы теперь говоримъ и о которомъ еще будемъ говорить не разъ.

Свадьба Петра была отпразднована 27-го января 1689 года, а черезъ нѣсколько недѣль, съ первымъ вѣяніемъ весны, онъ уже летѣлъ, покинувъ молодую свою жену, на Переяславское озеро, гдѣ старикъ Брантъ работалъ надъ фрегатами. Прошло еще нѣсколько недѣль, и фрегаты эти были спущены на воду и выстрѣлами своихъ небольшихъ пушекъ огласили окрестность.

Этотъ маленькій флотъ, это маленькое войско тревожили царевну. И она, и ея приближенные еще старались придать всему этому видъ дѣтской, болѣе или менѣе неприличной шалости, а потѣшныхъ презрительно называли „конюхами"; но въ душѣ Софія была неспокойна и съ горечью отзывалась о молодомъ царѣ и его матери. Между тѣмъ приживалки, юродивыя, которыя, по обычаю, наполняли хоромы царевнъ, прослышавъ что-нибудь отъ ихъ сѣнныхъ и постельныхъ дѣвушекъ, немедленно бѣжали ко вдовствующей царицѣ и передавали, конечно не безъ прикрасъ, „непригожія рѣчи", которыя про нея говорятся; потомъ, запасшись такими же извѣстіями отъ прислуги царицы, спѣшили съ вѣстями въ терема царевнъ. Все это, разумѣется, усиливало взаимное неудовольствіе; съ обѣихъ сторонъ стали подсылать шпіоновъ, стали слѣдить за друзьями и домашними той и другой стороны: тотъ кто часто бывалъ у Нарышкиныхъ, подвергался подозрѣнію царевны, а иногда и ея немилости.

Царевна съ безпокойствомъ считала годы Петра и предвидѣла, что онъ скоро сброситъ ея опеку. Это навело ее на мысль надѣть корону самой. Повѣреннымъ ея въ этихъ тай-

ныхъ думахъ былъ Шакловитый. Человѣкъ этотъ казался ей безусловно преданнымъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ преданъ ей. Будучи очень простаго происхожденія, не имѣя никакихъ связей, онъ видѣлъ въ ней одной свою опору, а честолюбіе его не имѣло предѣловъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые являются во время общественныхъ потрясеній и увлекаютъ народныя толпы своею отвагой и дерзостью своихъ замысловъ, которые готовы все истребить, все залить кровью. Слыша жалобы царевны на ея мачиху, онъ говорилъ ей: „чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу извести!“ Услышавъ же, или догадавшись о ея желаніи возсѣсть на престолъ, онъ тотчасъ сталъ приводить эту мысль въ исполненіе. Имѣя большое вліяніе на стрѣльцовъ, онъ собралъ тѣхъ, на которыхъ наиболѣе надѣялся, и началъ ихъ подбивать, чтобъ они написали челобитную отъ всего стрѣлецкаго войска, прося царевну вѣнчаться на царство. Это предложеніе смутило ихъ, они колебались.

— Согласится ли патріархъ съ боярами? замѣтили нѣкоторые?

— Что патріархъ! возразилъ Шакловитый: — не тотъ, такъ другой будетъ. А о боярахъ не безпокойтесь: всѣ они отпадшее, зяблое дерево.

Ничто не останавливало Шакловитаго, онъ все отбрасывалъ въ сторону, когда ему было нужно пройдти.

Подготовляя стрѣльцовъ къ исполненію задуманнаго, онъ не открывалъ имъ, даже самымъ довѣреннымъ изъ нихъ, всѣхъ своихъ замысловъ; объ этихъ замыслахъ зналъ только одинъ игуменъ Заиконоспасскаго монастыря, Сильвестръ Медвѣдевъ, большой грамотѣй, богословъ, астрологъ, слагатель виршей, человѣкъ умный и очень честолюбивый. Онъ былъ друженъ съ Симеономъ Полоцкимъ; царь Θеодоръ уважалъ его; Шакловитый, его землякъ и короткій пріятель, сблизилъ его съ царевною, которая скоро вполнѣ ему довѣрилась. И она, и ея довѣренный обращались за совѣтами къ Медвѣдеву; Медвѣдевъ „смотрѣлъ“ для царевны „на звѣзды“; запершись вдвоемъ съ Медвѣдевымъ въ его кельѣ, Шакловитый проводилъ цѣлыя ночи.

Что касается до Голицына, то, конечно, болѣе нежели кто нибудь онъ зналъ тайные помыслы царевны. Она питала

къ нему сердечную привязанность и, какъ носились слухи, даже думала выйдти за него за-мужъ, при чемъ его жену надѣялись уговорить поступить въ монастырь. Но, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, Голицынъ былъ человѣкъ нерѣшительный и осторожный, а потому онъ и теперь, какъ во время стрѣлецкихъ мятежей, держался въ сторонѣ. Надѣясь полезными дѣлами и громкими подвигами упрочить положеніе царевны и свое собственное, онъ настаивалъ на возобновленіи похода въ Крымъ, и съ этою цѣлію совѣщался съ людьми свѣдущими въ военномъ искусствѣ, дѣлалъ разныя нововведенія въ нашемъ войскѣ, приготовлялъ понтоны (*), вводилъ ручныя гранаты (**) и т. п.

Желаніе его исполнилось: вторичный походъ въ Крымъ былъ объявленъ. Рать собралась въ этотъ разъ (1689) очень рано, и все было приготовлено заблаговременно, такъ что во второй половинѣ апрѣля мы уже переправились чрезъ Самару и вступили въ степь, не боясь пожара (потому что молодая трава не можетъ быть подожжена). Была у Голицына и другая причина спѣшить; онъ узналъ, что ханъ крымскій со всею своею ордой находится за Днѣстромъ; поэтому очень важно было достигнуть Перекопа прежде нежели онъ могъ туда подоспѣть. И вотъ все идетъ и совершается благополучно; до Перекопа остается уже нѣсколько переходовъ; люди бодры, лошади сыты; потери нѣтъ почти никакой. Но вдругъ земля гудитъ и трясется, облако пыли поднимается вдали, и изъ-за него налетаетъ цѣлая буря татарскихъ всадниковъ съ наклоненными копьями, съ крикомъ и гиканьемъ... Узнавъ о наступленіи на Крымъ, ханъ отъ береговъ Прута, не зная ни устали, ни отдыха, со всею ордой примчался въ нѣсколько дней.

Татары не имѣли собственно войска, арміи: у нихъ, какъ и у казаковъ, всякій взрослый человѣкъ былъ воиномъ, садился на коня и бралъ въ руки копье и саблю. Наѣздничество было единственнымъ занятіемъ мужчинъ; поэтому орды татарскія были храбры, отважны; кидались на непріятеля быстро,

---

(*) Разборные мосты, перевозимые войсками съ собою.

(**) Обыкновенныя гранаты, которыя бросали въ непріятеля рукой, а не изъ орудія, какъ нынѣ.

рѣшительно; но за то при неуспѣхѣ тотчасъ пускались на утёкъ. Такой непріятель не страшенъ дисциплинированному войску; даже наши стрѣлецкіе и другіе болѣе или менѣе регулярные полки не очень боялись крымцевъ, и нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ пушекъ было достаточно, чтобы разсѣять татарскихъ наѣздниковъ. Сшибки, которыя наша рать имѣла слѣдуя къ Перекопу, вообще оканчивались благополучно, и наконецъ 20-го мая, она увидѣла передъ собою стѣны Перекопскаго замка.

Этотъ замокъ стоялъ на самомъ перешейкѣ, соединяющемъ материкъ съ Таврическимъ полуостровомъ; за нимъ лежало собственно крымское ханство. Это странное государство, —населенное не гражданами, а наѣздниками,—было похоже болѣе на огромную шайку разбойниковъ, нежели на правильное гражданское общество. Базары Кафы (Ѳеодосіи) и Бахчисарая были завалены парчами, бархатами, золотою и серебряною утварью, драгоцѣнные кони продавались табунами, невольники и невольницы—партіями; на этихъ базарахъ голландскіе червонцы, турецкіе піастры, австрійскіе флорины и польскіе злоты разбрасывались пригоршнями... Дѣло въ томъ, что эти парчи и бархаты, эти драгоцѣнные кубки и ожерелья, кони и невольники, груды золота и серебра—все это было награблено въ Россіи, Польшѣ, Венгріи, Бессарабіи и скупалось за безцѣнокъ Греками и Евреями. Дóма почти ничего не производилось: превосходные склоны горнаго хребта, протягивающагося вдоль южнаго берега полуострова, едва-едва кое-какъ воздѣлывались руками женщинъ и стариковъ; по обширнымъ равнинамъ, лежащимъ къ сѣверу отъ этого хребта, бродили зимою и лѣтомъ табуны коней; деревни татаръ или „юрты" были ничто иное какъ собраніе войлочныхъ кибитокъ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто; города состояли изъ дрянныхъ мазанокъ; но глиняные полы домовъ въ этихъ городахъ были покрыты великолѣпными коврами, грязный пилавъ (*) подавался на серебряныхъ блюдахъ... Таковъ былъ Крымъ.

Рать наша остановилась у входа въ Перекопскій перешеекъ; по одну сторону у нея было Черное, по другую Гнилое

(*) Каша изъ рисоваго пшена съ бараньимъ жиромъ.

море, и что же однако? Не взирая на сосѣдство двухъ морей, съ перваго же дня обнаружился недостатокъ воды для варева и пойла конямъ, потому что морская вода, какъ извѣстно, для питья не годится. Обнаружился недостатокъ и въ продовольствіи, потому что и теперь, такъ же какъ и въ предшествующій походъ, главный воевода не умѣлъ разсчитать, сколько надобно захватить съ собою провіанта. Ханъ сдѣлалъ было видъ, что желаетъ вступить съ Голицынымъ въ переговоры, поманилъ было надеждой на заключеніе мира,—и обманулъ. Въ такихъ обстоятельствахъ что было дѣлать? Добывать Перекопъ открытою силой? Положимъ что онъ былъ бы взятъ, но какъ идти далѣе безъ фуража и провіанта? Какъ оставаться въ Перекопѣ, не имѣя продовольствія?

Поэтому Голицынъ рѣшился воротиться назадъ, и въ этотъ разъ „ничего не промысливъ".

VII.

Неудовольствіе въ Москвѣ по случаю второй неудачи противъ татаръ. — Раздраженіе между царевною и Петромъ усиливается. — Шакловитый возбуждаетъ стрѣльцовъ, — Явный разрывъ между царевной и Петромъ по случаю крестнаго хода. — Подметныя письма. — Фальшивая тревога и сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ.—Фальшивая тревора въ Преображенскомъ и бѣтство Петра въ Троицкую лавру.—Царевну начинаютъ оставлять тѣ, на приверженность которыхъ она надѣялась. — Она старается примириться съ братомъ, но безуспѣшно. — Она хочетъ сдѣлать воззваніе къ Россіи; объясняется съ народомъ, собравшимся въ Кремлѣ.—Полки начинаютъ переходить къ Петру.—Розыскъ надъ Шакловитымъ.— Голицынъ ѣдетъ къ Петру.—Приговоръ надъ Шакловитымъ и его сообщниками; Голицына отправляютъ въ ссылку, царевну заточаютъ въ монастырь. — Обозрѣніе царевнина правленія.

„Твоею службою, — писала царевна къ Голицыну послѣ втораго Крымскаго похода, — свирѣпые и исконные враги святаго креста и всего христіанства такъ поражены, побѣждены и прогнаны, что пришедъ въ отчаяніе и ужасъ, сами разорили свои поганскія жилища..." Совершенно иначе смотрѣли на подвигъ Голицына татары „Побѣжалъ,—говорили они, подсмѣиваясь,—въ Кіевъ, и тамъ пострижется, чтобы спастись отъ царскаго гнѣва." Въ Москвѣ распространился слухъ, что

главный воевода подкупленъ ханомъ. Послѣднее обвиненіе не имѣетъ никакого основанія, но татары справедливо думали, что Голицыну лучше бы, безопасности ради, пойдти въ монахи. Человѣкъ большаго ума и образованія, лучшій изъ царскихъ совѣтниковъ своего времени, онъ не рожденъ былъ для того, чтобъ водить полки къ побѣдамъ. Какъ воевода, онъ былъ если и не хуже Хованскихъ, Ромодановскихъ и другихъ воеводъ прошедшихъ лѣтъ, то и не лучше ихъ.

Неудовольстве въ Москвѣ выразилось на этотъ разъ гораздо сильнѣе, нежели послѣ перваго похода. Царь Петръ не принялъ Голицына по его возвращеніи; царевна съ большимъ трудомъ уговорила брата согласиться на обнародованіе похвальной грамоты и на раздачу наградъ войску и воеводамъ. Голицына громко порицали, смѣялись надъ нимъ (*), говорили, что онъ издавна пристрастенъ къ Польшѣ, что онъ читаетъ латинскія книги, покровительствуетъ іезуитамъ и католикамъ, знается только съ иноземцами. Такъ говорили многіе и говоря такимъ образомъ, отстранялись отъ него, увеличивая число приверженцевъ Петра, который хоть и самъ водился съ Нѣмцами, но былъ Царь вѣнчанный.

Все это еще болѣе усиливало непріязнь между царевной и преображенскимъ дворомъ. Шакловитый безпрестанно раздувалъ ее, подсмѣивался надъ вдовствующею царицей, говоря, что она въ родительскомъ домѣ „въ лаптяхъ ходила,“ и настойчиво твердилъ, что надо истребить всѣхъ Нарышкиныхъ. Слова его и клеветы, которыми онъ возбуждалъ стрѣльцовъ, проникали въ народъ и производили безпокойство, раздражали, волновали. Однажды, ночью, десятокъ всадниковъ наѣхали на стрѣлецкій караулъ; одинъ изъ нихъ, казавшійся вельможей, приказалъ жестоко бить ствоимъ людямъ часоваго,

---

(*) Вотъ начало одного стихотворенія, появившагося по случаю неудачъ Голицына:

Не куликъ по болотамъ куликаетъ,—
Молодой князь Голицынъ по лугамъ гулястъ.
И онъ думаетъ-гадаетъ:
„Гдѣ мнѣ пройти-проѣхать (въ свои московскія хоролмы)?“
Ему лѣсомъ ѣхать—очень темно,
А лугами ѣхать—очень мокро,
А Москвою ѣхать — очень стыдно.

а самъ приговаривалъ: „Заплачу я вамъ за смерть моихъ братьевъ!“ — и оставилъ несчастнаго стрѣльца едва живаго, съ проломленною головой, избитаго, искалѣченнаго; другой же изъ числа всадниковъ унималъ его, говоря: „полно бить, *Левъ Кирилловичъ*: душа христіанская!“ Львомъ Кирилловичемъ звали брата старой царицы, и избитый имъ стрѣлецъ говорилъ, что онъ и въ лицо его узналъ, сколько это возможно при ночномъ сумракѣ; естественно слѣдовательно, что слухъ объ этомъ происшествіи произвелъ большое раздраженіе въ Москвѣ противъ Нарышкиныхъ. А между тѣмъ, какъ въ послѣдствіи открылось, это былъ вовсе не Левъ Нарышкинъ, а одинъ подъячій, похожій на него, которому Шакловитый приказалъ тиранить стрѣльцовъ, чтобъ возбудить народъ противъ Нарышкиныхъ. Вотъ къ какимъ мѣрамъ прибѣгалъ Шакловитый!

Вскорѣ раздвоеніе царскаго семейства сдѣлалось гласнымъ: 8-го іюля, въ день Казанской Божіей Матери, Цари и царевна были въ Успенскомъ соборѣ, откуда долженъ былъ слѣдовать крестный ходъ. Когда обѣдня кончилась, Цари послѣдовали за духовенствомъ; пошла и Софія, одна изъ числа своихъ сестеръ, которыя вообще не показывались на народѣ. Петръ сказалъ ей, чтобъ она не ходила, что это-де не женское дѣло. „Конечно (непремѣнно) пойду,“ отвѣчала вспыхнувъ гордая царевна, и пошла. Петръ сію же минуту оставилъ процессію и уѣхалъ изъ Москвы.

Разрывъ былъ явный. Послѣ этого царевна, если ей бывало нужно отправляться въ Преображенское, брала съ собою сильный конвой изъ благонадежныхъ стрѣльцовъ; съ своей стороны, въ Преображенскомъ были увѣрены, что царевна и ея приверженцы замышляютъ не только на корону, но и на жизнь Царя и царицы. И тутъ и тамъ стали появляться подметныя письма съ самыми мрачными предсказаніями; съ минуты на минуту можно было ожидать взрыва. И вотъ гроза грянула.

5-го августа царевна хотѣла идти на богомолье, и для сопровожденія ея были собраны въ Кремлѣ стрѣльцы. Вдругъ явилось подметное письмо, которое объявляло, что въ этотъ *самый* день „потѣшные конюхи“ должны покуситься на жизнь

Царя Іоанна и его сестёръ. „Походъ“ былъ немедленно отмѣненъ; стрѣльцамъ роздали патроны; съ наступленіемъ темноты ворота кремлевскія заперлись и сильные караулы были разставлены по Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ, а для наблюденія за дѣйствіями Петра, Шакловитый послалъ нѣсколько расторопныхъ людей бродить вокругъ Преображенскаго.

Вся эта тревога оказалась, разумѣется, совершенно пустою: то, чего ожидали, не случилось; за то случилось то, чего вовсе не ожидали. Изъ числа стрѣльцовъ назначенныхъ въ городской караулъ, трое, желая, можетъ быть, выслужиться, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ предполагая, что эта военная тревога скрываетъ замыселъ противъ Петра, съ наступленіемъ ночи незамѣтно пробрались въ Преображенское и объявили, что Шакловитый съ своими сообщниками намѣренъ ночью поджечь Преображенское и во время суматохи перебить Царя и обѣихъ царицъ... Послѣ всего, что было прежде и что разносилось молвою, это извѣстіе очень могло показаться вѣроятнымъ; внезапно разбуженный, Петръ вскочилъ съ постели въ чемъ былъ, кинулся въ конюшню и ускакалъ. За нимъ пустились люди его двора, кто какъ успѣлъ, догоняя его съ одеждой и обувью, потомъ потянулись въ своихъ тяжелыхъ „коретахъ“ дрожащія отъ страха царицы, изъ которыхъ младшая была беременна, и въ нѣсколько минутъ Преображенское опустѣло.

Все это видѣли люди, посланные Шакловитымъ; они видѣли и узнали Петра, несущагося на лошади ночью, въ одной рубашкѣ; его приближенныхъ, скачущихъ за нимъ вслѣдъ; царицъ, съ признаками ужаса на лицѣ; они видѣли тяжелыя кареты, катившіяся съ непривычною быстротой, пушки, которыя неслись большою рысью: потѣшныхъ, которые, забывъ регулярный маршъ, шли ускореннымъ шагомъ.... Все это съ изумленіемъ видѣли люди посланные Шакловитымъ, — и ничего во всемъ этомъ не понимая, прискакали въ Москву. „Ушелъ Царь изъ Преображенскаго босъ, въ одной сорочкѣ, невѣдомо куда,“ объявили они Шакловитому. Новая тревога въ Кремлѣ, и совершенное недоумѣніе!

Но дѣло скоро разъяснилось. Петръ прискакалъ въ Троицко-Сергіевскій монастырь. Черезъ нѣсколько времени пріѣ-

хали туда царицы и нѣкоторые приближенные царедворцы; привезли нѣсколько пушекъ, бывшихъ въ Преображенскомъ, пришли потѣшные, и монастырь превратился въ крѣпость, какъ во времена Поляковъ и самозванцевъ.

Между стрѣльцами, даже между ихъ полковниками, которыхъ царевна считала себѣ наиболѣе преданными, были люди тайно передававшіе Петру все, что знали или подозрѣвали объ ея умыслахъ. Таковъ былъ, между прочими, Цыклеръ, уже знакомый намъ по смутамъ 1682 года (стр. 36) и выкупавшій старую измѣну новою; онъ и нѣкоторые ему подобные первые кинулись къ Троицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ уже были потребованы Петромъ всѣ стрѣлецкіе полковники и по нѣскольку человѣкъ рядовыхъ стрѣльцовъ отъ каждаго полка. Царевна ихъ не пустила: „Кто осмѣлится идти къ Троицѣ, тому я велю отрубить голову,“ объявила она. Однако это не помогло, потому что и Петръ грозилъ смертною казнію ослушникамъ его воли. Начались побѣги изъ Москвы, сначала по-одиночкѣ, потомъ толпами.

Видя, что дѣло поворачивается не въ ея пользу, Софія попробовала примириться съ братомъ, и съ этою цѣлію посылала къ нему нѣкоторыхъ уваженія достойныхъ бояръ; но эти переговорщики либо возвращались ни съ чѣмъ, либо и сами оставались при Царѣ. Такъ сдѣлалъ и патріархъ, котораго царевна отправила миротворцемъ. Наконецъ она рѣшилась ѣхать сама; но на дорогѣ ее встрѣтилъ гонецъ и именемъ Царя объявилъ ей, чтобъ она возвратилась, или съ нею „будетъ поступлено нечестно.“

Глубоко оскорбленная, и видя, тто всякая надежда на примиреніе потеряна, царевна, по прибытіи въ Москву, потребовала къ себѣ тѣхъ, на преданность которыхъ могла, казалось ей, еще положиться. „Чуть меня не застрѣлили, — говорила она, задыхаясь отъ волненія; Нарышкины и Лопухины затѣваютъ всеобщее смятеніе; и до моей головы доходитъ. Не оставьте меня; я вамъ вѣрю: кому-жь и вѣрить, если не вамъ, *старымъ!*“

Это было въ ночь на 1-е сентября, то-есть на Новый Годъ. Утромъ народъ толпился передъ Краснымъ крыльцомъ; но, вмѣсто обыкновенной церемоніи, произошло нѣчто совер-

шенно новое, невиданное: царевна спустилась „сверху," смѣло вмѣшалась въ ряды народа и стала говорить съ нимъ. „Злые люди перессорили меня съ братомъ,—говорила она,—и распускаютъ слухъ о заговорѣ на жизнь младшаго Царя. Не вѣрьте этому; не давайте брать людей добрыхъ и вѣрныхъ: ихъ станутъ пытать, а они, не стерпя пытки, оговорятъ другихъ; девятеро оговорятъ девять сотъ.... Вы знаете,— продолжала она,—что я правила государствомъ болѣе семи лѣтъ, начала въ смутное время и кончила славнымъ миромъ съ христіанскими государями, а невѣрныхъ поразила. Всегда была я къ вамъ милостива и обѣщаю новыя милости..."

Около трехъ часовъ такимъ образомъ разговаривала царевна съ народомъ лицомъ къ лицу, и говорила прекрасно, пишетъ въ своемъ *Дневникѣ* генералъ Гордонъ, иностранецъ находившійся въ русской службѣ. Народъ слушалъ со вниманіемъ слова царевны, дивился этой откровенности и выражалъ свое участіе. Царевнѣ показалось, что она произвела глубокое впечатлѣніе, что всѣ эти тысячи людей, къ которымъ она обращалась, между которыми она одна довѣрчиво прохаживалась, что всѣ эти люди сдѣлаются ея союзниками, друзьями, готовыми положить за нее голову. Съ этою надеждой, возвратясь въ свой теремъ, она потребовала Шакловитаго и приказала ему немедленно писать воззваніе ко всей землѣ Русской, ставя ее судьею между собой и братомъ; она надѣялась, что и вся Россія приметъ участіе въ ея ссорѣ съ Петромъ и заступится за нее... Ошибалась бѣдная царевна! Народъ, къ которому она обращалась, не привыкъ принимать въ дѣлахъ государственныхъ участія и смутно зналъ что̀ дѣлало правительство, да и не было для него авторитета выше Царя. Тотъ самый Гордонъ, который такъ похваляетъ рѣчь царевны къ московскому народу, въ слѣдующую затѣмъ ночь покинулъ Москву со всѣмъ своимъ полкомъ... Ударъ слѣдовалъ за ударомъ. Царевна должна была убѣдиться, что ей, со всѣми ея заслугами предъ государствомъ, невозможно бороться противъ Царя вѣнчаннаго, противъ принципа самодержавія, противъ вѣковой привычки народа. Всѣ отступались отъ нея. Голицынъ уѣхалъ изъ Москвы и жилъ въ своей подгородной деревнѣ; Медвѣдевъ бѣжалъ, пробѣ[illegible] въ Литву; самъ Шакловитый приготовился къ побѣгу. А

Іоаннъ? Онъ до сихъ поръ позволялъ ей дѣйствовать своимъ именемъ, но поддержать ее въ настоящихъ обстоятельствахъ онъ не могъ и не хотѣлъ. А между тѣмъ потребованъ былъ Петромъ и Шакловитый; царевна хотѣла защитить его—и уже не могла. Онъ былъ взятъ своими недавними единомышленниками и, скованный, отвезенъ въ Троицкій монастырь.

И вотъ монастырь этотъ изъ крѣпости обратился въ допросную избу: надъ Шакловитымъ и его сообщниками производили розыскъ, а для того чтобъ они ничего не утаивали, подвергали ихъ обычному средству развязать языкъ — пыткѣ. Изъ отвѣтовъ или изъ „разспросныхъ рѣчей" открылось все то, что выше разсказано: открылось, какіе непріязненные слухи перелетали изъ Кремля въ Преображенское и обратно; открылось, какіе замыслы имѣла царевна овладѣть престоломъ; иные изъ бывшихъ повѣренныхъ Шакловитаго говорили, что этотъ послѣдній замышлялъ извести младшаго Царя и его семейство.

Все это было сказано со страха пытки или отъ боли пытки, а потому мудрено отличить правду отъ тѣхъ вымысловъ, которыми люди, истязуемые кнутомъ, поджигаемые на огнѣ, запутывали невинныхъ и даже усиливали свои собственныя вины, лишь бы на минуту пріостановить свои страданія Замѣчательно, напримѣръ, что Шакловитый, долго отрицая, будто онъ намѣревался истребить семейство младшаго Царя и поджечь Преображенское, при повтореніи пытки во всемъ повинился, а потомъ отрекся снова... Права была славная Екатерина, начертывая слѣдующія, достойныя безсмертія строки: „Странно, какъ роду человѣческому пришло на умъ лучше утвердительно вѣрить рѣчи въ горячкѣ бывшаго человѣка (т.-е. пытаемаго), нежели съ холодною кровью? Всякій пытанный — въ горячкѣ, и самъ уже не знаетъ, что говоритъ. И такъ отдаю на разсужденіе всякому имѣющему чуть разумъ, можно ли вѣрить пыточнымъ рѣчамъ и на то въ доброй совѣсти полагаться!"

Но по понятіямъ того времени,—и не только у насъ, но и во всей Европѣ, — не было вѣрнѣйшаго средства добиться истины, какъ прибѣгая къ страшнымъ истязаніямъ; наши пыт-

ки по крайней мѣрѣ были не столь разнообразны, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ.

Наконецъ розыскъ кончился, и надъ виновными состоялся приговоръ: къ смертной казни было приговорено три человѣка, изъ которыхъ первымъ былъ, конечно, Шакловитый; трое другихъ были наказаны кнутомъ.

За тѣмъ потребованъ былъ къ Троицѣ Голицынъ. Этотъ недавно еще всесильный любимецъ, намѣстникъ множества областей, начальникъ нѣсколькихъ приказовъ, руководитель сношеній Россіи съ европейскими дворами, главный воевода,— явился теперь въ Троицкую лавру съ поникшею головой. Его не впустили внутрь монастырской ограды, а велѣли ждать приговора въ слободѣ. Наконецъ онъ былъ потребованъ, но не къ суду,—потому что оправданій его никто не спрашивалъ (какъ нѣкогда и онъ не спрашивалъ оправданій Самойловича),—а чтобъ выслушать царскій указъ, который опредѣлялъ ему вѣчную ссылку со всѣмъ его семействомъ. Было сослано и много другихъ сообщниковъ Шакловитаго и приверженцевъ Голицына. Пострадалъ между прочими Медвѣдевъ. Онъ успѣлъ было уйдти, но былъ пойманъ, разстриженъ и казненъ.

Наконецъ дѣло дошло и до царевны. Еще нѣсколько ранѣе, передъ казнію Шакловитаго, Петръ писалъ старшему брату: „Корона россійская вручена Богомъ намъ двумъ, а между тѣмъ сестра наша государствомъ учала владѣть своею волею.... А теперь, государь-братецъ, настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, а третьему *зазорному лицу*, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужскими особами быти не изволяемъ.“ Царь Іоаннъ не противорѣчилъ брату, какъ прежде не противорѣчилъ сестрѣ, и потому немедленно было приказано исключить ея имя изъ царскаго титула, а черезъ нѣсколько времени послѣ того ей было повелѣно отъ имени обоихъ Царей удалиться въ Новодѣвичій монастырь, изъ котораго она уже никогда болѣе не выходила.

Такъ окончилось семилѣтнее правленіе царевны. Если смотрѣть на это правленіе, какъ на продолженіе царствованій Алексѣя и Θеодора, то нельзя не похвалить его. Не говоря уже о славномъ договорѣ Московскомъ (1682 г.), вся важность котораго обнаружилась позднѣе, въ сношеніяхъ нашихъ съ Польшей, нельзя не замѣтить что царевна выбрала очень удачную минуту для войны съ Крымомъ, и не ея вина была, если эта война кончилась неудачно. Нельзя не отдать справедливости царевнѣ и въ томъ, что она быстро остановила московскія смуты (ею впрочемъ возбужденныя). Далѣе, царевна заботилась, чтобъ въ управленіяхъ былъ порядокъ, чтобы народъ не бродяжничалъ, чтобъ имѣнія дворцовыя, церковныя и частныхъ людей были между собою размежеваны какъ можно отчетливѣе, понимая что этимъ предупреждаются тяжбы и ссоры. Но всего этого было уже недостаточно. Россія далеко отстала отъ другихъ государствъ Европы къ началу XVII вѣка въ отношеніи и государственнаго устройства, и просвѣщенія. Европа въ это время имѣла ученыхъ, поэтовъ и художниковъ, имена которыхъ и до сихъ поръ произносятся съ благоговѣніемъ; она вела обширную торговлю, промышленность ея доставляла довольство милліонамъ людей, а въ нѣкоторыхъ странахъ существовали уже такіе законы, которые строго оберегаютъ гражданъ отъ притѣсненій и насилія. Почти ничего этого не было въ Россіи временъ царевны, и хотя никто еще не понималъ что и какъ надо сдѣлать, чтобъ улучшить положеніе Россіи, но очень многіе уже чувствовали, что въ ней что-то не такъ, какъ бы слѣдовало. До насъ дошли сочиненія нѣкоторыхъ современниковъ, напримѣръ Котошихина и Крижанича: они дышатъ недовольствомъ, желаніемъ чего-то другаго; на каждой строкѣ проповѣдуется необходимость преобразованій.

Но и эти писатели не давали себѣ яснаго отчета, что именно надобно перемѣнить, какъ перейдти къ лучшему и въ чемъ состоитъ это лучшее. Имѣло ли объ этомъ опредѣленное понятіе правительство царевны? Это вопросъ. Одинъ Французъ, бывшій въ Москвѣ по дипломатическихъ дѣламъ, Ла-Нёвиль, говоритъ, что Голицынъ имѣлъ самые обширные и возвышенные виды, что онъ хотѣлъ сблизить Россію съ Европой, про-

свѣтить ее, даже освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вѣчная слава Голицыну, если это правда; но онъ этого не сдѣлалъ, да едва ли и имѣлъ бы довольно силы чтобъ сдѣлать. Нѣтъ сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, что въ нѣкоторыхъ, лучшихъ умахъ того времени пробуждалось желаніе глубокихъ перемѣнъ. Такое состояніе испытываютъ въ различныя времена всѣ народы, и стремленіе къ чему-то лучшему всегда обнаруживается гораздо ранѣе, нежели является человѣкъ, который въ состояніи удовлетворить этимъ стремленіямъ. И это не только въ отношеніи законовъ и управленія, а во всемъ: никому, напримѣръ, не могли нравиться непроѣздныя дороги, какія существовали во всей Европѣ,—то грязныя, то песчаныя, то намощенныя накатникомъ,—и вѣроятно многія тысячи человѣкъ жаловались на нихъ и желали чего-нибудь лучшаго, а между тѣмъ сколько времени прошло прежде чѣмъ Макъ-Адамъ научилъ дѣлать шоссе!

Не царевнѣ дано было сдѣлаться преобразователемъ Россіи. Важно ужъ и то, что она сама чувствовала неловкость и тѣсноту тѣхъ рамъ, въ которыя старинныя понятія заключали человѣка, и иногда смѣло разрывала ихъ. Не она ли первая рѣшилась оставить теремъ, гдѣ русскія женщины безвыходно сидѣли, подобно невольницамъ Турокъ и Персіянъ? Не она ли первая указала, что женщина можетъ имѣть въ жизни и другія занятія, кромѣ вышиванія да болтовни съ нянями и сѣнными дѣвушками? Не она ли, наконецъ, хотѣла освободиться отъ нелѣпаго обычая, обрекавшаго царевнъ на вѣчное безбрачіе?... Правда, что ко всѣмъ этимъ цѣлямъ Софья Алексѣевна шла не всегда путями законными, но за то она и была наказана: четырнадцать лѣтъ провела она въ заключеніи; этого достаточно, чтобы искупить ея грѣхи, и не боясь быть пристрастными, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что она первая нанесла ударъ одному изъ самыхъ тупыхъ, жестокихъ и вредныхъ понятій нашей старины—заключенію женщинъ, такъ же какъ ея фаворитъ — нелѣпому обычаю мѣстничества (стр. 27). Какъ то, такъ и другое — большія заслуги царевны и Голицына передъ потомствомъ. Наконецъ, какъ увидимъ далѣе, въ правленіе Софьи Алексѣевны Московскомъ договоромъ 1686 года, положено начало тѣмъ

7*

Царствованіе Петра.

Стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Царствованіе Петра.

Стр.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЧТЕНІЕ
ИЗЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

тоже часто упоминаются фамиліи Голицыныхъ, Одоевскихъ, Долгоруковыхъ, Трубецкихъ; но вотъ мы только что видѣли рядомъ съ ними Ѳедьку (какъ его называли при слѣдствіи) Шакловитаго, человѣка вовсе неродовитаго. Мы видѣли также, что однимъ изъ первыхъ людей при царѣ Алексѣѣ былъ бѣдный и безродный Матвѣевъ и что дочь мелкаго дворянина Нарышкина сдѣлалась царицей. Подобные случаи перехода людей изъ одного общественнаго положенія въ другое, весьма обыкновенные въ Россіи, но весьма рѣдкіе въ государствахъ западной Европы, указываютъ на очень важную особенность нашего общественнаго строя и нашей исторіи.

Нынѣшнія государства западной Европы произошли большею частію отъ завоеванія. Племена болѣе или менѣе дикія овладѣли провинціями Римской имперіи и образовали изъ нихъ особыя государства. При этомъ вожди завоевателей, ближайшіе помощники королей-завоевателей, получили въ управленіе или въ собственность обширныя владѣнія со всѣми людьми, ихъ населявшими, съ правомъ судить этихъ послѣднихъ, управлять ими, даже казнить ихъ смертію, получать съ нихъ подати, набирать изъ нихъ вооруженные отряды, и съ обязанностію выводить эти отряды на войну по требованію государя и быть ему вѣрными. Такія владѣнія назывались герцогствами, графствами, маркизатами, и даже тѣ изъ нихъ, которыя состояли только въ управленіи ихъ, а не принадлежали на правѣ собственности, переходили отъ отца къ сыну, такъ же какъ переходило королевство Французское или Англійское, по порядку наслѣдства; для того же, чтобъ эти владѣнія не раздроблялись — наслѣдникомъ отца бывалъ только старшій сынъ, младшіе же обыкновенно поступали въ духовное или военное званіе.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА.

VIII.

Отсутствіе аристократіи, какъ сословія, въ старинной Руси. — Что такое аристократія по западнымъ понятіямъ? — Въ Россіи передъ царемъ всѣ были равны. Значеніе рода и родства служитъ связью между людьми, особенно знатныхъ фамилій. — Крѣпкая связь старинной семьи. — Связь родичей между собою. — Связь господина съ его людьми. — Хорошая и дурная сторона патріархальнаго быта. — Почему въ старинной Руси такъ медленно совершалось развитіе нравственное и матеріальное?

Для человѣка, который любитъ и привыкъ размышлять, все подаетъ поводъ къ размышленію, а размышленіе пополняетъ смыслъ прочитаннаго, даетъ ему важность и значеніе. Возьмемъ, напримѣръ, то мѣсто, на которомъ мы остановились,— слѣдствіе и судъ надъ Шакловитымъ, и подумаемъ о нихъ: можно быть увѣреннымъ, что мы додумаемся до какихъ-нибудь любопытныхъ выводовъ.

Тѣ, которые читали разсказы изъ исторіи Франціи, Англіи и Германіи, вѣрно замѣтили, что въ разсказахъ этихъ почти исключительно встрѣчаются имена людей знатнаго происхожденія: герцоговъ, графовъ, бароновъ, и даже очень часто однѣ и тѣ же фамиліи, напримѣръ во Франціи—Конде, Рогановъ, Монморанси, въ Англіи—Эссексовъ, Девоншейровъ и др. Въ исторіи Россіи

кого-нибудь приказа; но, какъ уже замѣчено, первымъ человѣкомъ при царѣ Алексѣѣ былъ Матвѣевъ, а прежде Морозовъ, Ордынъ-Нащокинъ, — люди незнатные и небогатые. Также точно при царевнѣ Шакловитый занялъ мѣсто князя Хованскаго и почти соперничалъ въ ея милости съ княземъ Голицынымъ; также точно мы увидимъ, что и Петръ беретъ своихъ министровъ между людьми всѣхъ возможныхъ состояній; такъ дѣлали и его преемники. Не порода, а служба возвеличивала; на заслугѣ было основано мѣстничество (вып. I гл. 2). Начиная съ Петра, люди, отличавшіеся въ службѣ государевой, были дѣлаемы князьями, какъ потомки Рюрика и Владиміра, чего почти никогда не бывало на Западѣ. При извѣстномъ королѣ Французскомъ, Людовикѣ XIV, былъ маршалъ изъ недворянскаго сословія; однако онъ не только не былъ сравненъ съ знатными, титулованными фамиліями, но даже не былъ сдѣланъ дворяниномъ.

Господство графовъ и бароновъ въ ихъ графствахъ и бароніяхъ мало-по-малу уничтожилось, и уже лѣтъ двѣсти какъ вовсе не существуетъ такихъ полунезависимыхъ владѣній; но нѣкоторые слѣды стариннаго устройства сохранились въ иныхъ государствахъ западной Европы, какъ напримѣръ въ Англіи. Тамъ лордъ хотя и не имѣетъ права судить людей въ своихъ владѣніяхъ, чеканить монету и т. п., но вліяніе его на нихъ очень сильно, и притомъ онъ по одному своему имени, потому только, что онъ лордъ, получаетъ право подавать совѣты правительству и участвовать въ законодательствѣ (палата лордовъ). И всякій лордъ имѣетъ подобныя же права, и всѣхъ ихъ связываютъ между собою старинныя преданія, родство и общность интересовъ; они составляютъ особый отъ прочихъ разрядъ людей, или сословіе, которое называется аристократіей.

Такъ какъ у насъ не было людей съ такими наслѣдственными правами, то можно сказать, что у насъ не было и аристократіи, хотя, конечно, и у насъ были старинныя, знатныя фамиліи, въ теченіе многихъ вѣковъ постоянно игравшія роль въ ея исторіи. Царь одинъ имѣлъ права въ Россіи; онъ же одинъ имѣлъ власть возвышать людей, награждать ихъ и наказывать; его именемъ чинился повсемѣстно судъ; служить отечеству значило служить царю; за умыселъ противъ царя назначалась казнь такая же лютая какъ за измѣну государству. Царь могъ избирать себѣ совѣтниковъ, но онъ былъ воленъ не слушать ихъ и даже вовсе обходиться безъ совѣтовъ. Таковы были существенныя отличія старинной Руси отъ государствъ западной Европы.

Итакъ, задавъ себѣ, повидимому, неважный вопросъ, мы пришли однакожь къ важнымъ выводамъ. Пойдемъ далѣе. Голицынъ былъ сосланъ какъ государственный преступникъ; допустимъ, что онъ заслужилъ это. Но почему же вмѣстѣ съ нимъ были отправлены его жена и дѣти, жены и дѣти его сыновей? Какое преступленіе могли сдѣлать эти женщины, эти младенцы?

Ихъ ссылали не потому, чтобъ они были виноваты въ чемъ-нибудь, а потому, что по стариннымъ понятіямъ, вся семья представлялась чѣмъ-то нераздѣльнымъ, какъ вѣтви одного дерева, какъ лепестки одного цвѣтка. Въ теперешнее время совершеннолѣтній сынъ часто не живетъ въ домѣ своего отца, изъ числа родныхъ братьевъ одинъ имѣетъ такой образъ мыслей, такія занятія, такія знакомства, а другой братъ совершенно иные, и всѣ они могутъ думать и дѣлать совершенно иначе и водиться совсѣмъ съ другими людьми, нежели ихъ отецъ. Даже дочери, которыя обыкновенно остаются до замужства въ отцовскомъ домѣ, могутъ пони-

мать и отчасти поступать не такъ, какъ ихъ родители, а выйдя замужъ, имѣть образъ мыслей болѣе или менѣе отличный отъ образа мыслей ихъ мужей. Поэтому очень натурально, что нынѣ братъ не отвѣчаетъ за брата, мать за дочь, жена за мужа; и если случается, что жена слѣдуетъ за мужемъ, когда постигаетъ его несчастіе, то это дѣлается добровольно и тѣмъ большаго заслуживаетъ уваженія. Но въ старину было совершенно иначе. Сыновья, не только совершеннолѣтніе, но даже женатые, оставались въ домѣ отца; для нихъ обыкновенно хотя и строилось особое жилье, но на отцовскомъ дворѣ; они, съ своими женами и дѣтьми, кормились и одѣвались на счетъ отца семейства, который съ своей стороны сохранялъ надъ ними, надъ ихъ женами и дѣтьми (которыя притомъ обыкновенно бывали его крестниками) полную власть и господство; его жена была хозяйкой всего дома, а ея невѣстки бывали только помощницами, или, въ небогатомъ быту, ея прислужницами. Только дочь, выходя замужъ, переставала быть членомъ семьи; отъ того и говорилось, что она „уходитъ въ чужіе люди", что она „отрѣзанный ломоть".

Такимъ образомъ нашу старину справедливо называютъ патріархальною; и точно, она имѣла все, что̀ въ патріархальности есть хорошаго и дурнаго. Много было прекраснаго въ этой тѣсной связи, существовавшей между членами одной семьи, въ той взаимной помощи, какую они другъ другу оказывали, въ тѣхъ связяхъ, какія сохранялись между ними, даже и тогда когда, послѣ смерти отца семейства, члены этого семейства разсыпа́лись въ разныя стороны и когда каждый изъ нихъ дѣлался въ свою очередь отцомъ и главой семьи. Одинъ изъ нихъ, обыкновенно старшій братъ, или мать-старуха, пока она еще оставалась въ живыхъ, дѣлался центромъ

этой разбредшейся семьи. Въ день его именинъ, по случаю родинъ, крестинъ, похоронъ или свадьбы въ его домѣ, въ день его храмоваго праздника, вся бывшая семья, да даже и все родство, близкое и дальнее, считали своимъ долгомъ навѣстить его, и отъ исполненія этого долга, установленнаго незапамятнымъ обычаемъ, ничто не могло остановить нашихъ прадѣдовъ: ни іюльскіе жары, ни январскіе морозы; изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ родичи пускались въ путь на колесахъ или на полозьяхъ, цугомъ и гусемъ, съ дѣтьми и челядинцами, на нѣсколькихъ подводахъ, съ запасомъ дорожнаго продовольствія, съ перинами и подушками.

И вотъ торжественный день наступалъ. Если это былъ храмовой или большой годовой праздникъ, церемоніалъ открывался всенощною; хозяинъ самъ читалъ при этомъ псалтирь, пѣлъ вмѣстѣ съ дьячкомъ. Наутро почетные родственники подходили къ своему патріарху и поздравляли, взаимно лобызаясь, а менѣе почетные родственники и дѣти цѣловали его руку, которая по большей части разверзалась при этомъ и дарила такъ-называемую „копѣечку“, то-есть какую-нибудь болѣе или менѣе цѣнную монету, которая сверху прикрывалась настоящею копѣйкой. И долго проживали такимъ образомъ родичи вмѣстѣ, иногда цѣлыя недѣли; ѣли, пили, охотились, говорили о своихъ дѣлахъ, давали другъ другу совѣты, а нерѣдко оказывали и болѣе существенное пособіе.

Такія отношенія поддерживали связи между родственниками; какой-нибудь троюродный племянникъ не казался чужимъ человѣкомъ для своего троюроднаго дяди; онъ интересовался его судьбой, готовъ былъ помочь ему въ затруднительную минуту. Этому можно привести множество примѣровъ. Во время суда надъ Шакловитымъ и Голицынымъ, когда этого послѣдняго пригово-

рили къ ссылкѣ, кто навѣстилъ его и *осмѣлился* (потому что на это нужна была смѣлость) даже провожать опальнаго, снаряженнаго въ дальній путь? Его двоюродный братъ, Борисъ Голицынъ. Лѣтъ тридцать спустя, одинъ изъ Долгоруковыхъ былъ замѣшанъ въ одно дѣло о преступныхъ замыслахъ царевича Алексѣя противъ Петра; однофамилецъ виновнаго, даже не родственникъ его, извѣстный намъ Яковъ Ѳедоровичъ, осмѣлился (опять-таки это требовало смѣлости) ходатайствовать за него: „помилуй, всемилосердый государь, писалъ онъ Царю: да не снидемъ въ старости нашей во гробъ во имени рода злодѣевъ!“ Апраксинъ сдѣлалъ еще лучше. Въ солдаты, какъ и въ матросы, поступали въ старину люди всѣхъ сословій, дворяне, такъ же какъ холопы, и всѣ одинаково исполняли всякаго рода работы, копали землю, били сваи и т. п. Увидѣвъ разъ своихъ племянниковъ за такою работой, Апраксинъ — тогда генералъ-адмиралъ — сбросилъ съ себя мундиръ и самъ принялся тащить канатъ *бабы*: я-де не лучше моихъ племянниковъ!

Въ прежнія времена человѣкъ весьма нерѣдко и жилъ и умиралъ тамъ гдѣ родился, посреди той же внѣшней обстановки, посреди тѣхъ же людей: отеческій кровъ, семья, родные, сосѣди составляли весь его міръ; онъ крѣпко привязывался къ нимъ, изливалъ на нихъ всю любовь свою. Нынѣ мы несравненно болѣе отдаемъ души нашей всему міру, всему человѣчеству; наша мысль улетаетъ за горы и океаны, мы читаемъ описанія земель отдѣленныхъ отъ насъ тысячами верстъ, интересуемся судьбой людей ихъ населяющихъ, странствуемъ и живемъ среди чужаго народа и очень часто всю жизнь проводимъ внѣ того околотка, гдѣ родились, гдѣ жили и умирали многія поколѣнія нашихъ предковъ. Очень натурально, что при этомъ сосѣдственныя и родствен-

ныя связи у насъ ослабляются. Ослабѣваютъ и связи между членами одного семейства, которые, едва ставъ на ноги, и даже ранѣе, — чуть начиная жить, уже разлетаются изъ-подъ родительскаго крова, кто въ школу, кто на службу, кто путешествовать. Такимъ образомъ, если, какъ выше сказано, мы болѣе нежели предки наши сочувствуемъ интересамъ человѣчества, то на долю семейства, родины и даже можетъ-быть отечества приходится менѣе любви; кругъ сочувственныхъ намъ интересовъ несравненно обширнѣе, за то сочувствіе это слабѣе.

Все вышесказанное о родѣ и семьѣ относилось къ людямъ болѣе или менѣе родовитымъ, но почти то же можно сказать и о прочихъ: крестьянинъ не могъ, конечно, пускаться въ гости къ отдаленному своему родственнику, но разспрашивалъ о немъ у пріѣзжихъ, посылалъ ему поклоны и т. п.

До Петра I, да и послѣ него, въ каждомъ дворянскомъ домѣ были старые дядьки и няньки, выростившіе нѣсколько поколѣній. Они хотя и оставались крѣпостными, но пользовались почетомъ передъ прочею дворней; помѣщикъ держалъ ихъ, какъ и прочихъ, въ крѣпкомъ страхѣ, но изъ дошедшихъ до насъ духовныхъ завѣщаній прежняго времени мы видимъ, что эти старые слуги получали не рѣдко при смерти помѣщика свободу и щедрые надѣлы, которые давали если не имъ, то ихъ дѣтямъ, возможность жить безбѣдно, а иногда и выходить въ люди.

Не взирая на все самовластіе, которымъ пользовались и очень часто злоупотребляли помѣщики, ихъ образъ жизни и самая ихъ неразвитость устанавливали нѣкоторую общность между ними и подвластными имъ людьми: дворня не рѣдко допускалась къ участію въ ихъ пирушкахъ, помѣщикъ принималъ участіе въ кре-

стьянскихъ хороводахъ, а его дочь пѣла съ своими прислужницами о святкахъ. Все это устанавливало связь между людьми всѣхъ состояній и сообщало характеръ плотнаго единства всему народу, всей націи.

Такова была семейная и общественная жизнь того времени. Очевидно, ею не могли бы жить въ настоящее время даже тѣ, которые, будучи недовольны современностію, видятъ въ минувшемъ золотой вѣкъ. Еслибы силой какого-нибудь чародѣйства вся старинная обстановка могла вдругъ воскреснуть и замѣнить ту жизнь, тѣ условія, которыя насъ окружаютъ, то она ужаснула бы тѣхъ, которые прославляютъ ее. Безъ сомнѣнія, имъ показался бы невыносимъ деспотизмъ отца семейства прежнихъ временъ, который одинъ все рѣшалъ, все дѣлалъ, кромѣ котораго никто не имѣлъ своей воли, передъ которымъ всѣ безмолвствовали. Въ старину отецъ рѣшалъ выдать ли дочь за жениха, который ее сватаетъ; онъ женилъ сына на комъ считалъ приличнымъ, даже не помышляя, чтобы стоило его спрашивать объ этомъ: „стерпится — слюбится", говорили наши прадѣды. И точно, мужъ и жена тогда „стерпливались", но чего это стоило бы теперь! У нашихъ пращуровъ былъ обычай класть подъ подушку новобрачному плеть, посредствомъ которой молодой супругъ долженъ „учить" свою жену. Есть одна старинная книга, называемая *Домострой*, въ которой написаны правила для семейной жизни; тамъ не только рекомендуется плеть, какъ прекрасное средство для управленія семействомъ, но даже полезною признается дубина. Обычаи эти долго существовали у насъ и упрямо держались; не такъ давно еще оставило ихъ дворянство, а купечество, отчасти духовенство и крестьянство держалось ихъ до самаго послѣдняго времени. Но какъ

тяжела жизнь по правиламъ *Домостроя*, чего стóитъ уживаться на одномъ дворѣ, а. нерѣдко и подъ одною кровлей, нѣсколькимъ семействамъ, хотя бы и родственнымъ, видно изъ той поспѣшности, съ какою, по освобожденіи крестьянъ, семейные братья начали расходиться и селиться отдѣльными усадьбами.

Не менѣе невозможно было бы возвратиться теперь и къ тѣмъ отношеніямъ, которыя нѣкогда существовали между родственниками. Старость, конечно, уважается и всегда будетъ уважаться, но не иначе какъ по мѣрѣ той опытности, того знанія жизни, которыя ее сопровождаютъ, по мѣрѣ тѣхъ трудовъ, которые въ продолженіе своей жизни понесъ человѣкъ, и того добра, которое онъ успѣлъ сдѣлать. Родственныя связи ослабѣли въ наше время,—это несомнѣнно, но за то установились другія, какихъ не существовало прежде, именно тѣ, которыя основываются на сходствѣ понятій, стремленій и занятій. Связи, заключаемыя въ школѣ, на службѣ не существовали въ допетровской Россіи, и если много родственныхъ связей разрываетъ теперь разномысліе по разнымъ предметамъ практической жизни и науки, то сколько же связей устанавливается въ настоящее время между вовсе чуждыми другъ другу людьми, благодаря общности промышленныхъ предпріятій, занятію одною и тою же наукой, товариществу по службѣ, сходству убѣжденій и т. п.!

Условія жизни измѣняются, но было бы несправедливо сказать, что они дѣлаются хуже прежнихъ. Мы не можемъ сближаться съ нашею прислугой какъ сближались наши предки; но это не потому чтобы мы были болѣе горды, а потому что, благодаря полученному нами воспитанію, кругъ понятій нашихъ уже вовсе не тотъ, чтò у людей не получившихъ, къ несчастію, образо-

ванія. Да и позволительно сомнѣваться, чтобы описанные случаи сближенія холопей съ господами были для первыхъ очень радостны. Помѣщикъ охотно слушалъ пѣсни своихъ крѣпостныхъ людей, смотрѣлъ на ихъ пляску и даже самъ принималъ иногда въ ней участіе; но если эти пѣсни казались ему не довольно громкими, если пляску эту находилъ онъ не довольно оживленною, онъ снималъ со стѣнки арапникъ...

Возвратиться къ старинѣ мы не желали бы, да и не могли бы; восхищаться ею и, такъ-сказать, колоть ею глаза нынѣшнему времени смѣшно и несправедливо, но несправедливо и неблагодарно было бы презирать ее. Мы со многимъ старымъ разстались, но многое и удержали; каждое новое поколѣніе обязано на сколько-нибудь усовершенствоваться противъ предшествующаго, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ оно имѣло право презирать труды своихъ отцовъ, которые тоже въ свое время подвинули дѣло историческаго развитія.

Можно однакожь позволить себѣ замѣтить, не боясь подвергнуться осужденію въ неуваженіи къ нашимъ предкамъ, что они въ допетровское время мало подвигались впередъ, поколѣніе за поколѣніемъ. Уваженіе къ старинѣ было между ними, какъ уже не разъ сказано, чрезмѣрно: оно доходило до рутины, оно не давало достаточной возможности пробиться новому. Конечно, старину и старость надо уважать, но отвергать новое только потому, что оно нарушаетъ старину, значитъ обречь себя во вѣки вѣковъ дѣлать одно и то же,—и вотъ именно потому-то, что Россія слишкомъ уже поклонялась своей старинѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ жизнь кипѣла и одно изобрѣтеніе вызывало другое, мы и очутились далеко отставшими отъ Англичанъ, Голландцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ.

IX.

Власть переходитъ въ руки Петра.—Вліяніе царицы-матери и патріарха.—Петръ мало занимается государственными дѣлами. —Смерть Іоакима и Натальи Кирилловны.—Поѣздки Петра въ Архангельскъ. Начало военнаго флота.—Вниманіе Царя обращается къ Черному морю.—Походъ противъ Азова (1695) —Петръ не принимаетъ на себя начальства.—Странная черта его характера.—Первыя неудачи.—Построеніе флотиліи на Дону.—Взятіе Азова (1696).— Кончина царя Іоанна.—Тріумфъ побѣдителямъ въ Москвѣ.

Послѣ того какъ царевна удалилась въ монастырь, вся власть перешла въ руки Петра: Іоаннъ по прежнему оставался въ тѣни. Меньшой Царь, еще не выѣзжая изъ Троицкой лавры, смѣнилъ почти всѣхъ начальниковъ приказовъ (министровъ, сказали бы мы теперь) и другихъ высшихъ сановниковъ, назначенныхъ царевной и Голицынымъ. Между этими новыми избранниками мы уже замѣчаемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ людей, которые до самой смерти оставались сотрудниками Петра, ближайшими его совѣтниками, а нѣкоторые и друзьями. Таковы были: родной его дядя, Левъ Нарышкинъ, князья Ромодановскій и Яковъ Долгоруковъ, приславшій ему нѣкогда астролябію, Тихонъ Стрѣшневъ, Ѳ. А. Головинъ, Головкинъ, Апраксинъ, Лефортъ и другіе, менѣе извѣстные: все высшее управленіе было перемѣнено.

Вслѣдъ за удаленіемъ царевны, большое вліяніе при дворѣ пріобрѣлъ патріархъ, которому много былъ обязанъ Петръ какъ при избраніи своемъ на престолъ, такъ и въ спорѣ съ сестрой, и передъ которымъ притомъ благоговѣла царица Наталья. И онъ, и она были горячіе друзья старины, враги иноземнаго, новаго, необычнаго; они думали и глубоко были убѣждены, что одна только Русь идетъ по пути правды и добра, что

ванія. Да и позволительно сомнѣваться, чтобы описанные случаи сближенія холопей съ господами были для первыхъ очень радостны. Помѣщикъ охотно слушалъ пѣсни своихъ крѣпостныхъ людей, смотрѣлъ на ихъ пляску и даже самъ принималъ иногда въ ней участіе; но если эти пѣсни казались ему не довольно громкими, если пляску эту находилъ онъ не довольно оживленною, онъ снималъ со стѣнки арапникъ...

Возвратиться къ старинѣ мы не желали бы, да и не могли бы; восхищаться ею и, такъ-сказать, колоть ею глаза нынѣшнему времени смѣшно и несправедливо, но несправедливо и неблагодарно было бы презирать ее. Мы со многимъ старымъ разстались, но многое и удержали; каждое новое поколѣніе обязано на сколько-нибудь усовершенствоваться противъ предшествующаго, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ оно имѣло право презирать труды своихъ отцовъ, которые тоже въ свое время подвинули дѣло историческаго развитія.

Можно однакожь позволить себѣ замѣтить, не боясь подвергнуться осужденію въ неуваженіи къ нашимъ предкамъ, что они въ допетровское время мало подвигались впередъ, поколѣніе за поколѣніемъ. Уваженіе къ старинѣ было между ними, какъ уже не разъ сказано, чрезмѣрно: оно доходило до рутины, оно не давало достаточной возможности пробиться новому. Конечно, старину и старость надо уважать, но отвергать новое только потому, что оно нарушаетъ старину, значитъ обречь себя во вѣки вѣковъ дѣлать одно и то же,—и вотъ именно потому-то, что Россія слишкомъ уже поклонялась своей старинѣ, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ жизнь кипѣла и одно изобрѣтеніе вызывало другое, мы и очутились далеко отставшими отъ Англичанъ, Голландцевъ, Французовъ и Нѣмцевъ.

IX.

Власть переходитъ въ руки Петра.—Вліяніе царицы-матери и патріарха.—Петръ мало занимается государственными дѣлами. —Смерть Іоакима и Натальи Кирилловны.—Поѣздки Петра въ Архангельскъ. Начало военнаго флота.—Вниманіе Царя обращается къ Черному морю.—Походъ противъ Азова (1695) —Петръ не принимаетъ на себя начальства.—Странная черта его характера.—Первыя неудачи.—Построеніе флотиліи на Дону.—Взятіе Азова (1696).— Кончина царя Іоанна.—Тріумфъ побѣдителямъ въ Москвѣ.

Послѣ того какъ царевна удалилась въ монастырь, вся власть перешла въ руки Петра: Іоаннъ по прежнему оставался въ тѣни. Меньшой Царь, еще не выѣзжая изъ Троицкой лавры, смѣнилъ почти всѣхъ начальниковъ приказовъ (министровъ, сказали бы мы теперь) и другихъ высшихъ сановниковъ, назначенныхъ царевной и Голицынымъ. Между этими новыми избранниками мы уже замѣчаемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ людей, которые до самой смерти оставались сотрудниками Петра, ближайшими его совѣтниками, а нѣкоторые и друзьями. Таковы были: родной его дядя, Левъ Нарышкинъ, князья Ромодановскій и Яковъ Долгоруковъ, приславшій ему нѣкогда астролябію, Тихонъ Стрѣшневъ, Ѳ. А. Головинъ, Головкинъ, Апраксинъ, Лефортъ и другіе, менѣе извѣстные: все высшее управленіе было перемѣнено.

Вслѣдъ за удаленіемъ царевны, большое вліяніе при дворѣ пріобрѣлъ патріархъ, которому много былъ обязанъ Петръ какъ при избраніи своемъ на престолъ, такъ и въ спорѣ съ сестрой, и передъ которымъ притомъ благоговѣла царица Наталья. И онъ, и она были горячіе друзья старины, враги иноземнаго, новаго, необычнаго; они думали и глубоко были убѣждены, что одна только Русь идетъ по пути правды и добра, что

года онъ отправился туда со всею своею „компаніей“, то-есть съ молодыми друзьями и сотрудниками своими. Съ жаднымъ любопытствомъ осматривалъ онъ верфи (*), всходилъ на корабли, пришедшіе изъ-за моря, разспрашивалъ шкиперовъ, ласкалъ ихъ, охотно выпивалъ съ ними кружку пива, и наконецъ выѣхалъ въ море, въ открытое море...

Петръ былъ вполнѣ доволенъ своею поѣздкой. Онъ познакомился съ грозною стихіей, которая давно уже влекла его къ себѣ; онъ видѣлъ бѣгъ кораблей не стѣсняемыхъ сосѣдствомъ береговъ, видѣлъ массы произведеній заграничной промышленности, познакомился съ людьми живущими при совершенно отличныхъ отъ русской жизни условіяхъ. Все это давало обильную пищу его любознательности и должно было зародить въ немъ много новыхъ стремленій. Онъ поручилъ Апраксину заняться постройкой уже не маленькихъ озерныхъ судовъ, а военныхъ кораблей, самъ же отправился въ Москву, куда призывали его настоянія старой царицы, скончавшейся вскорѣ послѣ его возвращенія.

Весной 1694 года онъ снова пустился къ Архангельску и прибылъ туда во главѣ цѣлой флотиліи, построенной въ продолженіе зимы въ Вологдѣ. Въ Архангельскѣ тоже было сооружено нѣсколько кораблей, и нѣсколько другихъ, купленныхъ въ Голландіи, прибыло къ тамошнему порту. Такимъ образомъ составился маленькій военный флотъ, — первый русскій военный флотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ замышлялъ сдѣлать Архангельскъ главнымъ торговымъ и военнымъ портомъ Россіи, не имѣя въ виду другаго. Но скоро ему представился случай устроить портъ на совершенно другомъ

(*) Мѣста гдѣ строятся суда.

Россіи своею службой. Не очень ласково на нихъ смотрѣли русскіе друзья Петровы,—Долгоруковъ, Стрѣшневъ, Апраксинъ, Бутурлинъ, Ромодановскій; нерѣдко они ссорились съ ними, даже дрались, разгоряченные виномъ; но воля молодаго Государя уже господствовала надъ ними: они ссорились, но не смѣли враждовать. Петръ пировалъ съ ними, но и заставлялъ каждаго изъ нихъ работать: одному поручалъ надзоръ за постройкой судовъ, другаго заставлялъ обучать преображенцевъ и семеновцевъ, названныхъ *гвардіею*, третьему приказывалъ выводить земляныя укрѣпленія по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, четвертому вести противъ нихъ аттаку.

Между тѣмъ стали мало-по-малу обрываться тѣ путы, которыя удерживали Петра въ преданіяхъ старины. Патріархъ Іоакимъ скончался. Новый патріархъ Адріанъ, хотя и совершенно согласный въ образѣ мыслей съ предшественникомъ своимъ, уже не имѣлъ на Петра, перешедшаго за двадцать лѣтъ, того вліянія, какимъ пользовался его предмѣстникъ. Молодая царица, тоже чуждавшаяся иноземцевъ, какъ и ея свекровь, не имѣла ровно никакого вліянія на мужа, да и вліяніе Натальи Кирилловны начинало ослабѣвать. Однимъ изъ первыхъ проявленій самостоятельности Петра была поѣздка въ Архангельскъ.

Архангельскъ былъ тогда единственнымъ портомъ, единственнымъ въ Россіи путемъ для сношеній съ Европой. Еще со времени Іоанна IV въ немъ производилась довольно живая торговля съ Голландцами, Гамбургцами и Англичанами. Но до Архангельска отъ Москвы насчитывалось болѣе 1200 верстъ; дорога къ нему пролегала по краю пустынному, суровому и дикому. Это не остановило однако Петра. Лѣтомъ 1693

года онъ отправился туда со всею своею „компаніей“, то-есть съ молодыми друзьями и сотрудниками своими. Съ жаднымъ любопытствомъ осматривалъ онъ верфи (*), всходилъ на корабли, пришедшіе изъ-за моря, разспрашивалъ шкиперовъ, ласкалъ ихъ, охотно выпивалъ съ ними кружку пива, и наконецъ выѣхалъ въ море, въ открытое море...

Петръ былъ вполнѣ доволенъ своею поѣздкой. Онъ познакомился съ грозною стихіей, которая давно уже влекла его къ себѣ; онъ видѣлъ бѣгъ кораблей не стѣсняемыхъ сосѣдствомъ береговъ, видѣлъ массы произведеній заграничной промышленности, познакомился съ людьми живущими при совершенно отличныхъ отъ русской жизни условіяхъ. Все это давало обильную пищу его любознательности и должно было зародить въ немъ много новыхъ стремленій. Онъ поручилъ Апраксину заняться постройкой уже не маленькихъ озерныхъ судовъ, а военныхъ кораблей, самъ же отправился въ Москву, куда призывали его настоянія старой царицы, скончавшейся вскорѣ послѣ его возвращенія.

Весной 1694 года онъ снова пустился къ Архангельску и прибылъ туда во главѣ цѣлой флотиліи, построенной въ продолженіе зимы въ Вологдѣ. Въ Архангельскѣ тоже было сооружено нѣсколько кораблей, и нѣсколько другихъ, купленныхъ въ Голландіи, прибыло къ тамошнему порту. Такимъ образомъ составился маленькій военный флотъ, — первый русскій военный флотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Петръ замышлялъ сдѣлать Архангельскъ главнымъ торговымъ и военнымъ портомъ Россіи, не имѣя въ виду другаго. Но скоро ему представился случай устроить портъ на совершенно другомъ

(*) Мѣста гдѣ строятся суда.

концѣ своего царства, въ краѣ плодоносномъ, на берегу не столь унылаго моря какъ Ледовитое. Правда, море это надобно было добывать оружіемъ, но Петръ не отступилъ передъ этимъ затрудненіемъ.

Надобно вспомнить, что договоромъ, заключеннымъ въ 1686 году съ Польшей, мы взаимно обязывались не заключать съ Турками и татарами отдѣльнаго мира. Мира и не было заключено, но послѣ двухъ неудачныхъ походовъ Голицына, не одобряемые сильною партіей при дворѣ, они были пріостановлены. Король Польскій жаловался на это; мы жаловались, что онъ не поддерживалъ насъ въ предшествовавшія войны, и безплодная переписка по этому предмету продолжалась четыре года. Между тѣмъ Петръ пришелъ къ той же мысли, которую имѣли царевна и Голицынъ: онъ убѣдился, что обладаніе берегами Чернаго моря можетъ быть очень полезно Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, немного нужно было проницательности чтобъ увидѣть невыгоды Архангельскаго порта, запертаго льдами половину года и находящагося на оконечности скуднаго, печальнаго края. Что̀ можно было доставлять къ нему Двиной кромѣ лѣса и льна? Несравненно болѣе предметовъ для торговли могли доставить Волга, Днѣпръ и Донъ. Но Волга впадаетъ въ такое море, на которомъ торговля не обѣщала большаго развитія въ близкомъ будущемъ и гдѣ не нуженъ былъ военный флотъ, а Днѣпръ только однимъ берегомъ своимъ принадлежалъ Россіи (*). За то Донъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды: онъ протекаетъ по весьма плодоноснымъ областямъ, берега его были порядочно населены, и тогдаш-

(*) Днѣпръ былъ въ то время пограничною рѣкой: одинъ берегъ его былъ нашъ, а другой — польскій.

нія небольшія суда могли весьма удобно плавать по всему его теченію. Но устье его было заперто турецкою крѣпостью Азовомъ. Надо было слѣдовательно взять Азовъ, и Петръ рѣшился возобновить войну.

Крымскіе походы показали, что рать, хотя бы и многочисленная, хотя бы даже очень храбрая, не составляетъ еще всѣхъ условій для успѣха. Военное искусство есть искусство весьма сложное. Петръ имѣлъ въ немъ гораздо больше свѣдѣній, нежели Голицынъ; онъ выучился у своихъ учителей, московскихъ Нѣмцевъ, всему, чему они могли выучить: онъ понялъ превосходство регулярнаго строя передъ нестройною толпой, научился располагать войско къ бою по всѣмъ правиламъ тогдашней тактики, научился вести осадныя работы и штурмовать укрѣпленія; а управленіе правильно организованными полками, съ которыми онъ постоянно маневрировалъ около Москвы, научило его важному искусству принимать мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ,—искусству, о которомъ воеводы прежняго времени не имѣли никакого понятія. По всему этому можно было, казалось, ожидать успѣха въ предстоявшемъ походѣ. И точно, онъ былъ веденъ гораздо искуснѣе всѣхъ прежнихъ, а между тѣмъ крѣпостца, которая была бы разбита впрахъ сотней выстрѣловъ изъ нынѣшнихъ орудій, едва была взята въ два года и стоила намъ много крови.

На 1695 годъ былъ объявленъ походъ, но не противъ Азова, а противъ Крыма: Петръ хотѣлъ скрыть истинную цѣль свою, чтобъ тѣмъ легче овладѣть турецкою крѣпостью. Поэтому въ то время, какъ многочисленная рать стягивалась на южную границу Украйны и подъ начальствомъ славнаго въ послѣдствіи Бориса Петровича Шереметева и Мазепы, направлялась къ низовью

Днѣпра, до 30 тысячъ лучшаго войска,—отчасти стрѣлецкихъ, но больше солдатскихъ полковъ,—и гвардія были двинуты въ Землю Донскаго Казачьяго Войска, прилегавшую въ то время къ турецкимъ владѣніямъ. Въ одно время съ движеніемъ этой арміи, по Хопру и Дону плыли сотни барокъ съ провіантомъ, снарядами и артиллеріей.

Въ началѣ іюня открыты были осадныя работы противъ азовскихъ укрѣпленій, и начало ихъ было довольно удачно. Скоро однакожь искусство нашихъ инженеровъ, въ числѣ которыхъ находимъ Тиммермана, оказалось далеко неудовлетворительнымъ. Между начальствомъ была разладица. Замѣчательно, что въ этомъ походѣ не было общаго начальника, которому всѣ были бы обязаны повиноваться; главныхъ начальниковъ было три: Лефортъ, любимецъ Петра, Гордонъ, котораго имя намъ уже извѣстно, и Головинъ. Изъ нихъ только Гордонъ былъ хорошо знакомъ съ военнымъ дѣломъ, изучивъ его и изъ книгъ, и изъ опыта, во время долгой службы своей какъ за границей, такъ и у насъ. Лефортъ, хотя и ему случалось обнажать оружіе, ничѣмъ никогда не командовалъ, а Головинъ очень твердо зналъ „воинскій артикулъ“ и хорошо командовалъ гвардейскими полками, которыхъ онъ былъ начальникомъ, на ученьяхъ, но о другихъ его военныхъ качествахъ исторія умалчиваетъ. Что касается до Петра, то хотя онъ проводилъ дни и ночи въ траншеяхъ, самъ наводилъ орудія и подвергался безпрестаннымъ опасностямъ, и хотя у него было болѣе военныхъ способностей, чѣмъ у всѣхъ трехъ его генераловъ вмѣстѣ, но начальствовать арміей онъ не взялъ на себя: почему?—это трудно сказать. Никто не станетъ утверждать, чтобы скромность и смиреніе были его отличительными чертами: напротивъ, онъ

шаго размѣра), то воронежскихъ судовщиковъ и плотниковъ не могло быть достаточно. Петръ не затруднился этимъ: „Min her gubernor Archangel, писалъ онъ Апраксиву, съ консиліи господъ генераловъ *указано мнѣ* къ будущей войнѣ дѣлать галеи (родъ галеръ); для чего удобно мню быть шхиптимерманамъ (корабельнымъ мастерамъ) всѣмъ отъ васъ сюды.“ Они должны были прибыть въ Воронежъ къ веснѣ, а въ теченіе зимы приказано было заготовить потребное количество лѣсу, желѣза и другаго матеріала для постройки и оснастки судовъ. Петръ поворачивалъ дѣломъ не по старинному: все кипѣло у него въ рукахъ, все шевелилось вокругъ него.

Подавая примѣръ дѣятельности, качества вовсе незнакомаго старинной Руси, онъ еще въ концѣ зимы, больной, прискакалъ изъ Москвы въ Воронежъ и принялся самъ за топоръ и за циркуль: „мы по приказу Божію къ праотцу нашему Адаму, писалъ онъ Стрѣшневу, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой“. За то къ апрѣлю тридцать галеръ было готово.

Между тѣмъ въ началѣ 1696 года скончался царь Іоаннъ, остававшійся во все свое четырнадцатилѣтнее царствованіе незамѣченнымъ. Ни жизнь его, ни смерть не оказали никакого вліянія на судьбу нашего отечества, и потому мы, заявивъ о его смерти, возвратимся къ азовскимъ укрѣпленіямъ, къ которымъ снова сдвигались наши полки и плыли новоустроенныя галеры. По прошлогоднему предположенію, онѣ дѣйствительно заняли такъ-называемыя Донскія „гирлы“ (устья); нѣсколько турецкихъ кораблей попробовали было подойдти къ Азову, но принуждены были повернуть назадъ, причемъ два изъ нихъ, сѣвшіе на мель, были сожжены. Что касается до самой крѣпости, то по ней была

открыта жестокая канонада ядрами и бомбами, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, послѣ чего гарнизонъ рѣшился положить оружіе.

Радость Петра была неописанна. „Нынѣ со святымъ Павломъ радуйтесь о Господѣ и паки реку радуйтесь“, писалъ онъ въ Москву, извѣщая о сдачѣ Азова; а Ромодановскій, такъ же серьезно входившій въ свою роль „государя“ и „кесаря“, какъ Петръ въ роль бомбардиръ-капитана, отвѣчалъ ему съ тяжелою флегмой: „за усердное къ Богу моленіе и за мудрое надъ бусурманами сисканіе ко взятію Азова, похваляемъ адмирала (Лефорта), генераловъ, всѣхъ начальныхъ людей, пѣхоту и тебя, каптейна.“

И встарину случалось нашимъ воеводамъ брать укрѣпленные города, подобные Азову; но тогда вся ихъ награда состояла въ шубѣ съ царскаго плеча, кубкѣ, нѣскольких пригоршняхъ червонцевъ, которые имъ жаловалъ царь, да въ „милостивомъ его словѣ“. Теперь Петръ желалъ чтобы побѣда надъ Турками имѣла видъ общественнаго торжества, и приказалъ устроить въ Москвѣ для возвращавшихся войскъ тріумфальную встрѣчу. При въѣздѣ съ Замоскворѣчья на Каменный мостъ (построенный при царевнѣ) были поставлены тріумфальныя врата, украшенныя гербами, арматурами, изображеніемъ славы, статуями, представлявшими торжество Русскихъ надъ Турками; надъ изображеніемъ этихъ послѣднихъ были написаны слѣдующіе стихи:

Ахъ, Азовъ мы потеряли
И тѣмъ бѣдство себѣ достали!

Нептунъ, властитель морей, гласилъ: „се и азъ поздравляю взятіемъ Азова, и вамъ покоряюсь“.

30-го сентября (1696) началось торжественное шествіе. Солдатскіе и стрѣлецкіе полки съ развивавшимися

знаменами, главные начальники въ парадныхъ экипажахъ, духовенство съ хоругвями и иконами, плѣнные Турки и татары, отбитые у нихъ значки, бунчуки и другіе трофеи слѣдовали установленнымъ порядкомъ подъ звуки музыки и при стеченіи народа. Въ тріумфальномъ же шествіи везли одного иностранца, перебѣжавшаго изъ нашей службы къ Туркамъ и попавшагося въ плѣнъ: онъ былъ прикованъ къ телѣгѣ, на которой утверждена была висѣлица и разложены орудія пытки... Что касается до Царя, то онъ шелъ пѣшкомъ, въ мундирѣ морскаго капитана, за экипажемъ адмирала Лефорта.

Москва дивилась невиданному зрѣлищу. Государь надѣялся, что оно поможетъ врѣзать въ народную память побѣду, отъ которой онъ ожидалъ обширныхъ послѣдствій.

X.

Выгоды, которыя ожидались отъ овладѣнія устьями Дона. — Важность иностранной торговли. — Вліяніе торговли на бытъ народа. — Неизбѣжность войны съ Турціей. — Потребность флота для этой цѣли. — Понятія о казнѣ и системѣ налоговъ. — „Кумпанства" для сооруженія флота. — Ропотъ и неудовольствіе. — Отправленіе молодыхъ людей за границу. — Заговоръ Цыклера, Соковнина и др. — Страшныя поминки Милославскому. — Приготовленіе къ поѣздкѣ за границу самого Царя. — Великое посольство.

Какихъ же обширныхъ послѣдствій Петръ могъ ожидать отъ овладѣнія довольно впрочемъ незначительною турецкою крѣпостцой?

Донъ протекалъ, какъ уже сказано, по самымъ плодороднымъ и населеннымъ мѣстамъ Россіи, и между тѣмъ не приносилъ почти никакой пользы, потому что

по немъ не производилось почти никакой торговли, опять-таки по той же причинѣ, о которой было уже говорено (вып. I. гл. IV): именно отъ того, что у всякаго было дома все свое, что всякій самъ производилъ все ему необходимое. Но какъ скоро Азовъ пересталъ бы запирать устье Дона и открылось бы сообщеніе придонскихъ областей съ моремъ, а посредствомъ его и съ другими отдаленными странами,—дѣло было бы совершенно иное. Въ Турціи, въ Италіи, во Франціи могъ случиться неурожай; могли тамъ потребоваться ленъ, пенька, кожи, лѣсъ и другіе предметы, которые были у насъ въ изобиліи. Узнавъ объ избыткѣ у насъ нужныхъ имъ произведеній и о томъ, что кораблямъ открытъ свободный путь въ Россію, турецкіе, италіянскіе и французскіе купцы пріѣхали бы къ намъ и сказали бы: продайте намъ хлѣба, льну, пеньки, кожи, лѣсу и пр. Мы отдали бы имъ всѣ эти предметы, съ которыми не знали что̀ дѣлать дома, и получили бы вмѣсто нихъ такіе, въ которыхъ сами нуждались, напримѣръ, сукно, виноградныя вина, оружіе и проч., либо взяли бы деньги, на которыя могли бы купить все чего у насъ не доставало.

Не трудно понять, что это выгодно и для покупателей, и для продавцовъ. И выгоды эти еще значительнѣе чѣмъ кажутся съ перваго взгляда. Никто безъ надобности трудиться не станетъ, но всякій охотно будетъ трудиться, если увидитъ въ томъ пользу. Какая надобность была русскому человѣку распахивать огромныя пространства, если ему достаточно было и небольшой нивы, чтобы прокормиться? Что̀ сталъ бы онъ дѣлать съ хлѣбомъ излишнимъ противъ того, который ему нуженъ для пропитанія? Этотъ хлѣбъ сгнилъ бы безъ всякой пользы. Но еслибы на него нашелся покуп-

щикъ, тогда дѣло другое. Я потружусь часъ лишній ежедневно, но за то обмѣню свой хлѣбъ на то, что̀ мнѣ доставитъ удовольствіе или пользу: на хорошую, крѣпкую матерію для моей жены, какой она сама не умѣетъ сдѣлать, на книгу для моихъ дѣтей, на легкій плужокъ, какого не могу сдѣлать самъ, и который облегчитъ мнѣ мой земледѣльческій трудъ. Теперь окончивъ свою небольшую работу (а лишняго работать мнѣ незачѣмъ), я возвращаюсь съ поля, и мнѣ нечего дѣлать; человѣку безъ дѣла скучно; я зѣваю, ложусь спать, и хорошо еще, если не отправляюсь выпить отъ скуки чарку вина, да другую ради компаніи, да третью для круглаго счету. Напротивъ того, если я свой излишній хлѣбъ повезу въ городъ на рынокъ, можетъ-быть я замѣчу тамъ, какъ живутъ люди болѣе меня образованные, какъ многому они научаются изъ умныхъ бесѣдъ и хорошихъ книгъ, какъ чисто и исправно ихъ хозяйство, — а замѣтивъ это, можетъ-быть я получу охоту привести и свою хату въ порядокъ, научиться читать, дабы узнать еще многое и многое; и мнѣ уже не скучно, я работаю охотнѣе въ полѣ, и мнѣ хорошо въ чистой, опрятной избѣ.

Таковы для каждаго послѣдствія торговли и промышленности: а каждый, да каждый и еще каждый, — это наконецъ цѣлый народъ, и вотъ почему народы, имѣющіе торговлю и промышленность, и богаче, и образованнѣе, и какъ-то благовиднѣе, нежели тѣ, которые ихъ не имѣютъ. Но торговля всего удобнѣе производится моремъ; перевозка сухопутьемъ, даже по желѣзнымъ дорогамъ, гораздо затруднительнѣе; если народъ не владѣетъ морскими берегами, можно навѣрное сказать, что у него не будетъ ни торговли, ни промышленности, такъ же какъ важнаго условія политической

силы—флота... Всѣми этими разсужденіями мы пришли къ разрѣшенію вопроса: въ чемъ состоятъ тѣ обширныя послѣдствія, которыхъ Петръ ожидалъ отъ овладѣнія Азовомъ. Къ этому порту должны были Чернымъ моремъ приходить иностранные корабли и къ нему же, Дономъ, должны были Русскіе сплавлять свои произведенія. Здѣсь наконецъ должно было образоваться средоточіе торговаго флота Россіи и ея морской военной силы.

Но Черное море было во власти Турокъ, которые владѣли и Керченскимъ проливомъ; Азовъ окружали земли Крымскаго хана: наше новое владѣніе могло, слѣдовательно, безпрестанно подвергаться нападенію и съ суши, и съ моря. Противъ сухопутнаго нападенія, положимъ, мы могли оборониться: стоило сдѣлать укрѣпленія, да поставить за ними достаточное число войска. Но какъ оборониться съ моря? Для этого необходимъ былъ флотъ, а у насъ были только небольшія галеры, приспособленныя для плаванія по Дону, и которыя не могли выйдти въ открытое, бурливое море.

Надо слѣдовательно было соорудить военный флотъ. Но на какія средства? Казна наша была очень небогата: годовой доходъ ея не превышалъ 5 милл. рублей. Какіе же новые источники доходовъ найдетъ Петръ?.. Мы это скоро узнаемъ, а чтобы яснѣе можно было понять и теперь и въ послѣдствіи значеніе такъ-называемыхъ финансовыхъ операцій, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе.

Казна есть общественная сокровищница, которая наполняется взносами, дѣлаемыми каждымъ гражданиномъ, и которую охраняетъ и расходуетъ правительство. Всякій обязанъ платить въ казну либо съ души, либо съ владѣемаго имущества, но непремѣнно

платить, дабы дать правительству средство на эти же деньги доставить каждому гражданину удобства и безопасность. Напримѣръ, въ Россіи теперь около 80 милліоновъ жителей обоего пола и въ томъ числѣ около 40 милл. мужчинъ (которые обыкновенно одни платятъ); еслибы каждый изъ нихъ вносилъ ежегодно по 50 коп., то казна получала бы 20 милл. руб. На это можно кое-что сдѣлать для общей безопасности и пользы.

Но справедливо ли было бы взимать одинаково съ богача и съ бѣдняка, съ человѣка, у котораго одна только своя голова на плечахъ, и съ того, у котораго много домовъ, земель, лѣсовъ и другаго имущества, требующаго охраны отъ пожара, наводненія, воровъ и обманщиковъ? Естественно, что этотъ послѣдній долженъ больше платить въ казну, нежели бездомный бѣднякъ, у котораго нечего охранять. Бѣднякъ ѣстъ одинъ хлѣбъ, да и то, можетъ-быть, не купленный, а поданный Христа-ради: богачъ хочетъ получать изъ-за границы вина, шелковыя матеріи и т. п.; онъ требуетъ, чтобы дорога была хороша, когда онъ переѣзжаетъ изъ одного своего имѣнія въ другое, чтобы существовали суды, которые защитили бы его, еслибы кто вздумалъ неправильно воспользоваться его имуществомъ; чтобы въ городахъ были лавки, магазины, въ которыхъ онъ могъ бы достать все нужное для украшенія его жизни. Прекрасно, говоритъ ему правительство: ты богатъ и имѣешь полное право получать, за свои деньги, всѣ удобства жизни; но дай средство устроить хорошія дороги, содержать суды, производить торговлю безопасно: плати больше того, который въ этомъ вовсе не нуждается, или мало нуждается.

Подобнымъ образомъ разсуждалъ царь Петръ, замышляя завести военный флотъ и развить торговлю. Кому

главнѣйше долженъ принести пользу этотъ флотъ? Кто прежде всѣхъ воспользуется выгодами торговли? Купцы, которые будутъ ее производить, и большие землевладѣльцы, которые будутъ продавать то, что̀ родится на ихъ земляхъ. Ихъ капиталы, ихъ владѣнія, вообще ихъ интересы требуютъ преимущественно охраны и безопасности; ихъ обороты усилятся отъ развитія морской торговли; ихъ имѣнія пострадали бы, еслибы нечѣмъ было отразить непріятельскаго вторженія.

Разсуждая подобнымъ образомъ, Петръ былъ правъ: на подобныхъ соображеніяхъ просвѣщенное законодательство основываетъ систему налоговъ; но правильное распредѣленіе повинностей между гражданами требуетъ большихъ подготовительныхъ работъ и вѣрныхъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи страны, а тогдашнее правительство не знало даже числа русскихъ подданныхъ. Поэтому Петръ, для безотлагательнаго сооруженія военнаго флота, приказалъ, чтобы владѣльцы духовнаго званія и свѣтскіе, люди торговые, монастыри и посады, словомъ владѣльцы личные и общинные, образовавъ изъ себя „кумпанства“ или компаніи, соорудили и вооружили къ веснѣ слѣдующаго 1697 года по одному кораблю отъ кумпанства. Правительство отвело государственныя лѣсныя дачи въ окрестностяхъ Воронежа, вызваны были изъ-за границы корабельные мастера, и десятки тысячъ плотниковъ, землекоповъ и другаго рабочаго народа двинулись на низовья Дона со всѣхъ концовъ Россіи, чтобы рубить корабли и возводить укрѣпленія.

Дѣло закипѣло; но работа была тяжелая, и она казалась тѣмъ несноснѣе, что не только крестьяне, согнанные тысячами, но и сами ихъ помѣщики, бо́льшая часть знатныхъ и сановныхъ людей, не понимали пользы

всѣхъ этихъ трудовъ и расходовъ. Къ сожалѣнію, правительство наше не имѣло обычая объяснять народу причины предпринимаемыхъ имъ мѣръ, а это имѣло послѣдствіемъ, что народъ иногда роптал безъ справедливыхъ къ тому поводовъ, правительство же раздражалось отъ этого ропота, котораго отчасти само было причиной.

Въ царствованіе Петра, къ народному ропоту было еще болѣе поводовъ чѣмъ прежде, потому что правительство предъявляло гораздо болѣе требованій и несравненно настойчивѣе наблюдало за ихъ исполненіемъ. Это было причиной тѣхъ заговоровъ и возмущеній, о которыхъ намъ придется говорить весьма часто. Одинъ изъ такихъ заговоровъ составился въ 1697 году; участниками его были извѣстный уже намъ Цыклеръ, одинъ изъ главныхъ коноводовъ стрѣлецкихъ мятежей, одинъ изъ первыхъ, измѣнившихъ царевнѣ, когда она поссорилась съ братомъ; потомъ Соковнинъ, окольничій по званію, а по религіознымъ понятіямъ старообрядецъ, и наконецъ одинъ изъ Пушкиныхъ. Никто изъ нихъ лично не имѣлъ причинъ жаловаться на Царя; всѣ они, напротивъ, пользовались его милостію; но „новыя затѣи“ были имъ не по сердцу. День и ночь думая о томъ, чтобы завести флотъ, Петръ пришелъ къ той мысли, что гораздо лучше будетъ, если сами Русскіе научатся строить корабли и управлять ими, нежели для всего этого выписывать иностранцевъ; съ этою цѣлію, въ 1697 году, онъ приказалъ отправить 50 человѣкъ, изъ числа молодыхъ людей богатыхъ и знатныхъ фамилій, за границу учиться кораблестроенію. Учиться вообще не нравилось нашимъ предкамъ, а учиться постройкѣ кораблей и ихъ управленію, то-есть работать съ топоромъ въ рукахъ и лазить по мачтамъ,

казалось не только тяжелымъ, но и унизительнымъ. И родители молодыхъ людей, назначенныхъ для отправленія, и сами молодые люди крайне недовольны были распоряженіемъ Царя: намъ, напримѣръ, извѣстно, что одинъ изъ этихъ послѣднихъ, именно князь Прозоровскій, отправленный въ науку на корабли Венеціанской республики, убѣжалъ оттуда и постригся въ монахи на Аѳонской горѣ.

Это-то неудовольствіе и было причиной заговора Соковнина, который имѣлъ родственниковъ между людьми назначенными въ морскую науку. Онъ, его два уже названные сообщника, да еще нѣсколько малоизвѣстныхъ людей задумали привлечь къ себѣ стрѣльцовъ, вызвать изъ монастыря царевну Софію и вручить ей правленіе, а Царя умертвить. Замыселъ этотъ былъ открытъ, и всѣ заговорщики, числомъ шесть, были казнены.

Эта казнь была сама по себѣ справедлива: заговорщики вездѣ наказываются; но она сопровождалась чрезвычайною лютостію. Прахъ Милославскаго, какъ родоначальника заговорщиковъ при Петрѣ, давно покоившійся въ могилѣ, былъ вырытъ, и гробъ его поставленъ подъ плахой, на которой рубили головы преступникамъ, такъ что теплая кровь обмывала пожелтѣвшія кости наперсника царевны!

Царь думалъ, что эта грозная кара устрашитъ противниковъ его воли и надолго отниметъ у нихъ охоту къ подобнымъ замысламъ, а потому и счелъ эту минуту самою благопріятною, чтобъ исполнить предположеніе, которое должно было поразить предковъ нашихъ удивленіемъ, непріятнымъ удивленіемъ: онъ вознамѣрился отправиться за границу, то-есть въ землю еретиковъ... Много необычнаго дѣлалъ Петръ и прежде, и

послѣ; но его поѣздка за предѣлы Россіи была, конечно, однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ толчковъ народнымъ понятіямъ. За то она породила въ народѣ и особенно, разумѣется, между раскольниками, о которыхъ мы скоро поговоримъ подробнѣе, язвительные толки, которыхъ никакія наказанія не могли остановить. Одни, не допуская возможности, чтобы Царь „отъ благочестиваго корня“ (какимъ признавался Алексѣй Михайловичъ до *обольщенія* его Никономъ) рѣшился на такое дѣло, разсказывали за достовѣрное, что онъ подмѣненъ еще въ колыбели: родитель его, говорили они, недовольный, что у него родятся все дочери, объявилъ Натальѣ Кирилловнѣ, что онъ ее отправитъ въ монастырь, если она не родитъ ему сына; а такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ родилась дочь, то Матвѣевъ, знавшій угрозу Царя, досталъ только что родившагося мальчика въ Нѣмецкой слободѣ и подмѣнилъ имъ новорожденную царевну. Другіе хотя и допускали, что Петръ есть дѣйствительно отпрыскъ царскаго корня, но онъ, по словамъ ихъ, умеръ за границей, а подъ его именемъ возвратился-де „нѣкій жидовинъ изъ колѣна Данова“...

Смѣшны и глупы такія басни, но онѣ доказываютъ какъ мало сочувствовалъ народъ мыслямъ своего Царя, и какъ велико было его нерасположеніе ко всему, чтò выходило изъ принятаго, обычнаго порядка. Но Петръ никогда не отказывался отъ мысли, которую считалъ полезною для государства, и поѣздка его за границу была рѣшена. Много наслышавшись отъ московскихъ иноземцевъ, своихъ друзей, о томъ, что другіе народы далеко обогнали Русскихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и убѣдясь пò тѣмъ инженерамъ, артиллеристамъ и мореплавателямъ, которыхъ онъ видѣлъ самъ подъ Азовомъ и въ Архангельскѣ, что это правда, онъ страстно желалъ

посмотрѣть страны западной Европы, научиться всему, чѣмъ онѣ превосходятъ Россію, и въ свою очередь научить Россію. Но именно по тому самому, что онъ желалъ научиться, а не совершить увеселительную прогулку по Европѣ, рѣшился онъ ѣхать въ качествѣ партикулярнаго человѣка, въ свитѣ „великаго посольства", которое онъ располагалъ послать къ различнымъ государямъ для утвержденія съ ними союзовъ, торговыхъ договоровъ и для найма корабельщиковъ, офицеровъ и ремесленниковъ.

Великими послами были назначены: Лефортъ, носившій званіе генералъ-адмирала, бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ (*) и думный дьякъ Возницынъ (долго служившій въ посольскомъ приказѣ). Свита ихъ состояла изъ 250 человѣкъ, лицъ знатныхъ и незнатныхъ, людей служилыхъ и домашней прислуги. Въ числѣ этой свиты находился и Царь подъ именемъ Петра Михайлова.

XI.

Отъѣздъ „великаго посольства". — Петръ въ Кенигсбергѣ. — Встрѣча его съ двумя германскими принцессами. — Прибытіе въ Голландію. — Работы на Саардамской верфи. — Занятія въ Амстердамѣ. — Поѣздка въ Англію. — Пребываніе въ Вѣнѣ. — Извѣстіе о новомъ возмущеніи стрѣльцовъ.

„Великое посольство" отправилось изъ Москвы, въ началѣ весны 1697 года, сначала въ Ригу, принадлежавшую тогда Швеціи, потомъ въ Курляндію, бывшую въ зависимости отъ Польши, и наконецъ вступило въ гер-

(*) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ генераломъ Головинымъ, служившимъ подъ Азовомъ.

вечера, пересталъ чувствовать себя смущеннымъ и началъ распоряжаться какъ дома: заставлялъ однихъ пить, другихъ танцовать и сердился, если кто не тотчасъ исполнялъ его желаніе. „Онъ имѣетъ доброе сердце и возвышенныя чувства, пишетъ въ своихъ чрезвычайно любопытныхъ запискахъ одна изъ принцессъ, принимавшихъ Петра,—*но сердитъ*".

Государь однакожь торопился оставить Германію; его болѣе всего занимали Голландцы, тогда первый въ Европѣ морской и торговый народъ, съ которымъ онъ уже познакомился въ Архангельскѣ, и который очень ему понравился своею дѣятельностію и практическимъ смысломъ. Оставивъ, по обыкновенію, посольство подвигаться съ приличною медленностью, онъ, съ нѣсколькими человѣками, сѣлъ на небольшое судно и по Рейну спустился въ Голландію, въ селеніе, которое славилось своими верфями, Саардамъ. Всѣмъ сопровождавшимъ его было строго запрещено открывать его санъ, а потому онъ могъ пріѣхать туда какъ частный человѣкъ, тѣмъ болѣе что онъ перемѣнилъ свою русскую одежду на голландскую,—весьма простую красную фризовую куртку, холстинныя шаравары и лакированную шляпу съ большими полями. Въ такомъ видѣ, съ нѣсколькими спутниками, подъѣзжалъ онъ къ Саардаму, когда на встрѣчу ему попался одинъ Голландецъ, котораго онъ видалъ въ Архангельскѣ.

—Кистъ! закричалъ онъ Голландцу, удившему рыбу,—узнаешь ли меня? Я пріѣхалъ погостить у васъ въ Саардамѣ и хочу у тебя остановиться.

Удивленный Кистъ хотѣлъ назвать его царскимъ величествомъ, но Петръ велѣлъ ему молчать и называть себя не иначе какъ *Петромъ Михайловымъ*.

И вотъ Государь Московскій поселился въ маленькой,

низенькой комнатѣ маленькаго голландскаго домика, и сдѣлался нахлѣбникомъ простаго кузнеца, членомъ его семьи. Такая жизнь очень ему понравилась: онъ любовался домовитостью хозяйки, трудолюбіемъ и бережливостью хозяина, его простымъ, откровеннымъ и безцеремоннымъ обхожденіемъ, чистотой и порядкомъ, царствовавшими во всѣхъ углахъ дома, даже въ кухнѣ, гдѣ все было прибрано, все опрятно. Извѣстно, что Петръ и послѣ, во всю свою жизнь, любилъ голландскіе нравы и обычаи; во всѣхъ его дворцахъ (маленькихъ, очень нероскошныхъ) видно что-нибудь напоминающее Голландію, а въ петергофскомъ Монплезирѣ, рядомъ съ его спальней, устроена кухня совершенно въ голландскомъ вкусѣ, которую и теперь можно видѣть.

На слѣдующее же утро по прибытіи въ Саардамъ, Петръ и его спутники отправились на верфь и нанялись какъ простые плотники. Съ ранняго утра до поздней ночи работалъ Петръ топоромъ, долотомъ и стругомъ, изрѣдка заходя въ трактиръ, чтобы выпить рюмку джину или отобѣдать, а по воскресеньямъ отправлялся осматривать другія верфи или фабрики, обѣдалъ у мастеровыхъ и работниковъ съ ихъ семействами, шутилъ съ ихъ дѣтьми, словомъ, велъ себя какъ природный, трудолюбивый, смышленый работникъ.

Но истинное его званіе скоро открылось: саардамцы съ неописаннымъ изумленіемъ узнали, что между ними живетъ и вмѣстѣ съ ними ежедневно работаетъ Московскій Царь, и съ тѣхъ поръ не стало покоя Петру. Мальчишки бѣгали за нимъ неотступно, взрослые толкались около него, женщины бросались къ нему на встрѣчу, чтобы заглянуть ему въ лицо. Это нестерпимо надоѣло Петру, и однажды, когда народъ толпился передъ нимъ, онъ далъ полновѣсную пощечину одному

пріятною обязанностію сдѣлать ему визитъ въ Лондонѣ „незнатнымъ лицомъ“, то-есть въ качествѣ партикулярнаго человѣка.

Въ началѣ января 1698 года, на легкомъ англійскомъ суднѣ, въ бурную погоду, поплылъ Петръ къ берегамъ Англіи и вечеромъ того же дня высадился въ Лондонѣ. Англія начинала въ это время выходить на тотъ путь внѣшняго величія и внутренняго благосостоянія, на коемъ она опередила всѣ прочіе народы Европы. Превосходныя ея учрежденія въ то время только что начинали дѣйствовать и не могли еще представить доказательствъ своего превосходства; поэтому Царь нашъ и не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія и весь предался усовершенствованію себя и своихъ спутниковъ въ кораблестроеніи и мореходствѣ, изучалъ литейные заводы, строительное искусство, фабрики и мануфактуры, заключалъ контракты съ морскими и горными инженерами, закупалъ оружіе; словомъ, интересовался всѣмъ что̀ имѣло практическое значеніе и что̀ соотвѣтствовало практическому складу его ума.

Во второй половинѣ апрѣля Государь оставилъ англійскій берегъ и черезъ Голландію и германскія земли направилъ путь свой въ Вѣну. Въ Голландію и Англію его влекло желаніе ознакомиться съ морскимъ дѣломъ, съ различными заводскими и мануфактурными производствами: въ Австріи надо было ему объясниться по дѣламъ политическимъ. Война съ Турціей и союзъ противъ нея съ Венеціанскою республикой, императоромъ и Польшей еще продолжались, но болѣе на бумагѣ нежели на самомъ дѣлѣ, и между воюющими сторонами обмѣнивалось болѣе дипломатическихъ *нотъ* (*)

(*) Нота, note,—то же что̀ записка или замѣтка: слово усвоенное дипломатами.

нежели выстрѣловъ. Можно было ожидать, что со дня на день будетъ заключенъ тѣмъ или другимъ изъ союзниковъ отдѣльный миръ съ нашими врагами, и тогда эти враги могли бы всѣми силами своими обратиться противъ насъ. Очень важно было, слѣдовательно, разъяснить, какъ смотритъ на это дѣло Вѣнскій дворъ. Можно ли надѣяться, что турецкія силы будутъ отвлечены? Въ какой мѣрѣ можно разсчитывать на содѣйствіе императора?

Вѣнскій дворъ отличался самымъ напыщеннымъ и упрямымъ этикетомъ. Нося титулъ императора, главы Священной Римской Имперіи, потомка кесарей капитолійскихъ, но въ самомъ дѣлѣ не имѣя никакой власти въ Римѣ, пользуясь не безусловнымъ вліяніемъ въ Германіи, борясь съ большими затрудненіями въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ (*) и не очень удачно соперничая въ могуществѣ съ Франціей, Австрійскіе императоры тѣмъ несговорчивѣе были въ дѣлѣ придворнаго этикета, и въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи не хотѣли допустить никакого съ собою соперничества. Когда императоръ, лѣтъ за 15 предъ тѣмъ, былъ принужденъ, спасаясь отъ Турокъ, бѣжать изъ Вѣны, куда только оружіе Польскаго короля Яна III возвратило его,—этотъ неугомонный формалистъ началъ считаться съ освободителемъ своей столицы: кто при встрѣчѣ кому изъ нихъ прежде поклонится... Очень натурально, слѣдова-

(*) Наслѣдственными землями императоровъ были королевства Венгерское и Богемское и эрцгерцогство Австрійское; императоры дѣйствовали иногда въ качествѣ представителей Германіи (главою коей они были по избранію), иногда въ качествѣ государей наслѣдственныхъ своихъ земель, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ обыкновенно титуловались королями Венгро-Богемскими. Для краткости мы постоянно будемъ называть ихъ императорами, а владѣнія ихъ — Австріей.

тельно, что вопросъ о томъ, какъ принять русское посольство, показался въ Вѣнѣ вопросомъ чрезвычайно важнымъ: съ одной стороны, при посольствѣ этомъ находился самъ Царь, съ другой—какое мѣсто должно принадлежать этому Царю между прочими вѣнчанными особами? Къ какой категоріи слѣдовало его причислить: къ категоріи королей, герцоговъ, маркграфовъ? Для каждой изъ нихъ были при Вѣнскомъ дворѣ особые, болѣе или менѣе почетные церемоніалы.

По зрѣломъ обсужденіи, посольству нашему приготовлена была встрѣча умѣренная: не очень пышная и не слишкомъ мизерная. Петръ впрочемъ не обратилъ на это большаго вниманія: ему нужны были не церемоніи, а дѣло; и потому, избѣгая церемоніаловъ, а съ ними и неразлучныхъ проволочекъ, онъ послалъ просить кесаря о личномъ свиданіи. Опять новое затрудненіе, новый случай, не имѣющій предшествующихъ въ придворной канцеляріи! Какъ принять Русскаго Царя? Сколько шаговъ сдѣлать къ нему на встрѣчу?... Съ большими усиліями воображенія церемоніалъ этому свиданію былъ составленъ, назначена приличная для этого комната, опредѣлено число шаговъ и т. п. Но пылкій Петръ разстроилъ эти глубокія комбинаціи, быстро подойдя къ императору и обнявъ его, по русскому обычаю. Къ довершенію же скандала, по окончаніи свиданія, проходя черезъ садъ и увидѣвъ на пруду лодку, онъ не утерпѣлъ чтобы не прокатиться на ней... Впрочемъ балы, фейерверки, маскарады не были забыты; но соглашенія по дѣлу о продолженіи войны съ Турками не послѣдовало. Петру хотѣлось, при содѣйствіи Австрійцевъ, утвердиться на Черномъ морѣ; владѣть однимъ Азовомъ было недостаточно: Азовъ только тогда могъ сдѣлаться для насъ истинно-полезнымъ, только тогда

могъ привлечь къ себѣ торговлю, когда проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, перешелъ бы въ наши руки. Петръ видѣлъ необходимость овладѣть Керчью, и безъ этого не хотѣлъ мириться; императоръ же, напротивъ, приготовлялся къ войнѣ съ Франціей и торопился успокоить свою восточную границу.

Не очень довольный вообще Вѣной, Государь не хотѣлъ оставаться въ ней долго и готовился уже къ отъѣзду въ Венецію, надѣясь съ пользой провести время въ этой славной республикѣ, долго бывшей „владычицею морей"; но важныя извѣстія, полученныя изъ Россіи, измѣнили его предположеніе. Это были извѣстія о новомъ бунтѣ стрѣльцовъ...

XII.

Неудовольствіе въ народѣ усиливается. — Старообрядцы. — Понятія ихъ нечужды людямъ и не принадлежавшимъ къ старому обряду. — Слухи о смерти Царя за границей. — Неудовольствіе стрѣльцовъ на литовской границѣ. — Сношенія ихъ съ царевной Софіей. — Мятежъ и походъ къ Москвѣ. — Битва подъ Воскресенскимъ монастыремъ. — Казнь стрѣльцовъ. — Прибытіе Петра. — Розыскъ и новыя казни. — Постриженіе царевенъ Софіи и Марѳы. — Удаленіе въ монастырь и постриженіе царицы Евдокіи Ѳедоровны. — Народный ропотъ.

Мы уже знаемъ, какъ мало-по-малу скоплялось въ народѣ неудовольствіе противъ новостей, вводимыхъ Петромъ, и мы видѣли, какъ это неудовольствіе уже однажды обнаружилось заговоромъ Цыклера и Соковнина. Но самыми заклятыми его врагами были старообрядцы, люди отлученные отъ церкви Московскимъ соборомъ 1666 года.

Эти люди были истинными, самыми строгими хранителями завѣтной старины, и все, что отзывалось не только чужеземствомъ, но какою бы то ни было новиз-

важные безпорядки произошли во время отсутствія Петра.

По взятіи Азова, часть стрѣльцовъ была оставлена тамъ, часть отправлена на литовскую границу, къ Великимъ Лукамъ и Торопцу. Люди эти и безъ того были недовольны настоящимъ временемъ и съ сожалѣніемъ вспоминали времена царевны и Хованскаго, а теперь имъ приходилось третій годъ не видать своихъ семействъ и отбывать тяжелую службу; притомъ имъ неисправно выдавали жалованье и провіантъ. По всѣмъ этимъ причинамъ между ними распространилось сильное неудовольствіе, и они толпами стали бѣгать въ Москву. Тамъ они жаловались боярамъ-правителямъ на притѣсненія, на недодачу жалованья, и дѣло доходило до бунта, такъ что ихъ надо было выпроводить изъ Москвы вооруженною силой. Къ сожалѣнію, бояре не приняли мѣръ, чтобъ отнять у стрѣльцовъ поводы къ неудовольствію и удовлетворить справедливымъ ихъ требованіямъ.

Были недовольные и въ самой Москвѣ; главы ихъ находились въ самомъ семействѣ царскомъ, а именно это были царевна Софія и ея сестра Марѳа. Первая изъ нихъ не могла за монастырскими стѣнами забыть власть, которою она семь лѣтъ пользовалась. Келья ея находилась въ той части Новодѣвичьяго монастыря, которая обращена къ Москвѣ; изъ оконъ ея видны были терема царскихъ палатъ, группа златоверхихъ соборовъ,—мѣста дорогія ей и любезныя. Прислужницы ея, приживалки и нищія, между которыми было много стрѣльчихъ, и которыя къ ней прихаживали „для корму", переносили ей городскія вѣсти, пересказывали, какъ народъ тяготится налогами, работами, службой. Черезъ нихъ же она узнала о прибытіи въ Москву стрѣльцовъ съ литовской границы, о ихъ неудовольствіи, и въ душѣ

честолюбивой царевны зашевелились надежды. Все через тѣхъ же нищихъ, приживалокъ и странницъ она стала сноситься съ стрѣлецкими слободами, и полагаютъ, что она же пустила или, по крайней мѣрѣ, поддерживала слухъ о смерти Петра за границей и о намѣреніи будто бы бояръ удушить его сына, царевича Алексѣя. Когда же бѣглые стрѣльцы были высланы изъ Москвы обратно на литовскую границу, они принесли съ собою эти вѣсти и надежду опять видѣть правительницей, а можетъ·быть и царицей, свою любимую царевну.

Съ возвращеніемъ стрѣльцовъ въ Великіе Луки и Торопецъ, въ стрѣлецкихъ полкахъ вспыхнулъ мятежъ. Начальникъ ихъ, бояринъ Ромодановскій (не тотъ, который прозывался княземъ-кесаремъ), растерялся и ускакалъ въ Москву, а они между собою положили идти къ Москвѣ, поднять простонародье, перебить Нѣмцевъ и посадить Софью Алексѣевну на царство. Это было лѣтомъ 1698 года. Бояре-правители встревожились; собрали гвардейскіе и солдатскіе полки и послали съ ними боярина Шеина и генерала Гордона на встрѣчу къ мятежникамъ, которые уже были въ 60 верстахъ отъ Москвы, близъ Воскресенскаго монастыря.

Остановивъ свое войско подъ стѣнами этого монастыря, Шеинъ послалъ Гордона переговорить съ стрѣльцами и убѣдить ихъ возвратиться къ своимъ мѣстамъ. Переговоры не имѣли успѣха, и началось сраженіе Русскихъ съ Русскими!.. Стрѣльцы были скоро обращены въ бѣгство; царскіе полки бросились за ними и безъ большаго труда переловили ихъ и представили Шеину, который тутъ же допросилъ ихъ и приказалъ повѣсить 56 человѣкъ. Но бояре-правители нашли его распоряженіе слишкомъ слабымъ и дали ему указъ перевѣшать

еще, сколько окажется того заслуживающихъ, что̀ и было исполнено еще надъ 74 человѣками; остальные были отосланы опять на службу.

Получивъ о всемъ этомъ извѣстіе за границей, Царь поспѣшилъ возвратиться. Всѣ ожидали страшной грозы, потому что еще въ Голландіи, свѣдавъ о побѣгѣ стрѣльцовъ съ литовской границы, онъ уже досадовалъ, что не было объ этомъ сдѣлано строгаго розыска; потомъ, собираясь уже въ Москву изъ Вѣны, онъ писалъ боярамъ-правителямъ: „я допрошу построже вашего", потому что, какъ онъ выражался, „это сѣмя Ивана Михайловича (Милославскаго) ростетъ". И точно, онъ приказалъ собрать въ Москву всѣхъ оставшихся еще въ живыхъ стрѣльцовъ, бунтовавшихъ въ Великихъ Лукахъ и Торопцѣ. Число ихъ простиралось до 1714 человѣкъ. Всѣхъ ихъ заперли въ городскія и монастырскія тюрьмы, и начался розыскъ. Между тѣмъ пріѣхалъ (въ исходѣ августа) и Царь.

Этотъ розыскъ и послѣдовавшія за нимъ казни составляютъ самыя страшныя страницы русской исторіи, со времени Іоанна Грознаго. Цѣлый мѣсяцъ, говоритъ г. Устряловъ, очень подробно описавшій это время, производились пытки, курились костры, надъ которыми держали допрашиваемыхъ, добиваясь отъ нихъ обстоятельныхъ отвѣтовъ. Петръ былъ увѣренъ, что стрѣльцы взбунтовались не „собою", что кто-нибудь тайно подбивалъ ихъ къ возстанію, что слухъ о его смерти былъ распущенъ именно съ тѣмъ, чтобы произвести въ народѣ замѣшательство и имъ воспользоваться.

Здѣсь мы опять невольно припоминаемъ слова императрицы Екатерины II объ ужасномъ средствѣ доискиваться истины посредствомъ мученій: человѣкъ, котораго пытаютъ, не въ здравомъ умѣ и часто самъ

не знаетъ что̀ говоритъ. Въ наше время все это понимаютъ, и ни въ одномъ образованномъ государствѣ уже не прибѣгаютъ къ пыткамъ: это успѣхъ, большой успѣхъ, которымъ наше время обязано просвѣщенію; мы не можемъ безъ ужаса и отвращенія даже читать описанія старинныхъ пытокъ. Въ наше время также почти во всей Европѣ судьи поставлены въ такое положеніе, что они, отправляя свои обязанности, видятъ передъ собою только законъ и не опасаются нажить опаснаго врага въ какомъ-нибудь значительномъ лицѣ, рѣшая дѣло несогласно съ его желаніемъ; они не могутъ покривить совѣстью, потому что посторонніе люди присутствуютъ на судѣ, а газеты разносятъ по всему міру вѣсть о судебныхъ рѣшеніяхъ, такъ что о дѣйствіяхъ лондонскихъ и парижскихъ судей не рѣдко читаютъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и наоборотъ. Но встарину всего этого не было. Судъ производился въ четырехъ стѣнахъ, безъ свидѣтелей, и судьи не страшились того, что весь свѣтъ можетъ узнать о ихъ неправосудіи. Въ настоящемъ случаѣ, напримѣръ, въ числѣ судей мы видимъ князя Троекурова, начальника стрѣлецкаго приказа, и князя Ромодановскаго, тѣхъ самыхъ людей, на которыхъ именно и жаловались стрѣльцы: могъ ли слѣдовательно ихъ судъ быть безпристрастнымъ? И такъ какъ всѣмъ судьямъ, назначеннымъ по этому дѣлу, были извѣстны слова Государя: „я допрошу построже вашего,“ то всѣ они только о томъ и старались, чтобы поступать какъ можно строже. Стрѣльцы были подвергаемы такимъ страшнымъ мученіямъ, и нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ доходили до такого отчаянія, что увидѣвъ ножъ, кидались на него и закалывали себя...

Не взирая на всѣ мученія свои, стрѣльцы долго не

произносили имени царевны Софіи и ея сестеръ, но наконецъ страданія побѣдили ихъ упорство. Сдѣланы были показанія, что царевна Софія посылала къ стрѣльцамъ письмо, которымъ вызывала ихъ къ возмущенію; письма этого однакоже не могли отыскать, а царевна, которую разспрашивалъ самъ Государь, сказала, что она такого письма не писала.

— Но они тебя звали на царство? спросилъ Петръ.

— Звали, отвѣчала царевна.

— Почему же они это дѣлали?

— Знатно потому, что я семь лѣтъ управляла государствомъ, отвѣчала она съ гордостію.

Съ этой стороны ничего особенно важнаго не открыто; но за то обнаружилось, что неудовольствіе въ народѣ очень распространено. Вѣсть о возмущеніи стрѣльцовъ въ Великихъ Лукахъ отозвалась между ихъ братьей въ Азовѣ и привела въ волненіе донскихъ казаковъ, гдѣ еще жилъ духъ разиновщины. Азовскіе стрѣльцы громко говорили, что имъ „нѣтъ житья отъ Нѣмцевъ", надзирающихъ за крѣпостными работами; „на Москвѣ бояре, говорили они, а въ Азовѣ Нѣмцы; въ водѣ черти, въ землѣ черви!" Не менѣе энергически выражались казаки: „если Государь, говорили они въ своихъ кругахъ, къ заговѣнью не будетъ (изъ-за границы), нечего и ждать; а боярамъ царствомъ не владѣть; придется Москву *очищать*". — „Пойдемъ половиною рѣки (Дона) городы брать и воеводъ въ воду сажать!" Еслибъ это исполнилось, то Россія увидѣла бы повтореніе того что̀ было при Стенькѣ Разинѣ и что̀ произошло восемьдесятъ лѣтъ спустя, при Пугачевѣ.

Всему этому злу Петръ думалъ положить конецъ страшною казнію мятежныхъ стрѣльцовъ; онъ хотѣлъ вырвать „сѣмя Ивана Михайловича" и растоптать его

впрахъ. Раздраженіе его въ это время было ужасно: онъ былъ „какъ левъ рыкающій". Патріархъ попробовалъ было смягчить его, но былъ прогнанъ съ гнѣвомъ... 30-го сентября въ разныхъ пунктахъ Москвы были воздвигнуты висѣлицы: у воротъ Бѣлаго города, въ Замоскорѣчьи, въ стрѣлецкихъ слободахъ, въ Преображенскомъ, нѣсколько сотъ человѣкъ повѣшено или наказано кнутомъ. Потомъ съ 11-го по 21-е октября, въ теченіе десяти дней сряду, было казнено разными мучительными казнями еще гораздо болѣе. Эта страшная казнь сопровождалась такими подробностями, которыя приводятъ въ ужасъ при одномъ ихъ чтеніи. Нѣкоторые современники и между ними лица, заслуживающія довѣрія, — Корбъ, секретарь австрійскаго посольства, и прусскій посланникъ Принцъ,—пишутъ, что Царь не только присутствовалъ при казняхъ, но даже самъ дѣйствовалъ топоромъ, приглашалъ подражать ему чужестранныхъ посланниковъ, которые при этомъ должны были находиться, и сердился, что они по большей части отказывались, а своихъ приближенныхъ заставлялъ работать эту страшную работу.

Москва была залита кровію и устлана трупами; но главныя казни происходили на Дѣвичьемъ полѣ, въ виду царевны Софіи, подъ самыми ея окнами. Въ Москвѣ сохранилась и до сего времени поговорка: „что̀ зубецъ (на стѣнахъ монастыря), то стрѣлецъ".

Съ наступленіемъ глубокой осени, страшныя эти зрѣлища прекратились, или, правильнѣе, пріостановились, потому что розыскъ еще продолжался: нѣсколько человѣкъ, изъ числа „пущихъ заводчиковъ", были пощажены для того, чтобы вывѣдать чрезъ нихъ о дальнѣйшихъ подробностяхъ заговора; оговорены были новыя лица, и въ началѣ 1699 года произведены новыя казни.

Но и это былъ еще не конецъ: еще оставлено было нѣсколько десятковъ другихъ „пущихъ заводчиковъ“, потому что отъ нихъ надѣялись добиться новыхъ открытій, и въ третій разъ послѣдовали новыя казни. Всего по поводу возмущенія стрѣльцовъ на литовской границѣ истреблено, — страшно вымолвить, — 1.150 человѣкъ, не считая тѣхъ, по большей части несовершеннолѣтнихъ, которые были биты кнутомъ или сосланы въ Сибирь, на каторгу.

Петръ думалъ истребить зло съ корнемъ, уничтожить всякую тѣнь сопротивленія; утвердительно можно сказать однакожь, что онъ не достигъ своей цѣли: тупое упрямство смѣшалось въ людяхъ преданныхъ старинѣ съ глубокою ненавистью; заонежскіе, керженскіе лѣса, всѣ пріюты раскольниковъ стали населяться новыми бѣглецами, и мы увидимъ, что во все долгое царствованія Петра безпрестанно вспыхивали, то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, возмущенія, которыя опять были потушаемы кровію.

Петръ долженъ былъ убѣдиться изо всѣхъ этихъ розысковъ, что главными его врагами были стрѣльцы, раскольники и отчасти духовенство; но онъ догадывался, и не ошибался, что враги были у него и въ высшихъ слояхъ общества. Двѣ его сестры были причастны къ возстанію стрѣльцовъ, хотя положительныхъ уликъ противъ нихъ и не открылось; по его приказанію, онѣ были пострижены: Софія въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ Сусанны, Марѳа — въ Успенскомъ монастырѣ Александровской слободы, подъ именемъ Маргариты. Прочія его сестры, — такъ какъ и ихъ поведеніе, кромѣ одной только Натальи, казалось сомнительнымъ, — подчинены были строгому присмотру. Мало этого: онъ рѣшился удалить и супругу

свою. Царица Евдокія Өедоровна была сослана въ Суздальскій Покровскій монастырь, гдѣ вскорѣ и пострижена подъ именемъ Елены.

Какая была причина разрыва Царя съ его супругой, это не вполнѣ разъяснено и до сихъ поръ. Въ стрѣлецкомъ мятежѣ она не принимала ни малѣйшаго участія, и вообще никакихъ причинъ, оправдывающихъ Петра, неизвѣстно. Извѣстно только, что онъ никогда не любилъ ея: это были двѣ натуры, не созданныя одна для другой. Петръ сносилъ постоянное противорѣчіе своимъ вкусамъ и наклонностямъ отъ матери, которую привыкъ чтить съ малолѣтства, но со стороны жены это его раздражало. Притомъ не только сама царица, но и вся родня ея, Лопухины, угрюмо глядѣли на новые обычаи и порядки, вводимые Царемъ: отецъ и братъ ея были замѣшаны въ дѣло Цыклера и Соковнина, другой ихъ родственникъ и однофамилецъ около этого же времени тоже въ чемъ-то попался. Все это давало Царю поводъ думать, что и Едвокія Өедоровна, раздѣляя мысли своей родни, втайнѣ ему не доброжелательствуетъ. Изъ-за границы онъ писалъ къ своимъ ближайшимъ друзьямъ, Льву Нарышкину и Стрѣшневу, чтобъ они уговорили царицу удалиться въ монастырь; по возвращеніи же онъ отнялъ у нея сына, царевича Алексѣя, и отдалъ его единственно любимой имъ сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. Вотъ все что̀ можно сказать не въ оправданіе, а въ объясненіе поступка Петра съ царицей...

Но народъ не искалъ объясненій, а горько порицалъ дѣйствія своего Царя. Стали являться люди, которые публично, на площадяхъ называли дѣла его безбожными и беззаконными; иные смѣло шли въ Преображенское, требовали чтобы ихъ допустили къ самому Царю, дабы въ глаза обличить его, и всѣ тѣ, которые считались

пособниками его или которые не противились его волѣ, подвергались горькимъ упрекамъ... „Какой онъ патріархъ, говорили про Адріана нѣкоторые ярые блюстители древнихъ обычаевъ: живетъ онъ изъ куска; спать бы ему, да ѣсть; затѣмъ онъ и не обличаетъ!“ „Котораго дня Государь да князь Ѳедоръ Юрьевичъ (Ромодановскій) крови изопьютъ, того дня они веселы, а котораго дня не изопьютъ, и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся.“

XIII.

Царь вводитъ нѣкоторые западные обычаи: бритье бородъ, короткіе кафтаны, орденскіе знаки. — Лефортъ. — Головинъ. — Переговоры съ Турками. — Посольство Украинцова. — Замыслы противъ Швеціи. — Объясненія Царя о томъ съ курфирстомъ Бранденбургскимъ и королемъ Польскимъ.—Паткуль.—Союзъ Даніи, Саксоніи и Россіи (1699).— Миръ съ Турціей (1700). — Скрытныя дѣйствія союзниковъ. — Истинныя причины войны Петра противъ Швеціи.

Ничто не можетъ такъ расширить понятій человѣка, какъ путешествіе: видя, какъ въ другихъ странахъ живутъ люди, какъ они смотрятъ на вещи, какими законами они управляются, какими отличаются они хорошими и дурными качествами, мы яснѣе можемъ усматривать свои собственные недостатки и преимущества. Но для этого надо быть самому просвѣщеннымъ человѣкомъ: безъ того мы можемъ весьма легко впасть въ одну изъ слѣдующихъ двухъ ошибокъ: или находить все, чтò намъ чуждо, смѣшнымъ, страннымъ и никуда негоднымъ, или, напротивъ, удивляться всему чужому и впасть въ подражаніе. Перваго рода ошибкѣ подвергались всѣ Русскіе, бывавшіе за границей до Петра, послѣдней онъ самъ не вполнѣ избѣгнулъ.

Мы видѣли, что еще до поѣздки за границу Петръ

писалъ къ своимъ друзьямъ и помощникамъ: min her, her guberner и т. п., что̀, конечно, нѣсколько странно; будучи за границей, онъ еще болѣе привыкъ къ чужимъ обычаямъ и часто безъ разбора жертвовалъ имъ старинными, русскими; а такъ какъ всякое противорѣчіе или даже нескорое исполненіе его воли раздражало его, то такія невинныя вещи, какъ покрой платья напримѣръ, сдѣлались для многихъ причиной большихъ непріятностей, а онѣ, въ свою очередь, дали поводъ къ толкамъ будто Царь презираетъ все русское и предпочитаетъ Россіи другія страны, что̀ совершенно несправедливо. Еще за границей, именно въ Вѣнѣ, бояринъ Головинъ рѣшился сбрить бороду, надѣть завитой парикъ и нарядиться во французскій кафтанъ. Когда объ этомъ узнали въ Москвѣ, старые бояре, что̀ называется, руками развели; духовенство ужаснулось, потому что борода считалась почти священною принадлежностью мужчины. Петръ самъ въ Голландіи постоянно ходилъ въ одеждѣ тамошнихъ простолюдиновъ, а при пріемѣ пословъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ являлся въ мундирѣ иностраннаго покроя; такого же покроя мундиры онъ далъ гвардейскимъ полкамъ, а вскорѣ началъ уничтожать старинную одежду на всѣхъ своихъ приближенныхъ.

Когда, по прибытіи его въ Москву, къ нему пріѣхали на поклонъ знатнѣйшіе сановники, онъ быстро отхватывалъ имъ бороды ножницами и хохоталъ ихъ смущенію. Такъ остригъ онъ старика Шеина, кесаря Ромодановскаго и другихъ важныхъ бояръ; надъ людьми менѣе знатными совершалъ эту операцію придворный шутъ; присутствовавшіе хохотали сквозь слезы.

Подобнымъ образомъ и длинныя, широкія одежды нашихъ праотцевъ стали мало-по-малу обращаться въ

круглые камзолы, въ кафтаны съ короткими фалдами, а головы ихъ покрылись огромными париками, подъ многочисленными завитками и буклями которыхъ совершенно измѣнялись, становились неузнаваемы широкія, румяныя лица нашихъ предковъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ вводились и другія иностранныя обыкновенія, каковы, напримѣръ, орденскія ленты. Петръ, по примѣру другихъ государствъ, учредилъ орденъ (Св. Андрея), которымъ онъ награждалъ за службу. Во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ относительно образа жизни, одежды и т. п., первымъ помощникомъ Царя былъ Лефортъ. Почти всѣ иностранные и нѣкоторые русскіе писатели увѣряли, что этотъ женевецъ былъ какъ будто наставникомъ Петра во всемъ, что касалось европейскихъ понятій, что онъ внушалъ ему желаніе образоваться, узнать бытъ западныхъ народовъ. Это нѣсколько преувеличено: мы видѣли, что Царь еще въ ранней молодости, прежде чѣмъ познакомился съ Лефортомъ, почувствовалъ сильное желаніе узнать то, чего никто не зналъ въ тогдашней Россіи; но несомнѣнно, что Лефортъ усиливалъ въ немъ эту любознательность своими разсказами о Европѣ, о которой самая его личность давала выгодное понятіе. Онъ былъ мастеръ устроить пирушку, оживить ее веселою бесѣдой; никто не носилъ съ такою ловкостію парика, мундира и шпаги, никто не танцовалъ такъ развязно, не было, словомъ, при Русскомъ дворѣ такого *представительнаго* человѣка какъ Лефортъ; это былъ образецъ западной щеголеватости посреди московскихъ вельможъ. Къ тому же онъ былъ искренно преданъ Петру, и вотъ почему Петръ любилъ его и дорожилъ имъ. Лефортъ умеръ въ началѣ 1699 года и былъ горько оплаканъ Государемъ. Узнавъ о его смерти въ Воронежѣ, Царь бросилъ свои

любимыя работы на верфи и прискакалъ въ Москву, чтобы проводить его тѣло на кладбище, какъ самаго близкаго и дорогаго, если не самаго полезнаго ему человѣка. Что касается до важныхъ государственныхъ занятій, то въ это время Царь считалъ лучшимъ своимъ сотрудникомъ Ѳ. А. Головина, который занимался главнѣйше дипломатическими дѣлами; послѣ смерти Лефорта онъ получилъ званіе генералъ-адмирала, и первый сдѣланъ былъ андреевскимъ кавалеромъ.

Союзники наши въ войнѣ противъ Турокъ, Поляки, Венеціанцы и Австрійцы, были утомлены и всѣ они думали только о томъ, чтобы раньше другихъ заключить съ Турками миръ, въ той надеждѣ, что первому, кто согласится отойдти отъ союза, Турція сдѣлаетъ бóльшія уступки. Не такъ было говорено при заключеніи союза 1686 года; но прочные союзы бываютъ рѣдко: то одинъ, то другой изъ членовъ союза измѣняетъ общему дѣлу. Петръ началъ опасаться быть оставленнымъ своими союзниками и очутиться одинокимъ передъ соединенными силами Турокъ и татаръ. Досадно было ему, но принужденъ былъ и онъ начать переговоры съ Цареградомъ. Онъ поручилъ это старому сотруднику Голицына въ договорѣ 1686 года, Украинцову, котораго, вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы, отправилъ въ Константинополь; а такъ какъ заключить выгодный миръ можетъ только тотъ, кто готовъ продолжать войну, то Царь приказалъ своему послу отправиться на русскомъ военномъ кораблѣ,—на первомъ русскомъ кораблѣ, когда-либо плававшемъ въ Черномъ морѣ, — и всему остальному флоту велѣлъ проводить его до Керчи, чтобы тамошніе начальники могли удостовѣриться, что Россія готова не только къ сухопутной, но и къ морской войнѣ.

Благодаря энергіи Петра, Украинцовъ пустился къ Константинополю въ сопровожденіи не совсѣмъ маловажнаго флота, а именно десяти большихъ кораблей и восьми мелкихъ судовъ. Эта хоть и не очень грозная, но какъ бы волшебствомъ возникшая сила и смѣлое появленіе ея въ открытомъ морѣ произвели впечатлѣніе въ Цареградѣ; тѣмъ не менѣе о пріобрѣтеніи береговъ Чернаго моря Петру нельзя было и думать: Турки очень хорошо знали, что онъ не можетъ ожидать помощи отъ своихъ союзниковъ. Но Украинцову было приказано удержать, и удержать непремѣнно, Азовъ, а также хлопотать объ уступкѣ намъ Керчи, которая запираетъ выходъ изъ Азовскаго моря въ Черное.

Такимъ образомъ блестящіе виды и Петра, и еще раньше его, царевны Софіи, — стать твердою ногой на Черномъ морѣ, не обѣщали осуществиться. Но за то, въ то же самое время, начали открываться для насъ вѣроятности добыть себѣ другое и, повидимому, болѣе выгодное море, нежели Черное, а именно Балтійское или, какъ мы его называли встарину, Варяжское.

Было время, когда Россія касалась и этого моря: нынѣшній Дерптъ (Юрьевъ) построенъ Ярославомъ, ливы (*) платили нѣкогда намъ дань. Въ послѣдствіи, во время споровъ Рюриковичей за удѣлы, земли эти были завоеваны нѣмецкими рыцарями; но насъ постоянно какъ будто тянуло къ Балтійскому морю: Іоаннъ IV велъ долгую и тяжелую войну за Ливонію, Алексѣй точно также; но оба эти государя не имѣли успѣха. Польша, тогда еще сильная, отстаивала противъ насъ эти страны, бывшія подъ ея властію.

Вотъ въ какомъ видѣ во время Петра находились

(*) Коренные жители Ливоніи или Лифляндіи.

страны, составляющія балтійское прибрежье: Курляндія находилась подъ властію Польскаго государства (*), Лифляндія и Эстляндія принадлежали Шведскому королю. Во время самозванцевъ, Швеція отхватила, кромѣ того, отъ старинной Новгородской области все прибрежье Финскаго залива (Ижерскую землю), отъ устья Наровы до истока Невы, то-есть до Ладожскаго озера. Слѣдовательно, чтобы войдти въ обладаніе этими старинными нашими областями, Россіи надо было вступить въ борьбу съ Швеціей.

Это было дѣло трудное. Съ самаго начала XVII вѣка Швеція считалась и была въ самомъ дѣлѣ государствомъ сильнымъ; ея владѣнія обнимали Балтійское море со всѣхъ сторонъ: на восточномъ и южномъ берегу этого моря ей принадлежали Финляндія, Эстляндія, Лифляндія и Померанія, а войско шведское было въ это время едва ли не самое лучшее въ Европѣ, силу котораго испытали и Россія, и Польша, и Германскій императоръ. Съ такимъ соперникомъ, какъ Шведскій король, Царю опасно было бороться при тѣхъ силахъ, какія были въ тогдашней Россіи.

Но сдѣланныя Швеціей завоеванія непріязненно расположили къ ней ея сосѣдей: король Датскій боялся, чтобъ она не поглотила когда-нибудь и его владѣній; онъ находился притомъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ сосѣду своему, герцогу Голштинскому, который былъ близкій родственникъ королю Швеціи и грозилъ направить его силы на Данію. Бранденбургскіе курфирсты, предки нынѣшнихъ королей Прусскихъ, сильно

(*) Она имѣла свои особые законы, своего государя, свое войско и монету, но государь этотъ утверждаемъ былъ на своемъ престолѣ королемъ Польскимъ; онъ не могъ издавать законовъ, а тѣмъ болѣе вести войну и заключать союзы безъ согласія Польши.

желали бы поживиться на счетъ шведской Помераніи, которая была рядомъ съ ихъ владѣніями; Польша не могла забыть, что эта же самая Померанія и Лифляндія отвоеваны у ней Швеціей. Точно также и Россія: ей прискорбно было видѣть свои старинныя области: Ижерскую землю, старинный Юрьевъ и Ругодевъ, въ рукахъ чужеземцевъ (*); а упорныя войны за Ливонію Іоанна IV и Алексѣя доказываютъ, что наши цари не отказывались отъ надежды возвратить старыя свои отчины. Во время путешествія Петра, тогдашній Бранденбургскій курфирстъ приглашалъ его заключить союзъ противъ Швеціи. Но такъ какъ въ то время еще не были потеряны надежды на завоеваніе Чернаго моря, то Царь согласился заключить съ нимъ только дружественный трактатъ, а отъ дальнѣйшихъ обязательствъ уклонился. На обратномъ пути въ Москву, онъ съѣхался въ небольшомъ городкѣ Галиціи съ королемъ Польскимъ Августомъ. Государь этотъ, природный и наслѣдственный курфирстъ Саксонскій, не задолго передъ тѣмъ избранный на польскій престолъ, извѣстенъ какъ силачъ и любитель всякаго рода удовольствій: вся жизнь его была непрерывнымъ рядомъ праздниковъ. Петръ тоже любилъ шумныя удовольствія между дѣломъ и обладалъ исполинскою силой. Они понравились другъ другу, весело пировали, показывали одинъ другому примѣры необыкновенной своей силы, а между тѣмъ говорили и о дѣлахъ государственныхъ. Августъ открылся Царю, что онъ желалъ бы добыть Ливонію, но въ наслѣдственное владѣніе, какъ государь Саксоніи, а не Польши, и приглашалъ помочь ему въ

(*) Юрьевъ — Дерптъ, Ругодевъ—Нарва, съ крѣпостью Иванъ-городомъ.

войнѣ, которую онъ съ этою цѣлію намѣревался начать противъ Швеціи. Царь не далъ и здѣсь положительнаго обѣщанія, но запомнилъ предложеніе Августа.

Между тѣмъ при дворѣ этого послѣдняго появился человѣкъ, который самымъ сильнымъ образомъ раздражилъ въ немъ желаніе пріобрѣсть Лифляндію: это былъ лифляндскій дворянинъ Рейнгольдъ Паткуль. Надо знать, что дворянство или *рыцарство* лифляндское было недовольно шведскимъ правительствомъ, которое отнимало у него не только права, можетъ быть чрезмѣрныя, на крестьянъ, но и принадлежавшія оному съ незапамятныхъ временъ имущества. Лифляндское дворянство дѣлало представленія, жаловалось, громко выражало свое неудовольствіе. Громче всѣхъ говорилъ Паткуль, и подвергся за то преслѣдованію шведскаго правительства. Видя, что ему не безопасно долѣе оставаться въ шведскихъ владѣніяхъ, онъ покинулъ отечество, долго странствовалъ по Европѣ, отыскивая вездѣ хоть искру вражды противъ Швеціи, въ надеждѣ ее раздуть, и наконецъ явился къ Августу, котораго нашелъ совершенно расположеннымъ принять его совѣты.

Онъ говорилъ королю, что овладѣть Лифляндіей не трудно, что тамъ мало шведскихъ войскъ, что Рига слабо укрѣплена и что, при появленіи саксонскихъ войскъ, все ливонское дворянство измѣнитъ Швеціи: оно вполнѣ расположено, увѣрялъ Паткуль, признать надъ собою власть государя Саксоніи. Предложеніе Паткуля было заманчиво: еслибъ Августу удалось овладѣть Лифляндіей и сдѣлаться наслѣдственнымъ ея государемъ, то владѣнія его съ двухъ сторонъ обняли бы Польшу, надъ которою можно было бы прочнымъ образомъ утвердить свою власть, а въ такомъ случаѣ

Саксонская династія сдѣлалась бы одною изъ могущественнѣйшихъ въ Европѣ.

Все это очень улыбалось Августу; но для вѣрнѣйшаго успѣха ему нужны были союзники. Онъ обратился къ Датскому королю, который, какъ сказано, имѣлъ причины желать ослабленія Швеціи и поэтому охотно приступилъ къ союзу съ Августомъ. Оставалось склонить къ оному Петра. Съ этою цѣлію было отправлено въ 1699 году въ Москву одно довѣренное лицо, а съ нимъ и самъ Паткуль, переодѣтый и подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы не возбудить подозрѣнія шведскаго резидента въ Москвѣ. Августъ вызывался начать войну, для чего уже были незамѣтно приведены въ Литву и Курляндію саксонскія войска, которыя должны были, когда Двина покроется льдомъ, врасплохъ овладѣть Ригой, а потомъ и всею Лифляндіей. Петру предлагалось въ то же время вторгнуться въ Ижерскую землю, съ тѣмъ чтобъ она въ послѣдствіи, при заключеніи мира съ Швеціей, оставалась на вѣки за Россіей. Петръ былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ, и въ ноябрѣ 1699 года заключилъ въ глубочайшемъ секретѣ договоръ о наступательномъ союзѣ противъ Швеціи. Но онъ не могъ начать войны, не заключивъ мира съ Турціей. Поэтому Украинцову, находившемуся еще въ Константинополѣ, приказано было сдѣлать Турціи нѣкоторыя уступки, именно, не требовать Керчи, споръ о которой главнѣйше затруднялъ переговоры. Какъ скоро мы отказались отъ Керчи, Турція тоже начала уступать, и наконецъ лѣтомъ 1700 года состоялся договоръ, по которому Азовъ былъ оставленъ за нами, и кромѣ того Турція обязалась срыть свои укрѣпленія, запиравшія выходъ изъ Днѣпра въ Черное море.

Такимъ образомъ противъ Швеціи составилось нѣ-

что въ родѣ заговора: безъ всякаго съ ея стороны повода замышляли нападеніе на ея предѣлы, дѣлили земли ей принадлежавшія, увѣряя между тѣмъ молодаго царствовавшаго въ ней короля въ дружбѣ, и ласкали посланниковъ, которыхъ онъ, по принятому обычаю, разослалъ ко всѣмъ дружественнымъ дворамъ по вступленіи на престолъ (1698). Подобныя явленія, къ сожалѣнію, нерѣдки въ исторіи. Надо замѣтить однакожъ, что каждое правительство прежде всего обязано блюсти интересы своихъ подданныхъ; оно должно не только не дѣлать ничего противнаго выгодамъ націи, но и не упускать ничего, могущаго служить къ увеличенію ея благоденствія. Мы же сами осуждали бы теперь Петра, еслибъ онъ не воспользовался представлявшимися ему благопріятными обстоятельствами для пріобрѣтенія балтійскаго прибрежья, безъ котораго мы не могли войдти въ соприкосновеніе съ Европой, ибо Черное море, еслибы мы и овладѣли его берегами (что̀, безъ помощи союзниковъ, болѣе нежели сомнительно), было во власти Турокъ: Константинопольскій и Дарданельскій проливы были въ ихъ рукахъ, а о томъ чтобы пробиться сквозь нихъ до просвѣщенныхъ странъ Европы нельзя было въ то время и мечтать. Притомъ, прибрежье Невы и отчасти Финскаго залива, какъ сказано, было изстари русскою землей; Столбовскій миръ отрѣзалъ ихъ отъ остальной Россіи, но и въ описываемое время тамъ жило много Русскихъ; были цѣлыя деревни и села русскія. Такимъ образомъ завоеваніе, задуманное Петромъ, было нѣкотораго рода отплатой за завоеваніе, сдѣланное Швеціей во время самозванцевъ.

Предвидя, что война со Швеціей потребуетъ отъ народа тяжелыхъ жертвъ, Петръ пожелалъ объяснить ему причины побудившія его предпринять эту войну; онъ

изложены въ брошюрѣ, написанной секретаремъ иноземнаго приказа, Шафировымъ, — человѣкомъ, о которомъ намъ еще не разъ придется говорить.

XIV.

Объявленіе мира съ Турціей и войны со Швеціей (1700).—Новые налоги. — Недостатки прежней военной силы въ Россіи. — Регулярное войско; его преимущества и неудобства.—Саксонцы и Датчане открываютъ войну.—Планъ Петра I.—Осада Нарвы.—Датскій король принужденъ заключить миръ.—Высадка Шведовъ въ Лифляндіи и походъ къ Нарвѣ.—Нарвская битва.

18-го августа 1700 года Москва торжествовала фейерверками и стрѣльбой изъ пушекъ заключеніе мира съ Турками, а 19-го было объявлено о войнѣ со Швеціей.

Петръ дѣлалъ исподоволь приготовленія къ этой войнѣ, какъ только она была рѣшена въ его умѣ. „Для войны нужны три вещи, говорилъ знаменитый Прусскій король, Фридрихъ II: вопервыхъ деньги, вовторыхъ деньги и втретьихъ деньги.“ Дѣйствительно, деньги составляютъ одно изъ главныхъ и необходимыхъ условій для веденія войны, а казна наша была очень небогата. Чтобъ усилить ея средства, были въ это время придуманы нѣкоторые новые налоги, какъ напримѣръ, плата за право носить бороду; для подачи частными людьми прошеній въ присутственныя мѣста и для переписки въ оныхъ была установлена гербовая бумага, за листъ которой надо было платить не менѣе трехъ алтынъ (9 коп.), тогда какъ онъ стоилъ казнѣ менѣе полушки.

Эти налоги доставили довольно большую прибавку къ другимъ стариннымъ доходамъ казны и дали Петру средства выписывать изъ-за границы оружіе, одежду для войскъ, платить имъ жалованье и т. п.

Азовскіе походы доказали, что старинные наши стрѣльцы были на войнѣ гораздо менѣе полезны, нежели полки регулярные, хорошо обученные, исправно вооруженные; притомъ возмущенія стрѣлецкаго войска поселили въ Царѣ недовѣріе къ нему: еще съ 1698 года, со времени послѣдняго стрѣлецкаго бунта, охраненіе Москвы было ввѣрено гвардейскимъ и нѣсколькимъ солдатскимъ полкамъ; а потому, готовясь къ войнѣ съ лучшими солдатами въ Европѣ, Петръ рѣшился совершенно преобразовать свое войско, и устроить его по примѣру войскъ существовавшихъ въ государствахъ западной Европы.

Въ прежнія времена у насъ были, какъ уже извѣстно, войска постоянныя (стрѣльцы, драгуны и пр.) и земская рать; послѣднюю собирали только передъ началомъ похода; первыя хотя и несли службу въ мирное время, то-есть занимали караулы по городамъ и были передвигаемы съ одной границы на другую, но кормиться они должны были съ земель, которыя имъ отводились, и потому собственно военныя занятія были для нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Такое войско очень не дорого стóитъ, особенно въ государствѣ подобномъ Россіи, гдѣ земель изобиліе; но за то оно не можетъ идти въ сравненіе съ настоящимъ регулярнымъ войскомъ, котораго единственное назначеніе — заниматься военнымъ образованіемъ.

Петръ готовился начать упорную войну, и потому такого рода войско было ему необходимо. Онъ потребовалъ, чтобы каждый владѣлецъ населеннаго имѣнія представилъ извѣстное число рекрутъ, сообразно съ величиной этого имѣнія, а мелкіе помѣщики должны были сами становиться въ солдаты.

Такимъ образомъ къ началу 1700 года было собрано

до 40 тысячъ человѣкъ предназначенныхъ для постоянной военной службы; ихъ немедленно одѣли въ мундиры, вооружили, расписали по полкамъ, командирами которыхъ были назначены по большей части иностранные офицеры, и начали обучать стрѣльбѣ, маршировкѣ и разнымъ военнымъ эволюціямъ. Съ помощію неусыпныхъ трудовъ и чрезвычайной строгости, этой массѣ людей былъ сообщенъ нѣкоторый порядокъ и нѣкоторое умѣніе владѣть оружіемъ: оставалось испробовать на самомъ дѣлѣ.

Союзникъ нашъ, король Польскій, давно уже торопилъ насъ начать военныя дѣйствія, потому что онъ самъ уже открылъ ихъ. Въ началѣ февраля 1700 года его любимецъ, Флемингъ, съ саксонскими войсками неожиданно кинулся на укрѣпленія Риги, но овладѣть ими не могъ. Въ то же время и король Датскій вторгнулся въ герцогство Голштинское и занялъ его почти безъ сопротивленія. Такимъ образомъ оба союзника шли къ своей цѣли: Августъ—къ овладѣнію Ливоніей, король Датскій—къ завоеванію Голштиніи. Петръ рѣшился направить свои удары на Нарву, откуда онъ могъ, повернувъ къ востоку, овладѣть устьями и теченіемъ Невы. Онъ не могъ начать исполненіе своего плана ранѣе полученія положительнаго извѣстія о заключеніи мира съ Турціей, но черезъ мѣсяцъ по полученіи о томъ извѣстія, войска наши уже переступали шведскую границу, направляясь къ Нарвѣ. Въ теченіе октября они обложили эту крѣпостцу и открыли осадныя работы. Русскаго войска подъ Нарвой было 35—40 тысячъ; командовали имъ генералы: князь Яковъ Долгоруковъ, Головинъ, бывшій подъ Азовомъ, князь Репнинъ, князь Трубецкой, Шереметевъ, Бутурлинъ и иностранцы Галлартъ и Вейде, да еще герцогъ де-Кроа

Азовскіе походы доказали, что старинные наши стрѣльцы были на войнѣ гораздо менѣе полезны, нежели полки регулярные, хорошо обученные, исправно вооруженные; притомъ возмущенія стрѣлецкаго войска поселили въ Царѣ недовѣріе къ нему: еще съ 1698 года, со времени послѣдняго стрѣлецкаго бунта, охраненіе Москвы было ввѣрено гвардейскимъ и нѣсколькимъ солдатскимъ полкамъ; а потому, готовясь къ войнѣ съ лучшими солдатами въ Европѣ, Петръ рѣшился совершенно преобразовать свое войско, и устроить его по примѣру войскъ существовавшихъ въ государствахъ западной Европы.

Въ прежнія времена у насъ были, какъ уже извѣстно, войска постоянныя (стрѣльцы, драгуны и пр.) и земская рать; послѣднюю собирали только передъ началомъ похода; первыя хотя и несли службу въ мирное время, то-есть занимали караулы по городамъ и были передвигаемы съ одной границы на другую, но кормиться они должны были съ земель, которыя имъ отводились, и потому собственно военныя занятія были для нихъ дѣломъ второстепеннымъ. Такое войско очень не дорого стóитъ, особенно въ государствѣ подобномъ Россіи, гдѣ земель изобиліе; но за то оно не можетъ идти въ сравненіе съ настоящимъ регулярнымъ войскомъ, котораго единственное назначеніе — заниматься военнымъ образованіемъ.

Петръ готовился начать упорную войну, и потому такого рода войско было ему необходимо. Онъ потребовалъ, чтобы каждый владѣлецъ населеннаго имѣнія представилъ извѣстное число рекрутъ, сообразно съ величиной этого имѣнія, а мелкіе помѣщики должны были сами становиться въ солдаты.

Такимъ образомъ къ началу 1700 года было собрано

до 40 тысячъ человѣкъ предназначенныхъ для постоянной военной службы; ихъ немедленно одѣли въ мундиры, вооружили, расписали по полкамъ, командирами которыхъ были назначены по большей части иностранные офицеры, и начали обучать стрѣльбѣ, маршировкѣ и разнымъ военнымъ эволюціямъ. Съ помощію неусыпныхъ трудовъ и чрезвычайной строгости, этой массѣ людей былъ сообщенъ нѣкоторый порядокъ и нѣкоторое умѣніе владѣть оружіемъ: оставалось испробовать на самомъ дѣлѣ.

Союзникъ нашъ, король Польскій, давно уже торопилъ насъ начать военныя дѣйствія, потому что онъ самъ уже открылъ ихъ. Въ началѣ февраля 1700 года его любимецъ, Флемингъ, съ саксонскими войсками неожиданно кинулся на укрѣпленія Риги, но овладѣть ими не могъ. Въ то же время и король Датскій вторгнулся въ герцогство Голштинское и занялъ его почти безъ сопротивленія. Такимъ образомъ оба союзника шли къ своей цѣли: Августъ—къ овладѣнію Ливоніей, король Датскій—къ завоеванію Голштиніи. Петръ рѣшился направить свои удары на Нарву, откуда онъ могъ, повернувъ къ востоку, овладѣть устьями и теченіемъ Невы. Онъ не могъ начать исполненіе своего плана ранѣе полученія положительнаго извѣстія о заключеніи мира съ Турціей, но черезъ мѣсяцъ по полученіи о томъ извѣстія, войска наши уже переступали шведскую границу, направляясь къ Нарвѣ. Въ теченіе октября они обложили эту крѣпостцу и открыли осадныя работы. Русскаго войска подъ Нарвой было 35—40 тысячъ; командовали имъ генералы: князь Яковъ Долгоруковъ, Головинъ, бывшій подъ Азовомъ, князь Репнинъ, князь Трубецкой, Шереметевъ, Бутурлинъ и иностранцы Галлартъ и Вейде, да еще герцогъ де-Кроа

занимали около Нарвы полукругъ, имѣвшій семь верстъ длины, съ той стороны откуда Шведы приближались. Чтобы надлежащимъ образомъ занять все это пространство, надо было имѣть втрое больше войска. Но они продолжали оставаться, растянувшись на огромномъ пространствѣ, на которомъ одинъ полкъ не могъ подать другому помощи.

Къ тому же Царь совершенно неожиданно объявилъ, что онъ оставляетъ армію, чтобы поторопить прибытіемъ новыхъ войскъ и чтобы видѣться съ Польскимъ королемъ. Это намѣреніе его совершенно непонятно: какъ оставить армію почти наканунѣ боя, и притомъ армію неопытную, которую только его присутствіе могло воодушевить и его власть удержать въ нѣкоторомъ порядкѣ? Многіе писатели относятъ это къ малодушію Петра; такое обвиненіе нельзя признать основательнымъ, потому что Государь этотъ въ тысячѣ различныхъ случаевъ доказалъ и силу своего духа, и чисто боевую отважность. Весьма вѣроятно однакожъ, что многіе подъ Нарвой дѣлали подобное заключеніе о причинахъ неожиданнаго отъѣзда Царя, и несомнѣнно, что отъѣздъ этотъ значительно смутилъ духъ нашей арміи. Какъ бы то ни было, 17-го ноября Царь собралъ главныхъ начальниковъ, объявилъ имъ о своемъ отъѣздѣ, поручилъ верховное начальство герцогу де-Кроа и на другой день отправился.

Де-Кроа былъ, какъ сказано, иноземецъ, только что прибывшій въ Россію; никто не зналъ его и онъ не зналъ никого, не зналъ кому что̀ можно поручить, кто что̀ въ состояніи сдѣлать, кто пылокъ, кто вялъ, кто смѣлъ, кто малодушенъ, на какой полкъ можно понадѣяться, на какой нельзя. Съ своей стороны Русскіе смотрѣли на него съ недовѣрчивостью уже по тому

одному, что онъ иностранецъ, а иностраные начальники, кромѣ врожденной непріязни къ нимъ нашихъ предковъ, были ненавистны и потому еще, что они жестоко и презрительно обращались съ подчиненными.

По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя было ожидать успѣха. 19-го числа Шведы открыли по русскому лагерю пальбу, на которую отвѣчали наши пушки. Но часу во второмъ дня вдругъ повалилъ сильный снѣгъ; стрѣлять сдѣлалось невозможно за невозможностью видѣть непріятеля. Пользуясь этимъ, Шведы устремились въ аттаку, и мы это замѣтили лишь тогда, когда они были отъ насъ въ 20 шагахъ. Въ одну минуту непріятель овладѣлъ окопами и направилъ наши же пушки противъ тѣхъ частей русской арміи, которыя еще держались. Шведы ударили на нее въ штыки, и тогда начались всеобщее бѣгство и смятеніе. Первою повернула тылъ конница Шереметева; ея примѣру послѣдовали и другіе. Солдаты, повозки, артиллерія, все кинулось къ единственному мосту, который былъ наведенъ чрезъ Нарову; въ толкотнѣ они давили другихъ; нѣкоторые офицеры старались удержать своихъ солдатъ: ихъ убивали. Плохо устроенный пловучій мостъ не выдержалъ кинувшейся на него толпы и разорвался, а Шведы сзади осыпали картечью, кололи и рубили.

Пораженіе было ужасное и постыдное, ибо Русскихъ было подъ Нарвою не менѣе 35 тысячъ человѣкъ и притомъ за укрѣпленіями, а Шведовъ едва ли больше 12 тысячъ. Только два молодые гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій, сохранили честь своихъ знаменъ и держались даже въ то время, когда все кругомъ ихъ съ ужасомъ бѣжало.

XV.

Затруднительное положеніе Россіи послѣ Нарвскаго пораженія. — Новые поборы и новые налоги. — Сборы съ монастырей. — Возобновленіе войны. — Первые успѣхи Шереметева. — Взятіе Нотебурга (1702) и Ніеншанца (1703). — Какія выгоды представляла Нева для нашей торговли? — Мысль о соединеніи Балтійскаго моря съ Каспійскимъ и этого послѣдняго съ Чернымъ. — Важность водныхъ путей въ отношеніи развитія внутренней торговли. — Старанія Царя объ оживленіи промышленности. — Его необыкновенная дѣятельность. — Петербургъ и Кронштадтъ. — „Домикъ Петра Великаго". — Союзъ съ Польшей. — Новые успѣхи русскаго оружія. — Меншиковъ. — Екатерина.

Еслибы, послѣ своей побѣды подъ Нарвой, Шведскій король быстро двинулся къ Москвѣ, Богъ знаетъ, каковы были бы для Россіи послѣдствія такого движенія. Армія наша была страшно разстроена, народъ былъ недоволенъ начавшимися преобразованіями и увеличившимися налогами, и нельзя знать, возсталъ ли бы онъ въ настоящемъ случаѣ такъ единодушно, какъ нѣкогда возставалъ противъ Поляковъ (1612), а въ послѣдствіи противъ Французовъ (1812).

По счастію, Карлъ оставилъ насъ въ покоѣ; поручивъ нѣсколькимъ генераламъ своимъ защищать Эстляндію и Ингерманландію, самъ онъ обратился противъ саксонскихъ войскъ, разбилъ ихъ, вступилъ въ Курляндію и преслѣдуя войска Августа, углубился наконецъ въ Польшу.

Избавившись такъ неожиданно и такъ счастливо отъ страшнаго врага, Петръ со всею энергіей, къ которой былъ способенъ, началъ сбирать новыя силы для продолженія войны, и въ эти тяжелыя, очень тяжелыя для него минуты, онъ обнаруживаетъ удивительную твердость, необыкновенную дѣятельность. Онъ носится по Россіи изъ конца въ конецъ: изъ Москвы въ Воронежъ

и Азовъ, оттуда въ Архангельскъ, изъ Архангельска на литовскую границу: тамъ онъ видится съ Августомъ и возобновляетъ съ нимъ союзъ; въ Архангельскѣ осматриваетъ постройку кораблей, то же дѣлаетъ въ Воронежѣ; торопитъ работы укрѣпленій при устьяхъ Дона, чтобы, въ случаѣ разрыва съ Турціей, быть въ состояніи дать ей отпоръ; укрѣпляетъ Новгородъ и Псковъ, на случай вторженія Шведовъ. Вездѣ его присутствіе все приводитъ въ движеніе, всему даетъ жизнь. Онъ беретъ самъ молотъ, или топоръ, и примѣромъ своимъ поощряетъ работниковъ; ободряетъ бояръ, которые поникли было духомъ послѣ Нарвскаго сраженія: „надъ нашими войсками Шведы викторію учинили, говоритъ онъ, что̀ есть безспорно; но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную получили". Это войско было еще плохо обучено; не только солдаты, но и офицеры были новобранцы, не видавшіе огня, не нюхавшіе пороху; за распутицей былъ недостатокъ въ провіантѣ—„и единымъ словомъ сказать, казалось все дѣло яко младенческое играніе было, а искуства ниже вида!" „Поправимся", заключилъ онъ съ увѣренностью: „мой братъ Карлъ считаетъ себя Александромъ Македонскимъ, но во мнѣ найдетъ онъ не Дарія".

Для того же, чтобы дать крѣпкій отпоръ новому Александру, необходимы были, кромѣ неутомимой дѣятельности Царя, тяжелыя жертвы со стороны народа, и все это нужно было немедленно, въ минуту: „время яко смерть", писалъ Петръ Виніусу, торопя его отливкой пушекъ. Прежде всего нужны были люди и деньги. Потребованы были служилые люди, а изъ имѣній дворянскихъ, монастырскихъ и дворцовыхъ даточные(*),

(*) То же что̀ рекруты.

причемъ за всякое уклоненіе, даже за промедленіе положены жестокія наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ кликнули охотниковъ изъ всякаго рода людей. Что̀ касается до денегъ, то чтобы добыть ихъ, постановлены были строгія наказанія за недоимки; придумывались новые источники доходовъ, то-есть новые налоги.

Все это были мѣры тяжелыя для народа, хотя и необходимыя въ настоящую минуту, но и онѣ не могли доставить вдругъ большихъ суммъ; а деньги нужны были сейчасъ, сію минуту, чтобы покупать пушки, одѣвать войско, кормить его. Петръ считалъ это надобностью всего государства, дѣломъ каждаго русскаго человѣка, и не усомнился потребовать денегъ изъ такого источника, къ которому никто до него никогда не обращался: онъ сталъ брать деньги у монастырей. Въ теченіе многихъ вѣковъ цари и частные люди сыпали сокровища всякаго рода въ нѣкоторыя обители, особенно въ Троицко-Сергіевскую, гдѣ находились несмѣтныя богатства; часть этихъ богатствъ пошла теперь на пріобрѣтеніе средствъ для обороны отечества. Мало этого, Петръ велѣлъ снять часть церковныхъ колоколовъ, чтобы перелить ихъ въ пушки.

Всѣ эти, а особенно послѣднія мѣры произвели явный ропотъ; но Петръ не обращалъ на него вниманія, и за то въ какой-нибудь годъ времени, благодаря усердію Виніуса, у насъ уже было до 300 орудій. Саксонцамъ заплачено было 100 тысячъ рублей (огромная сумма по тогдашнему), лишь бы они дѣйствовали энергичнѣе, и явилась новая, многочисленнѣйшая прежней армія, которая и начала одерживать успѣхи надъ Шведами.

Шереметевъ, оставленный на границахъ Лифляндіи, держался сначала осторожно, стараясь только пріучить свои войска къ порядку, быстротѣ и перенесенію тру-

довъ. Большимъ успѣхомъ казалось уже и то, что наши рейтары и драгуны научились не бояться встрѣчи со шведскими драбантами; небольшая удачная стычка со Шведами у Рапиной мызы значительно ободрила ихъ, такъ что въ послѣднихъ числахъ декабря 1701 года Шереметевъ рѣшился самъ отыскивать непріятеля: онъ встрѣтился съ нимъ близь деревни Эрестферъ (29-го декабря) и не только разбилъ на голову, но съ пылкостію преслѣдовалъ на разстояніи 30 верстъ. Это было великое торжество для Царя. Онъ сдѣлалъ Шереметева фельдмаршаломъ, пожаловалъ ему новоучрежденный орденъ Андрея Первозваннаго; офицеры и солдаты, бывшіе подъ Эрестферомъ, награждены; Царь праздновалъ въ Москвѣ одержанную побѣду пальбой, фейерверками, тріумфальными арками и торжественнымъ молебствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ было чему радоваться. Эрестферская побѣда, неважная сама по себѣ, была однакожъ первымъ доказательствомъ того, что намъ Шведы уже нестрашны; сбывались слова Петра: „господа Шведы, говорилъ онъ послѣ Нарвы, побьютъ насъ можетъ-быть и еще не разъ, но у нихъ же мы и научимся побѣждать ихъ“.

Справедливость этихъ словъ оказывалась на самомъ дѣлѣ: послѣ Эрестферскаго сраженія послѣдовалъ цѣлый рядъ не громкихъ, но постоянныхъ успѣховъ; на сушѣ, на водахъ Чудскаго озера, вездѣ мы начинали имѣть перевѣсъ. Тогда Царь рѣшился приступить къ исполненію своей завѣтной мысли, къ пріобрѣтенію Финскаго прибрежья и Невы, этого естественнаго канала между моремъ и сѣверными нашими озерами.

У самаго выхода этой рѣки изъ Ладожскаго озера, на небольшомъ островкѣ, была еще въ давнія времена построена Русскими крѣпостца Орѣшекъ, взятая Шве-

дами въ началѣ XVII вѣка и съ того времени находившаяся подъ ихъ властію. Она была переименована въ Нотебургъ и обратилась въ одинъ изъ передовыхъ оплотовъ Швеціи противъ Россіи. Крѣпость эта сама по себѣ незначительна, но доступъ къ ней довольно труденъ, ибо, какъ сказано, она окружена водой, и въ этомъ мѣстѣ теченіе Невы необыкновенно быстро. Глубокою осенью 1702 года Шереметевъ, Репнинъ, Голицынъ и нѣкоторые другіе генералы, пріобрѣтшіе отчасти боевую опытность, подступили къ Нотебургу и обложили его. Прибылъ и Петръ. Началась жестокая канонада, и наконецъ сильный приступъ рѣшилъ дѣло въ нашу пользу.

Это уже былъ дѣйствительно важный военный успѣхъ и еще болѣе важный по тѣмъ надеждамъ, которыя онъ обѣщалъ въ будущемъ: отъ Орѣшка до моря,—главной цѣли войны,—всего 60 верстъ и только одно незначительное укрѣпленьице, близь устья Невы. Царь ликовалъ. „Зѣло жестокъ сей *орѣхъ* былъ, писалъ онъ Виніусу, — однакожь, слава Богу, счастливо разгрызенъ". Надѣясь скоро добраться до этого завѣтнаго устья и вывести наконецъ свои галеры въ море, онъ назвалъ Орѣшекъ *ключомъ-городомъ* (Шлюссельбургомъ), такимъ *ключомъ*, который отопретъ соединеніе съ моремъ нашимъ внутреннимъ озерамъ: Ладожскому, Онежскому, Бѣлому и другимъ меньшимъ, со впадающими въ нихъ рѣками.

Всю зиму шли дѣятельныя приготовленія для того чтобы весной начать снова и съ новыми силами военныя дѣйствія. И вотъ наступила весна; ледъ прошелъ, все зазеленѣло; лѣса одѣлись. Топкими берегами Невы, мѣстами почти непроходимыми, потянулись наши войска, а рѣкой плыли галеры, везя тяжелую артиллерію.

верстахъ въ семи отъ впаденія Невы въ море, тамъ гдѣ она дѣлаетъ крутой поворотъ и гдѣ въ нее впадаетъ рѣка Охта, было построено Шведами укрѣпленіе, названное Ніеншанцъ (Канцы): оно безъ большаго труда было взято. Это случилось 1-го мая 1703 года. Съ этого дня Финскій заливъ былъ для насъ открытъ.

Еще прежде нежели повели аттаку на Ніеншанцъ, Петръ самъ съ Меншиковымъ и нѣсколькими сотнями гвардейскихъ солдатъ пустился мимо крѣпости, внизъ по рѣкѣ, чтобы взглянуть на любезное ему море и не допустить непріятельскихъ кораблей, которые находились вблизи, подоспѣть на помощь укрѣпленію. Дѣйствительно, шведская эскадра не замедлила явиться у невскаго устья, но тогда уже когда Ніеншанцъ былъ взятъ. Не зная этого, два корабля смѣло вошли въ рѣку; но припрятанныя у береговъ лодки наши неожиданно окружили ихъ и послѣ жаркаго, хотя и непродолжительнаго боя овладѣли ими.

Сбылось давнишнее, страстное желаніе Царя. Россія добыла выходъ въ море, и притомъ въ море несравненно болѣе благопріятное для торговли, нежели отдаленное Бѣлое море, три четверти года запертое льдами и болѣе выгодное чѣмъ Азовское, стѣсняемое турецкими крѣпостями. Рѣка, которая служила путемъ къ этому вновь пріобрѣтенному морю, широка и глубока, такъ что корабли, какъ это и случилось въ виду всей арміи, могли свободно по ней плавать. Правда, край былъ печаленъ, низменъ, болотистъ, почва безплодна, жилья очень мало—только одна небольшая деревенька возлѣ Ніеншанца да другая ниже по берегу рѣки, нѣсколько рыбачьихъ хижинъ; но это ничего: люди явятся, жители сбѣгутся со всѣхъ концовъ Россіи, думалъ Петръ, лишь бы положить начало торговлѣ, — а какъ,

кажется, не быть ей здѣсь? Финскій заливъ цѣлою цѣпью озеръ и рѣкъ связывается съ Онежскимъ и Бѣлозерскимъ краемъ; далѣе Волховъ соединяетъ его съ Ильменемъ, въ который впадаютъ три небездѣльныя рѣки: Щелонь, Ловать и Мста, такъ что изъ Сольцы и Порхова, изъ Холма и Великихъ Лукъ, изъ Вышняго Волочка и Торжка, могутъ направляться къ невскимъ устьямъ предметы торговли: ленъ, хлѣбъ всякаго рода, сало, деготь, лѣсъ и другіе грубые, но цѣнные русскіе продукты. Но и это еще не все: отъ Торжка, стоящаго на Мстѣ, не далеко до Твери, находящейся на Волгѣ; между ними есть вѣроятно какія-нибудь маленькія рѣчки, которыя можно углубить, расширить, наконецъ соединить каналами, и тогда несись нашъ торговый флотъ отъ Невы до Каспійскаго моря.... Да и это не все. Волга близь Царицына подходитъ къ Дону всего на 60 верстъ: если здѣсь прорыть каналъ, то черноморскія, каспійскія и балтійскія воды соединятся между собою; Персіянинъ и Трухменецъ пошлютъ свои товары Германцу и Англичанину, а Голландецъ повезетъ свои въ Трапезундъ и Варну; миссіонеры и торговые агенты Италіи и Франціи, стремящіеся въ Китай, будутъ отправляться Дономъ и Волгой. Словомъ, вся торговля, всѣ сношенія Европы съ Востокомъ потекутъ черезъ Россію!

Но какую же выгоду, спрашивается, пріобрѣли бы мы, еслибы Голландцы, Персіяне, Французы и пр. производили между собою торговлю посредствомъ нашихъ рѣкъ, озеръ и морей? Большую выгоду. Торговля на пути своемъ роняетъ золото,—это первое; но она дѣлаетъ еще гораздо больше: она возбуждаетъ желаніе зарабатывать золото, вызываетъ дѣятельность. Для судовъ потребны лоцманы, матросы, парусина, канаты;

нужны пристани для нагрузки и разгрузки судовъ, сараи для товаровъ, харчи для судорабочихъ; все это надо доставать на мѣстѣ, у мѣстныхъ житетей, и платить имъ за это, а мѣстные жители, находя въ такомъ сбытѣ для себя выгоду, дѣлаются дѣятельнѣе; да и самый кругъ ихъ понятій расширяется: человѣкъ торговый и промышленный есть уже человѣкъ болѣе или менѣе развитый.

Да и это ли одно? Еслибъ удалось возбудить торговое движеніе по Волгѣ и Дону, безъ сомнѣнія, оно мало-по-малу захватило бы и мѣста отдаленныя, глухія и дремлющія; разлило бы жизнь до глубины Русской земли. Стóитъ только взглянуть на карту Россіи, чтобъ убѣдиться, какое большое развитіе можетъ принять внутренняя торговля наша. Сколько большихъ и судоходныхъ рѣкъ съ своими притоками впадаетъ въ одну Волгу! Возьмемъ изъ нихъ только двѣ: съ одной стороны Каму, съ притоками Вяткою, Бѣлою и Чусовою, которыя могутъ дать торговую жизнь краямъ Вятскому, Пермскому, Уральскому, Уфимскому, а съ другой стороны возьмемъ Оку, которая соединяетъ съ Волгой Москву и всѣ центральныя, самыя населенныя губерніи, посредствомъ же Цны и Мокши имѣетъ связь съ житницей Россіи, этою обширною черноземною полосой, которую въ другомъ направленіи прорѣзываютъ Хоперъ, Медвѣдица и Донъ, готовые нести мѣстныя богатства въ Черное и Средиземное моря.

Надо признаться, что Петръ дѣлалъ въ этомъ отношеніи все, чтò отъ него зависѣло. Онъ пріискивалъ средства для соединенія Волги съ Дономъ, Волги же съ Мстою и Оки съ Дономъ; на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ сооружена Волжско-Донская желѣзная дорога, онъ начиналъ рыть каналъ; другой каналъ прорытъ имъ

между рѣками Цной и Тверцой, чѣмъ и положено основаніе существующей и понынѣ Вышневолоцкой системѣ. Наконецъ при Петрѣ же былъ начатъ Ладожскій каналъ, соединившій устье Волхова съ Невой, въ обходъ опаснаго Ладожскаго озера. Въ то же время онъ подавалъ совѣты о лучшемъ устройствѣ судовъ для плаванія по рѣкамъ и озерамъ, дѣлалъ просѣки въ дремучихъ лѣсахъ и проводилъ дороги. Въ Олонцѣ онъ заложилъ верфь для постройки судовъ; на Онежскомъ озерѣ, въ Петрозаводскѣ, основалъ, или, по крайней мѣрѣ, возобновилъ и значительно расширилъ желѣзное и чугунное производство, поручивъ его дѣльному и честному Нѣмцу, Генингу, такъ что невскія галеры стали получать оттуда пушки и якоря; едва овладѣвъ устьями Невы, заложилъ тамъ верфь, а въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда, на рѣкѣ Сестрѣ, на финляндскомъ берегу, устроилъ оружейный заводъ. Тульскій желѣзный заводъ, существовавшій еще во времена Алексѣя Михайловича, но мало приносившій пользы, онъ отдалъ въ управленіе простому оружейнику, Никитѣ Демидову, человѣку смышленому и дѣятельному, при которомъ работы пошли несравненно успѣшнѣе. Еще такой же заводъ учредилъ онъ не вдалекѣ отъ Азова (Луганскій); заводилъ суконныя фабрики, поощрялъ къ тому же и частныхъ людей и, носясь безпрестанно изъ конца въ конецъ по своему государству, не пропускалъ случая взглянуть на эти молодыя учрежденія, убѣдиться, исправно ли идетъ на нихъ работа.

Оригинальны были и эти поѣздки, и эти посѣщенія. Царь, какъ уже нѣсколько разъ было говорено, не терпѣлъ пышности и этикета, весьма мало походя въ этомъ отношеніи на своихъ предшественниковъ. Когда ему нужно было куда-нибудь отправиться, онъ садился

нужны пристани для нагрузки и разгрузки судовъ, сараи для товаровъ, харчи для судорабочихъ; все это надо доставать на мѣстѣ, у мѣстныхъ жителей, и платить имъ за это, а мѣстные жители, находя въ такомъ сбытѣ для себя выгоду, дѣлаются дѣятельнѣе; да и самый кругъ ихъ понятій расширяется: человѣкъ торговый и промышленный есть уже человѣкъ болѣе или менѣе развитый.

Да и это ли одно? Еслибъ удалось возбудить торговое движеніе по Волгѣ и Дону, безъ сомнѣнія, оно мало-по-малу захватило бы и мѣста отдаленныя, глухія и дремлющія; разлило бы жизнь до глубины Русской земли. Стóитъ только взглянуть на карту Россіи, чтобъ убѣдиться, какое большое развитіе можетъ принять внутренняя торговля наша. Сколько большихъ и судоходныхъ рѣкъ съ своими притоками впадаетъ въ одну Волгу! Возьмемъ изъ нихъ только двѣ: съ одной стороны Каму, съ притоками Вяткою, Бѣлою и Чусовою, которыя могутъ дать торговую жизнь краямъ Вятскому, Пермскому, Уральскому, Уфимскому, а съ другой стороны возьмемъ Оку, которая соединяетъ съ Волгой Москву и всѣ центральныя, самыя населенныя губерніи, посредствомъ же Цны и Мокши имѣетъ связь съ житницей Россіи, этою обширною черноземною полосой, которую въ другомъ направленіи прорѣзываютъ Хоперъ, Медвѣдица и Донъ, готовые нести мѣстныя богатства въ Черное и Средиземное моря.

Надо признаться, что Петръ дѣлалъ въ этомъ отношеніи все, чтò отъ него зависѣло. Онъ пріискивалъ средства для соединенія Волги съ Дономъ, Волги же съ Мстою и Оки съ Дономъ; на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ сооружена Волжско-Донская желѣзная дорога, онъ начиналъ рыть каналъ; другой каналъ прорытъ имъ

между рѣками Цной и Тверцой, чѣмъ и положено основаніе существующей и понынѣ Вышневолоцкой системѣ. Наконецъ при Петрѣ же былъ начатъ Ладожскій каналъ, соединившій устье Волхова съ Невой, въ обходъ опаснаго Ладожскаго озера. Въ то же время онъ подавалъ совѣты о лучшемъ устройствѣ судовъ для плаванія по рѣкамъ и озерамъ, дѣлалъ просѣки въ дремучихъ лѣсахъ и проводилъ дороги. Въ Олонцѣ онъ заложилъ верфь для постройки судовъ; на Онежскомъ озерѣ, въ Петрозаводскѣ, основалъ, или, по крайней мѣрѣ, возобновилъ и значительно расширилъ желѣзное и чугунное производство, поручивъ его дѣльному и честному Нѣмцу, Генингу, такъ что невскія галеры стали получать оттуда пушки и якоря; едва овладѣвъ устьями Невы, заложилъ тамъ верфь, а въ нѣскольких верстахъ оттуда, на рѣкѣ Сестрѣ, на финляндскомъ берегу, устроилъ оружейный заводъ. Тульскій желѣзный заводъ, существовавшій еще во времена Алексѣя Михайловича, но мало приносившій пользы, онъ отдалъ въ управленіе простому оружейнику, Никитѣ Демидову, человѣку смышленому и дѣятельному, при которомъ работы пошли несравненно успѣшнѣе. Еще такой же заводъ учредилъ онъ не вдалекѣ отъ Азова (Луганскій); заводилъ суконныя фабрики, поощрялъ къ тому же и частныхъ людей и, носясь безпрестанно изъ конца въ конецъ по своему государству, не пропускалъ случая взглянуть на эти молодыя учрежденія, убѣдиться, исправно ли идетъ на нихъ работа.

Оригинальны были и эти поѣздки, и эти посѣщенія. Царь, какъ уже нѣсколько разъ было говорено, не терпѣлъ пышности и этикета, весьма мало походя въ этомъ отношеніи на своихъ предшественниковъ. Когда ему нужно было куда-нибудь отправиться, онъ садился

потолка, такъ что весь этотъ домикъ съ крышей и трубами установится въ любой залѣ Зимняго или большаго Московскаго дворца; стѣны и потолокъ его обтянуты холстомъ, выкрашеннымъ бѣлою краской; сосновый полъ, нѣсколько простыхъ столовъ и стульевъ, да токарный станокъ, вотъ убранство дворца Русскаго Царя! Но кто же не понимаетъ, что въ этой простотѣ, которою окружалъ себя Петръ, заключается несравненно больше величія, чѣмъ въ роскоши и великолѣпіи? Прежніе цари могли сіять жемчугами и самоцвѣтными каменьями, содержать десятки тысячъ лошадей на своихъ конюшняхъ, ежедневно разсылать съ своего стола тысячи подачъ: могъ бы это дѣлать слѣдовательно и Петръ; но онъ былъ скупъ на деньги, собираемыя съ народа, и весь его дворъ, — его, царицы и царевенъ, стоилъ Россіи не болѣе 50 тысячъ рублей въ годъ; онъ самъ ходилъ нерѣдко въ заплатанныхъ сапогахъ, ѣздилъ по городу въ одноколкѣ, а между тѣмъ только за нимъ однимъ осталось названіе *Великаго*.

Петръ полюбилъ новый городокъ, какъ свое созданіе, и мало-по-малу оставилъ Москву, въ которой господствовалъ духъ старины; подобно ему, и преемники его предпочитали жить въ Петербургѣ. Постоянное пребываніе въ немъ двора и правительства, а также выгодное его положеніе относительно заграничной торговли, были причиной, что онъ разроссся и развился съ необыкновенною быстротой, и въ настоящее время въ немъ болѣе полумилліона жителей, торговый оборотъ его простирается до 150 милл. въ годъ, чего не имѣетъ ни одинъ городъ въ Россіи; въ немъ же числится болѣе ученыхъ и учебныхъ заведеній, болѣе пишется книгъ и издается журналовъ, нежели въ какомъ бы то ни было изъ городовъ русскихъ. Москва, столица Московскаго царства,

потеряла свое первенствующее значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Россія начала входить въ свои старинныя границы, въ границы временъ Ярослава, и право на первенство въ будущемъ можетъ оспаривать у Петербурга развѣ одна только древняя столица Ярослава и Владиміра, Кіевъ, стоящій именно въ томъ пунктѣ, гдѣ сходятся три главныя племени Русскаго народа: великорусское, малорусское и бѣлорусское, близкій къ землямъ естественныхъ союзниковъ нашихъ, заграничныхъ Славянъ, и полный для нихъ, не только для насъ, драгоцѣнныхъ воспоминаній.

Но возвратимся къ военнымъ дѣламъ. 1704 годъ вообще былъ для насъ удаченъ. До сего времени союзникомъ нашимъ противъ Карла XII былъ Августъ, только въ качествѣ государя Саксоніи; Польша же не принимала участія въ войнѣ своего государя. Теперь польскіе приверженцы его, выведенные изъ терпѣнія разореніями, къ которымъ они не подали Шведамъ никакого повода, заключили съ Россіей союзъ отъ имени польскаго правительства, обязавшись принять дѣятельное участіе въ войнѣ противъ Шведовъ, но выговоривъ со стороны Россіи, чтобъ она снабжала ихъ ежегоднымъ денежнымъ пособіемъ, прислала 12.000 войска и уступила Польшѣ свои завоеванія въ Ливоніи и Эстляндіи, гдѣ въ теченіе 1704-го же года завоеваны были Шереметевымъ: Ямъ, Копорье, Нарва и Дерптъ. Такимъ образомъ у Шведовъ отняты были: часть нынѣшнихъ прибалтійскихъ губерній и вся старинная вотчина русская— Ижерская земля. Начальникомъ этой послѣдней области былъ назначенъ Меншиковъ.

Имя этого человѣка встрѣчается намъ уже не въ первый разъ, а въ послѣдствіи придется говорить о немъ и еще чаще. Меншиковъ, сдѣлавшійся первымъ богачомъ

и первымъ сановникомъ Россіи, княземъ и нареченнымъ тестемъ императора Петра II, былъ сынъ придворнаго конюха, началъ свою службу въ потѣшныхъ и добывалъ копѣйку продажей подовыхъ пироговъ. Проворный, расторопный, смышленый и красивый собою, онъ былъ замѣченъ молодымъ Царемъ, который повидимому употреблялъ его и по своимъ домашнимъ, частнымъ дѣламъ. Недавно найдено къ нему письмо Петра, писанное еще до поѣздки за границу. „Пожалуй, пишетъ Царь, осмотри у меня на дворѣ и вели вычистить вездѣ и починить“. Подобныя порученія Меншиковъ исполнялъ съ рачительностію и расторопностію. Расторопнымъ и неутомимымъ онъ оказался и во всякаго рода дѣлахъ, которыя ему поручались; притомъ онъ не гнушался никакою работой: заставляли маршировать — маршировалъ, заставляли пилить или рубить — пилилъ и рубилъ, на мачты лазить — лазилъ, и все это дѣлалъ онъ толково, смышлено и весело, не разсуждая: зачѣмъ, какъ и почему. А Петръ, находя около себя мало людей, которые понимали бы пользу его предположеній, былъ очень доволенъ, когда приказанія его исполнялись безпрекословно и весело. Меншиковъ не зналъ невозможнаго: велѣно — такъ надо сдѣлать, разсуждалъ онъ, и не щадилъ при этомъ ни себя, ни тѣмъ болѣе другихъ. Пишутъ напримѣръ, что во время стрѣлецкихъ казней онъ безотговорочно рубилъ головы, тогда какъ другіе приближенные Петра изъявляли отвращеніе отъ такой работы. При взятіи Шлюссельбурга, онъ храбро лѣзъ на непріятельскія стѣны; при постройкѣ петербургской крѣпости, порученная ему работа кончена была первою; наконецъ онъ съ честію исполнялъ трудную обязанность начальника всего завоеваннаго по Невѣ края, на который Шведы,

въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, дѣлали безпрестанныя нападенія. Онъ все понималъ, ко всему примѣнялся со смѣтливостію истинно-русскаго человѣка: научился и кораблемъ управлять, и отрядъ расположить къ бою, и „обхожденье имѣть“ съ иностранными людьми, да кромѣ того никто не умѣлъ, какъ онъ, польстить вкусамъ и даже слабостямъ Государя, — и вотъ почему послѣ смерти Лефорта не было человѣка, котораго бы Петръ такъ любилъ, какъ Меншикова; онъ его называлъ „Алексашею“, „Данилычемъ“; онъ писалъ ему: *мейнъ герцъ* (сердце мое), *мейнъ герценъ кинъ* (дитя моего сердца) и даже min bruder (братъ мой) (*).

Въ способностяхъ и умѣ Меншикову нельзя, конечно, отказать, хотя онъ всю жизнь свою не умѣлъ ни читать, ни писать (**); но нельзя не пожалѣть, что эти рѣдкія способности не были облагорожены нравственнымъ чувствомъ, и что его сильный и смѣлый умъ работалъ болѣе всего изъ видовъ своекорыстныхъ. Какъ ни жалѣлъ онъ людей, чтобы раньше всѣхъ окончить свою часть петербургской крѣпости, или построить фортъ на отмели Финскаго залива, лишь бы заслужить похвалу и награду Царя, такъ въ послѣдствіи онъ прибѣгалъ къ самымъ постыднымъ денежнымъ сдѣлкамъ и продавалъ Швеціи государственныя тайны; словомъ, человѣкъ этотъ во всѣхъ случаяхъ искалъ прежде всего обогатиться и возвыситься.

Между причинами, помогшими быстрому возвышенію Меншикова, надо упомянуть объ одномъ случаѣ, оставшемся не безъ вліянія и на судьбы нашего отечества.

При исчисленіи первыхъ успѣховъ Шереметева въ Лифляндіи названо было взятіе небольшаго городка,

(*) Правописаніе подлинниковъ.

(**) Онъ научился только подписывать, и то очень плохо, свое имя.

Маріенбурга (1702); въ числѣ взятыхъ тамъ плѣнныхъ находилась будущая супруга Петра и будущая императрица Русская, Екатерина I. О необыкновенной судьрѣ ея такъ много писано, что изъ книгъ объ этомъ предметѣ можно бы составить порядочную библіотеку; но истина открыта не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ академикомъ Арсеньевымъ. Оказывается, что она была дочерью простаго лифляндскаго крестьянина, Самуила Скавронскаго. Кажется, что во время мороваго повѣтрія, свирѣпствовавшаго въ той странѣ, въ концѣ XVII вѣка, мужъ и жена Скавронскіе умерли, оставивъ многочисленныхъ дѣтей своихъ въ крайней бѣдности. Одного изъ нихъ, а именно дѣвочку Катерину, взялъ къ себѣ въ домъ лютеранскій пасторъ Маріенбурга, Глюкъ, человѣкъ богобоязливый и просвѣщенный. Почтенный пасторъ былъ самъ очень небогатъ, имѣлъ большое семейство, а потому маленькая Катерина, какъ только силы ея и возрастъ стали позволять, начала прислуживать въ его домѣ и, безъ сомнѣнія, поэтому-то она не имѣла времени выучиться грамотѣ, которой не знала и до самой своей смерти. Ей было, какъ полагаютъ, 17 лѣтъ, когда Маріенбургъ былъ взятъ Шереметевымъ. Глюкъ со всѣмъ семействомъ своимъ отправился въ Москву, а Катерину фельдмаршалъ оставилъ у себя. Тогда существовалъ, и не въ одной Россіи, обычай, что плѣнный есть собственность побѣдителя, и потому Турчаты, Калмычаты и Нѣмчаты бывали въ качествѣ казачковъ, ключниковъ и дворецкихъ почти у всякаго служилаго человѣка, побывавшаго на войнѣ. Случилось, что чрезъ нѣсколько времени пріѣхалъ къ Шереметеву молодой любимецъ Царя, Меншиковъ, и, замѣтивъ у него живую, черноглазую плѣнницу, выпросилъ ее себѣ. Въ свою оче-

редь Меншиковъ уступилъ ее Царю, а этотъ въ 1711 году сочетался съ нею бракомъ.

Такой необыкновенный бракъ Царя подалъ въ свое время поводъ ко множеству толковъ, и многіе объясняли его тѣмъ, что Нѣмка, то-есть еретичка, вмѣстѣ съ Меншиковымъ „обвела и обморочила Царя". Дѣло гораздо проще: Екатерина была живое, бойкое существо; веселая улыбка не сходила съ ея румяныхъ щекъ; трудолюбивыя руки ея никогда не оставались въ бездѣйствіи. Въ отсутствіе Царя она зашиваетъ прорѣхи на его кафтанѣ, приводитъ въ порядокъ его бѣлье; возвращается Царь, она спѣшитъ поднесть ему рюмку анисовки; разсмѣшитъ его, если онъ не въ духѣ, и ужь конечно не черезъ нее могли открыть себѣ вліяніе „большія бороды", какъ называлъ Царь всѣхъ противниковъ новыхъ обычаевъ.

Всего этого, конечно, недостаточно, по нашимъ понятіямъ, чтобы внушить къ женщинѣ, неразвитой умственно и нравственно, сильную симпатію, какой требуетъ бракъ. Но не надо забывать, что о женщинахъ и бракѣ существовали въ то время самыя жалкія понятія. „Умъ женскій твердъ, яко храмъ не покровенъ, писали старинные наши умники; мудрость женская аки оплотъ, до вѣтру стоитъ: вѣтри повѣютъ, и оплотъ отпадетъ". Это совершенно то же понятіе, оскорбительное для женщинъ, которое выражается въ извѣстной старинной пословицѣ: „волосъ дологъ, умъ коротокъ". О нравственномъ достоинствѣ женщины мнѣніе было еще ниже: отъ нея требовались только два качества, покорность и трудолюбіе, а впрочемъ ее считали источникомъ всякаго зла: „отъ жены начало грѣху, и тою вси умираемъ; много бо бѣсу помощи въ женахъ!" Понятно, что и бракъ у нашихъ предковъ не могъ

имѣть того возвышеннаго значенія, какое выражается въ евангельскихъ словахъ: „да будутъ два—плоть едина“, и доказательство этому—старинные браки царей нашихъ. Со всего государства собирали молодыхъ, хорошенькихъ дѣвицъ, привозили ихъ, разряженныхъ и раскормленныхъ, во дворецъ, выстраивали въ одну линію, и царь выбиралъ между ними ту, которая была всѣхъ румянѣе, полнѣе и бѣлѣе... Всякій ясно видитъ, что это не бракъ, какъ мы его теперь понимаемъ: гдѣ же тутъ возможность симпатіи, взаимнаго уваженія?

Удивительно ли, слѣдовательно, что Петръ, взросшій въ такихъ понятіяхъ, не искалъ въ женѣ своей тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ достоинствъ, которыя мы считаемъ необходимыми, и довольствовался красотой, веселымъ, ровнымъ нравомъ и домовитостью Екатерины? Нечего этому удивляться, нельзя этого строго порицать, хотя и нельзя объ этомъ не пожалѣть, тѣмъ болѣе что второй бракъ Царя имѣлъ нѣкоторыя невыгодныя послѣдствія, какъ мы увидимъ современемъ.

Теперь же замѣтимъ только, что Екатерину сильно поддерживалъ Меншиковъ, и что она въ свою очередь отплачивала ему тѣмъ же.

XVI.

Причины сопротивленія Петровымъ преобразованіямъ; староверы и обожатели старины; вліяніе съ одной стороны раскола, съ другой духовенства.—Новый годъ съ 1-го января (1700).—Законы касающіеся общежитія, театры, балы и присутствіе на нихъ женщинъ.— Всеобщее къ этому нерасположеніе.— Патріаршій престолъ остается вакантнымъ.— Монастырскій приказъ.— Подметныя письма.— Преображенская канцелярія и князь Ромодановскій.—Волненія въ Астрахани (1705) и въ Башкиріи.— Бунтъ Булавина на Дону (1707).

Между тѣмъ какъ правительство одерживало побѣды, завоевывало города и земли, строило крѣпости и верфи,

стремилось оживить промышленность и торговлю, чтò дѣлалъ и думалъ народъ, то-есть вся та масса людей, для пользы которой правительство воюетъ, строитъ, учреждаетъ?

За немногими исключеніями, народъ всему этому мало сочувствовалъ, мало всѣмъ этимъ интересовался, почти все это порицалъ, ощущая лишь тягость увеличившагося труда и возвысившихся налоговъ. Почему и какъ обнаружились эти порицанія и несочувствіе, очень интересно разсмотрѣть.

Уже было упомянуто о церковномъ расколѣ, о томъ какъ онъ обнаружился, и о спорѣ, который происходилъ между учителями раскола съ главами нашей церкви. Говорено было также, что ученіе старообрядчества необыкновенно быстро распространилось: въ самомъ дѣлѣ, черезъ полвѣка послѣ великаго Московскаго собора (1667) старообрядцевъ было нѣсколько сотъ тысячъ, можетъ быть около милліона. Мы не станемъ этому удивляться, если вспомнимъ, что многое изъ того, чтò провозглашали раскольники, было совершенно согласно съ понятіями вообще всего народа, напримѣръ непріязнь къ иноземцамъ, вражда противъ новизны въ обычаяхъ, уваженіе къ старинѣ, доходившее до поклоненія. Видя, что новые обычаи распространяются, раскольники убѣгали, отрясая прахъ съ ногъ своихъ, въ отдаленные углы Россіи, отказываясь отъ всякаго сношенія съ тѣми, кто принимаетъ новизны; другіе, хотя еще и не отступаясь отъ церкви, въ душѣ одобряли раскольниковъ, считали ихъ крѣпкими въ вѣрѣ, и при первомъ случаѣ слѣдовали за ними, а потомъ и переходили въ расколъ. Для всѣхъ этихъ искренно-набожныхъ и глубоко-вѣрующихъ людей Царь-нововводитель натурально былъ крайне подозрителенъ, а мы

очень хорошо знаемъ, что все, что̀ ни дѣлаетъ человѣкъ, который намъ не нравится, кажется дурнымъ и непріятнымъ. Съ другой стороны, нельзя не согласиться, что Петръ слишкомъ мало обращалъ вниманія на преданія въ которыхъ взросли его подданные, на привычки и вѣрованія которыя должно уважать уже потому, что народъ безъ преданій, представляя мало сопротивленія хорошимъ нововведеніямъ, легко поддается и дурнымъ вліяніямъ. Нельзя терять изъ виду и того, что понятія и вѣрованія, хотя бы и ложныя, для каждаго дороги; вырвать ихъ нельзя безъ боли, и если надо ихъ искоренять, то слѣдуетъ это дѣлать осторожно, исподоволь.

Въ концѣ 1699 года Царь объявилъ, что вся Европа начинаетъ годовое счисленіе съ 1-го января, и приказалъ впередъ считать и у насъ также. Это крутое нововведеніе раздражило народъ, который, выражаясь по своему, завопилъ, что переносить годъ „Семена на Василья" (*) есть явное еретичество. Конечно воля Царя была исполнена, но съ отвращеніемъ. Вышелъ другой законъ о томъ, чтобы не женить молодыхъ людей безъ ихъ согласія и воли: законъ превосходный, потому что какая же любовь, какое счастіе могутъ быть между мужемъ и женой, если они видятъ другъ друга въ первый разъ подъ вѣнцомъ? Однакожъ и этотъ законъ былъ встрѣченъ съ негодованіемъ: воля родительская, говорили, послѣ этого ничего ни будетъ значить!

Въ западной Европѣ женщины давно уже были освобождены изъ заключенія, въ которомъ они и тамъ, какъ у насъ, нѣкогда находились. Это оказало самое благодѣтельное вліяніе на Западѣ: съ тѣхъ поръ какъ онѣ

(*) 1-го сентября празднуется Св. Симеону, а 1-го января Св. Василію.

стали показываться въ обществахъ, пьянство, грубость, похвальба физическою силой не могли уже въ этихъ обществахъ имѣть мѣста; съ тѣхъ поръ какъ женщины стали читать книги и посѣщать театры, грязныя описанія, безстыдныя сцены должны были мало-по-малу исчезнуть, а между тѣмъ въ свою очередь и женщины, получивъ возможность научаться, могли лучше прежняго воспитать своихъ дѣтей, могли сдѣлаться полезными, дѣльными подругами, съ которыми живѣе чувствуется счастіе и легче переносится горе. Петръ во время своего путешествія могъ замѣтить преимущество женщины свободной и образованной, и выразилъ желаніе, чтобъ и въ Россіи мужья возили своихъ женъ, а отцы своихъ дочерей въ театръ, который былъ устроенъ въ Москвѣ, и чтобъ женщины являлись туда не закутанными болѣе фатами и покрывалами. Во дворцѣ своемъ онъ дѣлалъ и заставлялъ приближенныхъ своихъ дѣлать у себя обѣды и собранія, на которые приглашались тоже мужчины и женщины; при этомъ Царь требовалъ, чтобъ наши прабабушки,—по крайней мѣрѣ тѣ которыя молоды,—являлись уже не въ сарафанахъ и душегрѣяхъ, а въ нѣмецкомъ платьѣ. Желаніе это шло тоже въ разрѣзъ съ давно укоренившимися понятіями нашихъ предковъ, и нужны были вся старинная привычка Русскаго народа къ повиновенію и весь страхъ который успѣлъ внушить къ себѣ Петръ, чтобъ отпереть двери женскихъ теремовъ. Какъ, говорили отцы и мужья,—на мою дочь, на мою жену всякій будетъ смотрѣть, какъ на малеваную картину! Всякій нѣмчура можетъ подойдти къ ней, заговорить съ нею, какъ съ своею знакомкою, или еще позвать ее танцовать съ собою, держать ее руку въ своей поганой рукѣ, выдѣлывать предъ нею свои *па*, и она передъ нимъ тоже!..

Видно послѣдніе дни пришли, коли благочестивый Государь этого требуетъ.

Мы поговоримъ въ другой разъ подробнѣе объ этихъ увеселеніяхъ при дворѣ Петра, а теперь достаточно будетъ намъ знать, что и они были въ числѣ причинъ къ неудовольствію противъ него. Кричали, что посѣщать театръ — „бѣса тѣшить", что на честную женщину не долженъ пасть и взоръ посторонняго мужчины, а не то чтобы передъ нею расшаркиваться и держать ее за руку... Все это говорилось, разумѣется, съ горечью, съ негодованіемъ, всѣ считали себя оскорбленными въ самыхъ чувствительныхъ струнахъ сердца, въ самыхъ священныхъ своихъ привязанностяхъ.

Подобно этому много было и другихъ распоряженій Петра, встрѣченныхъ общею непріязнію, напримѣръ наборы для пополненія убыли людей въ арміи, усиленные денежные сборы, разныя пошлины, которыя были наложены по причинѣ военныхъ расходовъ. Но ничто, можетъ-быть, не поразило народъ такъ глубоко, какъ то обстоятельство, что послѣ смерти патріарха Адріана, престолъ патріаршій оставался, и, какъ носились слухи, долженъ былъ остаться навсегда не замѣщеннымъ.

Патріархъ былъ въ глазахъ народа, какъ написано въ одномъ указѣ самого Царя, „второй государь, духовный, свѣтскому государю равный, или и больше его"; въ случаѣ какого-нибудь недоразумѣнія между этими двумя государями, народъ былъ можетъ-быть склоненъ принять сторону перваго противъ втораго. Да и не мудрено: патріархъ говорилъ, приказывалъ, требовалъ именемъ церкви, именемъ религіи; онъ имѣлъ въ рукѣ своей громы небесные: „связанное на землѣ будетъ связано на небеси". Никто не осмѣливался противиться велѣніямъ патріарха, тогда какъ костры, висѣлицы и

кнуты свѣтской власти не устрашали фанатиковъ: „любо, говорили они, пострадать за православную вѣру", и весело шли на костеръ.

По причинѣ чрезвычайной набожности нашихъ предковъ, вся жизнь ихъ была проникнута религіозными понятіями, и какъ теперь въ иныхъ модныхъ домахъ на каждомъ шагу можно слышать слово „такъ не принято",—замѣчаніе, на которое не допускается возраженій, такъ точно у нашихъ предковъ на каждомъ шагу слышалось: „это грѣхъ". Грѣхъ было брить бороду, курить и нюхать табакъ, грѣхъ было носить короткую одежду, ѣздить въ экипажѣ съ дышломъ, грѣхъ было плевать въ огонь, свистать въ комнатахъ, бросать хлѣбъ, обмакивать его въ солонку, ѣсть зайца... словомъ, кто только осмѣливался сдѣлать шагъ въ сторону отъ утвержденныхъ обычаемъ правилъ, уклониться отъ нихъ на волосъ, тотъ, по понятію нашихъ прадѣдовъ, не только дурно дѣлалъ, но грѣшилъ, то-есть навлекалъ на сѣбя мученіе вѣчное. А между тѣмъ Царь самъ видѣлъ за границей цѣлые народы, которые и зайцевъ ѣдятъ, и нюхаютъ и курятъ, и ѣздятъ съ дышломъ, и даже въ комнатахъ не снимаютъ шляпъ, и которые однакожь, повидимому, не преданы небесному проклятію, а живутъ и благоденствуютъ не хуже нашего. Многіе изъ ихъ обычаевъ желалъ бы пересадить Петръ въ Россію, но встрѣчалъ на каждомъ шагу сопротивленіе со стороны религіозныхъ понятій народа, сопротивленіе, которое находило поддержку въ духовенствѣ, даже высшемъ. Патріархи подавали примѣръ въ этомъ отношеніи: во время празднованій по случаю рожденія перваго сына у царя Петра, патріархъ Іоакимъ отказался обѣдать за однимъ столомъ съ генераломъ Гордономъ и настоялъ чтобъ этотъ заслуженный иностранецъ былъ высланъ

изъ-за стола; мы читали завѣщаніе этого святителя, которымъ онъ убѣждаетъ царей удалить отъ себя „поганыхъ" чужеземцевъ. Преемникъ его, Адріанъ, оказывалъ не менѣе нетерпимости: „люди православные! восклицалъ онъ, не пріемлите сего злодѣйскаго знамени (брадобритія), ибо не раскаявшимся брадобрійцамъ, по опредѣленію соборному, входъ въ церковь возбраненъ и причастія Св. Таинъ они лишены. Если кто изъ нихъ умретъ не раскаявся, не подобаетъ надъ тѣми быть ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминовенію"... Конечно, подобныя проповѣди произносились прежде чѣмъ Царь сдѣлалъ брадобритіе обязательнымъ, но онѣ сдѣлали свое дѣло. Всякій вѣрующій долженъ былъ сказать себѣ: лучше пусть моя голова ляжетъ на плаху, нежели умереть безъ молитвы и погребенія!

Поэтому, когда въ 1700 году умеръ Адріанъ, Петръ дѣйствительно рѣшился не возводить болѣе никого въ санъ „другаго государя, свѣтскому равнаго". Онъ очень желалъ, чтобы духовенство просвѣтилось, ибо только передъ просвѣщеніемъ могли отступить всѣ вышеназванныя преграды, какъ тѣнь отступаетъ передъ свѣтомъ. Съ трудомъ, но наконецъ нашелъ онъ человѣка ученаго, умнаго, безъ суевѣрій, или казавшагося такимъ, и сдѣлалъ его „блюстителемъ патріаршаго престола", не возводя однакожъ въ санъ патріарха. Это былъ Стефанъ Яворскій. Мы скоро поговоримъ о немъ подробнѣе, а теперь замѣтимъ, что не давъ ему патріаршаго сана, Петръ не далъ ему и власти патріаршей. Разбирательство дѣлъ между мірянами и духовенствомъ, хотя бы они и не касались вопросовъ религіозныхъ, подлежали въ прежнее время вѣдѣнію патріарха: Петръ указалъ вѣдать такія дѣла въ общихъ

приказахъ, а для управленія монастырскими имуществами учредилъ особый приказъ названный *монастырскимъ*, въ которомъ предсѣдалъ свѣтскій сановникъ. Во всемъ этомъ, по нашимъ понятіямъ, нѣтъ и тѣни оскорбленія святыни; напротивъ, мы не можемъ не одобрить распоряженія избавлявшаго черное духовенство отъ заботъ по управленію вотчинами, мельницами и т. п., тѣмъ болѣе что часть монастырскихъ доходовъ была предназначена Петромъ на богадѣльни. Но не такъ разсуждали наши предки. Отсутствіе патріарха глубоко, чувствительно оскорбляло націю, а отнятіе у монаховъ права распоряжаться монастырскими вотчинами раздражало черное, то-есть самое вліятельное духовенство. Стали появляться, и появляться во множествѣ, подметныя письма,—вѣрный признакъ тревоги въ умахъ. Тутъ жалуются на притѣсненія воеводъ или военныхъ начальниковъ, на тяжелыя подати и работы, тамъ предупреждаютъ объ измѣнѣ нѣмецкихъ офицеровъ, здѣсь предаются анаѳемѣ всякія нововведенія: бритье бороды, театральныя лицедѣйства и бѣсовскія пляски. Словомъ, подметныя письма свидѣтельствовали о всеобщемъ неудовольствіи.

Для разбора такихъ подметныхъ писемъ и иныхъ выраженій народнаго неудовольствія издавна существовалъ тайный приказъ розыскныхъ дѣлъ, который разыскивалъ сочинителей этого рода пасквилей, удостовѣрялся, нѣтъ ли у нихъ сообщниковъ, и подвергалъ ихъ жестокимъ наказаніямъ, такъ какъ не только сопротивленіе какому бы то ни было распоряженію правительства, но даже простое выраженіе недовольства онымъ признавалось тяжкимъ преступленіемъ. Петръ къ тайному приказу прибавилъ еще преображенскую канцелярію, начальникомъ которой сдѣлалъ князя

Ромодановскаго, считавшагося суровымъ человѣкомъ даже въ тѣ суровыя времена. Усердный „князь-кесарь“, какъ называлъ его Петръ, не уставалъ ловить сочинителей подметныхъ писемъ, выслушивать доносчиковъ, хватать людей и пытать ихъ, грозить и наказывать; въ то время какъ міръ съ изумленіемъ видѣлъ рядъ громкихъ успѣховъ молодой русской арміи, возникновеніе новыхъ городовъ, рожденіе торговли, Ромодановскій, по собственнымъ его словамъ, „всегда въ кровяхъ обмывался“, кровь лилась ежедневно, въ преображенскихъ застѣнкахъ кости хрустѣли, и суставы вывертывались на „вúскѣ“. Цѣлый рядъ розысковъ показалъ, что жалобъ и ожесточенной брани было болѣе всего со стороны раскольниковъ и духовенства; за ними начали строже наблюдать, и между прочимъ монахамъ было запрещено, подъ опасеніемъ строгихъ казней, держать въ кельяхъ чернила и бумагу. Но не помогали и такія крайнія мѣры. Нѣкто Талицкій, изобличенный въ распространеніи пасквилей противъ Петра, былъ сожженъ; но раскольники причли его къ лику мучениковъ, и имя его сдѣлалось между ними священнымъ.

Раздраженіе не уменьшалось, а усиливалось. Сынъ одного изъ казненныхъ въ 1698 году стрѣльцовъ ушелъ изъ Москвы въ Астрахань и разсказами своими о московскихъ казняхъ привелъ въ волненіе тамошнихъ стрѣльцовъ и посадскихъ; слухи о вводимыхъ новизнахъ и о господствѣ Нѣмцевъ ежедневно усиливали это волненіе, — и вотъ однажды пронеслась вѣсть, что запрещено будетъ въ теченіе семи лѣтъ „играть свадьбы“ и что во все это время будутъ выдавать русскихъ дѣвицъ за Нѣмцевъ. Слухъ былъ совершенно вздорный, но народъ ему повѣрилъ, и чтобъ избѣгнуть необходи-

мости родниться съ еретиками, въ одинъ день было совершено въ Астрахани сто свадебъ... Вслѣдъ затѣмъ начались серьезные безпорядки: (1705) воевода былъ убитъ, стрѣльцы, казаки и посадскіе взбунтовались, выбрали изъ своей среды атамановъ, написали письма на Донъ, на Терекъ, на Яикъ (Уралъ), гдѣ жили казаки и старообрядцы, и приглашали ихъ присоединиться къ себѣ, чтобы „постоять за старые обычаи". „Стали мы въ Астрахани, писали они, за вѣру христіанскую, и за брадобритіе и за нѣмецкое платье и за табакъ". Они жаловались на воеводъ своихъ, что „болваномъ и кумирскимъ богамъ они (воеводы и начальные люди) покланялись и ихъ (стрѣльцовъ) кланяться заставляли"... Эти „кумирскіе боги", какъ оказалось, были не что иное какъ болваны, на которые надѣваютъ парики для ихъ сбереженія!... Такъ ничтожны были причины раздраженія, а между тѣмъ мятежъ грозилъ повидимому принять обширные размѣры и показался въ первую минуту столь опаснымъ, что велѣно было вывезти казну изъ Москвы, гдѣ ее считали небезопасною. Царь послалъ въ Астрахань грамоту, въ которой обѣщалъ горожанамъ прощеніе, требуя только выдачи зачинщиковъ, и въ то же время отправилъ туда Шереметева съ войскомъ. Сначала въ Астрахани взяли верхъ миролюбивые граждане и приняли царскую милость; когда же приблизился Шереметевъ, то снова одолѣли буяны. Дѣло дошло до боя съ царскими войсками, почему когда Астрахань принуждена была наконецъ сдаться, 363 человѣка были казнены смертію или умерли во время розыска.

Этимъ внутреннія смуты не кончились. Въ то самое время какъ въ Астрахани и на низовьяхъ Волги происходило вышеописанное, начиналась кровавая

Ромодановскаго, считавшагося суровымъ человѣкомъ даже въ тѣ суровыя времена. Усердный „князь-кесарь“, какъ называлъ его Петръ, не уставалъ ловить сочинителей подметныхъ писемъ, выслушивать доносчиковъ, хватать людей и пытать ихъ, грозить и наказывать; въ то время какъ міръ съ изумленіемъ видѣлъ рядъ громкихъ успѣховъ молодой русской арміи, возникновеніе новыхъ городовъ, рожденіе торговли, Ромодановскій, по собственнымъ его словамъ, „всегда въ кровяхъ обмывался“, кровь лилась ежедневно, въ преображенскихъ застѣнкахъ кости хрустѣли, и суставы вывертывались на „вискѣ“. Цѣлый рядъ розысковъ показалъ, что жалобъ и ожесточенной брани было болѣе всего со стороны раскольниковъ и духовенства; за ними начали строже наблюдать, и между прочимъ монахамъ было запрещено, подъ опасеніемъ строгихъ казней, держать въ кельяхъ чернила и бумагу. Но не помогали и такія крайнія мѣры. Нѣкто Талицкій, изобличенный въ распространеніи пасквилей противъ Петра, былъ сожженъ; но раскольники причли его къ лику мучениковъ, и имя его сдѣлалось между ними священнымъ.

Раздраженіе не уменьшалось, а усиливалось. Сынъ одного изъ казненныхъ въ 1698 году стрѣльцовъ ушелъ изъ Москвы въ Астрахань и разсказами своими о московскихъ казняхъ привелъ въ волненіе тамошнихъ стрѣльцовъ и посадскихъ; слухи о вводимыхъ новизнахъ и о господствѣ Нѣмцевъ ежедневно усиливали это волненіе, — и вотъ однажды пронеслась вѣсть, что запрещено будетъ въ теченіе семи лѣтъ „играть свадьбы“ и что во все это время будутъ выдавать русскихъ дѣвицъ за Нѣмцевъ. Слухъ былъ совершенно вздорный, но народъ ему повѣрилъ, и чтобъ избѣгнуть необходи-

мости родниться съ еретиками, въ одинъ день было совершено въ Астрахани сто свадебъ... Вслѣдъ затѣмъ начались серьезные безпорядки: (1705) воевода былъ убитъ, стрѣльцы, казаки и посадскіе взбунтовались, выбрали изъ своей среды атамановъ, написали письма на Донъ, на Терекъ, на Яикъ (Уралъ), гдѣ жили казаки и старообрядцы, и приглашали ихъ присоединиться къ себѣ, чтобы „постоять за старые обычаи". „Стали мы въ Астрахани, писали они, за вѣру христіанскую, и за брадобритіе и за нѣмецкое платье и за табакъ". Они жаловались на воеводъ своихъ, что „болваномъ и кумирскимъ богамъ они (воеводы и начальные люди) покланялись и ихъ (стрѣльцовъ) кланяться заставляли"... Эти „кумирскіе боги", какъ оказалось, были не что иное какъ болваны, на которые надѣваютъ парики для ихъ сбереженія!... Такъ ничтожны были причины раздраженія, а между тѣмъ мятежъ грозилъ повидимому принять обширные размѣры и показался въ первую минуту столь опаснымъ, что велѣно было вывезти казну изъ Москвы, гдѣ ее считали небезопасною. Царь послалъ въ Астрахань грамоту, въ которой обѣщалъ горожанамъ прощеніе, требуя только выдачи зачинщиковъ, и въ то же время отправилъ туда Шереметева съ войскомъ. Сначала въ Астрахани взяли верхъ миролюбивые граждане и приняли царскую милость; когда же приблизился Шереметевъ, то снова одолѣли буяны. Дѣло дошло до боя съ царскими войсками, почему когда Астрахань принуждена была наконецъ сдаться, 363 человѣка были казнены смертію или умерли во время розыска.

Этимъ внутреннія смуты не кончились. Въ то самое время какъ въ Астрахани и на низовьяхъ Волги происходило вышеописанное, начиналась кровавая

смута между башкирами, вѣкогда воинственными и безпокойными инородцами, населявшими Закамскій край. Башкиры были магометане, и волненіе приняло между ними религіозный характеръ, тѣмъ болѣе опасный, что по сю сторону Камы и вверхъ отъ этой рѣки по Волгѣ находится большое число татаръ, ихъ единовѣрцевъ. Возбуждаемые своими муллами и дервишами къ ненависти противъ христіанъ, башкиры, собравшись огромными толпами, нападали то на одно русское селеніе, то на другое, и истребляли все что̀ имъ попадалось: жилища, нивы и людей. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ этотъ неистовый мятежъ истребилъ на пространствѣ между Волгой и Камой болѣе 300 селеній и около 13.000 человѣкъ.

Въ то же самое время кипѣла мятежомъ вся Донская Украйна, то-есть земли по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ и Донцу, отъ Волжско-Донскаго переволока до Азовскаго моря, принадлежавшія Донскому казачьему войску. Донское войско, въ отношеніи и устройства и быта, имѣло много сходнаго съ Украинскимъ: та же вольница, та же всегдашняя готовность къ войнѣ и набѣгамъ, тѣ же избираемые казаками изъ своей среды атаманы, тотъ же широкій произволъ казачьихъ сходокъ (круговъ); наконецъ къ донцамъ, для довершенія сходства, такъ же какъ къ украинскимъ казакамъ, уходили толпы крестьянъ и людей всякаго рода, тяготившихся требованіями государственнаго порядка.

Эти многочисленные побѣги и укрывательства отъ военной службы, въ то время когда надо было ожидать, что Шведскій король кинется на Россію со всѣми своими силами, внушили Петру мысль послать довѣренное лицо на Донъ, съ тѣмъ чтобъ отыскать и вывести оттуда бѣглецовъ. Одинъ изъ князей Долгоруковыхъ, на

котораго было возложено это порученіе, собралъ уже до 3.000 бѣглыхъ, которыхъ и намѣревался препроводить въ Москву, когда однажды ночью, на маленькій отрядъ его, нечаянно напала казачья вольница, убила его самого и истребила его отрядъ (*).

Это дерзкое дѣло совершено было въ 1707 году старшиной Булавинымъ. Въ его шайкѣ находилось лишь небольшое число казаковъ, но онъ имѣлъ множество единомышленниковъ: вся молодежь и вся *голытьба*,— то-есть бѣдняки, *голыши*,—готовы были подняться. По счастію, казаки зажиточные и пожилые, хотя и недовольные выводомъ бѣглецовъ, которые проживали у нихъ въ качествѣ работниковъ, были не расположены рисковать своими имуществами и своими головами. Поддерживаемый ими войсковой атаманъ разогналъ мятежниковъ. Тогда Булавинъ убѣжалъ въ Запорожье, общую матерь казачества, и приведя съ собою толпу вольницы, кликнулъ донцовъ „не давать спуску худымъ людямъ, князямъ и боярамъ", которые „вводятъ всѣхъ въ *эллинскую* вѣру". На этотъ кличъ поднялись станицы Хоперскія, Медвѣдицкія, Бузулукскія, Донецкія—почти весь Донъ. Шайки удальцовъ разсыпались во всѣ стороны до Тамбова, Воронежа и Азова, и вступили въ сношенія съ казаками волжскими, едва успокоившимися послѣ вышеописаннаго астраханскаго бунта. Главный городъ Донской земли, Черкаскъ, былъ взятъ бунтовщиками, а атаманъ казненъ ими. Ободренные этими успѣхами, донцы собирались нагрянуть на Москву какъ во времена самозванцевъ: „пойдемъ, говорили они, тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, а судей, дьяковъ, подъячихъ и иноземцевъ побьемъ".

(*) Въ малороссійскихъ помѣстьяхъ князя Меншикова, подаренныхъ ему послѣ измѣны Мазепы, открылось 36 тысячъ бѣглыхъ.

Мятежъ принялъ такіе грозные размѣры въ 1708 году, когда Карлъ XII, порѣшивъ съ Августомъ, готовъ былъ, казалось, ударить всѣми силами на Петра. Понятно, что Царь принялъ всѣ мѣры, чтобы скорѣе покончить съ домашними смутами. Противъ мятежниковъ послано было войско, которымъ начальствовалъ братъ убитаго Булавинымъ Долгорукова, князь Василій Владиміровичъ. Ему удалось въ нѣсколькихъ сшибкахъ разбить Булавинскія шайки; это устрашило однихъ, ободрило другихъ, хотя и немногихъ, тяготившихся самоволіемъ голытьбы, такъ что между самими же донцами образовалась какъ бы партія порядка. Оставленный многими изъ своихъ сообщниковъ, главный заводчикъ смуты застрѣлился, а нѣкоторые его есаулы, боясь быть выданными, съ нѣсколькими сотнями неугомонныхъ удальцовъ, подъ предводительствомъ Некрасова, покинули Донъ и поселились на Кубани, вблизи кавказскихъ горцевъ, въ землѣ, которая тогда принадлежала Турціи, а оттуда перебрались въ послѣдствіи къ гирламъ Дуная.

XVII.

Повсемѣстная безграмотность въ Великой Россіи. — Преимущество Малороссіи въ отношеніи просвѣщенія. — Причины этому. — Кіевская академія.—Она начинаетъ оказывать вліяніе на Москву.—Разногласіе между западно-русскимъ и московскимъ духовенствомъ. — Московская духовная академія. — Школы заведенныя при Петрѣ правительствомъ и духовенствомъ.—Преобладаніе церковно-славянскаго языка.—Современный языкъ книжный и языкъ разговорный. — Обще-русскій или литературный языкъ.—Гражданская азбука.—О различныхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ.—Нарѣчія бѣлорусское и малорусское.

Заглянемъ на минуту въ тихій міръ науки и искусства; заглянемъ туда *на минуту*, потому что этотъ

міръ въ отечествѣ нашемъ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, былъ крайне невеликъ. Тогда какъ Англія, Франція, Германія и Италія имѣли мыслителей, художниковъ и ученыхъ, которыми и теперь гордится человѣчество, тогда какъ эти страны имѣли университеты, академіи, публичные театры, въ Россіи не существовало ни одного поэта, ни одного художника, ни одного мыслителя, потому что нельзя же назвать художникомъ самоучку-иконописца, поэтомъ — слагателя виршей на какой-нибудь торжественный случай и т. п.

Удаленное географическое положеніе Московскаго царства, отчужденность его относительно прочей Европы, татарское владычество и много другихъ причинъ произвели это печальное явленіе, послѣдствія котораго и теперь ощутительны. Тогда какъ въ Пруссіи, Бельгіи и особенно въ Сѣверной Америкѣ рѣдко можно встрѣтить безграмотнаго человѣка, у насъ только въ самые послѣдніе годы начала распространяться грамотность по всему народу. Можно себѣ вообразить слѣдовательно, какъ мало было грамотныхъ людей лѣтъ 200 тому назадъ! Общественныхъ школъ положительно не существовало; духовенство, которое было болѣе другихъ сословій грамотно, находилось однакожь въ крайнемъ невѣжествѣ; между важнѣйшими сановниками государства большинство съ трудомъ могло подписать свое имя. Положеніе наше въ этомъ отношеніи стало нѣсколько улучшаться лишь послѣ присоединенія Малороссіи.

Малороссія и Бѣлоруссія, то-есть вся западная Русь, составляли, какъ извѣстно, въ продолженіе многихъ лѣтъ часть Польскаго государства. Вліяніе Польши, гдѣ духовенство и дворянство были довольно образованны въ XVI вѣкѣ, и отсутствіе татарскаго гнета были причи-

пѣ, въ странахъ болѣе просвѣщенныхъ чѣмъ Малороссія. Какова бы ни была Кіевская духовная академія, она пользовалась громкою извѣстностію и большимъ уваженіемъ во всемъ краѣ: каждый гетманъ считалъ обязанностію доставить ей какую-нибудь льготу; богатые люди дѣлали ей приношенія; одинъ изъ нихъ объявилъ, что онъ станетъ защищать ее до послѣдней капли крови противъ враговъ и притѣснителей.

Естественно, что присоединеніе Кіева съ его академіей было полезно для дѣла просвѣщенія въ Московскомъ царствѣ. Начиная съ царствованія Алексѣя Михайловича, самые образованные представители русскаго духовенства принадлежали къ уроженцамъ Заднѣпровской Украйны и Малороссіи. Таковы были извѣстные уже намъ Симеонъ Полоцкій, Сильвестръ Медвѣдевъ, Св. Димитрій Ростовскій и мн. др. Но московское духовенство не благоволило къ этимъ пришельцамъ, находя ихъ мнѣнія „не православными, зараженными латинствомъ“. Нашимъ строгимъ блюстителямъ старины не нравились кромѣ того многіе обычаи малорусскаго и бѣлорусскаго духовенства. Не нравилось имъ, что въ Кіевской академіи допускались театральныя представленія (духовнаго содержанія); не нравилось имъ, что Симеонъ Полоцкій произноситъ проповѣди наизусть, тогда какъ у насъ и вообще проповѣдь, а тѣмъ болѣе изустная, не была въ употребленіи; не нравилось имъ, что „кіевскіе грамотѣи“ знакомы со свѣтскою и даже древнею, то-есть языческою литературой. Словомъ, Кіевская академія и духовенство Малороссіи и западной Руси не пользовались благосклонностію московскаго высшаго духовенства.

Но царь Ѳеодоръ не раздѣлялъ этого мнѣнія и вопреки отрицаніямъ патріарха Іоакима, настоялъ, чтобы

и въ Москвѣ учреждена была академія подобная Кіевской. Тогда патріархъ рѣшился устранить по крайней мѣрѣ вліяніе малороссійскихъ *умниковъ* и потребовалъ нѣсколько ученыхъ монаховъ изъ Константинополя для Московской академіи. На этотъ вызовъ прибыли два брата Лихуды....

Когда патріархъ Іоакимъ писалъ въ Константинополь, прося прислать ученыхъ богослововъ, ему должно было придти въ голову: до какого крайняго невѣжества, до какой крайней слабости доведены мы, что принуждены просить у постороннихъ людей человѣка, который былъ бы въ состояніи защищать чистоту нашего вѣроученія! Во всей странѣ не было никого, кто могъ бы растолковать то, чему весь народъ вѣритъ!... Старецъ видѣлъ, что круглое невѣжество было гибельно, но и знаніе казалось ему страшно... Какъ бы то ни было, но не задолго до смерти царя Өеодора была открыта академія при Московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которую было строжайше запрещено принимать учителей изъ западнаго края, гдѣ Греки Лихуды были главными преподавателями.

Академія эта дала образованіе знаменитому Ломоносову и нѣкоторымъ другимъ замѣчательнымъ людямъ, и потому она заслуживаетъ полнаго уваженія. Но начало ея было не блестящее; да и могло ли быть иначе, если владыка Іоакимъ боялся просвѣщенія столько же, какъ невѣжества? При патріархѣ Адріанѣ, еще болѣе своего предшественника не любившемъ умниковъ, дѣло дошло наконецъ до того, что и классы должны были вовсе прекратиться по случаю тому, что печи и потолки всѣ обрушились....

Когда Петръ началъ править государствомъ, Московская академія была единственнымъ учебнымъ заведе-

ніемъ во всей Россіи (если не считать Малороссіи). Царь горько жаловался на это патріарху, требовалъ его содѣйствія и не добившись этого, принялся учить народъ помимо духовенства. Пасторъ Глюкъ, воспитатель Екатерины, основалъ въ Москвѣ одну изъ первыхъ свѣтскихъ школъ. Одновременно съ его школой возникли въ Москвѣ же навигаторская и математическая, основанныя и содержимыя на счетъ казны. Нѣсколько позднѣе открыто было въ С.-Петербургѣ учебное заведеніе для приготовленія моряковъ; оно называлось морскою академіей. Таковы были первыя училища основанныя Петромъ; онъ имѣлъ въ виду практическія цѣли и спѣшилъ удовлетворить потребности въ морякахъ, инженерахъ, архитекторахъ и т. п. Съ своей стороны нѣкоторые архіереи, лучше другихъ понимая призваніе духовенства, начали заводить училища при своихъ архіерейскихъ домахъ и вообще распространять вокругъ себѣ образованіе: таковы были ростовскій архіепископъ Димитрій и новгородскій Іовъ. Собраты этихъ достойныхъ іерарховъ жаловались, что послѣ учрежденія монастырскаго приказа имъ и самимъ „ѣсть нечего"; но Димитрій и Іовъ доказали, что это не правда, и что духовенство могло бы не выпустить изъ своихъ рукъ дѣла народнаго образованія, еслибъ оно лучше понимало свое призваніе и было само болѣе просвѣщенно.

Мы еще не разъ будемъ имѣть случай возвратиться къ дѣлу о народномъ просвѣщеніи, а теперь займемся вопросомъ о языкѣ, на которомъ говорили и писали наши предки. Да не подумаютъ, что живая рѣчь въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка похожа была на рѣчь печатную, на ту, которая дошла до насъ въ большей части тогдашнихъ книгъ. Писатели того времени, принадлежа

вообще къ духовенству, старались подражать и въ книгахъ свѣтскаго содержанія славянскимъ образцамъ. Такъ образовался книжный языкъ, который не привыкшій къ нему человѣкъ не безъ труда могъ понимать, но который господствовалъ въ нашей литературѣ до Петра, который преобладалъ еще въ концѣ минувшаго вѣка и который отстаивали еще не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Слѣдующіе стихи, написанные, какъ полагаютъ, царевною Софіей по поводу Крымскихъ походовъ Голицына, могутъ служить образцомъ этого языка:

Камо бѣжиши воине избранный,
Многожде славный, честію вѣнчанный!
Трудовъ сицевыхъ и воинской брани
Вѣчно ты славы дотекши, престани.

Эти стихи довольно трудно понять теперь, да едва ли и современники хорошо понимали ихъ,—такъ мало они похожи на тотъ языкъ, которымъ тогда говорили. Что касается до языка обыкновеннаго, разговорнаго, то онъ былъ гораздо проще и несравненно ближе походилъ на нынѣшнюю рѣчь. Образчики этого языка мы видѣли въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ отрывковъ изъ писемъ Петра; или, еще лучше, вотъ письмо, писанное тѣмъ же самымъ лицомъ, которое, какъ полагаютъ, сочинило приведенные стихи, и къ тому же, Голицыну, въ отвѣтъ на извѣстіе объ окончаніи втораго Крымскаго похода:

„Батюшка мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ вѣры не имѣтся, сердце мое, что тебя, свѣтъ мой, видѣть! Великъ бы мнѣ день той былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь! Еслибъ мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила передъ собою“...

Не говоря уже о томъ, что это письмо исполнено

нѣжности и любви (царевна, какъ сказано, думала выйдти замужъ за Голицына), между тѣмъ какъ вышеприведенные стихи надуты и холодны, — всякому видно, что проза царевны гораздо ближе, нежели ея стихи, къ обыкновенной, всѣмъ понятной рѣчи.

Петру некогда было сочинять надутыя церковно-славянскія фразы; почти все, что̀ онъ писалъ, было писано простою, разговорною рѣчью; точно также и въ своихъ къ нему донесеніяхъ, въ частной перепискѣ съ нимъ, его приближенные стали употреблять тотъ же слогъ и ту же рѣчь, которая въ послѣдствіи сдѣлалась языкомъ литературнымъ, общимъ для всей Россіи, понятнымъ всѣмъ образованнымъ и даже необразованнымъ русскимъ людямъ, въ какомъ бы отдаленномъ углу нашего отечества они ни жили. Старинныя книги печатались славянскими буквами. Для новой печатной рѣчи составлена была новая азбука (такъ-называемая *гражданка*), которая, нельзя не согласиться, гораздо красивѣе славянской, и которая почти безъ измѣненій сохраняется до сихъ поръ, а Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ (всѣмъ намъ дорогія имена), дали этой рѣчи правила, красоту и, вмѣстѣ съ другими знаменитыми писателями и учеными, создали русскую литературу, литературу еще молодую, далеко неравную германской, англійской и французской, но которою интересуется не только вся Россія, но и заграничная наша славянская братія,—чехи, сербы и др., которою начинаетъ интересоваться вся образованная Европа.

Между тѣмъ всякій можетъ замѣтить, что даже и теперешній литературный языкъ, будучи языкомъ общепонятнымъ, очень чувствительно отличается отъ языка употребляемаго въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Ближе всѣхъ къ нему простонародный языкъ Москви-

чей; но уже въ смежныхъ съ Московскою губерніяхъ слышатся нѣкоторые оттѣнки. Костромичъ *окаетъ*, то-есть ударяетъ на *о* тамъ гдѣ нѣтъ ударенія на эту букву (*оно*, *осадить*); псковитянинъ употребляетъ *ц* вмѣсто *ч*: напримѣръ онъ говоритъ *уценіе*, *цетверть*; новгородецъ, напротивъ, выговариваетъ *ч* гдѣ слѣдовало бы быть *ц*, напримѣръ, *чѣпь*, *чѣлый*. Въ разныхъ мѣстностяхъ употребляются слова и даже обороты не принятые въ литературномъ языкѣ. И такими *мѣстными нарѣчіями* и говорами наполнена вся Россія. Можетъ быть они исчезнутъ, когда распространится грамотность и когда книги, писанныя общерусскимъ литературнымъ языкомъ, проникнутъ въ крестьянскія хижины.

Но между этими нарѣчіями есть два, которыя должно отличать отъ прочихъ, потому что ими говорятъ двѣ обширныя области нынѣшней Россіи: это — нарѣчія малорусское и бѣлорусское. Край, въ которомъ говорится на томъ и на другомъ нарѣчіи (съ довольно разнообразными поднарѣчіями), долго былъ, какъ извѣстно, отдѣленъ отъ Россіи. Въ то время какъ пермякъ и архангелогородецъ приходили иногда по дѣламъ служебнымъ или частнымъ въ Москву, бѣлоруссъ и украинецъ отправлялись въ Варшаву, и польскій языкъ мало-по-малу проникалъ въ ихъ говоръ, такъ же какъ, въ свою очередь, нѣкоторыя слова изъ бѣлорусскаго и украинскаго нарѣчій проникли въ польскій языкъ и утвердились въ немъ; но основы обоихъ этихъ нарѣчій несомнѣнно общи съ тѣми, изъ коихъ образовался русскій литературный языкъ. Вотъ для образчика нѣсколько стиховъ, писанныхъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи:

Ва славномъ ва городзи ва Вримѣ (Римѣ)
Какъ жилъ-былъ вяликъ царь, Ахмирьснъ княз

Не было въ яво ядзинова дзицяци
Са сваею абрушнай (обрученной т.-е. женою) княгиняй,
Абрушной княгиняй, Кацяринай.

Всякій видитъ и чувствуетъ, что это русская рѣчь, и даже весьма близкая къ обыкновенной, отъ которой отличается главнѣйше выговоромъ. Притомъ, такъ какъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи говоритъ только простонародье, по большей части неграмотное, то изъ него и не развилось никакой литературы. Въ приведенныхъ стихахъ слова написаны такъ, какъ они выговариваются (бѣлорусской грамматики не существуетъ), отъ чего они кажутся менѣе сходными съ общерусскими, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Гораздо болѣе развилось нарѣчіе малороссійское; имъ говорятъ (хотя, какъ сказано, со множествомъ поднарѣчій) обширный край, состоящій изъ губерній Черниговской, Харьковской, Полтавской, Кіевской, Волынской и Подольской, и часть Галиціи и Царства Польскаго; притомъ, такъ какъ во время польскаго владычества часть дворянства и духовенство этого края остались вѣрными своей народности, то малороссійское нарѣчіе сдѣлалось языкомъ книжнымъ, который имѣетъ небольшую, но очень интересную литературу. Вотъ нѣсколько стиховъ прекраснаго украинскаго поэта, Шевченка:

По діброви (дубровѣ) вітеръ віе (вѣетъ)
Гуляе по полю,
Край дороги гне (гнетъ) тополю
До самаго долу.

Станъ високій, листъ широкій—
На ще (что) зеленіе? (зеленѣе)
Кругомъ поле якъ (какъ) те море
Широке, синіе (синѣетъ).

Здѣсь отличіе отъ общерусскаго литературнаго языка чувствительнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ примѣрѣ,

но и здѣсь русскому уху слышатся родные звуки и сердцу дѣлается понятно, что малороссъ, бѣлоруссъ, пермякъ и архангелогородецъ есть одна необъятная семья, которая отъ однихъ предковъ происходитъ, имѣетъ одну общую всѣмъ душу, одинъ всѣмъ понятный языкъ и хочетъ неразрывно, рука въ руку, взаимно другъ другу помогая, жить на своей родной почвѣ, дѣля свѣтлые и темные дни, имѣя общую радость и общее горе. „Мы одно любимъ, сказалъ знаменитый Карамзинъ,—любимъ отечество; одного желаемъ ему—еще болѣе благоденствія нежели славы.“

XVIII.

Общее понятіе о Польско-Литовско-Русскомъ королевствѣ.—Какія различныя партіи и какіе различные интересы его волновали. — Партія за Августа и партія противъ него. — Сапѣги входятъ въ сношеніе съ Карломъ XII. — Шведы изгоняютъ Августа изъ Польши. — Сеймъ провозглашаетъ королемъ Станислава Лещинскаго (1704).—Успѣхи Русскихъ въ Курляндіи. — Движеніе Карла на Гродно. — Огильви въ блокадѣ. — Карлъ снова обращается противъ Августа. — Альтранштетскій миръ (1706). — Паткуль выданъ Карлу и замученъ имъ. — Меншиковъ одерживаетъ побѣду при Калишѣ (1706).—Петръ старается пріобрѣсти союзниковъ.

Возвратимся къ Карлу XII, котораго мы оставили при переходѣ его чрезъ границу Польскаго королевства.

Странное было это государство! Замѣтимъ вопервыхъ, что оно состояло изъ трехъ отдѣльныхъ государствъ. Собственно Польша, первоначальное Польское королевство, заключала въ себѣ нынѣшнее Царство Польское съ восточною частію нынѣшней Пруссіи и Галиціей. Въ XIV вѣкѣ мужеская линія старинной ея королевской династіи прекратилась, и Поляки устроили бракъ между молодою королевой своею, Ядвигой, и

великимъ княземъ Литовскимъ, Ягелломъ, чрезъ что собственно польскія и литовскія земли соединились въ одно королевство, считаясь однакожь каждая отдѣльнымъ „народомъ“. Вмѣстѣ съ Литовскимъ великимъ княжествомъ приступили къ союзу и русскія земли по ту сторону западной Двины и Днѣпра, то-есть Бѣлая и Малая Русь, пріобрѣтенныя литовскими завоевателями: Гедиминомъ, Ольгердомъ и Витовтомъ, и земли эти тоже считались особымъ „народомъ“, *Русскою землею*, и подобно Литвѣ и Польшѣ, имѣли свои особыя права.

Это было странное устройство. Всякій народъ, какъ и всякій человѣкъ, имѣетъ свою физіономію и свой характеръ, которые съ теченіемъ времени яснѣе и рѣзче обозначаются. Такимъ образомъ дальнѣйшее развитіе каждаго изъ этихъ трехъ народовъ должно было сдѣлать современемъ совершенно невозможнымъ дальнѣйшее совмѣстное ихъ существованіе; а такъ какъ литовское племя, малочисленное и слабое, подчинилось русскому, хотя и завоеванному его государями, и такъ-сказать расплылось въ немъ, образовавъ довольно значительное Русско-Литовское государство, то, по естественному закону, оно должно было рано или поздно обнаружить стремленіе къ слитію съ Московскимъ царствомъ, къ возстановленію Руси старинной, Руси Владиміра и Ярослава, оставивъ Польшу въ первоначальныхъ ея границахъ. Такое стремленіе дѣйствительно и обнаруживалось много разъ въ продолженіе XV и XVI столѣтій, а въ половинѣ XVII Русско-Литовское княжество потянуло съ величайшимъ напряженіемъ къ Россіи и частію примкнуло къ ней (*). Поэтому Поляки, какъ только они поняли опасность быть покинутыми,

---

(*) См. объ этомъ въ *Разсказахъ о западной Руси.*

начали употреблять всевозможныя усилія, чтобъ ополячить Литву и Русь.

Нѣсколько разъ уже говорили мы о совершенно особливомъ положеніи дворянства (шляхетства) польскаго, которое мало-по-малу, пріобрѣтая все больше и больше значенія, дошло наконецъ до того, что на самомъ дѣлѣ оно было *государемъ* страны. Безъ согласія сейма дворянскаго король не могъ ни издать закона, ни назначить подати, ни объявить войны. Быть членомъ такого сильнаго сословія, имѣть голосъ въ рѣшеніи судьбы отечества—право весьма лестное и чрезвычайно важное, и Поляки справедливо гордились имъ передъ всею прочею Европой. Кромѣ того они имѣли, каждый въ границахъ своихъ владѣній, право полнаго суда и разсправы надъ своими подданными. Короче, каждый польскій шляхтичъ былъ почти независимымъ владѣльцемъ въ этой такъ-называемой „шляхетской республикѣ".

Послѣ присоединенія Литвы и Руси польская шляхта обратилась къ Литовцамъ и Русскимъ и сказала: у васъ нѣтъ ничего подобнаго нашимъ привилегіямъ, но вы можете пріобрѣсть ихъ: всякій Литвинъ или Русинъ, который приметъ католичество и научится польскому языку, получитъ тѣ же права, какъ и природный Полякъ. Почти вся Литва, бывшая въ концѣ XIV вѣка еще языческою, обратилась въ католичество; но Русь,—мы уже знаемъ это,—за немногими исключеніями, не рѣшилась поступиться своею религіей, своимъ языкомъ, своею народностію. Вотъ тогда-то и начались въ южной Руси, или Украйнѣ, и въ Бѣлоруссіи злыя гоненія: русскіе вѣроотступники, ксендзы, польскіе паны, получавшіе на Руси земли, стали давить народонаселеніе, не хотѣвшее ополячиваться, что̀, въ свою очередь, произвело страшное возстаніе всей Руси, отъ западной Двины

до Чернаго моря и отъ Карпатовъ до Полтавы, которое окончилось присоединеніемъ части Малороссіи (на лѣвомъ берегу Днѣпра) къ Московскому царству.

Отпаденіе это уменьшило объемъ Польскаго государства, но, можетъ быть, не ослабило бы его, еслибъ оно поняло свои ошибки и исправило ихъ. Прекрасны, хотя и чрезмѣрны, были права шляхетскія, и во всей Европѣ не было дворянства болѣе свободнаго, но за то едва ли гдѣ-нибудь остальныя сословія были такъ угнетены, какъ въ Польскомъ королевствѣ: простой народъ существовалъ тамъ только для того, чтобы давать средство жить своимъ панамъ. Паны эти безпрестанно ссорились между собою, а такъ какъ король не имѣлъ дѣйствительной силы, чтобъ усмирять ихъ, то междоусобія не прекращались. Въ довершеніе бѣдствій, по прекращеніи Ягеллонской династіи (въ концѣ XVI вѣка), сеймы рѣшили, что наслѣдственныхъ королей больше не будетъ, и что престолъ будетъ избирательнымъ. Тогда же было постановлено, что достаточно одного голоса, несогласнаго съ мнѣніемъ остальныхъ, чтобъ остановить рѣшеніе сейма: стоило одному голосу крикнуть: *не позвóлямъ*, чтобы уничтожить дѣло, признаваемое полезнымъ всѣмъ собраніемъ. Тогда начали изсякать самые источники государственной силы; каждое избраніе въ короли стало сопровождаться войнами. Богатые польскіе паны и сосѣдніе государи составляли себѣ въ Польшѣ партіи, и уже не воля народная, а воля сильнѣйшей партіи провозглашала короля; другія партіи кричали *не позвóлямъ*, сабли обнажались, и начиналась рѣзня. Очень часто недовольные обращались за помощью къ сосѣднимъ державамъ, призывали иноземныя войска, и нѣкогда сильное и славное государство стало видимо клониться къ паденію.

Подобнымъ образомъ былъ избранъ (1697) и Саксонскій курфирстъ, Августъ; и хотя враждебныя ему партіи скоро были приведены къ покорности саксонскими войсками, но самая вражда не прекращалась. Во главѣ этой враждебной партіи была знатная литовская фамилія Сапѣговъ, которая, поссорившись съ другою фамиліей магнатовъ Огинскихъ, вошла въ сношеніе съ Шведскимъ королемъ и предложила ему помощь въ войнѣ противъ Августа.

Опираясь на эту партію и разбивъ саксонскія войска, Карлъ безпрепятственно прошелъ черезъ Литву и вступилъ въ Польшу. Августъ собралъ въ Варшавѣ сеймъ, который далъ ему войско, и, какъ сказано (стр. 66) заключилъ съ Россіей союзъ; но часть дворянства протестовала и явно пристала къ Шведамъ. Положеніе Августа сдѣлалось очень опаснымъ. Карлъ занялъ Варшаву, Краковъ, Торнъ, Гданскъ (Данцигъ), всю Польшу, и наконецъ предложилъ Полякамъ съѣхаться на сеймъ для избранія себѣ короля, такъ какъ Августъ въ дѣйствительности уже не царствовалъ. Сеймъ собрался и по требованію Карла и подъ угрозой шведскихъ пушекъ, провозгласилъ королемъ польскаго шляхтича, молодаго, незнатнаго и небогатаго Станислава Лещинскаго (1704).

Петръ, между тѣмъ, во исполненіе союзнаго договора съ Августомъ послалъ на помощь ему русскій отрядъ; но эта помощь не принесла пользы низверженному королю Польскому. Онъ удалился въ свои наслѣдственныя земли, въ Саксонію, бездѣйствовалъ, пировалъ и искалъ средствъ примириться съ Карломъ XII, а русскій вспомогательный отрядъ пришелъ въ самое жалкое положеніе, благодаря крайне скудному снабженію получаемому отъ истощенной войною Саксоніи.

Извѣстія обо всемъ этомъ сильно охладили располо-

Ромодановскаго, считавшагося суровымъ человѣкомъ даже въ тѣ суровыя времена. Усердный „князь-кесарь", какъ называлъ его Петръ, не уставалъ ловить сочинителей подметныхъ писемъ, выслушивать доносчиковъ, хватать людей и пытать ихъ, грозить и наказывать; въ то время какъ міръ съ изумленіемъ видѣлъ рядъ громкихъ успѣховъ молодой русской арміи, возникновеніе новыхъ городовъ, рожденіе торговли, Ромодановскій, по собственнымъ его словамъ, „всегда въ кровяхъ обмывался", кровь лилась ежедневно, въ преображенскихъ застѣнкахъ кости хрустѣли, и суставы вывертывались на „ви́скѣ". Цѣлый рядъ розысковъ показалъ, что жалобъ и ожесточенной брани было болѣе всего со стороны раскольниковъ и духовенства; за ними начали строже наблюдать, и между прочимъ монахамъ было запрещено, подъ опасеніемъ строгихъ казней, держать въ кельяхъ чернила и бумагу. Но не помогали и такія крайнія мѣры. Нѣкто Талицкій, изобличенный въ распространеніи пасквилей противъ Петра, былъ сожженъ; но раскольники причли его къ лику мучениковъ, и имя его сдѣлалось между ними священнымъ.

Раздраженіе не уменьшалось, а усиливалось. Сынъ одного изъ казненныхъ въ 1698 году стрѣльцовъ ушелъ изъ Москвы въ Астрахань и разсказами своими о московскихъ казняхъ привелъ въ волненіе тамошнихъ стрѣльцовъ и посадскихъ; слухи о вводимыхъ новизнахъ и о господствѣ Нѣмцевъ ежедневно усиливали это волненіе, — и вотъ однажды пронеслась вѣсть, что запрещено будетъ въ теченіе семи лѣтъ „играть свадьбы" и что во все это время будутъ выдавать русскихъ дѣвицъ за Нѣмцевъ. Слухъ былъ совершенно вздорный, но народъ ему повѣрилъ, и чтобъ избѣгнуть необходи-

мости родниться съ еретиками, въ одинъ день было совершено въ Астрахани сто свадебъ... Вслѣдъ затѣмъ начались серьезные безпорядки: (1705) воевода былъ убитъ, стрѣльцы, казаки и посадскіе взбунтовались, выбрали изъ своей среды атамановъ, написали письма на Донъ, на Терекъ, на Яикъ (Уралъ), гдѣ жили казаки и старообрядцы, и приглашали ихъ присоединиться къ себѣ, чтобы „постоять за старые обычаи". „Стали мы въ Астрахани, писали они, за вѣру христіанскую, и за брадобритіе и за нѣмецкое платье и за табакъ". Они жаловались на воеводъ своихъ, что „болваномъ и кумирскимъ богамъ они (воеводы и начальные люди) покланялись и ихъ (стрѣльцовъ) кланяться заставляли"... Эти „кумирскіе боги", какъ оказалось, были не что иное какъ болваны, на которые надѣваютъ парики для ихъ сбереженія!... Такъ ничтожны были причины раздраженія, а между тѣмъ мятежъ грозилъ повидимому принять обширные размѣры и показался въ первую минуту столь опаснымъ, что велѣно было вывезти казну изъ Москвы, гдѣ ее считали небезопасною. Царь послалъ въ Астрахань грамоту, въ которой обѣщалъ горожанамъ прощеніе, требуя только выдачи зачинщиковъ, и въ то же время отправилъ туда Шереметева съ войскомъ. Сначала въ Астрахани взяли верхъ миролюбивые граждане и приняли царскую милость; когда же приблизился Шереметевъ, то снова одолѣли буяны. Дѣло дошло до боя съ царскими войсками, почему когда Астрахань принуждена была наконецъ сдаться, 363 человѣка были казнены смертію или умерли во время розыска.

Этимъ внутреннія смуты не кончились. Въ то самое время какъ въ Астрахани и на низовьяхъ Волги происходило вышеописанное, начиналась кровавая

смута между башкирами, нѣкогда воинственными и безпокойными инородцами, населявшими Закамскій край. Башкиры были магометане, и волненіе приняло между ними религіозный характеръ, тѣмъ болѣе опасный, что по сю сторону Камы и вверхъ отъ этой рѣки по Волгѣ находится большое число татаръ, ихъ единовѣрцевъ. Возбуждаемые своими муллами и дервишами къ ненависти противъ христіанъ, башкиры, собравшись огромными толпами, нападали то на одно русское селеніе, то на другое, и истребляли все что̀ имъ попадалось: жилища, нивы и людей. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ этотъ неистовый мятежъ истребилъ на пространствѣ между Волгой и Камой болѣе 300 селеній и около 13.000 человѣкъ.

Въ то же самое время кипѣла мятежомъ вся Донская Украйна, то-есть земли по Дону, Хопру, Медвѣдицѣ и Донцу, отъ Волжско-Донскаго переволока до Азовскаго моря, принадлежавшія Донскому казачьему войску. Донское войско, въ отношеніи и устройства и быта, имѣло много сходнаго съ Украинскимъ: та же вольница, та же всегдашняя готовность къ войнѣ и набѣгамъ, тѣ же избираемые казаками изъ своей среды атаманы, тотъ же широкій произволъ казачьихъ сходокъ (круговъ); наконецъ къ донцамъ, для довершенія сходства, такъ же какъ къ украинскимъ казакамъ, уходили толпы крестьянъ и людей всякаго рода, тяготившихся требованіями государственнаго порядка.

Эти многочисленные побѣги и укрывательства отъ военной службы, въ то время когда надо было ожидать, что Шведскій король кинется на Россію со всѣми своими силами, внушили Петру мысль послать довѣренное лицо на Донъ, съ тѣмъ чтобъ отыскать и вывести оттуда бѣглецовъ. Одинъ изъ князей Долгоруковыхъ, на

котораго было возложено это порученіе, собралъ уже до 3.000 бѣглыхъ, которыхъ и намѣревался препроводить въ Москву, когда однажды ночью, на маленькій отрядъ его, нечаянно напала казачья вольница, убила его самого и истребила его отрядъ (*).

Это дерзкое дѣло совершено было въ 1707 году старшиной Булавинымъ. Въ его шайкѣ находилось лишь небольшое число казаковъ, но онъ имѣлъ множество единомышленниковъ: вся молодежь и вся *голытьба*,— то-есть бѣдняки, *голыши*,—готовы были подняться. По счастію, казаки зажиточные и пожилые, хотя и недовольные выводомъ бѣглецовъ, которые проживали у нихъ въ качествѣ работниковъ, были не расположены рисковать своими имуществами и своими головами. Поддерживаемый ими войсковой атаманъ разогналъ мятежниковъ. Тогда Булавинъ убѣжалъ въ Запорожье, общую матерь казачества, и приведя съ собою толпу вольницы, кликнулъ донцовъ „не давать спуску худымъ людямъ, князямъ и боярамъ", которые „вводятъ всѣхъ въ *эллинскую* вѣру". На этотъ кличъ поднялись станицы Хоперскія, Медвѣдицкія, Бузулукскія, Донецкія—почти весь Донъ. Шайки удальцовъ разсыпались во всѣ стороны до Тамбова, Воронежа и Азова, и вступили въ сношенія съ казаками волжскими, едва успокоившимися послѣ вышеописаннаго астраханскаго бунта. Главный городъ Донской земли, Черкаскъ, былъ взятъ бунтовщиками, а атаманъ казненъ ими. Ободренные этими успѣхами, донцы собирались нагрянуть на Москву какъ во времена самозванцевъ: „пойдемъ, говорили они, тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, а судей, дьяковъ, подъячихъ и иноземцевъ побьемъ".

(*) Въ малороссійскихъ помѣстьяхъ князя Меншикова, подаренныхъ ему послѣ измѣны Мазепы, открылось 36 тысячъ бѣглыхъ.

женіе Царя къ своему союзнику. Онъ начиналъ помышлять уже о томъ только, чтобъ устроить какъ можно лучше собственныя дѣла, къ чему какъ нельзя болѣе способствовало продолжительное пребываніе Карла въ Польшѣ. Пользуясь незначительностію шведскихъ силъ въ Прибалтійскомъ краѣ, русскія войска овладѣли, какъ мы видѣли, всѣмъ южнымъ берегомъ Невы отъ ея истока до Финскаго залива и господствовали въ Эстляндіи и Ливоніи. Въ 1705 году они заняли Митаву и Баускъ въ Курляндіи, и сдѣлали бы вѣроятно еще болѣе, еслибы мятежъ въ Астрахани не принудилъ Петра послать туда Шереметева съ войсками.

Но нельзя было надѣяться, чтобы Шведы не обратились наконецъ противъ Россіи. Дабы не допустить ихъ до этого, остававшаяся по отбытіи Шереметева армія подъ командою фельдмаршала Огильви выдвинута была на зиму въ Литву. Огильви былъ человѣкъ съ хорошими, по тогдашнему времени, военными свѣдѣніями, но онъ не имѣлъ довольно высокихъ способностей, чтобы внушить къ себѣ безусловное уваженіе; а иностраннымъ начальникамъ, со времени де-Кроа, плохо вѣрило русское войско. Да и Царь самъ не вполнѣ довѣрялъ своему иноземному фельдмаршалу. Для совѣтовъ присланъ былъ къ нему Меншиковъ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, въ главной квартирѣ начались пререканія. По настоянію царскаго любимца и вопреки Огильви, армія заняла Гродно,—пунктъ, который, по мнѣнію свѣдущихъ военныхъ людей, считается важнѣйшимъ для сопротивленія непріятелю вторгающемуся изъ-за Нѣмана. Здѣсь рѣшено было встрѣтить Шведовъ, еслибъ они направились противъ Россіи.

Дѣйствительно, съ быстротой съ которой Карлъ испол-

нялъ всѣ свои рѣшенія, онъ двинулся отъ Варшавы и въ началѣ 1706 года подступилъ къ Гродну; но не имѣя средствъ овладѣть открытою силой этимъ укрѣпленнымъ городомъ, онъ обошелъ его и расположился въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, съ цѣлію не допускать туда никакихъ подвозовъ и выморить нашу армію голодомъ. Узнавъ о приближеніи Шведовъ, Петръ полетѣлъ къ своей арміи, но сообщенія были уже пресѣчены; онъ принужденъ былъ остановиться въ Оршѣ, мучимый страшнымъ безпокойствомъ. „О зѣло намъ печально, писалъ онъ оттуда генералу князю Репнину, что мы не могли къ вамъ доѣхать; и въ какой мысли мы нынѣ есть—единому Богу извѣстно!" Карлъ очевидно надѣялся, какъ говорится, взять живьемъ всю русскую армію и приказалъ спѣшить на соединеніе съ собою всѣмъ шведскимъ отрядамъ бывшимъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Видя эти грозныя приготовленія, Царь велѣлъ Огильви держаться до исхода зимы, а какъ только взломаетъ ледъ на Нѣманѣ, тотчасъ же, бросивъ всѣ тяжести, перейдти на другую, лѣвую сторону этой рѣки и не теряя ни минуты, усиленными переходами слѣдовать къ Бресту и перейдти тамъ снова на правую сторону Нѣмана, чтобы заслонить Кіевъ, на случай еслибы Карлъ, видя невозможность настигнуть Огильви, вздумалъ кинуться на Малороссію; а дабы задержать по возможности движеніе Шведовъ на Малороссію и вмѣстѣ съ тѣмъ прикрыть Москву, онъ приказалъ всѣмъ войскамъ, которыя могъ собрать, и между прочимъ, Мазепѣ съ своими казаками, спѣшить къ Минску. „Фундаментъ всему, что поспѣшайте, поспѣшайте!" писалъ онъ Мазепѣ.

Распоряженія, сдѣланныя при этомъ случаѣ Петромъ, очень уважаются военными людьми. Въ самомъ дѣлѣ

они спасли армію Огильви: Карлъ, переправясь черезъ Нѣманъ, нѣсколько дней послѣ Русскихъ и не видя возможности настигнуть ихъ, повернулъ снова къ Варшавѣ и далѣе, къ Саксоніи. Меншиковъ, который во все время гродненскаго сидѣнья находился при Царѣ и былъ его правою рукой, отправленъ былъ теперь въ Кіевъ, гдѣ принявъ отъ Огильви (уволеннаго отъ русской службы) начальство надъ арміей, двинулся вслѣдъ за Шведами, въ Польшу.

Августъ снова очутился передъ грознымъ своимъ противникомъ. Доведенный до крайности, онъ вступилъ въ переговоры о мирѣ, но тайно, чтобы скрыть ихъ отъ Петра. Переговоры эти были непродолжительны: Карлъ объявилъ свои требованія и присовокупилъ, что онъ не отступитъ отъ нихъ ни на волосъ. Требованія эти состояли въ томъ чтобъ Августъ торжественно отрекся отъ польской короны и отъ всякой мысли о совмѣстничествѣ съ Станиславомъ, чтобъ онъ поздравилъ этого послѣдняго со вступленіемъ на престолъ, чтобъ уплатилъ побѣдителю огромную сумму за издержки войны, и чтобы выдалъ ему русскій отрядъ находившійся уже два года въ Саксоніи и умиравшій съ голода, а также извѣстнаго намъ Паткуля какъ шведскаго измѣнника, хотя онъ находился при Августѣ въ качествѣ русскаго посла.

Отречься отъ польской короны была очевидная необходимость: этому должно и можно было покориться. Заплатить за издержки войны было не легко, потому что Саксонія и такъ была разорена; но нужныя на это деньги предполагалось собрать съ народа, а не въ первый разъ бѣдному народу приходилось расплачиваться своими кровными деньгами за войны, причины и цѣль коихъ ему вовсе неизвѣстны; это слѣдовательно тоже

не стѣсняло Августа. Мудренѣе было согласиться Августу на поздравленіе своего торжествовавшаго соперника, потому что въ этомъ было явно желаніе Карла унизить и оскорбить побѣжденнаго; но Августъ самъ началъ войну, и ему слѣдовало вынести ея послѣдствія. Что же касается до выдачи Паткуля и русскаго отряда, то это должно было затруднить Августа; но оказалось что нѣтъ трудностей непобѣдимыхъ. Русскій отрядъ былъ доведенъ до такого положенія, что Паткуль рѣшился дать его на службу императору Германскому, чтобъ не дать солдатамъ умереть съ голода или разбрестись. Итакъ это важное затрудненіе было устранено, оставался одинъ вопросъ о Паткулѣ; надо было опасаться разрыва съ Царемъ за предательство его посланника, но, съ другой стороны, открывалась надежда, что Карлъ, оставшись съ Петромъ одинъ на одинъ, принудитъ его къ молчанію...

Мирныя условія были подписаны съ величайшею тайной въ саксонскомъ городкѣ, Альтранштетѣ (1706). Саксонцы должны были уплатить нѣсколько милліоновъ за честолюбіе своего курфирста; Августъ торжественно призналъ королемъ Польскимъ Станислава и написалъ ему письмо, въ которомъ довольно дерзко давалъ ему чувствовать, что оно вынуждено настояніемъ короля Шведскаго, и не безъ насмѣшки выражалъ желаніе чтобы въ отношеніи его, Лещинскаго, Поляки были вѣрнѣе, нежели въ отношеніи его, Августа. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ нѣсколько холодныхъ и колкихъ строкъ: „Письмо В. В. есть новое доказательство того, сколь многимъ я обязанъ королю Шведскому. Я очень благодаренъ за поздравленіе, которымъ В. В. меня удостоили; надѣюсь, что мои подданные не будутъ имѣть причины перемѣниться въ отношеніи меня, потому что

я намѣренъ строго соблюдать законы" (то-есть не такъ какъ вы).

Что же касается до Паткуля, то этотъ несчастный былъ выданъ Карлу и приговоренъ имъ къ мучительнѣйшей казни — четвертованію.... „Сѣверный Александръ", какъ называли его многіе, до того былъ мстителенъ, что приказалъ разстрѣлять одного шведскаго офицера, который, видя, что несчастная жертва съ обрубленными ногами и руками еще дышала, изъ состраданія пристрѣлилъ ее, чтобы прекратить ея мученія.

Все эти общія и частныя страданія, которыхъ Августъ былъ болѣе или менѣе виновникомъ, не очень тревожили его; онъ продолжалъ попрежнему сладко спать, сытно ѣсть и много пить. Дворъ его остался такимъ же великолѣпнымъ, какъ былъ прежде; красавицы Саксоніи были попрежнему къ нему внимательны; богатырская сила его руки, которою онъ очень гордился, ему не измѣнила, и подписывая Альтранштетскій миръ, онъ уже давалъ себѣ слово нарушить его при первомъ благопріятномъ оборотѣ дѣлъ.

Чтобъ еще лучше опредѣлить характеръ этого „Саксонскаго султана", какъ его справедливо называютъ, прибавимъ здѣсь, что миръ былъ имъ уже подписанъ, когда Меншиковъ, который объ этомъ ничего не зналъ, предложилъ ему аттаковать шведскій отрядъ, стоявшій не далеко отъ города Калиша. Отказаться отъ этого было невозможно, не открывъ своей тайны; повести свои войска противъ Шведовъ значило, съ другой стороны, подвергнуться всѣмъ страшнымъ послѣдствіямъ мщенія Шведскаго короля. Что̀ же дѣлаетъ Августъ?... Одобряетъ намѣреніе Меншикова и обѣщаетъ поддержать его своими Саксонцами, но въ то же время предупреждаетъ о его намѣреніи шведскаго генерала.

Такимъ образомъ Августъ, съ мирнымъ договоромъ въ карманѣ, присутствуетъ при избіеніи нѣсколькихъ тысячъ своихъ прежнихъ и новыхъ союзниковъ!..

Сраженіе подъ Калишомъ было удачно для русскихъ войскъ; военныя способности Меншикова, оказавшіяся въ пререканіяхъ его съ Огильви, обнаружились здѣсь съ бо́льшимъ блескомъ; обрадованный Царь сдѣлалъ его фельдмаршаломъ. Но Калишская побѣда не могла измѣнить хода военныхъ дѣйствій и не уменьшала опасности, которая грозила Россіи оставленной теперь всѣми ея союзниками. Петръ ясно видѣлъ затруднительность своего положенія. Онъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы пріобрѣсть новыхъ союзниковъ, но безуспѣшно. Онъ стороной доводилъ до свѣдѣнія своего грознаго противника, что готовъ уступить всѣ свои завоеванія кромѣ Петербурга и Шлюссельбурга; но и это не помогало. Карлъ надѣялся сломить и Петра, такъ же какъ сломилъ Августа.

XIX.

Движеніе Карла XII къ русской границѣ.—Мѣры принятыя Петромъ.—Состояніе умовъ и партій въ Малороссіи.—Партія народная или московская и шляхетская или польская. — Самоуправство Мазепы. — Неудовольствіе противъ него и доносы. — Ссора его съ Кочубеемъ. — Доносъ и смерть сего послѣдняго. — Сношенія Мазепы съ Польшей и Швеціей. — Онъ старается возбудить народъ противъ Россіи. — Карлъ приближается къ русскимъ границамъ, медлитъ и наконецъ поворачиваетъ къ Малороссіи. — Битва при Лѣсномъ. — Мазепа уходитъ въ шведскій станъ (1708). — Энергическія распоряженія Царя. — Избраніе въ гетманы Скоропадскаго.—Осада Полтавы. — Полтавское сраженіе (27-го іюня 1709).

Послѣ заключенія мира съ Августомъ, Карлъ очевидно долженъ былъ обратиться на Россію. Къ этому

давно уже уговаривали его тѣ немногіе изъ его приближенныхъ, которымъ онъ дозволялъ выражать свои мнѣнія; они говорили ему, что Нарвское пораженіе давно забыто Царемъ и Россіей; что вся Ингрія (Ижерская земля) и Курляндія заняты Русскими; что они господствуютъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, гдѣ недовольное дворянство, не удерживаемое шведскими силами, начинаетъ склоняться на сторону Царя; что преслѣдуя Августа съ такимъ упорствомъ, и такъ усердно занимаясь устройствомъ польскихъ дѣлъ, Карлъ оставляетъ безъ вниманія свои собственныя владѣнія.

Все это была совершенная правда; но Карлъ XII вообще дѣйствовалъ гораздо болѣе по указаніямъ страсти, чѣмъ разсудка, и необыкновенное его упрямство не позволяло ему согласиться съ какимъ бы то ни было постороннимъ мнѣніемъ.

Но вотъ въ концѣ 1707 года, казалось, не оставалось уже болѣе никакихъ предлоговъ откладывать походъ въ Россію. У насъ это очень хорошо понимали, и Петръ заблаговременно принялъ мѣры, чтобы дать отпоръ Шведамъ. Войско его было несравненно лучше того, съ какимъ онъ началъ войну; война образовала нѣсколько генераловъ, изъ которыхъ первымъ надо назвать Меншикова. Но Петръ не хотѣлъ вступать съ Карломъ въ рѣшительное сраженіе, не надѣясь чтобы перевѣсъ остался на нашей сторонѣ. Поэтому онъ избралъ систему отступленія, разсчитывая, что самое движеніе Шведовъ въ глубину Россіи ослабитъ ихъ. Онъ укрѣпилъ за́мки польскихъ магнатовъ въ западномъ краѣ, съ тѣмъ чтобы заставить противника тратить силы на овладѣніе оными; дороги ведущія изъ Польши въ Россію велѣно было, при отступленіи нашихъ войскъ, портить, а окрестнымъ жителямъ уходить въ

лѣса, угоняя съ собою скотъ и зарывая хлѣбные запасы... Въ эти минуты почти сверхъестественная дѣятельность Петра приводитъ въ изумленіе: онъ носится, какъ буря, изъ конца въ конецъ; при каждой перемѣнѣ лошадей пишетъ или диктуетъ приказы и дѣлаетъ распоряженія; вездѣ неожиданно является, все самъ осматриваетъ, всему даетъ жизнь и движеніе.

Что Карлъ не замедлитъ вторгнуться въ Россію, это было внѣ сомнѣній; но по какому направленію онъ пойдетъ? какую цѣль онъ себѣ предположитъ? — вотъ вопросъ. Казались возможными три предположенія: первое — что онъ направится на Петербургъ и пожелаетъ отнять наши недавнія завоеванія: такъ думалъ Царь и нѣкоторые его генералы. Другіе полагали, что завоеватель кинется на Москву, въ надеждѣ предписатъ Россіи миръ съ высоты Кремля: это тоже казалось вѣроподобнымъ. Третье предположеніе состояло въ томъ, что Шведы вступятъ въ Малороссію: это было мнѣніе Меншикова; съ нимъ никто не соглашался, но послѣдствія доказали, что оно было вѣрно.

Мы очень хорошо и вполнѣ достовѣрно знаемъ, что Малороссія добровольно поддалась Россіи при Хмельницкомъ, и можно сказать по справедливости, что желаніе ея было единодушно. Но тамъ, гдѣ говорится о мнѣніи милліоновъ, конечно не можетъ быть, чтобы всѣ эти милліоны людей думали, чувствовали и желали какъ одинъ человѣкъ; если очень значительный перевѣсъ мнѣній оказывается на одной сторонѣ, то можно, да и принято считать такое рѣшеніе единодушнымъ. Такъ именно было въ Малороссіи, когда въ 1653 году на Переяславской *радѣ* (мірской сходкѣ) рѣшался вопросъ: присоединяться ли къ Москвѣ? Несмѣтное большинство желало этого; но были и такіе, которые старались откло-

нить это рѣшеніе, говоря, что Москва непремѣнно отберетъ у Украйны ея права и вольности, какъ вовсе несходныя съ московскими порядками.

Люди эти стояли повидимому за народъ, за благо страны; но въ дѣйствительности бóльшая часть ихъ имѣли въ виду свои личные интересы. Это были люди богатые, составившіе связи въ средѣ польскаго дворянства и не терявшіе надежды воспользоваться шляхетскими привилегіями.

Такимъ образомъ въ Малороссіи издавна образовались двѣ партіи: польская или шляхетская и московская или народная. Къ первой принадлежала бóльшая часть „старшины,“ ко второй — масса простыхъ казаковъ и „поспольство“, то-есть крестьянство. Хмельницкій и Самойловичъ были людьми одной партіи; Выговскій и Брюховецкій — другой.

Къ шляхетской же партіи принадлежалъ и Мазепа, проведшій въ Варшавѣ, при Польскомъ дворѣ, свою молодость, получившій образованіе въ училищѣ іезуитовъ, любезный съ женщинами, сладкорѣчивый, любившій власть и деньги и считавшій себя природнымъ шляхтичемъ. Опасаясь чтобъ его и Голицына, какъ креатуру царевны, не постигла опала, когда Петръ принялъ власть въ свои руки, и чтобы показать, что у него нѣтъ ничего общаго съ падшею партіей, онъ началъ клеветать на бывшаго фаворита; лестію и щедрыми подарками онъ такъ умѣлъ расположить къ себѣ всѣхъ приближенныхъ Петра и такъ примѣниться къ его вкусамъ, такъ войдти въ его виды, что въ короткое время пріобрѣлъ полную его довѣренность. Устроивъ такимъ образомъ на прочномъ основаніи дѣла свои при Московскомъ дворѣ, онъ забралъ непомѣрную власть на Украйнѣ: смѣнялъ людей, которые ему не нравились, сажалъ на ихъ

мѣста кого хотѣлъ, отнималъ земли у однихъ, раздавалъ ихъ другимъ, копилъ правдами и неправдами собственно для себя казну, которою дѣлился съ покровителями своими въ Москвѣ и съ приверженцами на Украйнѣ, и почти царствовалъ изъ своего Батуринскаго за́мка надъ всею Малороссіей лѣваго берега Днѣпра.

Разумѣется, было много недовольныхъ его управленіемъ; множество жалобъ, множество безыменныхъ доносовъ доходило до Москвы; но довѣренность къ нему Царя и усердіе московскихъ друзей его были таковы, что все сходило ему съ рукъ,—и обвиненія въ лихоимствѣ, и даже доносы на его сношенія съ Польшей, Турціей и Крымомъ: въ Москвѣ ничему этому не хотѣли вѣрить. А между тѣмъ бо́льшая часть этихъ обвиненій были справедливы, и между прочимъ во все время своего гетманства, онъ велъ тайныя сношенія съ Польшей, Турціей и Крымомъ, и вездѣ пріобрѣталъ себѣ друзей.

Вступивъ на польскій престолъ, Станиславъ Лещинскій отправилъ къ Мазепѣ довѣренное лицо съ предложеніемъ войти съ нимъ въ дружественныя связи. Какъ природный шляхтичъ и притомъ человѣкъ образованный и любезный, Мазепа водилъ знакомство съ польскою знатью; и съ этой стороны тоже старались его завлечь: сулили ему особыя милости Станислава, покровительство непобѣдимаго Шведскаго короля, представляли, что ему нечего хорошаго ожидать отъ вовсе нешляхетской „дикой Московіи“ и отъ ея Царя, который, имѣя дѣло съ непобѣдимымъ Шведомъ,—говорили Мазепѣ,—добромъ не кончитъ. Все это внимательно выслушивалъ старый гетманъ, но не вѣрилъ всему тому, что̀ ему говорили; не вѣрилъ прочности Станиславова престола, не вѣрилъ постояннымъ успѣхамъ Карла, а

про Петра зналъ лучше многихъ, что его не легко одолѣть даже „Сѣверному Александру“; онъ боялся слишкомъ вдаваться въ эти сношенія и потому еще, что въ Кіевѣ сидѣлъ воевода царскій, который былъ обязанъ присматривать за всѣмъ, что̀ дѣлается въ Малороссіи, и что этотъ воевода, князь Голицынъ, былъ очень умный человѣкъ, котораго не легко было долго обманывать.

Между тѣмъ случилось вотъ какое странное и печальное происшествіе. Мазепа, которому было за шестьдесятъ лѣтъ, влюбился въ дочь войсковаго генеральнаго судьи, Кочубея, и сталъ къ ней свататься. Кромѣ непомѣрной разницы лѣтъ, онъ былъ крестнымъ отцомъ той, на которой хотѣлъ жениться, а потому, конечно, получилъ отказъ. Къ удивленію, этотъ отказъ привелъ въ отчаяніе молодую дѣвушку; она сердечно привязалась къ сладкорѣчивому старцу, а онъ съ своей стороны, какъ страстный юноша, разсыпалъ передъ нею жемчугъ, бисеръ, дукаты, всѣ драгоцѣнности своей несмѣтной казны и еще болѣе драгоцѣнные для молодаго сердца выраженія нѣжности; „мое серденько, мой квѣте рожаный (цвѣтъ розовый), — говорилъ онъ ей въ письмахъ, которыя дошли до нашего времени,— уже ты меня изсушила красивымъ своимъ личикомъ и своими обѣтницами“ (обѣщаніями)! „Бодай (Богъ дай, пусть бы) Богъ того съ душею разлучивъ, кто насъ разлучаетъ“, писалъ онъ въ другомъ письмѣ. Помутился разсудокъ у бѣдной дѣвушки: она ушла изъ отцовскаго дома къ своему возлюбленному....

Недолго однакожь длилось ея заблужденіе: старый гетманъ скоро предался вновь своимъ заботамъ и замысламъ, а несчастная жертва возвратилась въ родительскій домъ съ горестію въ душѣ и преслѣдуемая злорѣчіемъ. Зло залегло въ сердцѣ стараго Кочубея.

Онъ припомнилъ все, что слыхалъ отъ гетмана въ искреннихъ бесѣдахъ съ нимъ, что видѣлъ подозрительнаго въ его дѣйствіяхъ, переговорилъ съ однимъ изъ полковниковъ малороссійскихъ, Искрой, такъ же какъ и онъ ненавидѣвшимъ Мазепу, и они рѣшились послать доносъ, въ которомъ предупреждали Царя, что гетманъ затѣваетъ измѣну и хочетъ Малороссію отдать Польшѣ.

Къ несчастію, Царь не повѣрилъ и этому доносу, такъ же какъ многимъ предшествовавшимъ; онъ вытребовалъ доносчиковъ и приказалъ подвергнуть допросу. Это было возложено на графа Головкина, управлявшаго въ это время иностранными сношеніями съ званіемъ канцлера, и на его помощника Шафирова. Привезенные въ Витебскъ и закованные въ кандалы, смущенные и застращенные, Кочубей и Искра отреклись отъ первоначальныхъ своихъ показаній; а такъ какъ между словами того и другаго усмотрѣно было разнорѣчіе, то, по тогдашнему обычаю, ихъ пытали. Несчастные не выдержали мученій и объявили, что извѣтъ ихъ былъ сдѣланъ по злобѣ на Мазепу. Царь объяснилъ себѣ эту „злобу“ желаніемъ мутить край, какъ это бывало нерѣдко при прежнихъ гетманахъ, и послалъ обоихъ арестантовъ къ самому Мазепѣ, для совершенія надъ ними казни, какъ надъ клеветниками. 14-го іюля 1708 года, близь Бѣлой церкви, Кочубею и Искрѣ были отсѣчены головы позорнымъ образомъ, какъ злодѣямъ; коварнаго же Мазепу Царь утѣшалъ ласковыми словами въ безпокойствѣ, которое ему причиняютъ эти доносы, и обнадеживалъ въ своей неизмѣнной довѣренности.

А между тѣмъ Мазепа, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ принималъ письма и предложенія съ польской стороны, но не давалъ никакихъ обѣщаній, вступилъ въ переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ;

онъ обѣщалъ, если Шведы направятся къ Москвѣ, а польскія войска явятся на Днѣпрѣ, поднять всю Украйну и привести ее въ подданство Польшѣ, въ вознагражденіе за что ему были обѣщаны званіе гетмана уже *всей Малороссіи*, обѣихъ сторонъ Днѣпра, титулъ князя и мѣсто въ польскомъ сенатѣ. Таковъ былъ замыселъ стараго гетмана. Но нелегко было его исполнить. Мазепа зналъ, что народная масса вѣрна Царю и не сожалѣетъ о присоединеніи къ Россіи; но онъ зналъ тоже, что многіе „московскіе порядки“ не нравятся Малороссамъ, и что между казаками существуютъ частныя неудовольствія и опасенія. Поэтому онъ началъ подъ рукой распускать молву, что Москва хочетъ отобрать старыя украинскія вольности; что она намѣревается обратить казаковъ въ солдаты, а посполитовъ сдѣлать крѣпостными и выселить въ великороссійскія губерніи, и что онъ, Мазепа, одинъ только еще съ трудомъ отстаиваетъ права священной старины. Всѣ эти внушенія не оставались безъ слѣда и поселяли въ народѣ броженіе, о которомъ, въ свою очередь, Мазепа спѣшилъ извѣстить Царя, выставляя при этомъ себя и своихъ соумышленниковъ единственно вѣрными и надежными людьми, чинилъ жестокія наказанія надъ казаками и въ то же время давалъ имъ чувствовать, что это дѣлается по волѣ Царя, ненавидящаго Украйну. Такими мѣрами онъ надѣялся облегчить задуманную имъ измѣну, которую рѣшился однако скрывать до тѣхъ поръ пока Карлъ не одержитъ рѣшительной поверхности надъ Петромъ.

Но военныя дѣйствія затянулись, хотя распоряженія короля Шведскаго и обнаруживали намѣреніе дѣйствовать рѣшительно. Двинувшись къ Березинѣ съ 45000 отличнаго войска, Карлъ остановился чтобы притянуть

къ себѣ 30.000 человѣкъ находившихся въ Ливоніи и Финляндіи. Но въ ожиданіи ихъ прошла половина 1708 года, и армія Карла сильно пострадала отъ недостатка продовольствія въ этой бѣдной и разоренной странѣ. Наконецъ онъ рѣшился начать дѣйствовать: въ первыхъ числахъ іюля онъ переправился черезъ Березину, оттѣснивъ русскія войска, и занялъ Могилевъ. Здѣсь, завязавъ сношенія съ Мазепой и все ожидая прибытія къ себѣ войскъ изъ Ливоніи и Финляндіи, онъ еще бездѣйствовалъ болѣе мѣсяца, и только въ половинѣ сентября круто повернулъ къ югу, къ Малороссіи: „Дьяволъ его сюда несетъ!“ воскликнулъ, узнавъ объ этомъ движеніи, Мазепа, которымъ начинало овладѣвать смущеніе по мѣрѣ того какъ приближалась рѣшительная минута.

Не одинъ Мазепа былъ недоволенъ движеніемъ Карла на югъ. Генералъ Левенгауптъ, который велъ къ нему отрядъ въ 16.000 человѣкъ изъ Лифляндіи, узналъ объ этомъ движеніи съ ужасомъ. Онъ имѣлъ тѣмъ болѣе права сѣтовать на прихотливое рѣшеніе короля, что находился отъ него уже въ нѣсколькихъ переходахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣсколькихъ переходахъ и отъ русской арміи несравненно сильнѣйшей, чѣмъ его отрядъ, обремененный притомъ большими обозами провіанта и снарядовъ, которые онъ долженъ былъ везти изъ Риги для снабженія нуждавшихся шведскихъ войскъ. Петръ не замедлилъ воспользоваться ошибкой своего противника: онъ кинулся на встрѣчу Левенгаупту, настигъ его при переправѣ чрезъ рѣку Сожу при селеніи Лѣсномъ (близъ Пропойска), нанесъ ему жестокое пораженіе, разсѣялъ большую часть его войскъ и отбилъ провіантъ и военные запасы.

Это была побѣда несравненно болѣе значительная,

его армія могла здѣсь быть подкрѣплена изъ Польши, а потому предвидѣлъ Царь, что ему вѣроятно придется вступить со Шведами въ рѣшительный бой, и что это должно произойдти въ теченіе наступившаго 1709 года. Шереметевъ и Меншиковъ съ своими арміями стояли всю зиму около Миргорода и Полтавы, изъ которыхъ послѣдняя была довольно сильно укрѣплена. Какъ только установилась весна, шведскія войска обложили Полтаву; стали туда же стягиваться и Русскіе, но оказать помощь осажденному городу они не могли, за болотами его облегающими, а вступить въ бой со всею арміей Карла, имъ самимъ предводимою, не рѣшались, ожидая Петра, который былъ въ Воронежѣ. Между тѣмъ встрѣча съ нею была уже не такъ страшна, какъ восемь лѣтъ тому назадъ: мы были и числомъ сильнѣе Шведовъ; армія наша была свѣжѣе, лучше сбережена чѣмъ шведская; самъ Карлъ принужденъ былъ не задолго передъ тѣмъ сказать: „вижу, что мы научили москвитянъ воевать!“

Поэтому Царь, прибывъ къ войску въ іюнѣ, рѣшился самъ аттаковать Шведовъ. Рѣка Ворскла раздѣляла обѣ арміи; Русскіе переправились черезъ нее 20-го числа и выбравъ удобную позицію, укрѣпили ее, готовясь между тѣмъ къ бою; но 27-го іюня, рано утромъ, они увидѣли, что шведское войско становится въ ружье, выстраивается и приготовляется ударить на русское войско.

Это была торжественная, важная минута. Не то чтобы здѣсь рѣшалась, какъ иные говорили, судьба нашего отечества: одно сраженіе не могло сокрушить такой страны какъ Россія; но будучи потеряно, оно могло поставить ее въ очень затруднительное положеніе. Голосъ Мазепы могъ тогда сдѣлаться громче на Украй-

детъ на Украйну, какъ будто бы намекая тѣмъ, что онъ подозрѣваетъ тайны Мазепы... При этомъ извѣстіи страхъ обуялъ стараго лицемѣра: онъ „порвался какъ вихрь,“ велѣлъ ударить въ литавры, сѣдлать коней и понесся съ небольшимъ, бывшимъ при немъ отрядомъ, по направленію къ шведскому стану (25-го октября 1708). Можно вообразить удивленіе Меншикова, когда онъ, пріѣхавъ въ Батуринъ, нашелъ ворота его запертыми, а о гетманѣ, котораго считалъ при смерти, услышалъ, что онъ ускакалъ съ казаками къ Деснѣ и переправился черезъ нее вплавь!.. Все это подробно описано въ очень любопытномъ письмѣ, отправленномъ Меншиковымъ къ Царю. Нѣкоторые изъ повѣренныхъ Мазепы понимали цѣль этого движенія, но бóльшая часть бывшихъ съ нимъ казаковъ воображали, что ихъ ведутъ противъ непріятеля, и велико было ихъ удивленіе, когда истина передъ ними открылась! Между тѣмъ шведское войско къ нимъ приблизилось и, отдавая имъ всевозможныя почести, окружило ихъ. Возвратиться было невозможно.

Весь отрядъ, приведенный Мазепой, не превышалъ двухъ тысячъ человѣкъ: это далеко не соотвѣтствовало ожиданіямъ Карла; но Мазепа увѣрялъ его, что вся Малороссія не замедлитъ подняться, и съ этою цѣлію поспѣшилъ разослать къ своимъ землякамъ „прелестныя“ письма, въ которыхъ, повторяя прежнія жалобы на Москву, старался возбудить духъ старинной войнолюбивой вольницы.

Вѣсть о бѣгствѣ Мазепы была для Царя какъ громъ, который иногда вдругъ неожиданно прогремитъ надъ головой среди безоблачнаго неба. Въ первую минуту онъ не хотѣлъ вѣрить; но какъ только сомнѣніе прошло и вся истина раскрылась, дѣятельность его и

его армія могла здѣсь быть подкрѣплена изъ Польши, а потому предвидѣлъ Царь, что ему вѣроятно придется вступить со Шведами въ рѣшительный бой, и что это должно произойдти въ теченіе наступившаго 1709 года. Шереметевъ и Меншиковъ съ своими арміями стояли всю зиму около Миргорода и Полтавы, изъ которыхъ послѣдняя была довольно сильно укрѣплена. Какъ только установилась весна, шведскія войска обложили Полтаву; стали туда же стягиваться и Русскіе, но оказать помощь осажденному городу они не могли, за болотами его облегающими, а вступить въ бой со всею арміей Карла, имъ самимъ предводимою, не рѣшались, ожидая Петра, который былъ въ Воронежѣ. Между тѣмъ встрѣча съ нею была уже не такъ страшна, какъ восемь лѣтъ тому назадъ: мы были и числомъ сильнѣе Шведовъ; армія наша была свѣжѣе, лучше сбережена чѣмъ шведская; самъ Карлъ принужденъ былъ не задолго передъ тѣмъ сказать: „вижу, что мы научили москвитянъ воевать!"

Поэтому Царь, прибывъ къ войску въ іюнѣ, рѣшился самъ аттаковать Шведовъ. Рѣка Ворскла раздѣляла обѣ арміи; Русскіе переправились черезъ нее 20-го числа и выбравъ удобную позицію, укрѣпили ее, готовясь между тѣмъ къ бою; но 27-го іюня, рано утромъ, они увидѣли, что шведское войско становится въ ружье, выстраивается и приготовляется ударить на русское войско.

Это была торжественная, важная минута. Не то чтобы здѣсь рѣшалась, какъ иные говорили, судьба нашего отечества: одно сраженіе не могло сокрушить такой страны какъ Россія; но будучи потеряно, оно могло поставить ее въ очень затруднительное положеніе. Голосъ Мазепы могъ тогда сдѣлаться громче на Украй-

россійскій народъ такъ твердо съ помощію Божіей, стоитъ, какъ больше нельзя отъ нихъ требовать; король посылаетъ прелестныя письма, но сей народъ непремѣнно пребываетъ въ вѣрности и письма королевскія приноситъ (начальству)".

Только неугомонные запорожцы, увлеченные своимъ кошевымъ, Гордеенкомъ, отказали въ повиновеніи и, въ небольшомъ впрочемъ числѣ, ушли къ Шведамъ. Это было неважное пріобрѣтеніе для Карла, но рѣшеніе принятое въ Запорожьѣ, которое издавна руководило всею Украйной и всѣмъ казачествомъ, могло бы имѣть дурныя послѣдствія, еслибъ осталось безнаказаннымъ; а потому Царь приказалъ разорить Сѣчь, что̀ и было исполнено безъ труда. Вся Украйна была спокойна. Гетманомъ вмѣсто Мазепы былъ избранъ Скоропадскій, человѣкъ добрый и мягкій, отъ котораго нельзя было ждать ни особенной пользы, ни вреда.

Между тѣмъ наступила глубокая осень, а потомъ зима столь суровая, что самые старые украинцы такой не помнили. Шведская армія сильно страдала и отъ погоды и отъ недостатка провіанта, и замѣтно уменьшалась, будучи лишена въ этомъ краю возможности получать подкрѣпленія. Карлъ зашелъ слишкомъ далеко, и многіе изъ его приближенныхъ начинали думать, что положеніе его небезопасно.

Наконецъ прошла эта тяжелая для Шведовъ зима, въ продолженіе которой происходили лишь незначительныя сшибки. До сего времени Петръ тщательно избѣгалъ рѣшительныхъ сраженій, что̀ сильно разстраивало соображенія его противника. Но съ своей стороны и Карлъ до нѣкоторой степени обманулъ ожиданія Петра. Онъ не пустился въ глубину Россіи, а держался на ея окраинахъ; значительно уменьшившаяся

его армія могла здѣсь быть подкрѣплена изъ Польши, а потому предвидѣлъ Царь, что ему вѣроятно придется вступить со Шведами въ рѣшительный бой, и что это должно произойдти въ теченіе наступившаго 1709 года. Шереметевъ и Меншиковъ съ своими арміями стояли всю зиму около Миргорода и Полтавы, изъ которыхъ послѣдняя была довольно сильно укрѣплена. Какъ только установилась весна, шведскія войска обложили Полтаву; стали туда же стягиваться и Русскіе, но оказать помощь осажденному городу они не могли, за болотами его облегающими, а вступить въ бой со всею арміей Карла, имъ самимъ предводимою, не рѣшались, ожидая Петра, который былъ въ Воронежѣ. Между тѣмъ встрѣча съ нею была уже не такъ страшна, какъ восемь лѣтъ тому назадъ: мы были и числомъ сильнѣе Шведовъ; армія наша была свѣжѣе, лучше сбережена чѣмъ шведская; самъ Карлъ принужденъ былъ не задолго передъ тѣмъ сказать: „вижу, что мы научили москвитянъ воевать!“

Поэтому Царь, прибывъ къ войску въ іюнѣ, рѣшился самъ аттаковать Шведовъ. Рѣка Ворскла раздѣляла обѣ арміи; Русскіе переправились черезъ нее 20-го числа и выбравъ удобную позицію, укрѣпили ее, готовясь между тѣмъ къ бою; но 27-го іюня, рано утромъ, они увидѣли, что шведское войско становится въ ружье, выстраивается и приготовляется ударить на русское войско.

Это была торжественная, важная минута. Не то чтобы здѣсь рѣшалась, какъ иные говорили, судьба нашего отечества: одно сраженіе не могло сокрушить такой страны какъ Россія; но будучи потеряно, оно могло поставить ее въ очень затруднительное положеніе. Голосъ Мазепы могъ тогда сдѣлаться громче на Украй-

нѣ, Донъ только-что успокоивался послѣ Булавинскаго бунта, на границахъ Сибири продолжали еще волноваться башкиры, Запорожье было ненадежно, и татары крымскіе готовы были присоединиться къ Карлу. Конечно, всѣ эти мысли представлялись уму Царя, когда онъ въ достопамятное утро 27-го іюня садился на своего боеваго коня. Войска уже стояли на мѣстахъ во всемъ вооруженіи и слушали знаменитый полтавскій приказъ: „Пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества, писалъ Царь; вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное.... О Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, *жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего.*“

Еще возвышенныя слова эти звучали въ ушахъ и въ сердцахъ русскихъ воиновъ, когда тотъ, который писалъ ихъ, показался передъ рядами, въ простомъ свѣтлозеленомъ мундирѣ, въ низенькой треугольной шляпѣ, на бойкомъ свѣтло-гнѣдомъ конѣ (коего чучело сохраняется въ Петровской галлереѣ Зимняго дворца), окруженный генералами, съ которыми солдаты уже ознакомились подъ пулями, на приступахъ, на бивакахъ, — Шереметевымъ, другомъ солдатъ, Голицынымъ, героемъ Нотебурга и Лѣснаго, Меншиковымъ и другими Русскими и иностранцами, служившими общему дѣлу и проливавшими кровь за Россію.

Войско наше было расположено за укрѣпленіемъ, только что воздвигнутымъ и даже не вполнѣ еще оконченнымъ; только часть конницы находилась правѣе, у перелѣска, подъ прикрытіемъ небольшихъ окоповъ. На нее-то и была направлена первая и дѣйствительно стремительная аттака Шведовъ. Они заняли перелѣсокъ и ворвались въ пространство находившееся между нимъ и нашимъ укрѣпленіемъ. Но поставленныя за этимъ укрѣпленіемъ

орудія открыли по нимъ такой жестокій огонь, что корпусъ смявшій нашу каварелію принужденъ былъ отступить въ перелѣсокъ, оторвавшись отъ главныхъ силъ. Меншиковъ, начальствовавшій на лѣвомъ крылѣ, переведя свои войска позади укрѣпленія, быстро кинулся на разстроенныхъ Шведовъ и, поддерживаемый войсками нашего праваго крыла, заставилъ ихъ положить оружіе.

Тогда всѣ наши силы были выведены изъ укрѣпленія, и сраженіе возобновилось въ открытомъ полѣ. Бой былъ жестокій. И Петръ и Карлъ не щадили себя. У Царя прострѣлена была въ нѣсколькихъ мѣстахъ шляпа; изъ числа драбантовъ, окружавшихъ Шведскаго государя, перебито до двадцати человѣкъ. И вотъ, наконецъ, Шведы начали подаваться назадъ, мѣшаться,—и побѣжали къ своему лагерю... Но тамъ уже была наша конница. Видя это, Шведы стали бросать оружіе и кинулись въ разсыпную. Карлъ, раненый за нѣсколько дней предъ тѣмъ въ ногу, Мазепа и нѣсколько человѣкъ изъ королевской свиты ускакали за Днѣпръ, гдѣ присоединились къ нимъ въ послѣдствіи остатки шведской, нѣкогда грозной арміи. Фельдмаршалъ Реншильдъ, приближенный министръ Карла графъ Пиперъ, Левенгауптъ, Шлиппенбахъ, нѣсколько другихъ генераловъ и тысячи менѣе значительныхъ Шведовъ взяты въ плѣнъ; захвачены денежныя суммы и тайныя бумаги Карла. Словомъ, пораженіе его было страшное.

Минута побѣды вообще есть упоительная минута; это торжество общее всѣмъ, отъ главнаго начальника до послѣдняго солдата, торжество, которое заставляетъ забывать и усталость, и голодъ, и жажду, и даже страданія. Но Полтавскій бой и Полтавская побѣда внѣ всякаго сравненія: здѣсь шло дѣло не о новомъ лавровомъ

вѣнкѣ для самолюбиваго вождя, а о чести и благѣ всей націи. Солдаты радостно кричали *ура* своему Царю, когда онъ, усталый самъ, на усталомъ конѣ, возвращался къ своей ставкѣ; онъ весело кланялся имъ, махая своею прострѣленною шляпой; потомъ, когда они расположились вокругъ котловъ ѣсть кашицу, онъ обходилъ ихъ кучки, шутилъ съ ними и вмѣстѣ съ ними пилъ водку, поздравляя ихъ съ славною побѣдой.

Царь желалъ, чтобы въ этотъ день вся земля радовалась. Курьеры помчались во всѣ концы Россіи съ вѣстію о радостномъ событіи, съ приказаніемъ пѣть благодарственные молебны, звонить въ колокола, стрѣлять изъ пушекъ и жечь фейерверки; плѣнные Шведы были приглашены къ Царю обѣдать вмѣстѣ съ недавнимъ своимъ врагомъ, и море вина лилось, и все ликовало; воздухъ гремѣлъ отъ бивачныхъ пѣсенъ, отъ звона полтавскихъ колоколовъ.

Но.... въ сторонѣ отъ ликовавшаго стана и ликовавшаго города, на мѣстѣ только-что окончившейся битвы, раздавались стенанія и предсмертное хрипѣніе, и тысячи людей проклинали день, который другія тысячи благославляли: „профосы“ (солдаты, которые были въ прежнее время обязаны исполнять всѣ черныя работы при полкахъ) копали огромную яму, которая въ свои холодныя нѣдра должна была принять все, чѣмъ заплатила Россія за Полтавскую побѣду... Съ мольбой и благословеніями священныя жертвы были положены въ эту простую могилу; Царь бросилъ въ нее первую горсть земли, а на холмѣ, которымъ она покрылась, Россія поставила памятникъ въ назиданіе будущимъ вѣкамъ.

XX.

Послѣдствія Полтавскаго сраженія. — Августъ возобновляетъ съ нами союзъ. — Станиславъ оставляетъ Польшу. — Союзы съ Даніей и Пруссіей. — Начало нашего вліянія на Курляндію. — Русская партія въ Лифляндіи и Эстляндіи. — Сдача Риги, Ревеля и пр. (1710). — Побѣды въ Финляндіи. — Карлъ въ Бендерахъ. — Происки его, чтобы возбудить Турцію противъ Россіи. — Толстой въ Константинополѣ. — Война съ Турціей (1711). — Сочувствіе къ Россіи турецкихъ Славянъ. — Сношенія съ ними Петра. — Кантемиръ и Бранкованъ. — Армія наша окружена непріятелемъ. — Шафировъ. — Прутскій миръ.

Русскіе одерживали въ послѣдствіи побѣды, которыя военное искусство ставитъ выше Полтавской; войска наши бились подъ Бородинымъ и Севастополемъ съ не меньшею, если даже не съ большею еще храбростію, чѣмъ подъ Полтавою; но ни одна битва, ни прежде ни послѣ Полтавской, не принесла такихъ, какъ она, важныхъ результатовъ. Мгновенно разнеслась о ней вѣсть по всей Европѣ, и Россія вдругъ выросла въ глазахъ западныхъ нашихъ сосѣдей. До того времени тамъ были лишь темные слухи о какихъ-то новыхъ порядкахъ, заводимыхъ въ дикой Московіи, и мало кто ими интересовался; но теперь.... какое чудо! непобѣдимый Карлъ шведскій разбитъ этими сѣверными дикарями!

Отправивъ небольшой отрядъ преслѣдовать разсѣянныя толпы Шведовъ, а Меншикова съ арміей пославъ въ Польшу, чтобы дѣйствовать противъ Станислава Лещинскаго, Царь и самъ скоро туда отправился. Малочисленный отрядъ Шведовъ, находившійся въ Польшѣ, и самъ Станиславъ Лещинскій удалились въ Померанію (принадлежавшую Швеціи), а Августъ немедленно вступилъ въ Польшу. Онъ встрѣтилъ своего союзника съ пушечною пальбой, съ развѣвавшимися знаменами и съ распростертыми объятіями.... Конечно, Царь имѣлъ

право не вѣрить искренности этихъ объятій, и горько упрекнуть его въ заключеніи одиночнаго мира, въ выдачѣ Паткуля и проч.; но чтò пользы! сдѣланнаго уже нельзя поправить; новый же союзъ съ Саксонско-Польскимъ государемъ могъ на будущее время быть полезенъ Россіи. Возобновивъ этотъ союзъ, Августъ поспѣшилъ объявить, что отреченіе его отъ польскаго престола было вынужденное, и потому необязательное для него; Лещинскій же, человѣкъ нечестолюбивый и мягкій, не захотѣлъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать тронъ, котораго онъ никогда не домогался. Онъ удалился во Францію, а его приверженцы, оставленные имъ, обратились къ Царю, прося его покровительства, и Царь избавилъ ихъ отъ мщенія со стороны Августа, который ни въ чемъ не могъ отказать ему. Короли Датскій и Прусскій прислали къ нему пословъ съ поздравленіями и съ предложеніями своей дружбы. Первый изъ нихъ, заключивъ тѣсный союзъ съ Петромъ, немедленно объявилъ Швеціи войну, а второй, не рѣшаясь еще и не имѣя благовидныхъ поводовъ вооружиться противъ Швеціи, но желая прочно сблизиться съ Россіей, завелъ переговоры о бракѣ между своимъ родственникомъ, молодымъ герцогомъ Курляндскимъ, и одною изъ русскихъ принцессъ. Бракъ этотъ въ слѣдующемъ году дѣйствительно былъ заключенъ съ царевной Анной Іоанновною (*); онъ положилъ начало нашему вліянію въ Курляндіи, въ которой образовалась партія преданная сближенію съ Россіей и устроившая въ концѣ вѣка присоединеніе ея къ Имперіи.

Въ Лифляндіи и Эстляндіи тоже образовалась партія, которая находила, что покровительство Россіи, сосѣд-

(*) Старшая дочь царя Іоанна Алексѣевича.

но Турокъ, все остальное народонаселеніе состоитъ изъ грековъ, сербовъ, молдаванъ, болгаръ и др., исповѣдывающихъ православную вѣру. Съ этими единовѣрцами нашими мы издавна и постоянно поддерживали добрыя сношенія; издавна греческіе, сербскіе и болгарскіе монахи пріѣзжали къ намъ просить милостыни и никогда не возвращались съ пустыми руками; Аѳонская обитель чтилась въ Россіи подобно Кіевской или Троицко-Сергіевской; въ случаѣ какихъ-нибудь затрудненій въ дѣлахъ церковныхъ, приглашаемы были въ Москву греческіе патріархи, богословы и ученые. Независимо отъ этихъ, чисто-религіозныхъ связей, между нами и нашими южно-славянскими братьями существовали связи племенныя, родственныя. Только въ Россіи, да отчасти въ Польшѣ, они могли слышать понятную имъ рѣчь; только въ одной Россіи могли они войдти въ храмъ и молиться Богу по своимъ обрядамъ; изъ всей обширной славянской семьи только одна Россія оставалась имъ сочувственною, была сильна и самостоятельна; а потому они радовались ея удачамъ и сострадали ея несчастіямъ; первые наши успѣхи надъ Турками и Шведами воспѣвались и воспѣваются еще теперь въ пѣсняхъ сербовъ, черногорцевъ и болгаръ.

Если таково было сочувствіе большинства турецкихъ подданныхъ къ Россіи, то, при открывавшейся войнѣ съ Турціей, не могли ли оказать намъ дѣйствительной помощи воинственные единоплеменники наши, черногорцы, сербы и болгары, или единовѣрцы жившіе близь нашей границы, молдаване и валахи, которые еще во время Крымскихъ походовъ заявляли намъ о своемъ сочувствіи? Будучи въ Константинополѣ, Толстой тайно сблизился съ нѣкоторыми изъ турецкихъ Славянъ и между прочимъ съ однимъ богатымъ и расто-

И точно: не одолѣй Петръ Карла, не пріобрѣти Россія морскаго берега,—насколько времени милліоны населяющихъ ее людей были бы лишены средствъ просвѣтиться!

Но фортуна, и особенно военная фортуна, перемѣнчива, говорили еще древніе Греки, вслѣдствіе чего и изображали эту богиню на вѣчно вертящемся колесѣ. Перемѣнчивость эту испыталъ на себѣ Карлъ въ 1709, а два года спустя испыталъ ее въ свою очередь и Петръ.

Видя окончательное пораженіе своихъ войскъ, король Шведскій съ небольшою свитой и нѣсколькими сотнями драбантовъ, съ раненою ногой, страдая и физически и морально, поскакалъ, какъ было сказано, къ Днѣпру и, не надѣясь теперь найдти въ Польшѣ такого пріема, какой встрѣчалъ тамъ будучи побѣдителемъ, направился къ турецкой границѣ.

Почти безъ отдыха семь дней
Скакали мы среди степей,
Боясь вражеской погони,

говоритъ поэтъ устами одного изъ спутниковъ Карла. Наконецъ этотъ остатокъ грозныхъ нѣкогда завоевателей достигъ береговъ Днѣстра и расположился близь крѣпости, принадлежавшей тогда Турціи (теперь русскій городокъ), Бендеръ. Здѣсь Карлъ могъ почитать себя безопаснымъ, потому что Турція была въ добрыхъ отношеніяхъ къ Швеціи.

Необходимость привела Карла въ Турцію: онъ былъ не только безъ арміи, но и безъ денегъ, безъ крова, безъ средствъ къ существованію. Самолюбію султана показалось лестнымъ дать у себя не только убѣжище, но и оказать великолѣпное гостепріимство христіанскому государю. Карлъ съ своей стороны вознамѣрился затянуть султана въ войну противъ Россіи. Подъ предлогомъ передать ему свое привѣтствіе, онъ послалъ

горячо преданнаго ему Поляка, Понятовскаго, въ Константинополь и поручилъ ему употребить тамъ всѣ возможныя средства, чтобы возстановить диванъ, то-есть совѣтъ султана, противъ Россіи, выставляя на видъ, что господство Русскихъ въ Азовѣ и устраиваемый тамъ флотъ суть явные признаки враждебныхъ замысловъ Царя противъ Турціи.

Между нами и Турками со времени заключенія мира (1700) не было никакого повода къ неудовольствію, и притомъ интересы наши охранялъ въ Константинополѣ человѣкъ очень проницательный и ловкій, — Петръ Толстой, уже знакомый намъ по стрѣлецкимъ бунтамъ. Но есть страны, гдѣ ни на что нельзя положиться, такъ же какъ ни въ чемъ не слѣдуетъ отчаиваться,—страны, гдѣ случай, капризъ, а болѣе всего золото и интриги могутъ сдѣлать невозможное возможнымъ. Такова была Турція и таковъ былъ Константинопольскій дворъ. Не взирая на безграничную власть турецкихъ падишаховъ, волею ихъ весьма не трудно было управлять посредствомъ любимцевъ, женъ и даже ихъ служителей и служительницъ, задаривая этихъ послѣднихъ или вкрадываясь въ ихъ расположеніе.

Толстой, узнавъ о прибытіи Шведскаго короля въ Бендеры, поспѣшилъ представить, что ему, врагу Россіи, неприлично оставаться въ странѣ, которая съ Россіей въ добрыхъ отношеніяхъ. Ему отвѣчали, что Карлъ XII и не намѣренъ тамъ оставаться, а проситъ только дать ему охранный отрядъ, чтобы безопасно препроводить его чрезъ Польшу до шведскихъ владѣній. Очень хорошо, возразилъ Толстой, дайте ему конвой въ нѣсколько сотъ человѣкъ и отправьте его поскорѣе. Но каково было его изумленіе, когда онъ узналъ, что Шведскій король требуетъ *для сопровожденія сво-*

его 40 тысячъ человѣкъ! Ясно, что цѣль Карла была—получить отъ Турціи вспомогательное войско, то-есть вовлечь ее въ войну съ Россіей.

Толстой отсыпалъ порядочную сумму червонцевъ великому визирю (первому сановнику Турціи); но этого послѣдняго успѣли заподозрить въ глазахъ султана: онъ былъ лишенъ своей должности, а на мѣсто его былъ назначенъ человѣкъ расположенный Швеціи. Толстой далъ объ этомъ знать Царю, писалъ ему, что всюду замѣтны военныя приготовленія, и что война повидимому неизбѣжна. Началась дѣятельная переписка между Россіей и Турціей; самъ Царь писалъ къ султану, прося его не нарушать мира; ничто не помогло: Толстой былъ схваченъ и заключенъ въ такъ-называемый Семибашенный зáмокъ, куда, по турецкому обычаю и вопреки вездѣ принятымъ законамъ, заключали, при разрывѣ съ какимъ-нибудь государствомъ, его посланника. Наконецъ война была объявлена Россіи въ концѣ 1710 года.

Война съ Турціей, когда еще и Шведская не была окончена, война на двухъ противоположныхъ концахъ Россіи, было новое, тяжелое для народа, бѣдствіе. Союзники наши, Данія, Польша и Саксонія, дѣйствовали весьма слабо, а Турція была въ то время обширное и грозное государство. Владѣнія султана находились въ Азіи и Африкѣ, они обнимали со всѣхъ сторонъ Черное море, достигали съ одной стороны Адріатическаго моря, а съ другой доходили до нынѣшнихъ Ольвіополя и Вознесенска на Бугѣ. Между тѣмъ это повидимому страшное государство имѣло свою слабую сторону, которою притомъ никто не могъ съ такимъ удобствомъ воспользоваться, какъ Россія. Въ Европейской Турціи, за исключеніемъ милліона или полутора милліона собствен-

но Турокъ, все остальное народонаселеніе состоитъ изъ грековъ, сербовъ, молдаванъ, болгаръ и др., исповѣдывающихъ православную вѣру. Съ этими единовѣрцами нашими мы издавна и постоянно поддерживали добрыя сношенія; издавна греческіе, сербскіе и болгарскіе монахи пріѣзжали къ намъ просить милостыни и никогда не возвращались съ пустыми руками; Аѳонская обитель чтилась въ Россіи подобно Кіевской или Троицко-Сергіевской; въ случаѣ какихъ-нибудь затрудненій въ дѣлахъ церковныхъ, приглашаемы были въ Москву греческіе патріархи, богословы и ученые. Независимо отъ этихъ, чисто-религіозныхъ связей, между нами и нашими южно-славянскими братьями существовали связи племенныя, родственныя. Только въ Россіи, да отчасти въ Польшѣ, они могли слышать понятную имъ рѣчь; только въ одной Россіи могли они войдти въ храмъ и молиться Богу по своимъ обрядамъ; изъ всей обширной славянской семьи только одна Россія оставалась имъ сочувственною, была сильна и самостоятельна; а потому они радовались ея удачамъ и сострадали ея несчастіямъ; первые наши успѣхи надъ Турками и Шведами воспѣвались и воспѣваются еще теперь въ пѣсняхъ сербовъ, черногорцевъ и болгаръ.

Если таково было сочувствіе большинства турецкихъ подданныхъ къ Россіи, то, при открывавшейся войнѣ съ Турціей, не могли ли оказать намъ дѣйствительной помощи воинственные единоплеменники наши, черногорцы, сербы и болгары, или единовѣрцы жившіе близь нашей границы, молдаване и валахи, которые еще во время Крымскихъ походовъ заявляли намъ о своемъ сочувствіи? Будучи въ Константинополѣ, Толстой тайно сблизился съ нѣкоторыми изъ турецкихъ Славянъ и между прочимъ съ однимъ богатымъ и расто-

за собою только Ижерскую землю, то есть берегъ Невы; соглашался въ случаѣ крайности поступиться даже Псковомъ. Если же и всего этого не приметъ визирь, а будетъ требовать, чтобъ армія положила оружіе, то рѣшено было „идти въ отводъ подлѣ рѣки, то-есть, отступая пробиваться сквозь непріятельскую силу, какъ честнымъ и храбрымъ воинамъ пристойно". Такъ опредѣлилъ военный совѣтъ, собранный Шереметевымъ въ страшную ночь съ 10-го на 11-е іюля. Съ предложеніями о мирѣ долженъ былъ отправиться Шафировъ, помощникъ графа Головкина по управленію иностранными сношеніями.

Мало было вѣроятности, чтобы верховный визирь, видя безвыходное положеніе наше, согласился на переговоры; къ этому могъ его склонить только развѣ какой-либо личный интересъ. Поэтому, разсказываютъ, Шафировъ, долго бывшій при Царѣ секретаремъ по дипломатической части, слѣдовательно знакомый съ дѣлами и тайными ихъ пружинами, далъ мысль Екатеринѣ Алексѣевнѣ (съ которою передъ походомъ Царь сочетался бракомъ) собрать всѣ деньги и драгоцѣнности, какими она могла располагать, и послать ихъ визирю. Предложеніе это было съ радостію принято. Наличныя деньги, жемчугъ, брилліанты, все, что̀ было драгоцѣннаго у царицы, она приготовила для визиря, набрала драгоцѣнностей, сколько могла, у нѣкоторыхъ другихъ дамъ, бывшихъ въ арміи съ своими мужьями, у простыхъ офицеровъ, даже у солдатъ: всякій давалъ, что̀ могъ, что̀ у него было, — и къ утру такимъ образомъ набралась масса драгоцѣнностей, которую Шафировъ долженъ былъ предложить визирю. Визирь не устоялъ противъ искушенія; притомъ и его войско было обезкуражено, ибо оно никакъ не по-

лагало, чтобъ истомленные зноемъ, голодомъ и жаждою Русскіе могли дать такой сильный отпоръ. Но визирь былъ окруженъ генералами и доброхотами Шведскаго короля; узнавъ о прибытіи Русскаго посла, они кинулись къ визирю и стали представлять ему, что переговоры невозможны, что единственное условіе, которое можно предложить Русскимъ, это сдаться военноплѣнными, и что потомъ уже султанъ, въ мудрости своей, разсудитъ, что̀ съ ними дѣлать надлежитъ. Лукавый визирь прикинулся простакомъ и объявилъ, что въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ чувствуетъ необходимость прибѣгнуть къ книгѣ божіей, Корану. Принесли Коранъ; визирь велѣлъ читать себѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о томъ, какъ должно поступать съ врагами, и найдя нѣсколько наставленій, предписывающихъ великодушіе съ слабыми, прощеніе въ отношеніи къ врагу и т. п., съ гнѣвомъ велѣлъ замолчать шведскимъ агентамъ, говоря, что или они дурные христіане, или что ихъ религія учитъ злу.

Шведы рвали волосы на себѣ съ досады, и немедленно послали за Карломъ, который находился въ Бендерахъ. Тотъ, всегда готовый къ бою, всегда въ застегнутомъ мундирѣ, въ ботфортахъ и при шпагѣ, вскочилъ на лошадь и опрометью поскакалъ къ Пруту; но уже было поздно: Русскіе выступали съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами съ печальнаго урочища „Рябая могила", гдѣ они готовились всѣ погибнуть.

Условія, которыя мы должны были принять, были тяжелы, но легче однакожъ тѣхъ, на которыя уже готовъ былъ согласиться Петръ: мы обязывались возвратить Турціи Азовъ и срыть всѣ сдѣланныя нами на Дону и на Днѣпрѣ укрѣпленія; обѣщано было также не всту-

паться въ польскія дѣла. Турки требовали-было, чтобы Кантемиръ былъ имъ выданъ; но Петръ не поступилъ съ нимъ, какъ Августъ съ Паткулемъ, и визирь, менѣе мстительный, чѣмъ Карлъ XII, отъ этого требованія отступился; короля Шведскаго постановлено было выслать. Что же касается до Швеціи, то для нея не было выговорено никакихъ выгодъ, и, заключая съ нами миръ, Турція тѣмъ самымъ отказывалась помогать ей въ дальнѣйшемъ продолженіи войны, что̀ было большимъ для насъ облегченіемъ. Поэтому Царь, увѣдомляя сенатъ объ опасности, въ которой находилась армія, и о заключеніи мира, присовокупляетъ: „и тако смертный пиръ симъ кончился.... Сіе дѣло хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убытковъ положено; однако же, чаю, симъ лишеніемъ другой сторонѣ (въ отношеніи войны съ Швеціей) великое укрѣпленіе, которое несравнительною прибылью намъ есть. „Такъ писалъ Петръ сенату, не скрывая ущерба понесеннаго Россіей, но подавая надежду, что дѣла могутъ поправиться. Этой надежды онъ и дѣйствительно не терялъ; но въ письмахъ къ людямъ близкимъ онъ съ большою откровенностію изливалъ горечь, наполнявшую его душу. На просьбу Апраксина — не разорять морскихъ заведеній на Азовскомъ морѣ, онъ отвѣчалъ: „со слезами прошеніе ваше видѣлъ, о чемъ прежде и больше вашего плакалъ; но буди воля Божія въ томъ... И того ради *(какъ не своею рукою пишу)* нужда Турокъ удовольствовать“.

Шафировъ, который вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ подписалъ Прутскій миръ, остался въ рукахъ Турокъ заложникомъ въ точномъ его исполненіи съ нашей стороны.

УКАЗАТЕЛЬ
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Царствованіе Петра I.

Стр.

Стр.

Стр.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ЧТЕНІЕ

ИЗЪ

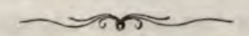
РУССКОЙ ИСТОРІИ

(СЪ ИСХОДА XVII ВѢКА).

П. Щебальскаго.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

Дозволено цензурой. Москва. Августа 21 дня 1868 года.

XXI.

Шведы едва не возбуждаютъ новой войны между Россіей и Турціей. — Карлъ XII остается въ Турціи вопреки желанію султана. — Его принуждаютъ оставить Бендеры. — Странное возвращеніе его въ Штральзундъ. — Успѣхи союзниковъ въ Помераніи и Русскихъ въ Финляндіи. — Побѣда при Ганго-Уддѣ (1714 г.).—Взятіе Штральзунда. — Петръ примиряетъ Августа съ конфедераціей.—Люблинскій договоръ (1716 г.).— Швеція и Россія начинаютъ сближаться. — Баронъ Гёрцъ. — Аландскіе переговоры.

Мы видѣли (вып. II гл. XX), какъ горько было Петру согласиться на требуемое Прутскимъ договоромъ раззореніе Таганрога и возвращеніе Азова; не менѣе горько было Карлу XII смотрѣть на выступленіе русской арміи съ ея позиціи при Рябой Могилѣ, гдѣ она могла быть истреблена. Говорятъ, Шведскій король, видя, что ни убѣжденія, ни угрозы не дѣйствуютъ на визиря, съ бѣшенствомъ отвернулся отъ него и, *какъ будто нечаянно* задѣвъ шпорою за его широчайшіе шаравары, рванулъ ихъ и разорвалъ. Послѣ этого онъ возвратился въ Бендеры, замышляя вновь вовлечь султана въ войну съ Россіей; въ этомъ ему были усердными помощниками сопровождавшіе его Поляки и французскій посланникъ въ Константинополѣ. Узнавъ о ихъ проискахъ, Петръ остановился исполненіемъ договора относительно Азова и Таганрога, а такъ какъ, по донесеніямъ Шафирова, Карлъ успѣлъ убѣдить совѣтниковъ султана, что безъ нѣсколькихъ десятковъ

тысячъ конвоя ему нельзя безопасно проѣхать въ свое государство, то Петръ, узнавъ объ этомъ, приказалъ остановиться арміи своей, возвращавшейся чрезъ польскія владѣнія, опасаясь, чтобы при появленіи съ Карломъ цѣлой арміи Турокъ, Станиславъ снова не былъ возстановленъ на польскомъ престолѣ.

Въ свою очередь умедленіе въ исполненіи Прутскаго договора и присутствіе русскихъ войскъ въ Польшѣ были выставляемы врагами Россіи какъ явное коварство со стороны ея Царя. Намѣреніе его очевидно, — нашептывали султану: Царь, за помощь Августу, получилъ отъ него согласіе на овладѣніе польскою Украйной и Подоліей, а оттуда онъ во всякое время былъ бы въ состояніи вторгнуться въ турецкія владѣнія и постоянно возбуждать турецкихъ христіанъ противъ Порты. Эти опасенія казались вѣроподобными, и войнолюбивая партія явно брала верхъ въ Константинополѣ. Толстаго продолжали держать въ Семибашенномъ за́мкѣ; Шафирова тоже подвергли заключенію. Отъ Петра потребовали чтобъ не только казаки, — то-есть запорожскіе, о коихъ шла рѣчь при заключеніи мира, — но чтобъ вся Малороссія была уступлена Туркамъ. Самая несчастливая война не могла бы привести къ болѣе тяжелымъ уступкамъ, а потому Петръ сталъ готовиться къ войнѣ. Но именно рѣшимость Петра не отступать даже предъ необходимостью войны можетъ-быть и предотвратила ее, потому что ни султанъ, ни вообще Турки не желали войны. Наши узники были освобождены и получили возможность добиваться и явными и тайными средствами, чтобы Шведскій король не оставался долѣе на Турецкой землѣ; крымскій ханъ и бендерскій паша получили приказаніе выпроводить его изъ Бендеръ, соблюдая однакоже должное уваженіе къ

его королевскому сану. Оказалось, что это чрезвычайно трудно исполнить: Карлъ объявилъ наотрѣзъ, что онъ выѣхать изъ Бендеръ не намѣренъ. Ханъ посылалъ ему сказать, что такова воля султана, который, какъ бы то ни было, имѣетъ право распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, и предлагалъ доставить всѣ возможныя удобства для его путешествія: подводы, деньги, конвой. Карлъ ничего не хотѣлъ слушать. „Дайте мнѣ 30 тысячъ человѣкъ конвоя до Шведской границы, говорилъ онъ: тогда я отправлюсь.“ Это значило иными словами: дайте армію въ мое распоряженіе.

Смущенный ханъ писалъ въ Константинополь, объясняя свое затрудненіе, и спрашивалъ, какъ ему поступать при этомъ видимомъ сопротивленіи со стороны Шведскаго короля, а между тѣмъ продолжалъ приглашать его къ немедленному выѣзду. Карлъ велѣлъ ему сказать, что если его не оставятъ въ покоѣ, то онъ станетъ стрѣлять по Туркамъ! Ханъ прекратилъ выдачу Шведамъ кормовыхъ денегъ, которыми Турція ихъ снабжала; но лишенія не устрашали „перваго въ свѣтѣ солдата“: онъ приказалъ перестрѣлять всѣхъ своихъ лошадей и посолить ихъ...

Такое упорство Карла ставило въ затруднительное положеніе турецкое правительство да и самого султана,—а въ государствахъ, подобныхъ Турціи, личныя неудовольствія государя имѣютъ больше вліянія на судьбу государства, нежели политическія соображенія. Противъ „Сѣвернаго Александра“ было приказано, наконецъ, употребить силу.

Карлъ, его свита, отрядъ шведскихъ драбантовъ и малороссійскихъ бѣглецовъ занимали близъ Бендеръ нѣсколько домовъ, составлявшихъ какъ бы лагерь, который, во время вышеописанныхъ переговоровъ, былъ приведенъ

въ оборонительное положеніе. Когда формальнымъ образомъ было объявлено Карлу повелѣніе султана — принудить его вооруженною силой къ выѣзду, онъ отвѣтилъ посланному: „очень хорошо“, и отворотился. Послѣ этого турецкія войска, числомъ до 12 тысячъ, окружили шведскую главную квартиру, но медлили аттакой: несоразмѣрность силъ была такъ очевидна, что у Турокъ, такъ-сказать, не поднимались руки. Они опять послали къ королю сказать, чтобъ онъ не доводилъ ихъ до крайностей; онъ отвѣчалъ на это переговорщикамъ угрозою обрѣзать имъ бороды, если они тотчасъ не уберутся.

Итакъ, ничего болѣе не оставалось какъ дѣйствовать силой. Карловы драбанты, казаки, адъютанты, секретари, повара и лакеи обратились въ солдатъ и открыли огонь по наступавшимъ. Не взирая на это сопротивленіе, которое король одушевлялъ собственнымъ примѣромъ, оно не могло, конечно, продлиться. Турки зажгли домъ, съ такимъ упорствомъ отстаиваемый; пламя скоро обхватило все зданіе, врывалось въ окна; дымъ наполнилъ покои; стѣны, потолокъ рушились то здѣсь, то тамъ; но Карлъ не думалъ сдаваться. „Пока еще не загорѣлись на насъ платья, говорилъ онъ, нѣтъ никакой опасности“.

Наконецъ, видно дѣло дошло и до платьевъ. Карлъ собралъ вокругъ себя всю свою *армію* и, ставъ впереди ея, кинулся на непріятеля. Турки перекололи нѣкоторыхъ, обезоружили и взяли другихъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и король.

Мудрено безъ улыбки читать объ этой продѣлкѣ; но современники Карла были по большей части увлечены его отчаянною отвагой (которой, конечно, нельзя отрицать), и одинъ изъ блистательнѣйшихъ людей того

времени, принцъ Морицъ Саксонскій, о которомъ мы будемъ въ послѣдствіи имѣть случай говорить, гордился, какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ подвиговъ, подобнымъ бывшимъ съ нимъ случаемъ.

Карлъ и небольшая, еще остававшаяся при немъ свита были отправлены въ Адріанополь, близь котораго, въ селеніи Демотикѣ, имъ было позволено на время остаться. Прошло однакоже нѣсколько мѣсяцевъ, прежде нежели Карлъ рѣшился пуститься въ путь; онъ сказывался больнымъ, не выходилъ изъ комнаты, ложился въ постель, и наконецъ выѣхалъ не ранѣе осени 1714 года, то-есть послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія изъ Швеціи и послѣ слишкомъ пятилѣтняго безполезнаго пребыванія въ Турціи.

Возвращеніе этого государя было такъ же странно, какъ и вся его жизнь. Не взирая на то, что султанъ предложилъ ему довольно сильный конвой для охраненія его личной безопасности, онъ пустился вдвоемъ съ однимъ изъ своихъ адъютантовъ, и ѣхалъ большую часть пути отъ Турецкой границы до Помераніи (принадлежавшей тогда Швеціи) верхомъ, подъ вымышленнымъ именемъ, переодѣтый, скрывая лицо свое подъ буклями огромнаго парика и подъ широкими полями нахлобученной шляпы. Единственный его спутникъ, послѣ нѣсколькихъ дней проведенныхъ на конѣ, не покидая сѣдла, упалъ замертво; по счастію, это былъ только обморокъ. Дюрингъ, — такъ звали королевскаго спутника, — умолялъ короля отдохнуть хотя немного, дать ему собраться съ силами, или взять почтовый экипажъ. Карлъ и здѣсь, какъ всегда, не измѣнилъ своему упорству и поскакалъ одинъ. Полуживой Дюрингъ, отдохнувъ нѣсколько, взялъ почтовыхъ лошадей и нагналъ его черезъ нѣсколько часовъ, но въ какомъ положеніи?...

пѣшаго, измученнаго, потому что лошадь подъ нимъ пала и онъ принужденъ былъ тащиться ночью одинъ, едва вытаскивая изъ глубокой грязи ноги свои, обутыя въ тяжелые ботфорты....

Наконецъ Карлъ и его спутникъ, измученные, полуживые, прибыли въ шведскую крѣпость Штральзундъ, въ Помераніи. Они уже не могли слѣзть съ лошадей: ихъ сняли; короля нельзя было разуть, — такъ ноги его распухли: пришлось разрѣзывать его ботфорты. Штральзундскій коммендантъ далъ ему свое бѣлье и уложилъ его въ постель: Карлъ не смыкалъ глазъ шестнадцать сутокъ!...

Большія перемѣны произошли въ положеніи воюющихъ сторонъ съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ ускакалъ съ Полтавскаго поля. Царь, ни на минуту не уклоняясь отъ главной цѣли своей — овладѣть берегомъ Балтійскаго моря, постепенно, неуклонно, систематически подвигался отъ Ладожскаго озера къ Финскому заливу, овладѣвалъ, какъ мы видѣли (вып. II гл. XX), его прибрежьемъ и шведскими областями, отдѣлявшими Россію отъ Балтійскаго моря. По договору, заключенному Царемъ съ королемъ Саксонскимъ при началѣ войны, Остзейскія провинціи должны были достаться Августу; но заняты будучи русскимъ оружіемъ, онѣ покамѣстъ находились во власти Царя, который твердо рѣшился и удержать ихъ за собою. Мы видѣли также, что Петръ убѣдилъ Датскаго короля снова приступить къ союзу противъ Швеціи, вслѣдствіе чего война и была перенесена въ Померанію. Въ 1713 году Меньшиковъ, который начальствовалъ русскою заграничною арміей, овладѣлъ важною шведскою крѣпостью Штеттиномъ, и соединенныя датско-саксонскія войска заставили защищавшаго Померанію генерала Стенбока положить ору-

жіе со всею арміей. Въ то же время Апраксинъ и М. Голицынъ утверждали русское господство въ Финляндіи и заняли столицу этой области, а въ 1714 году, какъ намъ тоже извѣстно, Царь занялъ нѣсколько пунктовъ въ Курляндіи, съ владѣтельнымъ домомъ коей онъ находился въ родственныхъ отношеніяхъ.

Между флотами воюющихъ державъ произошло въ это время серьёзное столкновеніе. Галеры наши, подъ предводительствомъ самого генералъ-адмирала, были заперты шведскими судами въ одной изъ бухтъ финляндскаго берега, близь мыса Ганго-Уддъ, и рисковали быть совершенно истреблены. Апраксинъ растерялся и поспѣшилъ послать за Царемъ, который немедленно явился и далъ дѣлу совершенно иной оборотъ: онъ самъ аттаковалъ Шведовъ, одержалъ надъ ними полную побѣду и взялъ въ плѣнъ ихъ адмирала Эреншильда. За эту „викторію, каковыхъ доселѣ не видали", Царь былъ произведенъ изъ *шаутбенахтовъ въ вицъ-адмиралы*; память ея положено ежегодно праздновать, и въ числѣ кораблей нашихъ съ тѣхъ поръ постоянно былъ одинъ, носившій имя *Гангутъ*.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Карлъ XII рѣшился наконецъ оставить Турцію. Пробравшись въ Штральзундъ, онъ немедленно написалъ шведскому сенату нѣсколько указовъ о наборѣ рекрутъ, о сборѣ денегъ, о мѣрахъ для усиленія войны. Встрепенулись и союзники и тѣснѣе обложили Штральзундъ. Крѣпость эта окружена водой и, кромѣ того, была сильно оборонена искусствомъ, такъ что взять ее было трудно. Притомъ же личное присутствіе Карла удесятеряло мужество шведскаго гарнизона. Въ самомъ дѣлѣ, отвага этого государя и твердость его духа въ опасностяхъ способны были электризовать солдатъ; гдѣ только

была опасность, тамъ непремѣнно находился король и первый кидался въ схватку. Здѣсь кстати разсказать часто повторяемый о немъ анекдотъ. Карлъ сидѣлъ въ своей квартирѣ и диктовалъ своему секретарю; вдругъ падаетъ бомба, пробиваетъ потолокъ и съ страшнымъ трескомъ лопается. Перо выпало изъ рукъ перепуганнаго секретаря.... Замѣтивъ это, Карлъ сказалъ ему: „Что же ты не пишешь?"—„Государь, бомба".... „Между бомбой и письмомъ нѣтъ ничего общаго. Пиши!"

Не взирая однакоже на блистательную защиту шведскаго гарнизона, Штральзундъ былъ взятъ, а Карлъ, находившійся въ немъ до послѣдней минуты, кинулся въ рыбачью лодку, и въ бурную осеннюю пору поплылъ къ шведскимъ берегамъ, пробираясь между русскими и датскими кораблями.... Надо признаться, что Карлъ XII былъ храбрѣйшій и блистательнѣйшій офицеръ своего времени.

Впрочемъ, война въ Помераніи шла далеко не такъ успѣшно, какъ слѣдовало бы ожидать по числу находившихся тамъ войскъ. Военныя дѣйствія соединенныхъ армій рѣдко имѣютъ то единство, безъ котораго успѣхъ невозможенъ; обязываясь дѣйствовать соединенно для достиженія извѣстной цѣли, союзныя правительства обыкновенно имѣютъ свои особыя, затаенныя цѣли, которыя нерѣдко возбуждаютъ между ними недоразумѣнія и соперничество, ослабляя общее ихъ дѣйствіе. Такъ именно было и въ настоящемъ случаѣ. Каждый изъ членовъ Сѣвернаго Союза, начиная войну съ Карломъ XII, имѣлъ въ виду свою особливую цѣль (вып. II гл. XII): Петръ хотѣлъ овладѣть берегомъ моря, король Датскій желалъ округлить свои владѣнія присоединеніемъ къ нимъ Голштинскаго государства, а Ав-
ъ, не теряя изъ виду первоначальной своей цѣли—

пріобрѣтенія Ливоніи въ наслѣдственное владѣніе, въ настоящее время болѣе всего думалъ о томъ, чтобъ одолѣть приверженцевъ Станистава Лещинскаго, и, конечно, не затруднился бы заключить съ королемъ Шведскимъ отдѣльный миръ, еслибъ этотъ послѣдній согласился не поддерживать Станислава. Къ несчастію и для Августа и для Польши, Петръ не обнаруживалъ готовности отступиться отъ Лифляндіи, а Карлъ не думалъ отказываться отъ поддержки своего союзника, такъ что Польша, вовсе не предполагавшая участвовать въ войнѣ, ввергнута была въ междоусобіе; она страдала едва ли не болѣе тѣхъ странъ, которыя прямо участвовали въ войнѣ противъ Швеціи.

Не Карлу, а Петру суждено было прекратить въ Польшѣ междоусобія и водворить миръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сдѣлать новый, большой шагъ къ подчиненію ея русскому вліянію. Изъ числа польскихъ вельможъ, поддерживавшихъ связи съ русскимъ дворомъ, нѣкоторые стали обращаться къ нему, умоляя, чтобъ онъ употребилъ свое вліяніе для успокоенія ихъ отечества; междоусобіе не прекратится, писали они, пока русское правительство не станетъ между королемъ и *конфедератами* (*), не удержитъ послѣднихъ и не поручится за точное исполненіе первымъ обязательствъ, данныхъ имъ относительно правъ и привилегій народа. Интересы Россіи требовали, чтобы миръ водворился въ Польшѣ, безъ чего ея силы не могли оказать никакой пользы дѣлу Сѣвернаго Союза; притомъ положеніе

(*) Польскіе законы дозволяли вооруженное сопротивленіе незаконному распоряженію правительства. Недовольные такимъ распоряженіемъ составляли союзъ или конфедерацію и назывались конфедератами.

посредника и поручителя за исполненіе враждующими сторонами обоюдныхъ обязательствъ есть положеніе господствующее, преобладающее, — и Петръ рѣшился пріобрѣсть оное.

По совѣту медиковъ, онъ долженъ былъ ѣхать въ 1716 году въ Германію на воды; за границу же призывало его заключеніе брачнаго союза между племянницей его, Екатериною Іоанновной, и герцогомъ Мекленбургскимъ; это давало ему случай посѣтить Польшу, ближе узнать положеніе ея партій и, если нужно, войдти съ ними въ сношенія. Для празднованія царевниной свадьбы онъ остановился въ Гданскѣ; а такъ какъ туда же прибыли и Августъ II и многіе изъ значительныхъ людей Польши, принадлежавшихъ къ той или другой партіи, то дѣло о *медіаціи* пошло и быстро и успѣшно. На предварительныхъ переговорахъ русскихъ министровъ съ министрами короля Августа и съ депутатами отъ конфедератовъ было постановлено: въ непродолжительномъ времени собраться сейму для всеобщаго замиренія, при чемъ послу царскаго величества быть въ качествѣ *медіатора* (то-есть посредника) и *арбитра* (то-есть рѣшителя, третейскаго судьи); а такъ какъ каждая сторона не довѣряла искренности своихъ противниковъ, то положено было дать право русскому послу въ случаѣ надобности ввести царскія войска въ Польшу, и объявить той сторонѣ, которая вздумала бы отказываться отъ благоразумныхъ условій, что онъ приступитъ къ мѣрамъ понудительнымъ.

Такого успѣха, такого огромнаго значенія, даннаго посреднику, нельзя было и ожидать. Въ самомъ дѣлѣ, нужно имѣть чрезвычайно мало проницательности, чтобы дозволить чужому правительству не только вмѣшиваться, но и рѣшать внутреннія распри какой-

либо страны. Никогда еще перевѣсъ Россіи надъ Польшей не обнаруживался съ такою силой. Препровождая предварительныя условія, заключенныя въ Данцигѣ, сенату, Петръ писалъ ему между прочимъ, что „Поляки такъ себя въ волю медіаторскую обязали, что вихнуть нельзя“. Это была правда. На сеймѣ, собравшемся въ Люблинѣ, первенствующее положеніе занималъ нашъ посолъ, князь Григорій Долгоруковъ; онъ примирялъ, убѣждалъ, грозилъ, господствовалъ; онъ подписалъ (1716 г.) актъ объ условіяхъ, на которыхъ Августъ и представители Польши согласились примириться; онъ же былъ уполномоченъ и наблюдать, чтобъ эти условія исполнялись обѣими сторонами. Очень замѣчательно при этомъ, что если бóльшая часть членовъ люблинскаго сейма выразили крайнее неудовольствіе на вступленіе русскихъ войскъ въ королевство, то въ послѣдствіи, особенно въ царствованіе императрицы Елисаветы, когда значеніе Россіи очень умалилось въ Польшѣ, люди самыхъ различныхъ политическихъ оттѣнковъ жаловались на это равнодушіе русскаго правительства къ дѣламъ Польши и ставили ему въ примѣръ политику Петра.

Замиреніе Польши грозило новыми опасностями Шведскому королю: оно развязывало руки Августу,— а Швеція была и безъ того изнурена денежными пожертвованіями и потерею людей. Въ ней было множество недовольныхъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ; другіе хотя и безропотно давали свои рейхсталеры и ставили рекрутъ, но это были послѣдніе рейхсталеры и послѣдніе люди, способные къ военной службѣ; король же не хотѣлъ и слышать о примиреніи.

Нашелся, однако, человѣкъ довольно искусный, чтобъ убѣдить его въ необходимости мира хоть съ нѣкото-

рыми изъ его противниковъ. Это былъ нѣкто баронъ Гёрцъ, Германецъ, долго служившій Голштинскому герцогу и потомъ перешедшій въ службу Шведскаго короля, человѣкъ проницательный, ловкій, вкрадчивый, хитрый, неистощимый въ средствахъ къ достиженію задуманныхъ цѣлей. Достаточно сказать, что онъ успѣлъ пріобрѣсть вліяніе на упрямаго, своенравнаго Карла XII такое вліяніе, что онъ сблизилъ его съ злѣйшимъ изъ враговъ его, съ Царемъ Русскимъ!...

Впрочемъ, еслибы Карлъ былъ немного поменьше солдатъ и побольше политикъ, онъ и самъ увидѣлъ бы, что ему нѣтъ спасенія иначе какъ въ сближеніи съ Петромъ. Это былъ единственный, истинно-опасный его соперникъ; уступивъ ему земли, которыхъ возвратить уже было невозможно, король могъ отдѣлить его отъ союза, и за тѣмъ не только удержать Померанію, но можетъ-быть принудить Данію и Саксонію къ уступкамъ. Его очень занимала, между прочимъ, мысль овладѣть Норвегіей, составлявшею тогда часть Датскаго королевства: господство надъ всѣмъ Скандинавскимъ полуостровомъ было бы, конечно, достаточнымъ вознагражденіемъ за уступку береговъ Финскаго залива.

Петръ, съ своей стороны, всегда былъ радъ прекратить войну, довольствуясь сдѣланными имъ пріобрѣтеніями, и обратить всю свою дѣятельность на внутреннія преобразованія. Его связывали только обязательства съ союзниками, безъ которыхъ онъ обѣщалъ не начинать переговоровъ съ Швеціей; но эти союзники сами засылали въ Стокгольмъ съ мирными предложеніями. Петръ могъ ожидать, что онъ будетъ оставленъ ими, однимъ за другими, и приведенъ будетъ въ необходимость уступить часть своихъ завоеваній. Всѣ эти соображенія побудили его вступить въ сноше-

нія съ Швеціей. Лѣтомъ 1716 года генералъ Брюсъ и совѣтникъ Остерманъ отправились на Аландскіе острова и открыли переговоры съ Гёрцомъ. Эти переговоры тянулись долго. Петръ требовалъ, уступки Ливоніи и Эстляндіи съ южнымъ берегомъ Финскаго залива, а также нѣкоторой части Финляндіи, какъ „подушки для Петербурга". Карлъ, послѣ долгихъ колебаній, согласился на эти уступки, но требовалъ, чтобъ ему была оказана помощь для возстановленія Станислава Лещинскаго и для расширенія шведской Помераніи на счетъ датскихъ владѣній. Петръ, съ своей стороны, не хотѣлъ принять такихъ обязательствъ и грозилъ прервать переговоры, когда было получено извѣстіе, что король Шведскій, вторгнувшійся въ Норвегію, убитъ при осадѣ Фридрихсгаля...

XXII.

Встрѣча Царя съ Лейбницомъ. — Мысли того и другаго о потребностяхъ Россіи. — Царь кладетъ основаніе правильнымъ государственнымъ учрежденіямъ.—Общія понятія о нихъ. — Слабость государственныхъ понятій въ Россіи. — Примѣры крупныхъ беззаконій. — Грабительство казенной и частной собственности. — Образъ жизни двора и новаго общества; Невскій флотъ; ассамблеи; обычаи московской знати. — Черты изъ жизни князя Якова Долгорукова.

Европа начинала интересоваться Россіей и ея Царемъ. Его необычайное путешествіе, пребываніе его на голландскихъ верфяхъ, преобразованія предпринятыя имъ въ своемъ государствѣ, характеръ его, самая его наружность, наконецъ эта упорная и удачная борьба съ первымъ полководцемъ Европы дѣлали его предметомъ любопытства для всѣхъ образованныхъ Европейцевъ. Онъ былъ предметомъ даже болѣе нежели любопытства, — симпатіи со стороны лучшихъ пред-

ставителей европейской мысли. Друзья человѣчества, друзья просвѣщенія радовались, что новый народъ готовъ присоединиться къ семьѣ просвѣщенныхъ народовъ и, конечно, приписывали это вліянію Петра.

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ мыслителей, ученыхъ и писателей того времени былъ Лейбницъ; исполненный энтузіазма къ Царю нашему и узнавъ, что онъ собирается (послѣ Прутскаго похода) въ Германію, на воды, Лейбницъ нарочно отправился въ городъ Торгау, чтобъ его видѣть. Великій философъ и великій государственный человѣкъ встрѣтились и долго бесѣдовали между собою. Лейбницъ говорилъ, что Россія болѣе всего нуждается въ просвѣщеніи. Петръ, не отрицая необходимости просвѣщенія, полагалъ, что ей прежде всего нужны хорошіе законы и хорошее управленіе, и просилъ германскаго философа сообщить ему свои мысли по этому предмету. Лейбницъ сдѣлалъ болѣе: онъ написалъ цѣлый проектъ управленія Русскимъ царствомъ; по мысли его, всѣ части управленія должны были имѣть соразмѣрность и правильность часоваго механизма, дабы, писалъ онъ, „стрѣлка мудрости указывала странѣ часы благополучія".

Петръ съ благодарностію принялъ проектъ Лейбница и, кромѣ того, поручилъ резидентамъ русскимъ за границей достать наиболѣе уважаемые тамъ уставы, регламенты и положенія по разнымъ частямъ управленія. Вся эта груда матеріаловъ была ему доставлена въ Петербургъ, и разсмотрѣнію ихъ, сличенію между собою, обсужденію преимуществъ одного передъ другимъ Царь посвящалъ ежедневно по нѣскольку часовъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Наконецъ съ 1716 начали выходить одинъ за другимъ регламенты, обнимавшіе собою все государственное управленіе, теперь, конечно, уже

устарѣвшіе и по большей части уже отмѣненные, но на основаніи которыхъ Россія управлялась безъ малаго сто лѣтъ.

Очень любопытно познакомиться поближе со всѣми этими учрежденіями, и съ ними непремѣнно долженъ познакомиться всякій желающій нести полезнымъ образомъ службу своему отечеству, потому что и нынѣшнихъ учрежденій и законовъ нельзя знать основательно, не изучивъ тѣхъ, которые имъ предшествовали. Но это дѣло многолѣтнихъ трудовъ и довольно уже зрѣлаго возраста; здѣсь намъ достаточно будетъ указать только на нѣкоторыя, главнѣйшія основанія Петровскихъ государственныхъ учрежденій.

Чего можетъ требовать народъ отъ своего правительства? Что̀ обязано правительство дать народу? Немного, повидимому: правый судъ, безопасность каждаго лица и его имущества, возможность собственными трудами улучшить свое благосостояніе и просвѣщаться, причемъ, разумѣется, правительство обязано оградить страну отъ внѣшнихъ враговъ. Для достиженія этой цѣли и существуютъ суды, полиція, начальствующія лица, банки, школы; для этой же цѣли содержатся войско и флотъ, всегда готовые отражать забіячливыхъ сосѣдей, и, наконецъ, собираются съ народа нужныя на все это деньги и расходуются по мѣрѣ надобности. Всѣ названныя учрежденія находятся въ завѣдываніи или лицъ, которыя называются министрами, или, какъ это было прежде, совѣтовъ, которые назывались коллегіями; при этомъ, разумѣется, необходимо, чтобы министры или коллегіи дѣлали каждый свое дѣло съ усердіемъ, знаніемъ и честностію, и чтобъ они не только не мѣшали другъ другу, но, напротивъ, всѣ вмѣстѣ и заодно дѣйствовали ко благу народа, какъ всѣ пру-

жины и колеса въ часовомъ механизмѣ служатъ къ тому, чтобы правильно и вѣрно двигать стрѣлку по циферблату.

Старинные приказы наши дѣйствовали очень дурно; народъ роптал на неправосудіе, на притѣсненія всякаго рода; къ Царю поступали жалобы, доносы, подметныя письма; одинъ большой приверженецъ старины, но человѣкъ правдивый и любившій отечество, князь Яковъ Долгоруковъ, намъ уже извѣстный, однажды въ глаза сказалъ Царю: „пора тебѣ, Царь, объ этомъ подумать!“ И Царь, какъ мы видѣли, дѣйствительно объ этомъ думалъ, размышлялъ, трудился, и наконецъ установилъ, по примѣру западныхъ государствъ, коллегіи, которыя завѣдывали торговлей и промышленностію, судебною частію, военными и морскими силами, доходами и расходами государства, а за правильностію ихъ дѣйствій долженъ былъ наблюдать сенатъ, представлявшій въ этомъ отношеніи какъ бы лицо государя.

Таковы были главные органы правительственной власти, сосредоточенные въ столицѣ; въ различныхъ административныхъ центрахъ страны, разумѣется, были устроены другіе суды, низшей степени, другія учрежденія для сбора податей и для расходованія денегъ, для дѣйствій по распорядительной части. Все это представляло машину болѣе сложную, которая, кажется, долженствовала бы дѣйствовать болѣе удовлетворительно чѣмъ прежняя, еслибы всѣ лица, ее составлявшія, вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію. Не разсчитывая на это, Петръ усилилъ до чрезвычайности надзоръ за служащими и устроилъ для этого цѣлое вѣдомство— вѣдомство *фискаловъ*, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы быть „очами и ушами государевыми“.

Однакоже всѣ эти учрежденія не водворили въ Россіи

соединяется къ прочимъ. На ней сидитъ самъ Царь и *адмиралъ Невскаго флота*; на встрѣчу имъ раздаются салюты съ крѣпости; музыканты Меньшикова, Апраксина и другихъ богачей оглашаютъ воздухъ звукомъ валторнъ и литавръ. Адмиралъ выкидываетъ сигналъ, другой, третій, и по сигналамъ этимъ флотилія выстраивается въ одну линію, свертывается въ колонну, поднимаетъ паруса, плыветъ на веслахъ, дѣлаетъ повороты, лавируетъ, выходитъ на взморье и, проманеврировавъ такимъ образомъ 3—4 часа, возвращается къ пристани Лѣтняго дворца, гдѣ для владѣльцевъ лодокъ приготовленъ незатѣйливый, но обильный ужинъ съ приличнымъ количествомъ пива и венгерскаго вина. Такіе маневры повторялись каждое воскресенье и каждый праздникъ; всякій зажиточный петербургскій домовладѣлецъ былъ обязанъ имѣть лодку въ составѣ Невскаго флота.

Такова была одна изъ забавъ прежняго Петербурга. Заглянемъ теперь въ *ассамблею*. Что̀ такое ассамблея? Такъ назывались вечернія собранія, имѣвшія свой особый уставъ, и куда, въ противность стариннымъ обычаямъ, должны были являться и женщины. Этикетъ и чинность прежнихъ временъ были изгнаны изъ этихъ собраній; хозяинъ обязанъ былъ освѣтить нѣсколько комнатъ, приготовить вино и освѣжительные напитки, но церемоніальныя встрѣчи пріѣзжающихъ гостей, усаживанье ихъ по чинамъ, подчиванья и проводы съ поклонами были запрещены. Гости пріѣзжали, и всякому предоставлялось веселиться какъ можетъ и умѣетъ; мужчины собирались поговорить, поиграть въ шашки, выпить стаканъ вина или кружку пива; они закуривали трубки (что̀ очень многимъ не нравилось), а дамы отправлялись въ танцовальную залу, гдѣ старушки размѣ-

и подверглись только денежному взысканію единственно изъ уваженія къ большимъ ихъ, особливо Меньшикова, заслугамъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія, истощивъ всѣ мѣры надзора и строгости, Царь все-таки видѣлъ въ этомъ отношеніи мало утѣшительнаго, и вотъ что̀, между прочимъ, писалъ онъ въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ указовъ: ....„Ничто такъ ко управленію государства нужно есть, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже всуе законы писать, когда ихъ не хранить, или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть“.... (*)

Итакъ, въ теченіе всей жизни своей, безустанно преслѣдуя неправду, Петръ убѣждался, что неправда чувствительно не уменьшается. Видя это, мы должны признать, что взглядъ Лессинга былъ справедливъ, и что только просвѣщеніе, дѣйствующее на самые нравы и понятія людей, можетъ дать людямъ чувство правды и уваженіе къ закону.

Замѣчательно при этомъ, что нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ беззаконниковъ были въ другихъ отношеніяхъ очень достойные люди: Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, напримѣръ, былъ во многихъ отношеніяхъ человѣкъ высокихъ гражданскихъ доблестей, но и онъ не гнушался взятокъ; Апраксинъ, который едва не пострадалъ за лихоимство, былъ человѣкъ добрый, щедрый и, не имѣя дѣтей, отказалъ передъ смертію все свое огромное состояніе Государю. Зачѣмъ же онъ

(*) Указъ этотъ есть одинъ изъ тѣхъ, которые должны находиться во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ такъ-называемомъ *Зерцалѣ*, которое есть „яко зерцало (зеркало) предъ очами судящихъ“.

лихоимствовалъ?... Понятія о *государствѣ*, о благѣ общемъ, объ интересѣ общественномъ не были довольно ясно сознаваемы нашими предками; имъ казалось очень естественнымъ пользоваться всякимъ случаемъ чтобъ увеличить благосостояніе своего семейства и своей родни. Притомъ, по тогдашнимъ понятіямъ, важному сановнику надо было жить открыто; неприличнымъ считалось не имѣть ему дворни въ нѣсколько сотъ человѣкъ, охотниковъ, гребцовъ, конюховъ, скороходовъ, огромной конюшни, стола для званыхъ и незваныхъ,—а такъ какъ казеннаго жалованья на все это не могло достать, и такъ какъ даже состояніе, предками нажитое (очень часто такими же неправдами), не всегда могло быть для этого достаточнымъ, то грабительство становилось дѣломъ почти неизбѣжнымъ.

Должно сказать, что самъ Царь нѣкоторымъ образомъ поддерживалъ эти дурные обычаи. Онъ былъ, какъ намъ уже извѣстно, очень простъ въ своемъ образѣ жизни и скупъ на казенныя деньги; получая жалованье въ качествѣ морскаго или сухопутнаго офицера, онъ говорилъ: „эти деньги собственныя мои; я ихъ заслужилъ и могу употреблять по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ долженъ я отдать отчетъ Богу". Это было прекрасно. Но въ каждую годовщину какой-нибудь побѣды, въ большіе праздники и т. п. онъ былъ не прочь и самъ попировать и любилъ, чтобы все вокругъ него пировало; сотни людей садились тогда за столъ, цѣлыя бочки вина выпивались. Все это не могло стоить дешево. Между тѣмъ такіе пиры *должны были* задавать министры и приближенные Петра, а чаще всѣхъ Меньшиковъ, котораго великолѣпныя палаты на Васильевскомъ острову (нынѣшній 1-й кадетскій кор-

пусъ) въ нѣсколько десятковъ разъ превосходили не только маленькій „Домикъ Петра Великаго“ (вып. II гл. XV), но и *большой* его дворецъ въ Лѣтнемъ саду. Откуда же было взять Меньшикову деньги на постройку этихъ палатъ, на содержаніе иностранныхъ поваровъ, гайдуковъ, гребцовъ, псарей, на покупку картинъ, серебряной и золотой посуды и пр...? А Царь требовалъ, чтобы все это было, и однажды, когда Меньшиковъ, приговоренный къ уплатѣ части награбленныхъ у казны денегъ, вздумалъ было перемѣнить образъ жизни, Царь серьезнымъ образомъ на него прикрикнулъ. Не имѣя возможности давать большія содержанія своимъ помощникамъ, Петръ былъ строгъ только къ расхитителямъ казеннаго добра, но не преслѣдовалъ людей облеченныхъ властію, если они получали подарки отъ людей обращавшихся къ нимъ по своимъ частнымъ дѣламъ.

Здѣсь кстати будетъ разсказать объ увеселеніяхъ Петрова двора: они дадутъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ и нравственности. Вообразимъ себѣ, что мы живемъ въ Петербургѣ за полтораста лѣтъ до настоящаго времени.

Воскресенье; обѣдни кончились; набожные люди, закусивъ просвиркой, плотно пообѣдали и собираются отойдти на покой. Вдругъ выстрѣлъ съ крѣпости: это сигналъ такъ-называемому *Невскому флоту* выходить. И вотъ волей-неволей мы, вмѣстѣ съ другими, должны прервать нашъ послѣобѣденный сонъ. На Невѣ суета и движеніе; въ разныхъ мѣстахъ, отъ берега отчаливаютъ лодки опредѣленной, однообразной постройки и, взмахивая веслами, съѣзжаются къ дому *Четырехъ фрегатовъ*, близъ Троицкой церкви. Вскорѣ отъ пристани Лѣтняго сада отдѣляется такая же лодка и при-

соединяется къ прочимъ. На ней сидитъ самъ Царь и *адмиралъ Невскаго флота*; на встрѣчу имъ раздаются салюты съ крѣпости; музыканты Меньшикова, Апраксина и другихъ богачей оглашаютъ воздухъ звукомъ валторнъ и литавръ. Адмиралъ выкидываетъ сигналъ, другой, третій, и по сигналамъ этимъ флотилія выстраивается въ одну линію, свертывается въ колонну, поднимаетъ паруса, плыветъ на веслахъ, дѣлаетъ повороты, лавируетъ, выходитъ на взморье и, проманеврировавъ такимъ образомъ 3—4 часа, возвращается къ пристани Лѣтняго дворца, гдѣ для владѣльцевъ лодокъ приготовленъ незатѣйливый, но обильный ужинъ съ приличнымъ количествомъ пива и венгерскаго вина. Такіе маневры повторялись каждое воскресенье и каждый праздникъ; всякій зажиточный петербургскій домовладѣлецъ былъ обязанъ имѣть лодку въ составѣ Невскаго флота.

Такова была одна изъ забавъ прежняго Петербурга. Заглянемъ теперь въ *ассамблею*. Что̀ такое ассамблея? Такъ назывались вечернія собранія, имѣвшія свой особый уставъ, и куда, въ противность стариннымъ обычаямъ, должны были являться и женщины. Этикетъ и чинность прежнихъ временъ были изгнаны изъ этихъ собраній; хозяинъ обязанъ былъ освѣтить нѣсколько комнатъ, приготовить вино и освѣжительные напитки, но церемоніальныя встрѣчи пріѣзжающихъ гостей, усаживанье ихъ по чинамъ, подчиванья и проводы съ поклонами были запрещены. Гости пріѣзжали, и всякому предоставлялось веселиться какъ можетъ и умѣетъ; мужчины собирались поговорить, поиграть въ шашки, выпить стаканъ вина или кружку пива; они закуривали трубки (что̀ очень многимъ не нравилось), а дамы отправлялись въ танцовальную залу, гдѣ старушки размѣ-

который ревниво слѣдитъ за нею глазами, Кантемира, бывшаго Молдавскаго господаря. Вотъ молодая Ромодановская, еще болѣе прекрасная душою, чѣмъ наружностью, о которой носится слухъ, что она выходитъ замужъ за сына графа Головкина; вотъ и дочь канцлера, выступающая en avant d'eux (*) съ своимъ женихомъ, Ягужинскимъ. Славная пара! Ягужинскій рѣшительно первый танцоръ въ Петербургѣ, красивый, развязный, вѣчно веселый... (когда не пьянъ: пьяный онъ споритъ и дерется). Хорошо танцуетъ и молодой Куракинъ; развязенъ и *арабъ царскій*, Ганнибалъ, долго жившій въ Парижѣ; любезенъ и сладкорѣчивъ Василій Лукичъ Долгоруковъ, объѣздившій всѣ дворы Европы,— но Ягужинскій все-таки влечетъ къ себѣ взоры: настоящій бойкій русскій молодецъ.

А вотъ и царица; она не танцуетъ, потому что находится въ *интересномъ положеніи*, что̀ съ нею повторяется ровно каждый годъ. Она еще недурна собой; черные глаза ея имѣютъ много блеска; на румяныхъ устахъ постоянно играетъ веселая улыбка. Нарядъ ея богатъ и изященъ; манеры приличны, по крайней мѣрѣ для женщины, родившейся въ лачугѣ. Правда, разговоръ ея очень пустъ, но и весь прекрасный полъ, только-что вырвавшійся изъ теремовъ, не блеститъ ни образованностію, ни занимательностію разговора.

Перейдемъ теперь въ другую комнату. Первое, что̀ поражаетъ сквозь табачный дымъ, стоящій облакомъ, это гигантская фигура Царя; на немъ нѣтъ парика, онъ его никогда не носитъ; его черные волосы закинуты за ухо, по русскому обычаю; простой зеленый мундиръ

(*) Такъ называется, когда кавалеръ съ дамой выступаютъ впередъ въ танцахъ.

изъ русскаго сукна обхватываетъ его могучія плечи. Ему еще не болѣе 45 лѣтъ, но тревожная, слишкомъ дѣятельная и довольно безпорядочная жизнь до времени состарили эту крѣпкую натуру: лобъ его начинаетъ обнажаться, щеки нѣсколько уже осунулись, глубокія морщины образовались между густыми бровями и придаютъ суровый видъ его физіономіи; но улыбка его не лишена пріятности. Онъ сидитъ передъ шашечною доской и внимательно слѣдитъ за игрой своего партнера, голландскаго шкипера; передъ обоими по большой кружкѣ пива. За стуломъ Царя стоитъ мужчина колоссальнаго роста, покрытый орденами и брилліантами, въ вышитомъ кафтанѣ: это Меньшиковъ. Посмотрите, какой у него величаво-снисходительный, привѣтливо-важный видъ: кто не сказалъ бы, что онъ родился въ раззолоченныхъ палатахъ, что жизнь его катилась по шелку и бархату? Но обширный его лобъ, не вполнѣ скрытый огромнѣйшимъ парикомъ, глубоко-впалые глаза, которые какъ-то настойчиво и сильно смотрятъ изъ-подъ густыхъ бровей, да выдающійся подбородокъ обличаютъ упругую волю этого человѣка, съ помощью которой онъ вышелъ въ люди изъ ничего. Возлѣ него, но нѣсколько позади, въ почтительномъ отдаленіи, стоятъ старикъ съ лукавою физіономіей, толстый и развязный, и молодой человѣкъ съ какою-то неизмѣнною, но сдержанною улыбкой на лицѣ: это Толстой, уже намъ извѣстный, и Остерманъ, о которомъ намъ скоро придется много говорить. Въ другомъ углу сидятъ проворный толстякъ Шафировъ, грузный Апраксинъ и Головкинъ,—сухой и длинный, въ затасканномъ скаредномъ кафтанѣ, доказывающемъ непомѣрную скупость великаго канцлера. Но кто этотъ колоссъ, который, стоя передъ ними, разсказываетъ, съ тысячью прибаутокъ

и остротъ, какъ онъ лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, въ лаптяхъ и сермягѣ, ходилъ съ крестьянскими ребятишками *по грибы?* Это Ушаковъ, весельчакъ и разскащикъ, и въ то же время довѣренное лицо Царя по разнымъ слѣдствіямъ и дознаніямъ, будущій преемникъ Толстаго въ управленіи тайнымъ приказомъ, одинаково развязный на ассамблеѣ и въ застѣнкѣ, человѣкъ, безъ котораго въ теченіе 25 лѣтъ не обходилось ни одно важное *розыскное* кровавое дѣло, впрочемъ неподкупно-честный и очень умный. Вотъ честный Вейде, вотъ ученый Брюсъ, вотъ маленькій, смуглый, вертлявый Португалецъ Девьеръ, петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, недавно получившій нѣсколько добрыхъ ударовъ знаменитой царской дубинки за неисправное состояніе улицъ, что̀, впрочемъ, ни мало не конфузитъ его и не возбуждаетъ негодованія съ чьей бы ни было стороны. Его поддразниваютъ только три привилегированные шута царскіе, между которыми мы узнали Лакосту, *царя Самоѣдскаго,* и Балакирева, остроумныя выходки котораго, собранныя и напечатанныя, долго читались всею Россіей. Кого же мы еще находимъ въ ассамблеѣ? Мы не отыскиваемъ многихъ изъ нашихъ старыхъ знакомцевъ, первыхъ сотрудниковъ Петра — Лефорта, Головина, Ромодановскаго, Стрѣшнева: всѣ они сошли въ могилу. Изъ старыхъ слугъ Петровыхъ мы замѣчаемъ только двухъ: они сидятъ вмѣстѣ, одинъ съ доброю, хотя и серьезною физіономіей и съ Мальтійскимъ крестомъ на груди,—это Шереметевъ, а другой, съ строгимъ выраженіемъ лица и длиннѣйшими усами, — князь Яковъ Долгоруковъ, котораго Царь въ шутку называлъ *дядею.*

Но что̀ это за шумъ въ танцовальной залѣ?.. Какой-то танцоръ не сдѣлалъ трехъ указанныхъ реверансовъ

своей дамѣ, по поводу чего нѣсколько веселыхъ голосовъ зашумѣло вокругъ него: штрафъ, штрафъ съ него *большаго орла!* — Большаго орла! раздался голосъ Царя, и въ одну минуту принесенъ былъ огромнѣйшій кубокъ, имѣвшій форму орла; нѣсколько бутылокъ венгерскаго вина было въ него влито, и Царь самъ подалъ его проштрафившемуся, говоря: пей, братъ. Какъ ни умолялъ и какъ ни отнѣкивался этотъ послѣдній, надо было отбыть штрафъ: онъ блѣднѣлъ, задыхался, едва переводилъ духъ, наконецъ осушилъ исполинскій кубокъ, и съ трудомъ отойдя нѣсколько шаговъ, рухнулся, какъ мертвый, при всеобщемъ хохотѣ...

Пить безъ мѣры не казалось предосудительнымъ, и послѣдствія пьянства не производили на зрителей омерзѣнія; напротивъ, Царь, напримѣръ, находилъ особенное удовольствіе быть свидѣтелемъ пьяныхъ сценъ; изъ самыхъ отъявленныхъ пьяницъ была имъ устроена такъ-называемая „всепьянѣйшая коллегія кардиналовъ", предсѣдателемъ которой былъ старый учитель его, Зотовъ, подъ именемъ „князь-папы". Мы не станемъ описывать этой пьяной компаніи: она слишкомъ отвратительна; скажемъ только, что подобные грубые нравы были принадлежностью не одного Петербурга; почти то же самое было во всей Германіи, при всѣхъ дворахъ, кромѣ развѣ Дрезденскаго и Вѣнскаго, гдѣ непохвальные нравы были прикрыты изяществомъ формъ.

Иное, но не лучшее, было и въ Москвѣ, гдѣ господствовали собственно наши, старинные нравы: тѣ же попойки, тотъ же грубый разгулъ, только безъ женщинъ, которыхъ присутствіе все-таки сдерживало въ нѣкоторыхъ границахъ необузданность мужчинъ. У *князя-кесаря* (Ромодановскаго), напримѣръ, были точно такія же попойки, какъ у петербургскихъ сановни-

ковъ, съ тою притомъ прибавкой, что водку у него подносили гостямъ *ручные медвѣди!..* Во дворъ этого дикаго оригинала ни одинъ человѣкъ въ Москвѣ не смѣлъ въѣхать въ экипажѣ, а долженъ былъ вылѣзать у воротъ и идти черезъ весь дворъ пѣшкомъ, какова бы ни была погода...

Какъ образчикъ жизни знатныхъ людей изъ приверженцевъ старины, выпишемъ нѣсколько извѣстій, сохранившихся въ дневникѣ одного современнаго иностранца, Берхгольца, о посѣщеніи имъ царицы Прасковьи въ любимомъ мѣстопребываніи ея, селѣ Измайловѣ... „Когда мы побыли немного въ пріемной комнатѣ, герцогиня (Мекленбургская, — дочь вдовствующей царицы) повела насъ въ спальню, гдѣ полъ былъ устланъ краснымъ сукномъ, еще довольно новымъ и чистымъ (вообще же убранство ихъ комнатъ вездѣ очень плохо), и показывала тамъ свою собственную постель и постель маленькой своей дочери", „потомъ заставила какого-то полуслѣпаго, грязнаго и страшно вонявшаго чеснокомъ и пóтомъ бандуриста довольно долго играть и пѣть свои и сестры своей, Прасковьи, любимыя пѣсни, которыя, кажется, всѣ были сальны, потому что принцесса Прасковья уходила изъ комнаты, когда онъ начиналъ нѣкоторыя изъ нихъ, и опять возвращалась, когда ихъ оканчивалъ. Но я еще болѣе удивился, увидѣвъ, что у нихъ по комнатамъ разгуливаетъ босикомъ какая-то старая, слѣпая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кромѣ рубашки." „Принцесса часто заставляетъ плясать передъ собою эту тварь, и ей достаточно сказать одно слово, чтобы видѣть, какъ она тотчасъ поднимаетъ спереди и сзади свои вонючія лохмотья..."

Можетъ ли быть что-нибудь безобразнѣе такихъ нра-

вовъ! долженъ воскликнуть, читая это, человѣкъ нашего времени. Дѣйствительно, картина, которую мы представили, необольстительна; но внимательно разсматривая ее, мы въ ней же самой найдемъ и черты симпатичныя. Этотъ старый бандуристъ, эта женщина, слѣпая и оборванная, находятъ и пріютъ и пропитаніе въ хоромахъ царицы Прасковьи. И не у нея одной находили помощь и призрѣніе эти бѣдные люди: у всѣхъ царицъ и царевенъ были свои нищіе, юродивые и приживалки. Подобно этому, и всѣ богатые люди считали священною обязанностью призрѣвать убогихъ, увѣчныхъ и странныхъ, подавать щедрыя милостыни въ большіе праздники, въ поминальные дни, въ родительскую субботу; за столъ генерала Апраксина, Шереметева и многихъ другихъ богачей того времени не рѣдко садились люди вовсе незнакомые хозяину; множество бѣдныхъ родственниковъ жили на ихъ счетъ; много случаевъ можно привести, что богатый вельможа, за оказанную ему услугу, дарилъ имѣніе, устраивавшее судьбу бѣдняка съ его семействомъ. Далѣе: эти родовитые, богатые бояре, считавшіе между своими предками Владиміра святаго и Рюрика, умѣли иногда говорить суровую правду самому царю, идти подъ гнѣвъ его, когда они считали это полезнымъ для отечества. „Правда — царю лучшій другъ", говаривалъ князь Яковъ Долгоруковъ; говорилъ и дѣлалъ. Въ Петербургѣ оказался однажды недостатокъ въ мукѣ, Новгороду угрожалъ голодъ; въ сенатѣ состоялся по этому случаю указъ — собрать по четверику ржи съ крестьянъ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей, и указъ этотъ былъ одобренъ Царемъ. Чтò же дѣлаетъ Долгоруковъ? Онъ не присутствовалъ въ сенатѣ въ тотъ день, когда это дѣло было обсуждаемо, а когда ему предложили подписать состояв-

шійся по немъ протоколъ, онъ запечаталъ его, и тѣмъ пріостановилъ его исполненіе. Съѣхались сенаторы, прибылъ Царь, и узнаютъ, что Долгоруковъ запечаталъ одобренный сенатомъ и Царемъ указъ. Шлютъ за нимъ; не заставъ его дома, посылаютъ его отыскивать и, найдя въ церкви, требуютъ въ сенатъ. — „Воздадите Божіе Богови", говоритъ старикъ посланному и остается дослушивать обѣдню. Три раза Царь посылалъ за нимъ, но Долгоруковъ явился въ сенатъ только по окончаніи литургіи. Царь, говорятъ, кинулся на него съ поднятою рукой, но Долгоруковъ спокойно взглянулъ на пылающее гнѣвомъ лицо его и сказалъ: „вотъ грудь моя; но ты будешь Александръ, а я Клитъ" (*). За тѣмъ онъ объяснилъ, что, не обременяя новыми поборами раззоренныхъ уже крестьянъ, можно, до прибытія ожидаемыхъ транспортовъ съ хлѣбомъ, позаимствовать изъ богатыхъ житницъ Меншикова и другихъ вельможъ, не исключая и его самого, Долгорукова. Выслушавъ это, Царь обнялъ его и исполнилъ по его совѣту. Часто спорилъ этотъ правдивый старикъ съ Государемъ и нерѣдко выводилъ его изъ терпѣнія. Говорятъ, однажды, въ спорѣ съ нимъ, Царь схватился за кортикъ; Долгоруковъ остановилъ его руку и сказалъ: „Постой, Государь! честь твоя дороже мнѣ моей жизни. Если голова моя тебѣ нужна, то не дѣйствуй руками, а вели палачу отсѣчь мнѣ голову на площади: тогда еще подумаютъ, что я казненъ за какое-нибудь важное преступленіе; судить же меня съ тобою будетъ одинъ Богъ...."

Въ обществѣ, въ которомъ встрѣчались такія черты

(*) Александръ Македонскій, въ гнѣвѣ на преданнаго ему Клита, за противорѣчіе, убилъ его.

самоотверженія, такія выходки смѣлой правды, существовали добрыя основы. Притомъ имѣемъ ли мы право слишкомъ строго порицать прошедшее время? Всякій вѣкъ имѣетъ свои понятія и свои обычаи; мы теперь думаемъ, что скопленіе большихъ богатствъ въ немногихъ рукахъ вредно для общаго благосостоянія; что богачи и вельможи, давая пріютъ толпамъ бѣдняковъ въ своихъ хоромахъ и питая ихъ крохами отъ своего стола, не выкупаютъ этимъ униженія, которому они подвергаютъ принимающихъ эти благодѣянія, что безразборчивое подаяніе поощряетъ праздность и т. п. Но предки наши этого не думали и, дѣлая иначе нежели мы, полагали, что дѣлаютъ хорошо. Какъ же винить ихъ? Наши понятія вѣрнѣе, чище, благотворнѣе, положимъ; но такъ и должно быть: иначе намъ было бы стыдно передъ нашими предками; это значило бы, что полтораста лѣтъ прошли для насъ даромъ. Исторія, раскрывая намъ то что̀ дѣлали и какъ думали люди прошедшихъ временъ, научаетъ насъ съ тѣмъ вмѣстѣ быть снисходительными къ нимъ, строгими же только къ себѣ. Наконецъ, всматриваясь пристально въ представленную нами картину Петровской ассамблеи, мы замѣтимъ въ ней зародыши тѣхъ понятій, которыми теперь справедливо гордимся: мы видѣли въ числѣ приближенныхъ Царя, въ числѣ людей, имъ отличенныхъ, рядомъ съ Долгоруковыми и Шереметевыми, — Ягужинскаго, про котораго никто не знаетъ, когда, гдѣ и отъ кого онъ родился, Шафирова, про котораго говорили одни, что онъ сынъ сидѣльца, другіе, что онъ „жидовинъ", Остермана, иностранца и иновѣрца,—словомъ пеструю смѣсь людей всѣхъ племенъ и состояній, возвышенныхъ только за заслуги и за пользу, которую они приносили общему дѣлу.

и остротъ, какъ онъ лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, въ лаптяхъ и сермягѣ, ходилъ съ крестьянскими ребятишками *по грибы?* Это Ушаковъ, весельчакъ и разскащикъ, и въ то же время довѣренное лицо Царя по разнымъ слѣдствіямъ и дознаніямъ, будущій преемникъ Толстаго въ управленіи тайнымъ приказомъ, одинаково развязный на ассамблеѣ и въ застѣнкѣ, человѣкъ, безъ котораго въ теченіе 25 лѣтъ не обходилось ни одно важное *розыскное* кровавое дѣло, впрочемъ неподкупно-честный и очень умный. Вотъ честный Вейде, вотъ ученый Брюсъ, вотъ маленькій, смуглый, вертлявый Португалецъ Девьеръ, петербургскій генералъ-полицеймейстеръ, недавно получившій нѣсколько добрыхъ ударовъ знаменитой царской дубинки за неисправное состояніе улицъ, что̀, впрочемъ, ни мало не конфузитъ его и не возбуждаетъ негодованія съ чьей бы ни было стороны. Его поддразниваютъ только три привилегированные шута царскіе, между которыми мы узнали Лакосту, *царя Самоѣдскаго,* и Балакирева, остроумныя выходки котораго, собранныя и напечатанныя, долго читались всею Россіей. Кого же мы еще находимъ въ ассамблеѣ? Мы не отыскиваемъ многихъ изъ нашихъ старыхъ знакомцевъ, первыхъ сотрудниковъ Петра — Лефорта, Головина, Ромодановскаго, Стрѣшнева: всѣ они сошли въ могилу. Изъ старыхъ слугъ Петровыхъ мы замѣчаемъ только двухъ: они сидятъ вмѣстѣ, одинъ съ доброю, хотя и серьезною физіономіей и съ Мальтійскимъ крестомъ на груди, — это Шереметевъ, а другой, съ строгимъ выраженіемъ лица и длиннѣйшими усами, — князь Яковъ Долгоруковъ, котораго Царь въ шутку называлъ *дядею.*

Но что̀ это за шумъ въ танцовальной залѣ?.. Какой-то танцоръ не сдѣлалъ трехъ указанныхъ реверансовъ

своей дамѣ, по поводу чего нѣсколько веселыхъ голосовъ зашумѣло вокругъ него: штрафъ, штрафъ съ него *большаго орла!* — Большаго орла! раздался голосъ Царя, и въ одну минуту принесенъ былъ огромнѣйшій кубокъ, имѣвшій форму орла; нѣсколько бутылокъ венгерскаго вина было въ него влито, и Царь самъ подалъ его проштрафившемуся, говоря: пей, братъ. Какъ ни умолялъ и какъ ни отнѣкивался этотъ послѣдній, надо было отбыть штрафъ: онъ блѣднѣлъ, задыхался, едва переводилъ духъ, наконецъ осушилъ исполинскій кубокъ, и съ трудомъ отойдя нѣсколько шаговъ, рухнулся, какъ мертвый, при всеобщемъ хохотѣ...

Пить безъ мѣры не казалось предосудительнымъ, и послѣдствія пьянства не производили на зрителей омерзѣнія; напротивъ, Царь, напримѣръ, находилъ особенное удовольствіе быть свидѣтелемъ пьяныхъ сценъ; изъ самыхъ отъявленныхъ пьяницъ была имъ устроена такъ-называемая „всепьянѣйшая коллегія кардиналовъ“, предсѣдателемъ которой былъ старый учитель его, Зотовъ, подъ именемъ „князь-папы“. Мы не станемъ описывать этой пьяной компаніи: она слишкомъ отвратительна; скажемъ только, что подобные грубые нравы были принадлежностью не одного Петербурга; почти то же самое было во всей Германіи, при всѣхъ дворахъ, кромѣ развѣ Дрезденскаго и Вѣнскаго, гдѣ непохвальные нравы были прикрыты изяществомъ формъ.

Иное, но не лучшее, было и въ Москвѣ, гдѣ господствовали собственно наши, старинные нравы: тѣ же попойки, тотъ же грубый разгулъ, только безъ женщинъ, которыхъ присутствіе все-таки сдерживало въ нѣкоторыхъ границахъ необузданность мужчинъ. У *князя-кесаря* (Ромодановскаго), напримѣръ, были точно такія же попойки, какъ у петербургскихъ сановни-

ковъ, съ тою притомъ прибавкой, что водку у него подносили гостямъ *ручные медвѣди!..* Во дворъ этого дикаго оригинала ни одинъ человѣкъ въ Москвѣ не смѣлъ въѣхать въ экипажѣ, а долженъ былъ вылѣзать у воротъ и идти черезъ весь дворъ пѣшкомъ, какова бы ни была погода...

Какъ образчикъ жизни знатныхъ людей изъ приверженцевъ старины, выпишемъ нѣсколько извѣстій, сохранившихся въ дневникѣ одного современнаго иностранца, Берхгольца, о посѣщеніи имъ царицы Прасковьи въ любимомъ мѣстопребываніи ея, селѣ Измайловѣ... „Когда мы побыли немного въ пріемной комнатѣ, герцогиня (Мекленбургская, — дочь вдовствующей царицы) повела насъ въ спальню, гдѣ полъ былъ устланъ краснымъ сукномъ, еще довольно новымъ и чистымъ (вообще же убранство ихъ комнатъ вездѣ очень плохо), и показывала тамъ свою собственную постель и постель маленькой своей дочери“, „потомъ заставила какого-то полуслѣпаго, грязнаго и страшно вонявшаго чеснокомъ и пóтомъ бандуриста довольно долго играть и пѣть свои и сестры своей, Прасковьи, любимыя пѣсни, которыя, кажется, всѣ были сальны, потому что принцесса Прасковья уходила изъ комнаты, когда онъ начиналъ нѣкоторыя изъ нихъ, и опять возвращалась, когда ихъ оканчивалъ. Но я еще болѣе удивился, увидѣвъ, что у нихъ по комнатамъ разгуливаетъ босикомъ какая-то старая, слѣпая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кромѣ рубашки.“ „Принцесса часто заставляетъ плясать передъ собою эту тварь, и ей достаточно сказать одно слово, чтобы видѣть, какъ она тотчасъ поднимаетъ спереди и сзади свои вонючія лохмотья...“

Можетъ ли быть что-нибудь безобразнѣе такихъ нра-

вовъ! долженъ воскликнуть, читая это, человѣкъ нашего времени. Дѣйствительно, картина, которую мы представили, необольстительна; но внимательно разсматривая ее, мы въ ней же самой найдемъ и черты симпатичныя. Этотъ старый бандуристъ, эта женщина, слѣпая и оборванная, находятъ и пріютъ и пропитаніе въ хоромахъ царицы Прасковьи. И не у нея одной находили помощь и призрѣніе эти бѣдные люди: у всѣхъ царицъ и царевенъ были свои нищіе, юродивые и приживалки. Подобно этому, и всѣ богатые люди считали священною обязанностью призрѣвать убогихъ, увѣчныхъ и странныхъ, подавать щедрыя милостыни въ большіе праздники, въ поминальные дни, въ родительскую субботу; за столъ генерала Апраксина, Шереметева и многихъ другихъ богачей того времени не рѣдко садились люди вовсе незнакомые хозяину; множество бѣдныхъ родственниковъ жили на ихъ счетъ; много случаевъ можно привести, что богатый вельможа, за оказанную ему услугу, дарилъ имѣніе, устраивавшее судьбу бѣдняка съ его семействомъ. Далѣе: эти родовитые, богатые бояре, считавшіе между своими предками Владиміра святаго и Рюрика, умѣли иногда говорить суровую правду самому царю, идти подъ гнѣвъ его, когда они считали это полезнымъ для отечества. „Правда — царю лучшій другъ“, говаривалъ князь Яковъ Долгоруковъ; говорилъ и дѣлалъ. Въ Петербургѣ оказался однажды недостатокъ въ мукѣ, Новгороду угрожалъ голодъ; въ сенатѣ состоялся по этому случаю указъ — собрать по четверику ржи съ крестьянъ ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей, и указъ этотъ былъ одобренъ Царемъ. Что же дѣлаетъ Долгоруковъ? Онъ не присутствовалъ въ сенатѣ въ тотъ день, когда это дѣло было обсуждаемо, а когда ему предложили подписать состояв-

Иванѣ Грозномъ, сохранилось въ народѣ довольно много преданій, разсказовъ и пѣсенъ, которыя записаны въ послѣднее время со словъ великорусскихъ крестьянъ; но всѣ эти памятники народной литературы составляли исключительно литературу изустную, передававшуюся отъ поколѣнія къ поколѣнію безъ всякаго пособія печатнаго станка. Московскій Печатный Дворъ до половины XVII вѣка занимался только богослужебными и вообще церковными книгами, перепечатывая ихъ, да и то не очень дѣятельно.

Но вотъ случилось нѣчто живо затронувшее нашихъ предковъ: это былъ расколъ. Нѣсколько лицъ, преимущественно духовнаго званія, пораженныхъ перемѣнами, которыя были введены при патріархѣ Никонѣ въ церковные обряды и въ священныя книги, громко возроптали; другіе духовные и свѣтскіе люди примкнули къ нимъ, и народъ одушевился. Протопопъ Аввакумъ, дьяконъ Θеодоръ,—сначала изъ среды самой Москвы, а потомъ изъ ссылки, куда они были отправлены, какъ противники церковнаго собора и свѣтской власти,—писали пламенныя воззванія, призывая народъ не поддаваться „антихристовой прелести". Они начали справляться съ прежде напечатанными книгами, съ окружными грамотами прежнихъ патріарховъ, съ писаніями отцовъ церкви, и, находя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подтвержденія своимъ мыслямъ, открыли горячую, энергическую полемику противъ постановленій Московскаго собора и утвержденныхъ имъ перемѣнъ, и эти писанія, эти богословскія толкованія читались со вниманіемъ, съ участіемъ, тайно переписывались во множествѣ экземпляровъ и производили глубокое впечатлѣніе.

Не могла, съ своей стороны, и православная церковь не откликнуться. Она говорила сомнѣвавшимся:

самоотверженія, такія выходки смѣлой правды, существовали добрыя основы. Притомъ имѣемъ ли мы право слишкомъ строго порицать прошедшее время? Всякій вѣкъ имѣетъ свои понятія и свои обычаи; мы теперь думаемъ, что скопленіе большихъ богатствъ въ немногихъ рукахъ вредно для общаго благосостоянія; что богачи и вельможи, давая пріютъ толпамъ бѣдняковъ въ своихъ хоромахъ и питая ихъ крохами отъ своего стола, не выкупаютъ этимъ униженія, которому они подвергаютъ принимающихъ эти благодѣянія, что безразборчивое подаяніе поощряетъ праздность и т. п. Но предки наши этого не думали и, дѣлая иначе нежели мы, полагали, что дѣлаютъ хорошо. Какъ же винить ихъ? Наши понятія вѣрнѣе, чище, благотворнѣе, положимъ; но такъ и должно быть: иначе намъ было бы стыдно передъ нашими предками; это значило бы, что полтораста лѣтъ прошли для насъ даромъ. Исторія, раскрывая намъ то что̀ дѣлали и какъ думали люди прошедшихъ временъ, научаетъ насъ съ тѣмъ вмѣстѣ быть снисходительными къ нимъ, строгими же только къ себѣ. Наконецъ, всматриваясь пристально въ представленную нами картину Петровской ассамблеи, мы замѣтимъ въ ней зародыши тѣхъ понятій, которыми теперь справедливо гордимся: мы видѣли въ числѣ приближенныхъ Царя, въ числѣ людей, имъ отличенныхъ, рядомъ съ Долгоруковыми и Шереметевыми, — Ягужинскаго, про котораго никто не знаетъ, когда, гдѣ и отъ кого онъ родился, Шафирова, про котораго говорили одни, что онъ сынъ сидѣльца, другіе, что онъ „жидовинъ“, Остермана, иностранца и иновѣрца,—словомъ пеструю смѣсь людей всѣхъ племенъ и состояній, возвышенныхъ только за заслуги и за пользу, которую они приносили общему дѣлу.

XXIII.

Литература въ концѣ XVII и первой четверти XVIII вѣка.— Патріотическое и литературное движеніе въ южной Руси. — Слабость литературы въ Московскомъ царствѣ. — Расколъ возбуждаетъ умы и пораждаетъ литературу. — Аввакумъ и другіе раскольничьи писатели.— Сочиненія противъ раскола.—Литературно-богословскіе споры Медвѣдева и Лихудовъ. — Духовная литература при Петрѣ. — Со временъ Петра начинаютъ появляться интересы болѣе разнообразные; народныя пѣсни о Шведской войнѣ и пр.; книги свѣтскаго содержанія; переводы иностранныхъ сочиненій и газеты. — Вліяніе ихъ на распространеніе просвѣщенія и развитіе понятій.—Искусства: музыка, скульптура, живопись, архитектура. — Театръ. — Школы. — Просвѣщеніе дѣйствуетъ не на всю массу народа.

Мы видѣли (вып. II гл. XVII), что южно-русскій народъ во время подчиненія своего Польшѣ былъ принужденъ отстаивать свой языкъ и свою вѣру; мы видѣли, что въ виду возводимыхъ католическихъ монастырей и церквей, возводились православные монастыри и церкви, и что при нихъ устраивались школы. Гдѣ школы, тамъ является наука, знаніе; ученые монахи писали богословскія сочиненія, въ которыхъ отстаивали права восточнаго православія предъ католичествомъ и уніей; другіе обращались къ патріотическому чувству народа, старались поддержать чувство русской національности, и народъ дружно отвѣтствовалъ на эти воззванія. Можно сказать, что все южно-русское населеніе было одушевлено общимъ религіознымъ и патріотическимъ духомъ, который и выразился въ его литературѣ. Въ нынѣшнихъ малороссійскихъ губерніяхъ, въ Подоліи, на Волыни и теперь еще поются пѣсни и разсказываются *казанья*, прославляющія *хмельничину*, побѣды казаковъ надъ Поляками; первая исторія Россіи, какъ мы уже знаемъ, была написана кіевскимъ митрополи-

томъ Гизелемъ. Богатые паны, изъ числа тѣхъ, которые не утратили русской національности, на свои собственныя деньги заводили школы; гетманы покровительствовали просвѣщенію, и не было болѣе популярныхъ людей на Украйнѣ, какъ *бурсаки*, т.-е. воспитанники духовныхъ школъ. Они ходили небольшими ватагами по городамъ и селамъ, распѣвая *вирши* и *канты*, по большей части духовнаго содержанія, которые и до сего времени сохраняются въ народной памяти; о Рождествѣ они носили *вертепы*,—обычай мѣстами сохранившійся и доселѣ; лѣтомъ же, расходясь изъ школы на вакаціи, они дѣлали длинныя путешествія, добывая пріютъ и пропитаніе *маркованьемъ* (пѣньемъ) тѣхъ же виршей и кантовъ. „Хозяинъ хаты, какой-нибудь старый казакъ-поселянинъ,—говоритъ объ этомъ Гоголь,—долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками; потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ обращаясь къ своей женѣ: жинко! то, что̀ поютъ школяры, должно быть очень разумное; вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что̀ у насъ есть. И цѣлая миска варениковъ валилась въ мѣшокъ странниковъ-пѣвцовъ...“

Такимъ образомъ, можно сказать, одинъ пульсъ бился во всей Украйнѣ въ XVII вѣкѣ; проповѣдь, пѣсня, *казанье* проникали во всѣ слои ея народонаселенія.

Совсѣмъ другое было въ старомъ Московскомъ государствѣ. Великорусское племя, болѣе практичное, но менѣе поэтическое чѣмъ южное, равнодушнѣе относилось къ своей исторіи, чему причиной могло быть и то, что политическими судьбами Московскаго царства управляли цари и немногіе ихъ бояре-совѣтники, тогда какъ южно-руссы сами, такъ-сказать, творили свою исторію. Правда, о нѣкоторыхъ очень крупныхъ историческихъ событіяхъ и лицахъ, какъ напримѣръ объ

Иванѣ Грозномъ, сохранилось въ народѣ довольно много преданій, разсказовъ и пѣсенъ, которыя записаны въ послѣднее время со словъ великорусскихъ крестьянъ; но всѣ эти памятники народной литературы составляли исключительно литературу изустную, передававшуюся отъ поколѣнія къ поколѣнію безъ всякаго пособія печатнаго станка. Московскій Печатный Дворъ до половины XVII вѣка занимался только богослужебными и вообще церковными книгами, перепечатывая ихъ, да и то не очень дѣятельно.

Но вотъ случилось нѣчто живо затронувшее нашихъ предковъ: это былъ расколъ. Нѣсколько лицъ, преимущественно духовнаго званія, пораженныхъ перемѣнами, которыя были введены при патріархѣ Никонѣ въ церковные обряды и въ священныя книги, громко возроптали; другіе духовные и свѣтскіе люди примкнули къ нимъ, и народъ одушевился. Протопопъ Аввакумъ, дьяконъ Ѳеодоръ,—сначала изъ среды самой Москвы, а потомъ изъ ссылки, куда они были отправлены, какъ противники церковнаго собора и свѣтской власти,—писали пламенныя воззванія, призывая народъ не поддаваться „антихристовой прелести“. Они начали справляться съ прежде напечатанными книгами, съ окружными грамотами прежнихъ патріарховъ, съ писаніями отцовъ церкви, и, находя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подтвержденія своимъ мыслямъ, открыли горячую, энергическую полемику противъ постановленій Московскаго собора и утвержденныхъ имъ перемѣнъ, и эти писанія, эти богословскія толкованія читались со вниманіемъ, съ участіемъ, тайно переписывались во множествѣ экземпляровъ и производили глубокое впечатлѣніе.

Не могла, съ своей стороны, и православная церковь не откликнуться. Она говорила сомнѣвавшимся:

васъ смущаетъ мысль, что въ церковныхъ обрядахъ допущены нововведенія; знайте: это не нововведенія, а возстановленіе того, что̀ было установлено первыми отцами церкви; противники наши ссылаются на прежнихъ патріарховъ московскихъ: но при нихъ-то, по невѣжеству тогдашнихъ грамотѣевъ, и допущены были грубыя ошибки, которыя мы исправляемъ теперь. Въ такомъ смыслѣ была написана, подъ руководствомъ патріарха Іоакима, книга, называемая *Увѣтъ духовный*.

Подобныя сочиненія имѣютъ достоинства учености, но они писаны витіеватымъ языкомъ, который дѣлалъ ихъ малодоступными для большинства народа. Напротивъ того, старообрядческія возраженія были нерѣдко писаны такъ, что читались безъ затрудненія даже простыми, необразованными людьми. Этимъ качествомъ особенно отличались сочиненія Аввакума; онъ писалъ, какъ говорилъ: языкомъ отрывистымъ, неправильнымъ, пересыпаннымъ простонародными присловьями, выраженіями грубыми и даже бранными: такъ въ спорѣ своемъ съ другимъ учителемъ раскола, Ѳеодоромъ, онъ безъ церемоніи называетъ его *собакою*. Въ тѣ грубыя времена это не могло никого непріятно поразить, но строки, подобныя нижеслѣдующимъ, конечно, глубже входили въ душу читателя, нежели витіеватые періоды тогдашнихъ грамотѣевъ: „Хотя и бить станутъ, и жечь, — пишетъ въ одномъ изъ своихъ посланій Аввакумъ, — ино слава Господу Богу о семъ. Почто лучше сего? съ мученики въ чинъ, съ апостолы въ полкъ, со святители въ ликъ! А въ огнѣ-то здѣсь небольшое время потерпѣть. Аки о́комъ мигнуть: такъ душа и выступитъ, — развѣ тебѣ неразумно (непонятно)? Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нее, небось! До пещи страхъ-отъ, а егда въ нее вошелъ, тогда и забылъ вся:

Матвѣева оставилъ послѣ себя очень любопытное описаніе стрѣлецкихъ мятежей 1682 года и своего пребыванія въ Парижѣ; нѣкоторые изъ молодыхъ людей, выведенныхъ Петромъ изъ ничтожества, записали и сохранили для потомства много любопытныхъ и важныхъ свѣдѣній какъ о немъ самомъ, такъ и о его времени. Наконецъ къ этому же времени относится и первое историческое сочиненіе о Россіи вообще, первая исторія Россіи, написанная однимъ изъ ея гражданъ. Мы уже знаемъ, что подобное сочиненіе было составлено преосвященнымъ Гизелемъ, но онъ не былъ, какъ мы тоже знаемъ, русскимъ подданнымъ, русскимъ гражданиномъ. При Петрѣ написано было *Ядро Россійской исторіи* однимъ изъ членовъ нашего посольства въ Стокгольмѣ, захваченнаго при началѣ Сѣверной войны и подвергнутаго заточенію. Долго думали, что *Ядро* написано княземъ Хилковымъ, но недавно открыто, что настоящее имя нашего перваго, хоть конечно и очень несовершеннаго, исторіографа есть Макѣевъ или Манкѣевъ (*).

(*) Исторія эта такъ мало похожа на исторію, какъ ее пишутъ въ наше время, что любопытно имѣть о ней нѣкоторое понятіе. Авторъ начинаетъ,—какъ, впрочемъ, и вообще начинались историческія сочиненія его времени,—съ Адама. Послѣ потопа, говоритъ далѣе Макѣевъ, „Ное, взявъ съ собою сыновъ и множество людей, пошелъ къ морю Средиземному и, пересмотрѣвъ всѣ того моря берега и показавъ селенія трехъ міра частей, земли множеству такому раздѣлить умыслилъ: и такъ первому сыну своему, Симу, Азію всю большую, отъ Нила-рѣки даже до восточныхъ Индіи концовъ въ стяжаніе далъ. Другому сыну, Хаму, Аѳрику со всѣми странами отъ рѣки Нила даже до тѣснотъ Кадикскихъ или Гибралтарскихъ и окіана отдалъ". Наконецъ третій, Іаѳетъ, получилъ, по свидѣтельству нашего историка, Европу. У Іаѳета было 7 сыновъ: „Гомеръ, — отъ него Кимиріане, Моготъ, — отъ него Готы или Готѳы и Шведы, Мадаинъ, — отъ него

скій споръ, который былъ вмѣненъ послѣднему въ преступленіе, когда пали его покровители, царевна Софія и Шакловитый. Съ другой стороны, ростовскій митрополитъ Св. Димитрій написалъ изслѣдованіе о расколѣ подъ заглавіемъ *Розыскъ о раскольничьей Брынской вѣрѣ*, а позднѣе нижегородскій епископъ Питиримъ — возраженіе на ученіе раскольниковъ, названное имъ *Пращицею*. Борясь противъ раскола, духовные писатели начинали расходиться съ нимъ и по такимъ предметамъ, по которымъ въ прежнее время были съ нимъ вполнѣ согласны: такъ Св. Димитрій написалъ книгу, въ которой опровергалъ тѣхъ, которые придавали бородѣ священное значеніе. Это сочиненіе, называющееся *Объ образѣ Божіи*, рѣзко противорѣчило тому, что̀ проповѣдывалось духовенствомъ при царяхъ Алексѣѣ и Ѳеодорѣ, относится уже къ началу эпохи нововведеній и обозначаетъ поворотъ, обнаружившійся и въ самой духовной литературѣ, которая обогатилась между тѣмъ обширнымъ собраніемъ *Житій святыхъ* (Четьи-минеи), составленнымъ тѣмъ же архипастыремъ.

До сего времени, какъ мы видимъ, въ великорусской литературѣ господствовалъ одинъ интересъ — религіозный; Полоцкій и Медвѣдевъ написали, правда, нѣсколько виршей, а первый даже и драмъ, но онѣ мало кѣмъ читались и не заслуживаютъ большаго вниманія. Въ зимній вечеръ, особенно о святочную пору, и въ лачугѣ и въ хоромахъ разсказывались сказки о колдунахъ и чародѣяхъ, о сильно-могучихъ богатыряхъ и злыхъ разбойникахъ; но затрогивали душу, приводили умы въ движеніе, возбуждали страсти, исключительно разсказы и книги религіознаго содержанія, какъ напримѣръ, житія угодниковъ, разсказы паломниковъ и раскольничьихъ грамотѣевъ. Достовѣрно можно сказать,

что въ допетровской Руси религія была главнымъ, едва ли не единственнымъ общимъ интересомъ. Не ранѣе какъ съ появленіемъ Петра стали входить въ жизнь нашу новые интересы. Народъ откликнулся на нихъ и сталъ слагать пѣсни о славной войнѣ съ Швеціей, о построеніи Петербурга, о спускѣ кораблей и т. п. Нельзя сказать, чтобы народныя пѣсни клонились къ прославленію всѣхъ этихъ новинъ: напротивъ, въ нихъ нерѣдко слышались горькія жалобы; но по крайней мѣрѣ что-то новое расшевелило, затронуло народъ, подобно тому какъ за полвѣка передъ тѣмъ затронулъ его расколъ.

Съ другой стороны, и печатная литература, чрезвычайно слабая въ прежнія времена, какъ уже мы знаемъ, получила при Петрѣ очень чувствительный толчокъ. Учредивъ школы, Царь долженъ былъ приказать составлять учебники и словари; а чтобы доставить книги для чтенія вообще всѣмъ грамотнымъ людямъ и распространить любовь къ знанію, онъ отыскивалъ людей знающихъ иностранные языки между бывшими воспитанниками Кіевской академіи, между людьми побывавшими за границею, даже между плѣнными Шведами, и поручалъ имъ переводить книги историческія, путешествія, сочиненія о военномъ и морскомъ искусствѣ, объ архитектурѣ и т. п. Онъ не только указывалъ тѣ сочиненія, которыя считалъ нужнымъ перевести, но самъ иногда поправлялъ труды своихъ неискусныхъ переводчиковъ. „Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ,— писалъ онъ одному изъ нихъ,—но точно сіе выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть". Желая расширить кругъ понятія своихъ подданныхъ, доставляя имъ возможность знать день за днемъ, что̀ дѣлается въ чужихъ краяхъ, онъ приказалъ

издавать газету *(С.-Петербургскія Вѣдомости)*, которая должна была знакомить народъ съ современнымъ состояніемъ Европы, сообщать извѣстія съ театра нашей войны со Шведами, извѣщать о войнѣ и мирѣ между другими народами, о ходѣ торговли на разныхъ пунктахъ Европы и т. п. Для этого была учреждена въ Петербургѣ особая типографія, да и древніе станки Московскаго Печатнаго Двора стали работать съ удвоенною скоростію; а чтобы выпускаемыя въ свѣтъ изданія покупались и читались, Царь приказалъ продавать ихъ по возможно-дешевой цѣнѣ и, вмѣсто стариннаго, славянскаго, некрасиваго и неудобнаго шрифта, ввелъ новый, нынѣ употребляемый.

Творя исторію, Петръ естественно долженъ былъ желать, чтобъ его дѣянія были занесены въ исторію и чтобъ они освѣщены были тѣмъ самымъ воззрѣніемъ, какое онъ имѣлъ на нихъ. Подобныя исторіи, составляемыя подъ руководствомъ самихъ историческихъ дѣятелей, не могутъ, конечно, считаться образцами безпристрастія, но онѣ суть драгоцѣннѣйшіе матеріалы для историка позднѣйшихъ временъ. Первый опытъ въ такомъ родѣ представляетъ записка о причинахъ Шведской войны, составленная Шафировымъ, второй — исторія этой войны, составленная, по указаніямъ Царя, его секретаремъ Макаровымъ, изданная уже при Екатеринѣ I подъ именемъ *Журнала.* А такъ какъ великія политическія событія, совершавшіяся въ это время въ Россіи, и коснувшееся ея просвѣщеніе возбудили и въ частныхъ людяхъ интересъ къ политической жизни, и такъ какъ многимъ приходилось въ это время быть не только свидѣтелями, но и участниками событій высокой важности,то естественно стало имъ приходить желаніе записывать то что̀ они знали и видѣли. Такъ сынъ Артамона

Матвѣева оставилъ послѣ себя очень любопытное описаніе стрѣлецкихъ мятежей 1682 года и своего пребыванія въ Парижѣ; нѣкоторые изъ молодыхъ людей, выведенныхъ Петромъ изъ ничтожества, записали и сохранили для потомства много любопытныхъ и важныхъ свѣдѣній какъ о немъ самомъ, такъ и о его времени. Наконецъ къ этому же времени относится и первое историческое сочиненіе о Россіи вообще, первая исторія Россіи, написанная однимъ изъ ея гражданъ. Мы уже знаемъ, что подобное сочиненіе было составлено преосвященнымъ Гизелемъ, но онъ не былъ, какъ мы тоже знаемъ, русскимъ подданнымъ, русскимъ гражданиномъ. При Петрѣ написано было *Ядро Россійской исторіи* однимъ изъ членовъ нашего посольства въ Стокгольмѣ, захваченнаго при началѣ Сѣверной войны и подвергнутаго заточенію. Долго думали, что *Ядро* написано княземъ Хилковымъ, но недавно открыто, что настоящее имя нашего перваго, хоть конечно и очень несовершеннаго, исторіографа есть Макѣевъ или Манкѣевъ (*).

(*) Исторія эта такъ мало похожа на исторію, какъ ее пишутъ въ наше время, что любопытно имѣть о ней нѣкоторое понятіе. Авторъ начинаетъ,—какъ, впрочемъ, и вообще начинались историческія сочиненія его времени,—съ Адама. Послѣ потопа, говоритъ далѣе Макѣевъ, „Ное, взявъ съ собою сыновъ и множество людей, пошелъ къ морю Средиземному и, пересмотрѣвъ всѣ того моря берега и показавъ селенія трехъ міра частей, земли множеству такому раздѣлить умыслилъ: и такъ первому сыну своему, Симу, Азію всю большую, отъ Нила-рѣки даже до восточныхъ Индіи концовъ въ стяжаніе далъ. Другому сыну, Хаму, Африку со всѣми странами отъ рѣки Нила даже до тѣснотъ Кадикскихъ или Гибралтарскихъ и океана отдалъ". Наконецъ третій, Іафетъ, получилъ, по свидѣтельству нашего историка, Европу. У Іафета было 7 сыновъ: „Гомеръ, — отъ него Кимиріане, Моготъ, — отъ него Готы или Готѳы и Шведы, Мадаинъ, — отъ него

Между людьми Петрова времени нѣкоторые имѣли порядочныя собранія книгъ: такова была единственно любимая Петромъ сестра его царевна Наталія; библіотеки Брюса и князя Димитрія Голицына были очень замѣчательны: первая преимущественно по естественнымъ наукамъ, а вторая по предметамъ политическимъ. Какъ у этихъ двухъ людей, извѣстныхъ своею любознательностію, такъ и у нѣкоторыхъ другихъ, находились такія книги, чтеніе которыхъ не могло остаться безъ вліянія; по сохранившимся каталогамъ того времени мы видимъ, что у нихъ находились въ переводахъ или подлинникахъ сочиненія знаменитыхъ тогдашнихъ политическихъ мыслителей, Гуго-Гроція и Пуфендорфа, Литовскій статутъ (*), Магдебургское право (**) и пр. Читая ихъ, думая надъ ними, не могли уже люди Петрова времени воображать, какъ ихъ отцы и дѣды, что во всемъ мірѣ только въ одной Россіи и есть законы мудрые, порядки хорошіе, суды правдивые. Прочитавъ, напримѣръ, сочиненіе Пуфендорфа: *Введеніе въ исто-*

Мидяне, Явонъ или Іоаннъ, — отъ него Греки и Іоніи, Ѳавелъ, — отъ него Халивіане въ Малой Азіи, которая нынѣ Натолія называется; Мосохъ или Месехъ былъ патріархъ и родоначальникъ народовъ Московскихъ, Русскихъ, Польскихъ, Волынскихъ, Ческихъ, Мазоветскіихъ (Мазовія, часть Царства Польскаго), Болгарскихъ, Сербскихъ Кроатскихъ и проч., всѣхъ, которые общесловенскій языкъ употребляютъ. *По сему явственно и не сомнительно* познать можно, что народъ Русскій начатокъ свой производитъ отъ Мосоха Яѳетовича"... И точно также мало затрудняясь повѣркою однихъ извѣстій другими, и находя *явственнымъ* и *несомнительнымъ* многое, что̀ насъ теперь приводитъ въ сомнѣніе, добродушный Макѣевъ довелъ свой разсказъ до начала Шведской войны.

(*) Законодательство в. к. Литовскаго, очень уважаемое.

(**) Городовое положеніе, которымъ управлялись германскіе города, считавшееся образцовымъ.

рію или *О естественномъ правѣ человѣка*, гдѣ разсматриваются различныя формы правленія, выгоды и невыгоды каждой изъ нихъ, обязанности и права гражданина и отношеніи его къ верховной власти, уже нельзя было удовлетвориться понятіями *Домостроя*,— книги, которая была непререкаемымъ оракуломъ людей допетровской эпохи во всемъ что̀ касалось домашней и общественной жизни. Кругъ понятій, по прочтеніи вышепомянутыхъ книгъ, естественно дѣлался обширнѣе, и человѣкъ становился способнѣе разрѣшать вопросы законодательные и административные, способнѣе принимать участіе въ политической жизни своего отечества.

Но это не все. Серьезныя, дѣльныя книги воспитываютъ и укрѣпляютъ только умъ въ человѣкѣ; нравственныя качества требуютъ еще другой пищи, и въ этомъ отношеніи играютъ большую роль изящныя искусства. Искусства эти, какъ извѣстно, не процвѣтали въ древней Руси. Судя по нашимъ великорусскимъ и украинскимъ пѣснямъ, можно думать, что намъ не чуждо музыкальное чувство; но музыка, какъ искусство, была вовсе неизвѣстна въ Россіи. Мы знали, правда, церковное пѣніе; но попытка Никона, когда онъ былъ новгородскимъ митрополитомъ, ввести нѣкоторую благозвучность въ это пѣніе, была поставлена ему въ упрекъ. Первый оркестръ, бывшій въ Россіи, заведенъ только при царѣ Алексѣѣ, Матвѣевымъ, да и тотъ состоялъ изъ органа, трубъ, барабановъ, литавръ и лишь одной скрипки. Музыкальное образованіе наше немного, правда, выиграло и при Петрѣ, и если въ бывшихъ при немъ нѣмецкихъ оркестрахъ гуденіе органа не смѣшивалось съ перекатами барабана, то литавры и трубы занимали въ нихъ первую роль. Но, по крайней мѣрѣ, оркестры заводились: каждый вельможа считалъ себя

обязаннымъ имѣть музыкантовъ, отдавалъ своихъ дворовыхъ людей „на выучку“ нѣмецкимъ музыкантамъ, и музыкальныя свѣдѣнія, равно какъ и вкусъ къ музыкѣ, распространялись.

Царь былъ охотникъ до картинъ, особенно морскихъ и такъ-называемой Фламандской школы: стѣны петергофскаго Монъ-плезира увѣшаны ими. Вслѣдъ за Царемъ, конечно, и приближенные его вельможи покупали картины и развѣшивали ихъ по стѣнамъ. Не всегда, можетъ-быть, сами владѣльцы были способны ими любоваться, но это наслажденіе могли имѣть посѣтители, и, безъ сомнѣнія, не у одного изъ числа этихъ посѣтителей въ головѣ шевелилась мысль, а въ груди чувство, глядя на глубокую синеву моря и неба, на роскошную растительность италіянскихъ пейзажей, на лица, проникнутыя выраженіемъ мысли или чувства, на жизнь, такъ-сказать, перенесенную на полотно. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что первый русскій живописецъ, Никитинъ, явился въ это время; до него были только иконописцы, люди проникнутые религіознымъ, но не художественнымъ чувствомъ; рисунки свѣтскаго или духовнаго содержанія, которые были распространены въ народѣ, и которые извѣстны подъ названіемъ „лубочныхъ“, иногда довольно замѣчательны по мысли, но и они вообще очень безобразны по выполненію.

Едва ли не больше другихъ искусствъ процвѣла при Петрѣ архитектура. Царь выписалъ изъ Франціи знаменитаго Леблона, который построилъ Петергофскій и Ораніенбаумскій дворцы (послѣдній былъ загороднымъ домомъ Меншикова), разбилъ принадлежащіе къ нимъ сады и устроилъ въ нихъ фонтаны. Въ Петербургѣ, на удивленіе не однимъ нашимъ старикамъ, возведены палаты Меншикова, церковь Свв. Пет-

ра и Павла, зданіе Двѣнадцати коллегій; въ Москвѣ—Сухарева и Меншикова башни.

Въ прежнія, допетровскія, времена тоже строились и у насъ каменные, иногда обширные, даже изящные храмы, но храмы эти строились иностранными художниками, и архитектурное искусство не вошло у насъ, какъ говорится, въ жизнь. Рѣдко кто изъ частныхъ людей возводилъ для себя каменныя палаты; еще рѣже обращались при этомъ къ помощи архитектуры: дѣло обходилось своими плотниками или каменьщиками; хоромы выводились по дѣдовскому образцу, а о вкусѣ и законахъ искусства не было здѣсь помину. Также точно и живопись: иконы,—единственныя произведенія русской кисти,—писались по образцамъ, занесеннымъ еще изъ Византіи, и близость къ жизни, свѣжесть красокъ, правильность рисунка не только не цѣнились нашими иконописцами, но напротивъ, ставились въ упрекъ, были относимы къ еретичеству. Самые строгіе въ этомъ отношеніи пюристы,—старовѣры,—и до сихъ поръ безъ ужаса не могутъ смотрѣть на нынѣшніе образа̀ и картины духовнаго содержанія.

Также думала и бо́льшая часть народа, и при Петрѣ человѣкъ болѣе многихъ современниковъ развитый, Св. Митрофанъ, епископъ воронежскій, не хотѣлъ однажды выйдти въ царскіе покои, потому что въ нихъ стояли статуи какихъ-то миѳологическихъ божествъ. Побѣдить эти предубѣжденія, мѣшавшія развитію художественнаго чувства, было дѣломъ чрезвычайно важнымъ: человѣкъ, который чувствителенъ къ художественной красотѣ, уже не варваръ, и Петръ далъ въ этомъ отношеніи Русскому народу немалый толчокъ.

Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ средствѣ, чрезвычайно сильно дѣйствующемъ на развитіе массъ: о

театрѣ. При царѣ Алексѣѣ, у его любимца Матвѣева былъ театръ; но театромъ Матвѣева пользовался одинъ только дворъ, да и не всѣ изъ числа придворныхъ посѣщали его, а тѣ лишь, которые менѣе были строги въ чистотѣ отечественныхъ преданій: царь, напримѣръ, не безъ смущенія позволялъ себѣ присутствовать на этихъ „лицедѣйствахъ", и предварительно испрашивалъ разрѣшенія своего духовника. Притомъ піесы, разыгрывавшіяся актерами Матвѣева, были исключительно духовнаго содержанія: онѣ были не что иное какъ отрывки изъ библейской исторіи, переложенные на разговоры, какіе издавна разыгрывались въ Кіевской, а потомъ въ Московской академіи; пастыри церковные, каковъ Симеонъ Полоцкій, а позднѣе Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и др., не считали неприличнымъ сочинять ихъ.

Совершенно другой характеръ далъ театру Петръ. Еще въ самые первые годы своего правленія онъ построилъ на Красной площади, въ Москвѣ, большой деревянный сарай и выписалъ изъ Германіи труппу, которая давала тамъ представленія. Какъ разыгрывали Нѣмцы-актеры русскія піесы, — можно вообразить; вѣроятно, представленія держались главнѣйше русскими учениками, отданными Нѣмцамъ „на выучку". Но не въ этомъ дѣло: для насъ особенно важно то, что театръ этотъ былъ публичный и піесы на немъ были разнообразнаго содержанія. Тамъ разыгрывались, напримѣръ, *Александръ Македонскій и Дарій*, *Бѣснованія Нерона* и другія піесы, сочиненныя самимъ содержателемъ труппы, или переводныя, между которыми была и одна комедія безсмертнаго Мольера: *Докторъ принужденный* или, какъ теперь ее называютъ, *Врачъ по неволѣ*. Доступъ въ этотъ театръ былъ открытъ всякому; город-

скія ворота (*) нарочно оставались отворенными позднѣе обыкновеннаго въ дни спектаклей, чтобы не затруднять пріѣзда. Но въ Москвѣ, строгой въ прародительскихъ преданіяхъ, нововведеніе это не имѣло большаго успѣха; оно лучше принялось въ Петербургѣ; театръ нашелъ покровителей въ семьѣ царской, и именно въ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ и въ царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, которая хотя и была женщина старыхъ понятій, но желая угодить Царю и не умѣя ни въ чемъ отказать страстно любимой дочери Екатеринѣ Іоанновнѣ, очень полюбившей театръ, позволяла устраивать спектакли въ своемъ дворцѣ. Были ль они хороши, — это другой вопросъ. Одинъ иностранецъ, приглашенный царицею, ничего, впрочемъ, не понимая, что̀ говорилось на сценѣ, но видя безобразное кривлянье актеровъ (изъ крѣпостныхъ), съ нетерпѣніемъ ждалъ конца, ворча про себя: „welch ein Hund von Comödie ist das?“ (что̀ за песъ эта комедія?)

Всѣ эти сценическія представленія, эти статуи и картины, эти книги и газеты, это развитіе искусства и науки рѣзко отличаютъ эпоху Петра отъ предшествующей. Но должно замѣтить, что этими сценическими представленіями, картинами и статуями, книгами и газетами пользовались все-таки еще немногіе; не только произведенія кисти и рѣзца, но даже книги и газеты были не по карману большинству народа, да, кромѣ того, онѣ не могли и интересовать большинство; онѣ даже казались, какъ мы видѣли, весьма и весьма многимъ неприличными, противорѣчащими стариннымъ обычаямъ и

(*) Стѣна Китай-города, такъ же какъ и та, которая находилась на мѣстѣ нынѣшнихъ бульваровъ, снабжена была воротами; отсюда существующія и понынѣ названія Тверскихъ, Арбатскихъ и другихъ Воротъ.

едва ли не еретическими. Воспитанники школъ, заведенныхъ Петромъ, его придворные, отчасти служащіе люди и иностранцы, во множествѣ нахлынувшіе въ русскую службу, пользовались ими, просвѣщались посредствомъ ихъ, а остальные, т. е. огромное большинство, ихъ чуждались. Такимъ образомъ различіе между людьми *новыми* и людьми *старыхъ обычаевъ*, начинавшее обозначаться уже при царѣ Алексѣѣ, дѣлается очень явственнымъ при Петрѣ. Тѣ, которые свыклись съ короткимъ кафтаномъ и завитымъ парикомъ, которые побывали за границею, пріобрѣли нѣкоторое образованіе и выслужили офицерскій чинъ, съ пренебреженіемъ смотрѣли на остальныхъ, а эти, въ свою очередь, смотрѣли на нихъ съ непріязнію. Такимъ образомъ хотя просвѣщеніе сдѣлало чувствительные успѣхи въ Россіи въ первую четверть XVIII вѣка, но оно не распространилось на весь народъ, а потому послужило къ его разъединенію; та цѣльность и то единство, о которомъ упоминалось въ одной изъ предшествующихъ главъ (вып. II гл. VIII) и которое до Петра обхватывало всю націю, начинаетъ послѣ него исчезать; духовенство и купечество, бывшія въ прежнія времена близкими къ дворянству, теперь стали отъ него сторониться, какъ отъ чего-то чуждаго. Великая реформа Петра, какъ отъѣзжающій локомотивъ, не могла захватить съ собою всего народа; часть его пустилась въ путь и теперь уже не далека отъ той степени цивилизаціи, на которой находятся просвѣщенные европейскіе народы; другая же часть націи либо оставалась на точкѣ отправленія, либо подвигалась очень медленно, *на долгихъ*.

Несправедливо было бы однакожь думать, что для просвѣщенія духовенства, купечества и крестьянства ничего не было сдѣлано, или, по крайней мѣрѣ, пред-

принято Царемъ. Еще въ самомъ началѣ своего царствованія, Петръ обращалъ вниманіе патріарха Адріана на недостатокъ образованія между духовенствомъ; но, какъ мы знаемъ, патріархъ этотъ не любилъ грамотѣевъ, и замѣчаніе царское осталось безъ послѣдствій. Царь продолжалъ однакожь настаивать. Онъ издалъ указъ, чтобы не посвящать безграмотныхъ въ священники, надѣясь, что образованные іереи распространятъ грамотность въ своихъ приходахъ; требовалъ, чтобы при всѣхъ архіерейскихъ домахъ непремѣнно были заведены школы для дѣтей духовнаго званія; но всѣ эти требованія плохо исполнялись, частію отъ недостатка средствъ, частію отъ равнодушія народа къ ученію, а еще болѣе отъ неохоты самого духовенства учиться и учить народъ. Даже въ концѣ Петрова царствованія, не только въ какомъ-нибудь отдаленномъ погостѣ, но въ Москвѣ не рѣдки были безграмотные попы. „Видѣлъ я, пишетъ извѣстный уже намъ Посошковъ, въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома, боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что̀ и татаркѣ противъ ея заданія (вопроса) отвѣту здраваго дать не умѣлъ“.— „Нынѣ, продолжаетъ Посошковъ, таковыхъ пресвитеровъ много, что̀ не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ что то̀ рѣченіе есть вѣра, и церковныя службы, какъ прямо отправити, не знаютъ“. Такое духовенство, конечно, не могло распространить просвѣщенія въ народѣ, а другихъ учителей по деревнямъ и селамъ достать было не откуда.

Между тѣмъ открылась война съ Швеціей; надобность въ офицерахъ артиллерійскихъ, инженерныхъ, морскихъ сдѣлалась настоятельною; Петръ началъ заводить въ Москвѣ и Петербургѣ школы навигаторскія и математическія, которыя поручилъ надзору просвѣщен-

наго Брюса; ученикамъ этихъ школъ, кромѣ службы, для которой они приготовлялись, поручалось переводить иностранныя книги, чертить ландкарты, снимать планы городовъ и т. п. Такимъ образомъ, эти школы, приготовляя инженеровъ, артиллеристовъ и морскихъ офицеровъ, воспитывая ихъ въ понятіяхъ новыхъ, дѣлая изъ нихъ то, что приверженцы старины называли „табашниками", а слѣдовательно содѣйствовали, съ одной стороны, просвѣщенію, а съ другой—тому разъединенію Русскаго народа, о которомъ выше говорено, и которому въ наше время положенъ, по счастію, конецъ освобожденіемъ крестьянъ, распространеніемъ школъ въ селеніяхъ и вообще чувствительно усилившимся развитіемъ духовныхъ силъ всей націи.

XXIV.

Птенцы Петра Великаго. — Стефанъ Яворскій. — Ѳеофанъ Прокоповичъ. — Учрежденіе синода. — Неудовольствіе народное. — Ревизія; паспорты. — Отзывы раскольниковъ объ этихъ мѣрахъ. — Отношенія правительства къ расколу и раскола къ правительству. — Расколъ раздѣляется на секты: поповщинскую и безпоповщинскую. — Сочувствіе къ раскольничьимъ понятіямъ въ народѣ.

Вокругъ Царя образовался мало-по-малу кружокъ людей болѣе или менѣе способныхъ и преданныхъ ему и его нововведеніямъ, людей, которыхъ профессоръ Соловьевъ очень удачно опредѣлилъ названіемъ „птенцовъ Петра Великаго" (*). Таковы были Головкинъ, Шафировъ, Апраксинъ, точные исполнители предначертаній Государя по дипломатической части и по устройству флота, Долгоруковы: Григорій Ѳедоровичъ, постоянный представитель Царя въ Вар-

(*) ....„Сіи птенцы гнѣзда Петрова", сказалъ еще ранѣе Пушкинъ.

шавѣ, и Василій Лукичъ, молодой еще въ то время дипломатъ, подававшій большія надежды, П. А. Толстой, одинъ изъ самыхъ способныхъ между „птенцами Петра Великаго“, и нѣк. др.; несравненно способнѣе ихъ всѣхъ былъ Меншиковъ, нерѣдко обнаруживавшій большую проницательность и умъ государственный. Но всѣ названныя нами лица были только *птенцы* Петровы, его воспитанники, его помощники, а совѣтниковъ, просвѣщенныхъ, развитыхъ людей, которые бы самому ему иногда могли подать свѣтлую мысль, и которые пользовались бы доброю славой въ народѣ, людей, какимъ, напримѣръ, былъ Матвѣевъ для Алексѣя Михайловича, у Петра не было: а для Царя-преобразователя, во время всеобщей ломки, это было еще нужнѣе, нежели для его предшественниковъ. Можетъ-быть, еслибъ у Петра былъ человѣкъ, котораго уму и честности онъ довѣрялъ бы,—такой человѣкъ могъ бы удержать его отъ нѣкоторыхъ распоряженій, не нравившихся народу и не приносившихъ особой пользы. Случалось иногда удерживать Царя Якову Долгорукову; но этотъ честный гражданинъ былъ человѣкъ съ узкими понятіями и малопросвѣщенный. Еще болѣе нуженъ былъ Петру человѣкъ, который бы могъ служить посредникомъ между волею Царя и мнѣніемъ народа, или тѣмъ, что̀ называется общественнымъ мнѣніемъ;—человѣкъ, который, пользуясь общимъ уваженіемъ, могъ бы предрасполагать народъ къ принятію преобразованій и силою своего слова побѣждать предубѣжденія противъ этихъ преобразованій.

Всего удобнѣе было бы въ этомъ смыслѣ дѣйствовать духовному лицу; но такого человѣка между духовными менѣе всего можно было найдти. Блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, былъ человѣкъ уче-

ный, слушавшій науки въ Кіевѣ, Львовѣ и Познани, свободно писавшій стихи по-латыни и по-польски, хорошій богословъ, искренно набожный и честный; но поступивъ изъ школы прямо въ монахи, онъ естественно не зналъ людей, и умъ его вовсе не имѣлъ того, что̀ называется практичностью. Онъ обладалъ природными ораторскими способностями, но краснорѣчіе его не попадало въ цѣль и отличалось обиліемъ не столько мыслей какъ словъ. Вотъ, напримѣръ, нѣсколько строкъ изъ одной его проповѣди: „Людіе рыбамъ подобны, говоритъ Стефанъ. Въ первыхъ, рыбы въ водахъ родятся, отъ водъ происходятъ: а людіе христіанстіи не въ водахъ ли крестильныхъ родятся рожденіемъ духовнымъ, не отъ водъ ли крестильныхъ люди христіанстіи происходятъ? Второе: рыбы въ водахъ волнами бываютъ обуреваемы, между волнами житіе ихъ бываетъ: а съ людьми не тожде ли дѣлается? Не между волнами ли житіе наше скончавается? Зрите, христолюбцы, какъ людіе подобны суть рыбамъ и рыбы людіемъ...“

Могли ли, спрашивается, такія надутыя фразы дѣйствовать на людей? Могли ли онѣ убѣдить и тронуть? Стефанъ захотѣлъ вступить въ состязаніе съ раскольниками, обличить невѣжество и суевѣріе, которыя внушили имъ мысль о пришествіи на землю антихриста въ особѣ Петра: что̀ же дѣлаетъ Стефанъ? Доказываетъ, что признаки пришествія антихриста не тѣ, какіе выставляются раскольничьими грамотѣями, а вотъ такіе-то... Убѣдительно ли подобное доказательство, пусть читатели рѣшаютъ сами.

Въ 1709 году, вскорѣ послѣ Полтавскаго сраженія, Царь былъ въ Кіевѣ. Въ Софійскомъ соборѣ совершалось торжественное богослуженіе, по окончаніи котораго взошелъ на амвонъ одинъ молодой монахъ и произнесъ

привѣтственное слово Царю-побѣдителю. Царь слушалъ со вниманіемъ молодаго проповѣдника; въ словахъ его было много пониманія современныхъ событій, много политическаго чутья; въ черныхъ глазахъ его свѣтились умъ и энергія. Способъ выраженія его былъ равно чуждъ однообразному тону великорусскихъ духовныхъ витій и аффектаціи, въ которой упрекали украинскихъ проповѣдниковъ (между прочимъ и Яворскаго). Царь пожелалъ узнать его имя: „Ѳеофанъ Прокоповичъ", отвѣчали ему.

Этотъ человѣкъ и это имя остались у Царя въ памяти и, собираясь въ Прутскій походъ, онъ взялъ съ собою кіевскаго проповѣдника, а потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, вытребовалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ сдѣланъ псковскимъ архіереемъ и первымъ совѣтникомъ Царя въ духовныхъ, да и не въ однихъ духовныхъ дѣлахъ.

Ѳеофанъ былъ человѣкъ злопамятный, искательный, пронырливый; земныя цѣли стояли у него впереди небесныхъ. Но между многими способными людьми, окружавшими Царя, это былъ едва ли не самый способнѣйшій и, безъ сомнѣнія, болѣе всѣхъ чуждый суевѣрія между духовными лицами, и самый просвѣщенный. Онъ зналъ нѣсколько древнихъ и новыхъ языковъ и литературъ; зналъ естественныя науки, исторію; много читалъ и думалъ о томъ, какъ управляются и чѣмъ процвѣтаютъ человѣческія общества; наконецъ, проживъ нѣсколько лѣтъ за границею въ западно-европейскихъ университетахъ, онъ, при своей наблюдательности и практическомъ складѣ ума, близко узналъ и бытъ европейскихъ народовъ, и пружины европейскихъ правительствъ. Такой человѣкъ могъ быть очень полезенъ Петру. И точно, Ѳеофанъ помогалъ Царю при

составленіи регламентовъ и учрежденій, которые начались издаваться съ 1716 года; посредствомъ проповѣдей, книгъ и брошюръ онъ распространялъ и объяснялъ народу мысли Царя; наконецъ, онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ преобразованіи церковнаго управленія, о которомъ ниже будетъ сказано.

Между тѣмъ онъ былъ очень не популяренъ въ средѣ нашего духовенства, которое считало его человѣкоугодникомъ, и въ образѣ мыслей его находило какой-то оттѣнокъ „люторскаго еретичества". Въ самомъ дѣлѣ, Ѳеофанъ, имѣвшій случай видѣть близко и католическое и протестантское духовенства, коротко знакомый съ сущностью католическаго и протестантскаго ученій, отдавалъ предпочтеніе послѣднему, какъ исключившему многія суевѣрія и странные обряды католицизма, подчинившаго духовенство папѣ и сдѣлавшаго изъ священниковъ и монаховъ особое сословіе, отдѣленное отъ народа и часто враждебное и народу и правительству. Таковъ былъ образъ мыслей Ѳеофана; но этотъ образъ мыслей его казался подозрительнымъ нашему духовенству, такъ же какъ и его образъ жизни, что̀ было справедливѣе. Когда Царь изъявилъ желаніе, чтобы Ѳеофанъ былъ посвященъ въ епископы, многіе изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ громко вознегодовали; Стефанъ, какъ блюститель патріаршаго престола, счелъ своимъ долгомъ протестовать противъ этого избранія; онъ вызвался доказать Царю на самомъ дѣлѣ, какъ соблазнительно поведеніе Ѳеофана, и для этого приглашалъ его заглянуть когда-нибудь нечаянно въ его келью. Царь согласился и отправился съ старымъ митрополитомъ въ Невскую лавру. Тихо въѣхали они въ монастырскую ограду, тихо подошли къ кельѣ Ѳеофана, и дѣйствительно застали его посреди многочисленной компаніи за жирнымъ

ужиномъ: съ бокаломъ въ рукѣ, онъ собирался провозглашать какой-то тостъ, когда дверь отворилась... Но остроумный монахъ не смутился и, обращаясь къ Царю съ тѣмъ же поднятымъ бокаломъ: „Се женихъ грядетъ во полуночи! Здравствуй, Государь всемилостивѣйшій!" воскликнулъ онъ и осушилъ кубокъ. Петръ не чуждавшійся, какъ мы знаемъ, веселой компаніи, присоединился къ пировавшимъ и предложилъ Стефану, который самъ любилъ просиживать за столомъ долѣе необходимаго,—послѣдовать его примѣру, или возвратиться...

Въ 1721 году былъ учрежденъ святѣйшій синодъ, т.-е. коллегія изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ. Какъ сенатъ завѣдывалъ всѣми свѣтскими управленіями, наблюдалъ за коллегіями и губернаторами, такъ синоду было поручено вѣдать весь чинъ духовный и блюсти чистоту православной вѣры. Но какъ сенатъ, такъ и синодъ, были поставлены въ зависимость отъ Царя, который назначалъ въ нихъ членовъ и могъ принять или отвергнуть представленія, какъ одного, такъ и другаго. Это распоряженіе ставило духовенство въ положеніе гораздо болѣе зависимое отъ государственной власти, чѣмъ прежде, и потому подверглось, а отчасти и теперь еще подвергается, нареканіямъ. Дѣйствительно, всякое стѣсненіе свободы прискорбно, но мы должны замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ стѣснена была свобода духовнаго управленія, а не лицъ духовнаго званія, что̀ вовсе не одно и то же. Теперь почти всѣ согласны, что ни духовенство, ни какое-либо другое сословіе, не должны быть изъяты изъ-подъ дѣйствія общихъ для всѣхъ гражданъ законовъ и что всѣ граждане, къ какому бы званію они ни принадлежали, должны находиться въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ верховной вла-

сти, единой и общей для всего государства. Въ такое именно положеніе Петръ и желалъ поставить лицъ духовнаго званія, и нѣтъ никакого повода думать, чтобъ интересы и личность особъ духовнаго званія были хуже ограждены по учрежденіи синода чѣмъ прежде. Различіе состояло главнѣйше въ томъ, что синодъ не имѣлъ такой самостоятельности и независимости какъ патріархъ, который,—какъ справедливо сказано въ Духовномъ Регламентѣ, — „былъ другой государь, свѣтскому государю равный или даже и больше его“.

Но если Петровы преобразованія весьма часто истолковывались самымъ страннымъ и несправедливымъ образомъ, то тѣмъ болѣе слѣдовало ожидать этого въ тѣхъ случаяхъ когда эти преобразованія имѣли какое-либо отношеніе къ религіи. Петръ отдѣлялъ религію отъ суевѣрія; у насъ нерѣдко ихъ смѣшивали. Онъ предписывалъ, напримѣръ, „смотрѣть, чтобы невѣдомыхъ и несвидѣтельствованныхъ отъ церкви иконъ за святыню не почитали, притворно-бѣснующихся, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ не точію наказывать, но и къ градскому суду отсылать, и прочихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ прелестныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали; чтобы ложныхъ чудесъ не вымышляли“ и т. п. Казалось бы, что̀ справедливѣе такого требованія? А между тѣмъ оно встрѣчаемо было въ высшей степени враждебно: завопили объ иконоборствѣ, о гибели православія... Вышелъ указъ, запрещавшій поступать въ монастырь моложе 30 лѣтъ: это тоже подверглось ожесточенному осужденію. Весьма часто, какъ уже было замѣчено, противники Петровыхъ преобразованій горько осуждали во имя религіи такія его постановленія, въ которыхъ мудрено, повидимому, найдти хоть какую-нибудь связь съ дѣлами религіи.

Таковы были, напримѣръ, учрежденія о паспортахъ, о народной переписи и о преобразованіи налоговъ.

Въ наше время, когда статистика начинаетъ играть большую роль въ соображеніяхъ и распоряженіяхъ правительствъ, странно подумать, что до 1720 года правительство не знало числа управляемыхъ имъ людей. Это однакожъ было такъ; Петръ рѣшился собрать вѣрныя свѣдѣнія о народонаселеніи; но и это рѣшеніе возбудило большое неудовольствіе; переписчики, отправленные имъ въ разные концы Россіи, были встрѣчены весьма недружелюбно; во многихъ мѣстахъ ихъ били и выгоняли, въ другихъ народъ разбѣгался при ихъ приближеніи. Вотъ, напримѣръ, какія мудрствованія распространялись по этому поводу:.. „отъ гордости живущаго въ немъ (Государѣ) духа, учини описаніе народное, изчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, *живыхъ и мертвыхъ*, возвышаяся надъ ними и изыскуя всѣхъ, дабы ни одинъ могъ скрыться руки его, и облагая ихъ даньми велими, *не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ*...“ Это подлинныя слова одного изъ раскольничьихъ писателей. Но что̀ же за дань *съ живыхъ и мертвыхъ?* Это не что иное какъ подушный окладъ. Царь Петръ нашелъ нужнымъ, можетъ-быть и не совсѣмъ основательно, назначить подать съ лица или *съ души*; съ этою цѣлію и была заведена народная перепись. А такъ какъ переписывать цѣлый народъ нельзя безпрестанно, и дѣлается это вездѣ въ болѣе или менѣе отдаленные между собою сроки, то въ промежуткѣ этихъ сроковъ, подать взимается съ тѣхъ, которые записаны въ *ревизскія сказки*. Такимъ образомъ, естественно, что за того, кто умеръ послѣ ревизіи, плата взимается до новой переписи; за то, съ другой стороны, тотъ, кто родился послѣ переписи,

ничего не платитъ до новой ревизіи; а такъ какъ раждается обыкновенно болѣе, нежели умираетъ, то невыгода клонится на сторону казны, а не плательщиковъ, взятыхъ въ массѣ. Но этого не хочетъ знать писатель, слова котораго приведены выше; онъ жалуется не на взятки, не на притѣсненія и грабительства, которыя позволяли себѣ производители народной переписи: нѣтъ, онъ негодуетъ на самую мысль переписи. Пораженный тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приходилось платить подать за умершихъ, онъ восклицаетъ: „Таково тиранство учини: и съ мертвыхъ дани востребова! Сего и въ древнія времена бывшіе мучители не творили. Мы (раскольники) отъ Христа Спаса научихомся законъ и заповѣди Его сохраняти и вѣру святую блюсти; а сему (Царю) въ послушество отдаться не хощемъ. Творите съ нами что хощете, ибо есмы христіане единаго исповѣданія седьми вселенскихъ соборовъ, святыхъ отецъ и святыхъ страдальцевъ Соловецкія обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе!“

Тѣ же учители народные распустили слухъ, что изъ-за моря привезены какія-то клейма и что ими будутъ клеймить народъ. „Въ Москву пріѣхалъ Царь Петръ Алексѣевичъ... а въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ въ сырную недѣлю и въ великій постъ, и весь народъ мужеска и женска пола будетъ онъ (Царь) печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ описывать и помѣщикамъ хлѣба будутъ давать самое малое число, а изъ остальнаго отписнаго хлѣба будутъ давать хлѣба только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны...“

Подобно этому перетолковывали раскольники и другія распоряженія Царя, противопоставляя имъ сопротивленіе фанатическое и слѣпое, доказывающее, какая бездна суевѣрія и невѣжества заключалась въ народ-

Таковы были, напримѣръ, учрежденія о паспортахъ, о народной переписи и о преобразованіи налоговъ.

Въ наше время, когда статистика начинаетъ играть большую роль въ соображеніяхъ и распоряженіяхъ правительствъ, странно подумать, что до 1720 года правительство не знало числа управляемыхъ имъ людей. Это однакожь было такъ; Петръ рѣшился собрать вѣрныя свѣдѣнія о народонаселеніи; но и это рѣшеніе возбудило большое неудовольствіе; переписчики, отправленные имъ въ разные концы Россіи, были встрѣчены весьма недружелюбно; во многихъ мѣстахъ ихъ били и выгоняли, въ другихъ народъ разбѣгался при ихъ приближеніи. Вотъ, напримѣръ, какія мудрствованія распространялись по этому поводу:.. „отъ гордости живущаго въ немъ (Государѣ) духа, учини описаніе народное, изчисляя вся мужеска пола и женска, старыхъ и младенцевъ, *живыхъ и мертвыхъ*, возвышаяся надъ ними и изыскуя всѣхъ, дабы ни одинъ могъ скрыться руки его, и облагая ихъ даньми велими, *не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ*...“ Это подлинныя слова одного изъ раскольничьихъ писателей. Но что̀ же за дань *съ живыхъ и мертвыхъ?* Это не что иное какъ подушный окладъ. Царь Петръ нашелъ нужнымъ, можетъ-быть и не совсѣмъ основательно, назначить подать съ лица или *съ души*; съ этою цѣлію и была заведена народная перепись. А такъ какъ переписывать цѣлый народъ нельзя безпрестанно, и дѣлается это вездѣ въ болѣе или менѣе отдаленные между собою сроки, то въ промежуткѣ этихъ сроковъ, подать взимается съ тѣхъ, которые записаны въ *ревизскія сказки*. Такимъ образомъ, естественно, что за того, кто умеръ послѣ ревизіи, плата взимается до новой переписи; за то, съ другой стороны, тотъ, кто родился послѣ переписи,

возбудило вопросъ: могутъ ли такіе священники, хотя и отрекшіеся отъ „никоніанской прелести", быть истинными пастырями? Одни говорили — да, другіе — нѣтъ. Расколъ раздвоился; большія массы раскольниковъ, жившихъ въ нижегородскихъ и костромскихъ лѣсахъ и въ нынѣшней Черниговской губерніи, признали возможнымъ довольствоваться священниками, перешедшими изъ никоніанства; другіе, обитавшіе въ поморскомъ краѣ, на рѣкѣ Выгѣ (въ Олонецкой губерніи), на Вѣткѣ, въ Могилевской губерніи (принадлежавшей тогда Польшѣ), не согласились на это, и между тѣми и другими началась рознь и вражда. „Не буди намъ съ вами имѣть общенія ни въ семъ мірѣ, ни въ будущемъ", сказалъ безпоповщинскій учитель поповщинцамъ, не успѣвъ убѣдить ихъ,—и секты разошлись.

Изъ всего, что̀ говорилось здѣсь и въ предшествовавшихъ главахъ о раскольникахъ, видно, что они обладали страшною энергіей. Эта энергія дѣлала ихъ фанатиками въ дѣлахъ вѣры, а въ дѣлахъ житейскихъ не было болѣе практичныхъ людей, болѣе предпріимчивыхъ, настойчивыхъ, способныхъ къ труду. Въ своихъ лѣсахъ и пустыняхъ, куда они разбѣжались въ первое время гоненій, не только умѣли они обойдтись безъ чьей-либо помощи, но устроили такіе богатые монастыри, деревни и села, что имъ могли позавидовать многія и многія поселенія болѣе плодоносныхъ и удобныхъ мѣстностей. Они достигли этого необыкновеннымъ трудолюбіемъ, единодушіемъ и трезвостью, которыя успѣли установить между ними первые ихъ учители, и которыми до настоящаго времени отличаются раскольники. Эти качества таковы, что имъ невозможно не сочувствовать; но, къ сожалѣнію, не этимъ качествамъ сочувствовали люди Петрова време-

ки, а именно тѣмъ, которыя всего менѣе заслуживали сочувствія: суевѣрію и пустосвятству. Проповѣди ихъ объ „антихристовыхъ печатяхъ", о „безбожномъ брадобритіи", объ „иконоборствѣ" производили глубокое впечатлѣніе на предковъ нашихъ, вообще очень набожныхъ, но мало образованныхъ. Не только между крестьянами, но между мѣщанами, купцами и даже между дворянами многіе приставали къ расколу; не мало священниковъ и монаховъ оставляло свои церкви и монастыри и уходило въ раскольничьи скиты. Еще большее число людей, не приставая прямо къ расколу, т.-е. не принимая двуперстнаго знаменія и другихъ символовъ раскола, въ душѣ сочувствовали образу мыслей раскольниковъ относительно правительственныхъ распоряженій и съ отвращеніемъ подчинялись онымъ. Такихъ было множество во всѣхъ классахъ народа, даже между людьми служащими, т.-е. между самими исполнителями правительственныхъ распоряженій, занимавшими гражданскія должности и служившими въ войскахъ, даже въ двухъ гвардейскихъ полкахъ. Между приближенными Царя было много людей, подчинявшихся его волѣ, его царской власти, нравственному вліянію его генія, но близкихъ къ раскольникамъ по своимъ понятіямъ. Духовникъ Меншикова былъ ревностнымъ покровителемъ раскольниковъ. Такіе люди были въ самой семьѣ царской. Таковы были царевна Марья Алексѣевна, сестра Царя, удаленная въ монастырь супруга его и сынъ его, царевичъ Алексѣй.

До сего времени мы ничего еще не говорили о царевичѣ; теперь необходимо познакомиться съ нимъ поближе и разказать его печальную исторію.

XXV.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ. — Его воспитаніе и характеръ. — Родня и друзья царевича. — Враги его. — Царь предлагаетъ ему или перемѣниться или отречься отъ престола. — Царевичъ уходитъ къ императору Германскому. — Толстой и Румянцевъ отыскиваютъ его и убѣждаютъ возвратиться. — Возвращеніе царевича. — Слѣдствіе надъ нимъ. — Слѣдствіе надъ царицей-инокиней. — Казни по обоимъ этимъ дѣламъ. — Смерть царевича. — Сужденія потомства и современниковъ.

Царевичъ Алексѣй Петровичъ родился въ началѣ 1690 года, вскорѣ послѣ окончанія суда надъ Шакловитымъ и его сообщниками. Царица Евдокія была имъ беременна, когда, отъ страха стрѣлецкаго возмущенія, ночью, окольными путями, изъ Преображенскаго пробиралась она въ Троицкій монастырь. Петръ былъ обрадованъ рожденіемъ сына-наслѣдника, и сжегъ по этому случаю фейерверкъ въ Москвѣ; но безпрерывные разъѣзды и занятія не дозволяли ему обратить все необходимое вниманіе на воспитаніе сына, который, между тѣмъ, росъ подъ вліяніемъ матери, тетокъ и родственниковъ царицы, Лопухиныхъ, не расположенныхъ къ новымъ порядкамъ. Это нерасположеніе перешло и къ царевичу: уже во время послѣдняго стрѣлецкаго бунта (1698) стрѣльцы говорили про него между собою съ похвалой, что онъ „Нѣмцевъ не любитъ". Ребенку было лѣтъ восемь, когда его мать была отправлена въ монастырь; онъ остался подъ надзоромъ дядьки, князя Вяземскаго, человѣка ничтожнаго, который не былъ въ состояніи дать ему приличное воспитаніе, и который при этомъ поддерживалъ въ немъ нелюбовь къ образу дѣйствій его отца. Царь приставилъ, наконецъ, къ нему образованнаго иностранца, барона Гюйсена, и поручилъ надзоръ за воспитаніемъ Алексѣя Меншикову; но и Гюйсенъ и Меншиковъ довольно часто отлучались по другимъ сво-

имъ занятіямъ, и тогда царевичъ оставался исключительно въ кругу своихъ прежнихъ друзей: Вяземскаго, роднаго дяди своего Лопухина, Кикина, монаховъ и поповъ, — людей вообще враждебныхъ Петровымъ реформамъ. Къ этимъ людямъ царевичъ питалъ искреннее расположеніе, но они не могли внушить ему того, чего требовалъ Царь отъ каждаго изъ своихъ подданныхъ, а тѣмъ болѣе отъ наслѣдника своего,—любви къ труду. Алексѣю было 14 лѣтъ когда Петръ взялъ его съ собою въ походъ. При взятіи Нарвы, радуясь побѣдѣ и объясняя, что государь обязанъ жертвовать для блага народа своимъ спокойствіемъ и даже жизнію, Петръ сказалъ между прочимъ слѣдующія достопамятныя слова: „Если совѣты мои разнесетъ вѣтеръ и ты не захочешь дѣлать того чего я желаю, то я не признаю тебя своимъ сыномъ и буду молить Бога, чтобъ Онъ наказалъ тебя и въ этой жизни и въ будущей“.

Но Петръ желалъ прежде всего заставить сына трудиться, какъ трудился самъ, а трудъ былъ несвойственъ слабой натурѣ Алексѣя; притомъ частыя отлучки его воспитателей давали ему возможность уклоняться отъ труда въ ту пору жизни, когда человѣкъ долженъ пріучаться къ труду, а со стороны его пѣстуновъ не было недостатка въ благовидныхъ предлогахъ, чтобъ оправдывать природную его нерадивость, которая была свойственна и имъ самимъ; дѣятельность была отличительною чертой Петра: этого было имъ достаточно чтобы выставлять распущенность качествомъ достойнымъ подражанія. Они возбуждали въ немъ непріязнь къ отцу, пугали его строгостью и довели до того, что царевичъ сталъ желать его смерти, какъ позднѣе признавался своему духовнику. Такимъ образомъ мало-по-малу Алексѣй сдѣлался живою противоположностью

своему отцу. По мѣрѣ вступленія своего въ возрастъ онъ становился центромъ всѣхъ недовольныхъ Петромъ и преобразованіями.

Между тѣмъ царевичу минуло двадцать лѣтъ. Ему пріискали невѣсту, принцессу Брауншвейгскую, Шарлотту; онъ женился на ней безъ отвращенія, но и безъ любви. Петръ надѣялся, что вліяніе жены полезно подѣйствуетъ на царевича, но ошибся: Шарлотта не умѣла привязать его къ себѣ; царевичъ по прежнему продолжалъ проводить время съ своими друзьями, съ какою-то простою, необразованною дѣвкой, къ которой онъ привязался, и всячески избѣгалъ общества отца и его приближенныхъ, сказываясь больнымъ, когда бывалъ приглашаемъ на спускъ корабля, или какой-нибудь придворный праздникъ. Царю горько было видѣть въ своемъ сынѣ непріязнь къ дѣлу, которому онъ посвятилъ всю жизнь; это было ему горько тѣмъ болѣе, что царевичъ былъ уже совершеннолѣтнимъ человѣкомъ, и не предвидѣлось надежды, чтобъ онъ перемѣнился. Петра безпокоила мысль о томъ, что̀ станется со всѣми его преобразованіями, когда его не станетъ? Не будутъ ли вырваны и затоптаны въ прахъ его преемникомъ тѣ сѣмена просвѣщенія, которыя онъ насадилъ такимъ долгимъ и упорнымъ трудомъ, сѣмена, отъ которыхъ онъ справедливо надѣялся для Россіи доброй жатвы? Весьма вѣроятно, что не безъ мысли о царевичѣ и о возможности удалитъ его отъ наслѣдства былъ изданъ законъ (1714), который предоставлялъ отцамъ право передавать все имѣніе ихъ одному изъ сыновей, если другіе окажутся недостойными.

Должно замѣтить при этомъ, что вокругъ Петра были люди находившіе свою выгоду въ томъ, чтобы раздувать неудовольствіе его противъ сына, а такими

могли быть всѣ тѣ, которые, не имѣя связей и прочнаго положенія, держались только милостью къ нимъ Царя и участіемъ въ его нововведеніяхъ: вступленіе на престолъ царевича Алексѣя было бы концомъ ихъ значенія. Что Меншиковъ и Толстой были врагами царевича, это несомнѣнно. Есть сильныя причины думать, что и Екатерина не была въ числѣ его друзей: конечно, ей было пріятнѣе видѣть престолонаслѣдіе утвержденнымъ за кѣмъ-либо изъ своихъ дѣтей, нежели за царевичемъ, отъ котораго, въ случаѣ смерти мужа, она не могла ожидать для себя ничего добраго.

Между тѣмъ умерла супруга царевича, а вслѣдъ за тѣмъ царица родила сына (Петра). До сихъ поръ въ живыхъ у нея были только дочери; еслибы не царевичъ, новорожденный могъ быть наслѣдникомъ престола. Царь, давно недовольный Алексѣемъ, написалъ ему письмо, въ которомъ, укоряя его въ лѣности и нелюбви къ занятіямъ, достойнымъ государя, говорилъ между прочимъ: „Я есмь человѣкъ и смерти подлежу; то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденное, и уже нѣкоторое и возращенное, оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю?... Что̀ я съ горестію размышляя, и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же *ни*, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный (какъ членъ зараженный); и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину, Богу изволышу, исполню; ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу

тебя, непотребнаго, пожалѣть? Лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой непотребный!"

Это было громовое письмо. Царевичъ немедленно послалъ за своими друзьями и началъ съ ними совѣтоваться. Они говорили ему, чтобъ онъ отрекся отъ престола, не отказываясь однакожь въ душѣ отъ надежды занять оный послѣ смерти отца: „это не запись съ неустойкой!" шутливо замѣтилъ одинъ изъ князей Долгоруковыхъ. Царевичъ написалъ къ отцу, что готовъ отказаться отъ престола. Проникая можетъ-быть тайную мысль Алексѣя или желая дать ему возможность одуматься и перемѣнить свое рѣшеніе, Царь отвѣчалъ ему, что остаться „ни рыбою, ни мясомъ" нельзя: „или отмѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ". Но и это предложеніе не устрашило царевича и его друзей: „вѣдь клобукъ не гвоздемъ къ головѣ прибитъ," сказалъ Кикинъ, и Алексѣй отвѣчалъ отцу, что готовъ идти въ монастырь. Царь задумался; подозрѣвалъ ли онъ неискренность этого рѣшенія, или безъ крайней надобности не хотѣлъ нарушать порядокъ престолонаслѣдія,—только при свиданіи онъ сказалъ сыну про его рѣшеніе удалиться въ монастырь: „это молодому человѣку не легко; одумайся, не спѣша... Подожду еще полгода".

Эти слова Царь сказалъ въ началѣ 1716 года, отправляясь за границу, гдѣ нужно было его присутствіе, чтобы хоть нѣсколько скрѣпить совершенно расторгавшійся союзъ противъ Швеціи и чтобы дать толчокъ военнымъ дѣйствіямъ. Прошло полгода, — и Петръ написалъ изъ Копенгагена царевичу, чтобъ онъ или окончательно поступалъ въ монастырь, или если передумалъ, то пріѣхалъ бы къ нему. Ѣду къ тебѣ, отвѣчалъ царевичъ, и немедленно выѣхалъ за границу, но не къ

могли быть всѣ тѣ, которые, не имѣя связей и прочнаго положенія, держались только милостью къ нимъ Царя и участіемъ въ его нововведеніяхъ: вступленіе на престолъ царевича Алексѣя было бы концомъ ихъ значенія. Что Меншиковъ и Толстой были врагами царевича, это несомнѣнно. Есть сильныя причины думать, что и Екатерина не была въ числѣ его друзей: конечно, ей было пріятнѣе видѣть престолонаслѣдіе утвержденнымъ за кѣмъ-либо изъ своихъ дѣтей, нежели за царевичемъ, отъ котораго, въ случаѣ смерти мужа, она не могла ожидать для себя ничего добраго.

Между тѣмъ умерла супруга царевича, а вслѣдъ за тѣмъ царица родила сына (Петра). До сихъ поръ въ живыхъ у нея были только дочери; еслибы не царевичъ, новорожденный могъ быть наслѣдникомъ престола. Царь, давно недовольный Алексѣемъ, написалъ ему письмо, въ которомъ, укоряя его въ лѣности и нелюбви къ занятіямъ, достойнымъ государя, говорилъ между прочимъ: „Я есмь человѣкъ и смерти подлежу; то кому вышеписанное съ помощію Вышняго насажденное, и уже нѣкоторое и возращенное, оставлю? Тому, иже уподобился лѣнивому рабу евангельскому, вкопавшему талантъ свой въ землю?... Чтò я съ горестію размышляя, и видя, что ничѣмъ тебя склонить не могу къ добру, за благо изобрѣлъ сей послѣдній тестаментъ тебѣ написать и еще мало пождать, аще нелицемѣрно обратишься. Ежели же *ни*, то извѣстенъ будь, что я весьма тебя наслѣдства лишу, яко удъ гангренный (какъ членъ зараженный); и не мни себѣ, что одинъ ты у меня сынъ и что я сіе только въ устрастку пишу: во истину, Богу извольшу, исполню; ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалѣлъ и не жалѣю, то какъ могу

слѣды бѣглеца. Онъ былъ укрытъ въ Тиролѣ, въ уединенномъ горномъ за́мкѣ, и притомъ съ такою тайной, что комменданту за́мка не было сообщено имени особы, охраненіе которой ему поручалось. Однако дѣятельные агенты Петра наслѣдили царевича. Тогда этого послѣдняго съ большою тайной перевезли въ Неаполь. Толстой и Румянцевъ и тамъ нашли его, и Царь формально потребовалъ отъ императора, чтобъ онъ выдалъ ему сына, грозя, въ случаѣ отказа, за эту „несносную намъ и чести нашей обиду отмстить“.

Императоръ, обязавшись разъ дать царевичу убѣжище, не могъ рѣшиться принудить его къ возвращенію и предоставилъ Толстому склонить его къ тому, если можетъ. Они видѣлись. Толстой подалъ царевичу письмо отъ Петра, въ которомъ послѣдній, приглашая сына возвратиться, между прочимъ писалъ: „Буде же побоишься меня, то я обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься“. Это однакожъ не очень подѣйствовало на Алексѣя, и Толстой долго вотще разсыпалъ свое краснорѣчіе; но, наконецъ, онъ нашелъ слабую сторону царевича. Еще при жизни супруги своей онъ былъ, какъ сказано, влюбленъ въ простую женщину, къ которой мало-по-малу до такой степени привязался, что рѣшился жениться на ней. Толстой сталъ увѣрять его, что Царь препятствовать этому не станетъ и дозволитъ ему, отрекшись отъ престола, жить въ одномъ изъ своихъ имѣній съ его любезною Ефросиньей и прочими его друзьями. Эта надежда поколебала царевича; мысль сдѣлаться женой хоть бы и отрекшагося царевича прельстила Ефросинью, и она присоединила свои настоянія къ настояніямъ Толстаго. Царевичъ рѣшился возвра-

титься въ Москву. На дорогѣ онъ получилъ новое письмо отъ отца съ обѣщаніемъ полнаго прощенія, а Толстой— другое, съ изъявленіемъ согласія на бракъ Алексѣя.

Но, пріѣхавъ въ началѣ 1718 года въ Москву, онъ былъ принятъ совершенно иначе, нежели какъ могъ ожидать по всѣмъ этимъ письмамъ и обѣщаніямъ. Въ Кремлѣ, гдѣ должна была происходить встрѣча отца съ сыномъ, было поставлено войско съ заряженными ружьями; въ палату, въ которой Царь, окруженный духовными и свѣтскими сановниками, намѣревался принять его, царевичъ введенъ былъ безъ шпаги, какъ арестованный офицеръ, и встрѣтилъ Государя на колѣнахъ, какъ преступникъ. Отъ него было потребовано торжественное отреченіе отъ престола, и отреченіе это было немедленно объявлено всенародно, вмѣстѣ съ объясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ его побѣга и исчисленіемъ дурныхъ его качествъ. „Мы, говорилось въ манифестѣ по этому предмету, сожалѣя о государствѣ своемъ и вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя наипаче прежняго въ худое состояніе не были приведены, властію отеческою,— по которой, по правамъ государства нашего, и каждый подданный нашъ сына своего наслѣдства лишить воленъ,— и яко самодержавный Государь, для пользы государственной, лишаемъ его, сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола Всероссійскаго, хотя бы ни единой персоны нашей фамиліи по насъ не осталось...“

Затѣмъ отъ царевича было потребовано, чтобъ онъ открылъ, кто именно подучалъ его къ побѣгу за границу, кто въ этомъ помогалъ ему и даже кто только объ этомъ зналъ. „А ежели что̀ укроешь, писалъ ему Царь, на меня не пеняй: понеже вчерась передъ народомъ объявлено, что за сіе пардонъ не въ пардонъ.“

слѣды бѣглеца. Онъ былъ укрытъ въ Тиролѣ, въ уединенномъ горномъ за́мкѣ, и притомъ съ такою тайной, что коммендаyту за́мка не было сообщено имени особы, охраненіе которой ему поручалось. Однако дѣятельные агенты Петра наслѣдили царевича. Тогда этого послѣдняго съ большою тайной перевезли въ Неаполь. Толстой и Румянцевъ и тамъ нашли его, и Царь формально потребовалъ отъ императора, чтобъ онъ выдалъ ему сына, грозя, въ случаѣ отказа, за эту „несносную намъ и чести нашей обиду отмстить".

Императоръ, обязавшись разъ дать царевичу убѣжище, не могъ рѣшиться принудить его къ возвращенію и предоставилъ Толстому склонить его къ тому, если можетъ. Они видѣлись. Толстой подалъ царевичу письмо отъ Петра, въ которомъ послѣдній, приглашая сына возвратиться, между прочимъ писалъ: „Буде же побоишься меня, то я обѣщаю Богомъ и судомъ Его, что никакого наказанія тебѣ не будетъ, но лучшую любовь покажу тебѣ, ежели воли моей послушаешь и возвратишься". Это однакожъ не очень подѣйствовало на Алексѣя, и Толстой долго вотще разсыпалъ свое краснорѣчіе; но, наконецъ, онъ нашелъ слабую сторону царевича. Еще при жизни супруги своей онъ былъ, какъ сказано, влюбленъ въ простую женщину, къ которой мало-по-малу до такой степени привязался, что рѣшился жениться на ней. Толстой сталъ увѣрять его, что Царь препятствовать этому не станетъ и дозволитъ ему, отрекшись отъ престола, жить въ одномъ изъ своихъ имѣній съ его любезною Ефросиньей и прочими его друзьями. Эта надежда поколебала царевича; мысль сдѣлаться женой хоть бы и отрекшагося царевича прельстила Ефросинью, и она присоединила свои настоянія къ настояніямъ Толстаго. Царевичъ рѣшился возвра-

отъ ея родственниковъ Лопухиныхъ и отъ царевны Марьи Алексѣевны, наполненныя враждебными выраженіями противъ Царя, и что въ разговорахъ какъ съ монахинями, такъ и съ другими обыкновенными своими собесѣдниками, она нерѣдко выражала надежду покинуть монастырь и возвратиться ко двору, — надежду основанную на томъ, что царевичъ, какъ она выражалась, „уже изъ пеленокъ вывалялся".

Болѣе всего надежду эту поддерживалъ, или даже возбуждалъ въ ней, епископъ рязанскій, Досиѳей. Онъ на ектеніяхъ поминалъ ее царицей, хотя она находилась въ монастырѣ въ качествѣ простой монахини; разсказывалъ ей о бывшихъ ему видѣніяхъ, пророчествовалъ скорое окончаніе ея заточенія и смерть Государя, — пророчества, которымъ царица искренно вѣрила и намѣревалась, когда они исполнятся, выйдти замужъ за Глѣбова. Досиѳей этотъ былъ великимъ оракуломъ бѣдной, суевѣрной царицы. Однажды, когда предсказаніе о смерти Царя въ назначенный имъ срокъ не исполнилось, онъ далъ ей такое объясненіе: „видѣлъ въ аду отца царицы; молитвами архіерея (самого Досиѳея) и духовнаго чина, — говорилъ прорицатель, — онъ отъ огня уже освобожденъ, но за великіе грѣхи еще держитъ его за ноги чортъ; архіерей будетъ молиться о немъ, и какъ скоро выпустятъ его изъ ада, Царь умретъ, а царевичъ вступитъ на престолъ, и царицу изъ монастыря освободитъ".

Вотъ, впрочемъ, и все, что открылось противъ царицы: безпорядочное поведеніе, бездна суевѣрія, желаніе вырваться изъ монастыря, въ который она поступила насильно и вырваться изъ котораго не могла, по всѣмъ вѣроятіямъ, иначе какъ по смерти Царя, которой поэтому она и желала. Таковы были ея вины.

Не болѣе преступленій замѣчаемъ мы и со стороны ея приближенныхъ: опять-таки и прежде всего, бездна суевѣрій, снисходительность къ нестрогому исполненію царицей монашескаго обѣта, насильно у нея исторгнутаго, сочувствіе къ царевичу и нерасположеніе къ Царю, котораго великихъ дѣлъ эти люди не понимали, но видѣли несправедливость его къ супругѣ. Тѣмъ не менѣе люди эти подверглись жестокимъ наказаніямъ: Глѣбовъ, послѣ многихъ пытокъ, посаженъ на колъ, Досиѳей разстриженъ и потомъ обезглавленъ; нѣсколько монахинь заключены въ тюрьму; нѣсколькимъ знатнымъ мужчинамъ и женщинамъ, бывшимъ съ царицей въ перепискѣ, урѣзаны языки, вырваны ноздри, учинено наказаніе кнутомъ и опредѣлена вѣчная ссылка. Сама царица подъ карауломъ перевезена въ Ладогу, въ монастырь; наконецъ, слѣдствіе произведенное надъ нею, со всѣми подробностями ея частной жизни въ монастырѣ, было опубликовано.

Между тѣмъ дѣло царевича продолжалось. По первымъ полученнымъ отъ него указаніямъ о лицахъ, способствовавшихъ его побѣгу или только знавшихъ о немъ, они были арестованы и привезены въ Москву. Здѣсь разспросами „съ пристрастіемъ", то-есть сопровождаемыми пытками, получены отъ нихъ новыя показанія, привлекавшія къ дѣлу новыхъ лицъ; этихъ опять хватали и требовали обличеній; словомъ, процессъ разростался и достигъ громадныхъ размѣровъ. Всякое сочувствіе къ царевичу дѣлало человѣка прикосновеннымъ къ дѣлу. На этомъ основаніи оказались причастными Яковъ Долгоруковъ, Дмитрій Голицынъ, Апраксинъ; едва не попался даже Меншиковъ, который далъ денегъ взаймы царевичу, когда тотъ приготовлялся къ побѣгу, — разумѣется, не предполагая этого умысла.

Что̀ же, однако, открыло это необъятное слѣдствіе, хранящееся въ государственномъ архивѣ, вмѣстѣ со многими другими свидѣтельствами печальныхъ прошедшихъ временъ (*)? Прежде всего оно обнаружило нерасположеніе къ Царю и новымъ порядкамъ весьма большаго числа людей, и люди эти льнули къ Алексѣю, тѣшась снами и прорицаніями о близкой смерти Царя; одинъ изъ нихъ говорилъ царевичу: „или отецъ твой умретъ, или разорится Питербурхъ: я во снѣ видѣлъ“; другой предсказывалъ, что „Государю больше пяти лѣтъ не жить“; тетка его, царевна Марья Алексѣевна, говорила ему: „Питербурху за нами не устоять; быть ему пусту“, — и всѣ они давали ему чувствовать, что надежда ихъ, надежда всей Россіи — онъ, что онъ изгонитъ иностранцевъ и возстановитъ старинные обычаи. Все духовенство, за самыми развѣ малыми исключеніями, было ему искренно предано. Стефанъ Яворскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, называлъ царевича „единственною надеждою Россіи“, превозносилъ его благочестіе, дѣлая въ то же время намеки на худое теченіе дѣлъ въ государствѣ. И такое мнѣніе объ Алексѣѣ имѣли повидимому многіе: когда онъ въѣзжалъ въ Москву, привезенный Толстымъ, толпы народа стекались, чтобы взглянуть на него, кланялись въ землю и говорили: „благослови, Господи, будущаго государя нашего!“ Царевичъ считалъ въ числѣ преданныхъ себѣ друзей не только людей находившихся въ немилости у Царя, какъ напримѣръ всю фамилію Лопухиныхъ, но Якова Долгорукова, одного изъ его родствен-

---

(*) Дѣло это было съ большою подробностію разсказано г. Устряловымъ, которому первому разрѣшено было проникнуть въ его мрачныя тайны.

никовъ и однофамильцевъ — князя Василія, о которомъ въ послѣдствіи намъ придется говорить, обоихъ братьевъ Голицыныхъ,—бывшаго воеводу кіевскаго во время Мазепы, и храбраго участника побѣды при Лѣсномъ; Шереметева, Стрѣшнева, Апраксина и множество другихъ, менѣе извѣстныхъ людей изъ числа приближенныхъ Царя. Впрочемъ преданностью къ себѣ людей знатныхъ и сановныхъ онъ не такъ дорожилъ, какъ преданностью духовенства и крестьянства: „Плюю я на нихъ, говорилъ онъ про знать и сановниковъ; здорова мнѣ была бы чернь. Когда время будетъ безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ: тогда они (вельможи Петровы) и нехотя меня владѣтелемъ учинятъ.“

Такимъ образомъ, царевичъ былъ, можно сказать, главой или, точнѣе, знаменемъ людей враждебныхъ Петру, „большихъ бородъ“, какъ называлъ ихъ Царь; но ни мятежникомъ, ни измѣнникомъ онъ не былъ; даже изъ-за границы, рѣшившись бѣжать отъ отца, онъ ничего не предпринималъ, чтобы возбуждать народъ къ возстанію, а только напоминалъ о себѣ людямъ, которыхъ считалъ своими друзьями, прося ихъ имѣть его въ своей памяти. „Прошу, не забудьте меня, писалъ онъ изъ своего заграничнаго убѣжища. А будетъ кто отъ хотящихъ въ людяхъ память о мнѣ загладить и будетъ разглашать что я умеръ, или что иное худое, не извольте вѣрить и другихъ извольте утвердить: понеже живъ есмь и въ добромъ здравіи, благодареніе Богу и благодѣтелямъ моимъ, хранящимъ мя“... Это письмо было писано къ нѣкоторымъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ сановниковъ, память и преданность которыхъ царевичъ желалъ сохранить для того, чтобы въ

Что̀ же, однако, открыло это необъятное слѣдствіе, хранящееся въ государственномъ архивѣ, вмѣстѣ со многими другими свидѣтельствами печальныхъ прошедшихъ временъ (*)? Прежде всего оно обнаружило нерасположеніе къ Царю и новымъ порядкамъ весьма большаго числа людей, и люди эти льнули къ Алексѣю, тѣшась снами и прорицаніями о близкой смерти Царя; одинъ изъ нихъ говорилъ царевичу: „или отецъ твой умретъ, или разорится Питербурхъ: я во снѣ видѣлъ“; другой предсказывалъ, что „Государю больше пяти лѣтъ не жить“; тетка его, царевна Марья Алексѣевна, говорила ему: „Питербурху за нами не устоять; быть ему пусту“, — и всѣ они давали ему чувствовать, что надежда ихъ, надежда всей Россіи — онъ, что онъ изгонитъ иностранцевъ и возстановитъ старинные обычаи. Все духовенство, за самыми развѣ малыми исключеніями, было ему искренно предано. Стефанъ Яворскій, въ одной изъ своихъ проповѣдей, называлъ царевича „единственною надеждою Россіи“, превозносилъ его благочестіе, дѣлая въ то же время намеки на худое теченіе дѣлъ въ государствѣ. И такое мнѣніе объ Алексѣѣ имѣли повидимому многіе: когда онъ въѣзжалъ въ Москву, привезенный Толстымъ, толпы народа стекались, чтобы взглянуть на него, кланялись въ землю и говорили: „благослови, Господи, будущаго государя нашего!“ Царевичъ считалъ въ числѣ преданныхъ себѣ друзей не только людей находившихся въ немилости у Царя, какъ напримѣръ всю фамилію Лопухиныхъ, но Якова Долгорукова, одного изъ его родствен-

---

(*) Дѣло это было съ большою подробностію разсказано г. Устряловымъ, которому первому разрѣшено было проникнуть въ его мрачныя тайны.

преступленіяхъ царевича. Вся жизнь его была разсказана въ этомъ манифестѣ; было упомянуто и о его лѣности къ ученію, о его неповиновеніи отцовской волѣ, о дурныхъ отношеніяхъ къ женѣ, наконецъ о бѣгствѣ и ходатайствѣ будто бы у Германскаго императора помощи и „протекціи вооруженною рукою“, чего изъ дѣла вовсе невидно. Не упомянуто въ манифестѣ только о томъ, что ему было безусловно обѣщано прощеніе и дозволеніе жить въ удаленіи съ его любезною Ефросиньей. За всѣ эти вины, за неповиновеніе отцу, за обманъ, притворство и пр. царевичъ и его „пособники“ были преданы суду, но суду не обыкновенному, а особому, составленному изъ лицъ, которыхъ назначилъ самъ Царь.—Зачѣмъ такое отступленіе отъ обыкновеннаго порядка? Въ дѣлахъ особой важности, когда случалось судить лицъ близкихъ къ престолу, въ западной Европѣ нерѣдко были назначаемы особые, такъ-называемые верховные суды. Но обычай этотъ постоянно давалъ поводъ думать, что въ члены верховныхъ судовъ назначались только такіе люди, которые готовы скорѣе исполнить волю назначившаго ихъ, чѣмъ внимать своей совѣсти и закону.

Судная коммиссія надъ царевичемъ состояла изъ 127 лицъ духовныхъ и свѣтскихъ; въ наказѣ Царя первымъ изъ нихъ говорилось, чтобъ они поступали „безъ всякаго лицемѣрства и пристрастія“; въ наказѣ, данномъ свѣтскимъ судьямъ, Петръ написалъ между прочимъ: „прошу васъ, дабы истиною сіе дѣло вершили, не ѳлатируя мнѣ; не смотря на лица, сдѣлайте правду и не погубите душъ своихъ и моей, чтобы совѣсти наши остались чисты въ день страшнаго испытанія, и отечество наше безбѣдно“. Съ такими словами обращался Царь къ судьямъ; слова эти прекрасны, но значеніе ихъ не

случаѣ смерти отца не быть устраненнымъ отъ престола. Это былъ, конечно, преступный замыселъ, клонившійся и къ нарушенію собственнаго своего слова (объ отреченіи), и къ нарушенію общественнаго порядка, къ мятежу, даже, можетъ-быть, къ междоусобію; но это былъ только замыселъ, мечта, за что въ наше время никакое судилище не признало бы царевича мятежникомъ. Но въ прежнія времена намѣреніе, и даже желаніе сдѣлать преступленіе, почиталось почти равносильнымъ самому дѣлу; притомъ, побѣгъ за границу и неповиновеніе родительской волѣ причислялись къ тяжелымъ преступленіямъ: одинъ изъ передовыхъ людей въ Алексѣево царствованіе, Ордынъ-Нащокинъ, проклялъ своего сына за то, что онъ ушелъ безъ его согласія за границу... Около полувѣка послѣ описываемаго случая, при императрицѣ Аннѣ, была опредѣлена смертная казнь за подговоръ къ побѣгу за границу не царственныхъ особъ, побѣгъ которыхъ можетъ подать поводъ къ политическимъ смутамъ, но простыхъ гражданъ!

Слѣдствіе надъ царевичемъ и надъ его друзьями продолжалось около полугода, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ; казематы тамошней крѣпости наполнились заключенными, и въ числѣ ихъ были два члена царскаго семейства, царевичъ и Марья Алексѣевна; безпрестанно привозимы были новыя лица, оговоренныя подъ вліяніемъ нестерпимыхъ пытокъ.

Одно изъ отличій тогдашняго слѣдствія отъ нынѣшняго состоитъ въ томъ, что мы теперь, имѣя предъ собою самый фактъ преступленія, стараемся открыть виновныхъ въ немъ: тогда же добивались узнать, *не сдѣлалъ ли кто-нибудь чего-нибудь преступнаго*...

Въ маѣ послѣдовало „Объявленіе“ или манифестъ о

произнесенія надъ нимъ приговора! Этихъ мученій не могла вынести слабая организація царевича, и 26-го іюня онъ скончался въ казематѣ петербургской крѣпости. Изъ числа его друзей и участниковъ въ побѣгѣ многіе казнены смертію, другіе разосланы въ дальнія мѣста, монастыри и крѣпости; въ числѣ послѣднихъ была и царевна Марья Алексѣевна: она отправлена въ Шлюссельбургъ.

Таковъ одинъ изъ самыхъ мрачныхъ эпизодовъ Петрова царствованія. Царевичъ Алексѣй не могъ продолжать начатаго его отцомъ; онъ не долженъ былъ ему наслѣдовать; онъ могъ быть судимъ, даже осужденъ, если судъ (но судъ безпристрастный) находилъ его виновнымъ, и голова его могла пасть на плахѣ публично, какъ у преступника. Но ему было обѣщано прощеніе, если онъ вернется, — а вернувшись, онъ былъ преданъ суду; онъ былъ судимъ людьми, которыхъ безпристрастію нельзя довѣрять; онъ былъ, наконецъ, пытанъ послѣ состоявшагося приговора, когда вездѣ ничтожнѣйшему изъ людей и величайшему изъ преступниковъ дается время на приготовленіе къ смерти. Судъ и смерть царевича произвели глубокое и общее впечатлѣніе.

Были люди, которые удивлялись рѣшимости Царя пожертвовать сыномъ для благоденствія страны и для осуществленія великихъ своихъ плановъ; они сравнивали его съ Брутомъ. Но такихъ людей было немного, да и между ними несравненно болѣе было иностранцевъ, чѣмъ Русскихъ. Величіе Брута, вообще доблести гражданскія не слишкомъ сильно шевелили сердца нашихъ предковъ; но каждый изъ нихъ чувствовалъ, что неестественно отцу лишить жизни своего сына.

Такія чувства совершенно понятны; тѣмъ не менѣе

могло быть велико, именно потому что судьи не были *независимы*. Нынѣшнія понятія требуютъ, чтобы судья не боялся быть смѣщеннымъ съ своей должности, лишеннымъ содержанія, съ этою должностью сопряженнаго, и т. п.; тогда только, думаютъ теперь, судья можетъ быть совершенно безпристрастенъ: а были ли въ такомъ положеніи судьи царевича, какъ впрочемъ и всѣ вообще судьи того времени? Всѣ они были люди служащіе и вполнѣ зависѣли отъ своихъ начальниковъ; въ настоящемъ же случаѣ они рисковали не угодить,—кому же? — самому Царю! Естественно, что они старались читать царскую волю въ глазахъ Меншикова, Толстаго и другихъ приближенныхъ.

Духовенство, засѣдавшее въ судѣ, уклонилось отъ формальнаго приговора. Оно представило свое *разсужденіе* или мнѣніе, въ которомъ приведены были болѣе или менѣе подходящіе къ настоящему случаю примѣры изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, рѣшеніе же оставляло самому государю, давая ему чувствовать, что милосердіе краше строгости. Въ заключеніи своемъ оно ссылалось на примѣръ Давида, желавшаго пощадить своего мятежнаго сына, и говорило: „Кратко рекши: сердце царево въ руцѣ Божіи есть. Да изберетъ ту часть, аможе рука Божія того (т. е. царя) преклоняетъ.“ Что касается до судей свѣтскихъ, то имъ невозможно было уклониться отъ произнесенія положительнаго приговора, и 24 іюня они единогласно опредѣлили царевичу смертную казнь. Казни впрочемъ не послѣдовало, но послѣдовало нѣчто еще болѣе ужасное, нежели публичная смерть на эшафотѣ: *царевичъ былъ запытанъ*. Въ послѣдніе дни суда онъ былъ нѣсколько разъ подвергнутъ пыткѣ и, что̀ всего ужаснѣе, что не можетъ быть извинено никакими законами и обычаями, — *онъ былъ пытанъ уже послѣ*

Царь отсѣкъ ему голову въ казематѣ... Все это басни, но басни, которыя можно и до сихъ поръ встрѣтить во многихъ иностранныхъ сочиненіяхъ; онѣ показываютъ, какъ сильно было поражено этимъ событіемъ воображеніе современниковъ, какъ много о немъ говорилось. Благородное свойство человѣческой натуры — сочувствовать страданію, даже когда оно заслужено, сдѣлало царевича еще болѣе драгоцѣннымъ для многочисленныхъ его приверженцевъ. Мысль о томъ, что Петръ дѣйствительно „подмѣненъ", усилилась. Простолюдины, купцы, духовные, даже знатные люди, когда они не боялись, что ихъ подслушаютъ, говорили: „подобное ли дѣло, еслибы то былъ прямой Царь, чтобы онъ сына своего убилъ и царицу постригъ!"

Въ нѣкоторыхъ наиболѣе фанатическихъ умахъ утвердилась даже мысль, что царевичъ живъ, и имя этого несчастнаго молодаго человѣка сдѣлалось, какъ нѣкогда имя царевича Димитрія, знаменемъ для обманщиковъ и самозванцевъ.

XXVI.

Смерть царевича Петра, наслѣдника престола. — Смерть Карла XII и барона Гёрца.—Перемѣна въ шведской политикѣ. — Высадка на берега Швеціи. — Союзники Петровы заключаютъ миръ со Швеціей. — Сближеніе наше съ Франціей. — Виды герцога Голштинскаго на нашу помощь и виды на него Царя. — Открытіе переговоровъ. — Вторичное опустошеніе шведскихъ береговъ. — Требованія Петра. — Заключеніе мира (30-го августа 1721).—Торжества по случаю Ништадтскаго мира: сенатъ подноситъ Петру титулъ императора; маскарадъ и флотъ на полозьяхъ въ Москвѣ.

Отсѣкая царевича Алексѣя „яко гангренный удъ", Государь надѣялся, что начатое имъ дѣло не будетъ уничтожено послѣ его смерти: новорожденный царевичъ Петръ, конечно, былъ бы воспитанъ не въ тѣхъ поня-

мы были бы односторонни, еслибы не ... ческая му-
этомъ и нѣкоторыхъ другихъ сообра... младенецъ, на
возмущенія, приличеніе Петра къ ... скончался вес-
въ Астрахани, на Дону и проч.,
ніе царевича и его друзей бы... въ невыразимую го-
и того же духа, — духа соп... кабинетѣ и нѣсколько
вещей, котораго предста... не принималъ никакихъ
Петра, это — время б... Тогда Яковъ Долгоруковъ
бы, въ которой, мож... ращей, сенаторовъ, пойдти во
Россія. Бо́льшая ... аудіенціи. Они нашли дверь за-
подобныя эпох... ...ться. „Отопри, Государь, говорилъ
чайшими на... пришелъ сенатъ: дѣло не терпитъ
увлажнен... не можетъ,—продолжалъ непреклон-
То же ... — по причинѣ горести владыки своего,
боро... ходъ дѣлъ остановился. Начни снова
дви... или дай Россіи другаго царя.
к... Дѣла были дѣйствительно необыкновенной важности
въ это время. Въ декабрѣ 1718 года не стало Карла XII:
онъ умеръ, какъ жилъ, — на полѣ сраженія и именно
подъ стѣнами небольшой крѣпости въ Норвегіи, Фрид-
рихсгаля, пораженный въ високъ крѣпостною пулей.
Смерть этого непреклоннаго человѣка могла повлечь
много важныхъ перемѣнъ. Мы знаемъ, что въ послѣд-
нее время онъ началъ сближаться съ Россіей и, не
прекращая, впрочемъ, войны, вступилъ съ нами въ пе-
реговоры о мирѣ. Такимъ образомъ смерть его остав-
ляла этотъ вопросъ неразрѣшеннымъ. Собравшіеся
вслѣдъ за тѣмъ „государственные чины“, или сеймъ,
избрали королевой сестру покойнаго Карла, герцогиню
Гессенъ-Кассельскую, съ ограниченіемъ, впрочемъ, ея
власти. Какую политику приметъ новое шведское пра-
вительство? Это было для насъ очень важный вопросъ.
Неизвѣстность въ этомъ отношеніи продолжалась недол-

го. Вслѣдъ за извѣстіемъ о перемѣнѣ правленія, депеша зъ Стокгольма дала знать о казни барона Гёрца, казни чти безъ суда, совершенной для успокоенія народной нему ненависти. Смерть этого министра была нѣчто одѣ вызова или угрозы намъ, потому что изъ окру- ихъ покойнаго короля одинъ онъ старался о сбли- съ нами Швеціи. Онъ одинъ доказывалъ, что сдѣ- Петру нѣкоторыя уступки, Швеція удержитъ за ою по крайней мѣрѣ свои германскія владѣнія; на- противъ, другіе совѣтники шведской короны утверждали, что лучше сдѣлать уступки въ Германіи, съ тѣмъ чтобы возвратить все завоеванное Россіей. Мнѣнія послѣднихъ превозмогли теперь; новое правительство шведское поспѣшило войдти въ сношенія съ союзниками Петра, а уполномоченные на аландскихъ совѣщаніяхъ начали уклоняться отъ обѣщаній сдѣланныхъ Гёрцомъ.

Надѣясь понудить шведское правительство къ уступчивости, Петръ снарядилъ флотъ и послалъ на немъ часть сухопутнаго войска, съ тѣмъ чтобы высадить оное въ Швеціи. Вся эта экспедиція поручена была графу Апраксину. Благополучно переплывъ Балтійское море, Апраксинъ высадилъ пѣхоту и казаковъ вблизи Стокгольма и произвелъ страшное опустошеніе (1719). Но оно не имѣло ожиданныхъ послѣдствій. Въ Швеціи были увѣрены, что миръ съ Петровыми союзниками оградитъ страну отъ подобныхъ покушеній, и потому спѣшили мирными соглашеніями съ членами Сѣвернаго Союза. Въ продолженіе 1719 года Швеція не только помирилась, но и сблизилась съ Даніей и Ганноверомъ, государь коего былъ въ то же время и королемъ Англіи; съ Августомъ шли, а съ королемъ Прусскимъ начинались, переговоры о прекращеніи войны. При всѣхъ этихъ соглашеніяхъ, Швеціи пришлось дѣ-

лать пожертвованія, такъ что значительная часть Помераніи перешла въ руки новыхъ друзей Швеціи. Но противники Гёрцовой политики надѣялись за то удержать всѣ Петровы завоеванія.

Такія соображенія были вѣроподобны. Король Англіи, не взирая на нерасположеніе своего народа ко вмѣшательству въ войну, изъ которой нельзя было извлечь выгодъ, снарядилъ эскадру и приказалъ ей вступить въ Балтійское море, приславъ въ то же время Царю извѣщеніе, что онъ вызывается быть посредникомъ между Россіей и Швеціей. Одна Пруссія оставалась пока союзницей Петра, но союзницей мало полезною, потому что король ея любилъ пріобрѣтать, ничѣмъ не рискуя и имѣя прекрасную армію, старался не выводить ея подъ ядра.

Все это поставило бы насъ въ затруднительное положеніе, еслибы мы, съ своей стороны, не сдѣлали новыхъ связей. Въ 1717 году Петръ ѣздилъ за границу и былъ въ Парижѣ. Появленіе этого Государя, предшествуемаго огромною репутаціей, но съ довольно дикими формами, произвело фуроръ между парижанами: народъ сбѣгался на него смотрѣть, какъ на нѣкое чудо; получить приглашеніе въ домъ, гдѣ онъ долженъ былъ находиться, стало для людей высшаго общества предметомъ мучительныхъ заботъ. Франціей правилъ, за малолѣтствомъ короля Людовика XV, герцогъ Орлеанскій, охотникъ до смѣлыхъ комбинацій въ политикѣ, а въ частной жизни большой любитель шумныхъ удовольствій. Нашъ Царь былъ достойный его собесѣдникъ въ любимыхъ имъ забавахъ и въ состояніи былъ удовлетворить его вкусу къ смѣлымъ политическимъ предпріятіямъ; они понравились другъ другу. Чтобы скрѣпить эти добрыя отношенія и обратить личное друже-

любіе въ союзъ политическаго свойства, назначенъ былъ посломъ въ Парижъ князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, человѣкъ всю жизнь проведшій въ дипломатическихъ порученіяхъ, образованный, любезный и притомъ съ хорошимъ природнымъ умомъ. Онъ употреблялъ всю свою ловкость, все пріобрѣтенное долгою опытностью искусство, чтобы заинтересовать правительство регента Франціи въ пользу Россіи, и мало-помалу достигъ цѣли.

Было и другое обстоятельство, которымъ наша дипломатія успѣла воспользоваться. У Карла XII, кромѣ сестры, провозглашенной послѣ его смерти королевою, была другая сестра, и притомъ старшая, бывшая за герцогомъ Гольштейнъ-Готторпскимъ, тѣмъ самымъ, нападеніемъ на коего началась Сѣверная война. Ихъ сынъ былъ предполагаемымъ наслѣдникомъ шведскаго престола. Когда же надежды молодаго герцога не осуществились, онъ сталъ протестовать передъ всѣми европейскими дворами противъ незаконнаго, по его мнѣнію, предпочтенія, оказаннаго его теткѣ. Душой и двигателемъ всѣхъ его дѣйствій былъ графъ Бассевичъ, человѣкъ во многомъ похожій на барона Гёрца: такъ же, какъ и онъ, служившій поочередно нѣсколькимъ государямъ, предпріимчивый, изворотливый, находчивый. Видя всеобщее равнодушіе къ судьбѣ своего государя, Бассевичъ посовѣтовалъ ему обратиться къ Русскому Царю, въ собственныхъ выгодахъ котораго было оказать ему покровительство. Разсчетъ Бассевича былъ вѣренъ. Близкій родственникъ покойнаго короля, имѣвшій друзей въ Швеціи и, безъ сомнѣнія, могшій составить тамъ немаловажную партію, онъ былъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ нашей политики. Герцогъ далъ почувствовать, что онъ былъ бы не прочь вступить въ бракъ съ од-

ною изъ царевенъ: ему отвѣтили, что это могло бы состояться; онъ намекнулъ, что Русскому Царю было бы, безъ сомнѣнія, пріятнѣе видѣть свою дочь королевой Шведскою, чѣмъ герцогиней Голштинскою: ему отвѣчали, что замѣчаніе его очень основательно....

Королеву Шведскую, тетку молодаго герцога, не могли не озабочивать эти переговоры съ русскимъ правительствомъ: новыя династіи очень опасаются, и не безъ основанія, претендентовъ, къ которымъ всегда готовы примкнуть недовольные правительствомъ люди (а гдѣ ихъ нѣтъ?). Такимъ расположеніемъ стокгольмскаго двора весьма удачно воспользовался новый союзникъ Петра, регентъ Франціи, и предложилъ Швеціи свое посредничество. Оно было принято. Снова съѣхались, въ началѣ 1721 года, русскіе и шведскіе уполномоченные, но уже не на Аландѣ, а въ небольшомъ финляндскомъ городѣ Ништадтѣ. Со стороны Россіи явились прежніе уполномоченные, Брюсъ и Остерманъ. Шведы поспѣшили дать почувствовать, что они несогласны на пожертвованія, на которыя рѣшились два года тому назадъ, и что англійскій флотъ, снова появившійся въ Балтійскомъ морѣ, не допуститъ Русскихъ сдѣлать высадку близъ Стокгольма. Чтобы разрушить эту надежду, Царь снова снарядилъ свой флотъ и снова приказалъ Апраксину сдѣлать высадку на шведскихъ берегахъ, не обращая вниманія на англійскіе корабли.

Апраксинъ благополучно перевезъ значительный отрядъ сухопутнаго войска подъ начальствомъ генерала Ласси на шведскій берегъ, гдѣ онъ, явясь неожиданно и почти не встрѣчая сопротивленія, опустошилъ окрестности Стокгольма, выжегъ нѣсколько городовъ и множество селеній, истребилъ часть мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, которыми издавна гордилась Швеція. Вмѣстѣ съ тѣмъ

Царь вызвалъ въ Россію герцога Голштинскаго и нарочно оказывалъ ему почетъ и ласку: выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Ригу, всюду возилъ его съ собою, показывалъ ему флотъ и крѣпости,—все это, разумѣется, съ цѣлію произвесть тревогу въ шведскомъ правительствѣ.

Событія оправдали политику Петра. Продолжительность войны и долгія постоянныя неудачи, наконецъ вторичное опустошеніе шведскихъ береговъ, произведенное русскими войсками, вызвали въ Швеціи всеобщее раздраженіе, которое обратилось противъ правительства.

Требованія Петра были велики, но едва ли онъ могъ бы отступиться отъ котораго-нибудь изъ нихъ, не жертвуя интересами Россіи. Если торговый пунктъ при устьѣ Невы былъ намъ необходимъ, чтобы дать жизнь всей обширной системѣ озеръ и рѣкъ новгородскаго и олонецкаго края, то нельзя было оставить этотъ пунктъ неприкрытымъ какимъ-нибудь укрѣпленіемъ со стороны Финляндіи, какъ невозможно было и оставить шведской крѣпости на Ладожскомъ озерѣ. Выборгъ и Кексгольмъ были слѣдовательно намъ необходимы. Но безопасно ли было бы плаваніе по Финскому заливу, еслибы по обоимъ его берегамъ стояли шведскія крѣпости и находились шведскіе порты съ военными кораблями? Очевидно, нѣтъ. Не только въ случаѣ непріязненныхъ отношеній къ Швеціи наши торговые корабли не могли бы выйдти въ море, но даже и въ мирное время ни одна изломанная бурей мачта не могла бы быть исправлена иначе какъ въ шведскомъ портѣ, съ дозволенія шведскаго правительства. Уступая шведскимъ требованіямъ, мы должны были бы или сдѣлаться на Финскомъ заливѣ совершенно зависимыми отъ Швеціи, или мириться съ тайною мыслію черезъ нѣсколько времени

ною изъ царевенъ: ему отвѣтили, что это могло бы состояться; онъ намекнулъ, что Русскому Царю было бы, безъ сомнѣнія, пріятнѣе видѣть свою дочь королевой Шведскою, чѣмъ герцогиней Голштинскою: ему отвѣчали, что замѣчаніе его очень основательно....

Королеву Шведскую, тетку молодаго герцога, не могли не озабочивать эти переговоры съ русскимъ правительствомъ: новыя династіи очень опасаются, и не безъ основанія, претендентовъ, къ которымъ всегда готовы примкнуть недовольные правительствомъ люди (а гдѣ ихъ нѣтъ?). Такимъ расположеніемъ стокгольмскаго двора весьма удачно воспользовался новый союзникъ Петра, регентъ Франціи, и предложилъ Швеціи свое посредничество. Оно было принято. Снова съѣхались, въ началѣ 1721 года, русскіе и шведскіе уполномоченные, но уже не на Аландѣ, а въ небольшомъ финляндскомъ городѣ Ништадтѣ. Со стороны Россіи явились прежніе уполномоченные, Брюсъ и Остерманъ. Шведы поспѣшили дать почувствовать, что они несогласны на пожертвованія, на которыя рѣшились два года тому назадъ, и что англійскій флотъ, снова появившійся въ Балтійскомъ морѣ, не допуститъ Русскихъ сдѣлать высадку близь Стокгольма. Чтобы разрушить эту надежду, Царь снова снарядилъ свой флотъ и снова приказалъ Апраксину сдѣлать высадку на шведскихъ берегахъ, не обращая вниманія на англійскіе корабли.

Апраксинъ благополучно перевезъ значительный отрядъ сухопутнаго войска подъ начальствомъ генерала Ласси на шведскій берегъ, гдѣ онъ, явясь неожиданно и почти не встрѣчая сопротивленія, опустошилъ окрестности Стокгольма, выжегъ нѣсколько городовъ и множество селеній, истребилъ часть мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ, которыми издавна гордилась Швеція. Вмѣстѣ съ тѣмъ

шилъ, чтобъ изъ-за этого не разрывали переговоровъ и уступили бы этотъ городъ въ случаѣ послѣдней крайности. Впрочемъ, приписывалъ Царь, я самъ къ вамъ ѣду.

Пославъ съ увѣдомленіемъ объ этомъ курьера, онъ отправилъ вслѣдъ за нимъ Ягужинскаго для болѣе подробныхъ словесныхъ объясненій своей воли и для помощи Остерману и Брюсу. Но нашимъ дипломатамъ не хотѣлось дѣлить заслугу и славу съ человѣкомъ, который не раздѣлялъ ихъ трудовъ; а потому хитрый Остерманъ придумалъ средство отъ него отдѣлаться. Онъ уговорилъ, какъ увѣряютъ современники, выборгскаго коммендавта Шувалова задержать Ягужинскаго,—охотника, какъ мы знаемъ, до веселыхъ пировъ,—а самъ объявилъ шведскимъ уполномоченнымъ, что получилъ отъ Царя повелѣніе прервать переговоры и выѣхать изъ Ништадта, если Выборгъ не будетъ уступленъ и мирный трактатъ подписанъ въ 24 часа. Шведы устрашились отвѣтственности, которая могла на нихъ пасть за разрывъ переговоровъ, и 30-го августа 1721 года миръ былъ подписанъ... Ягужинскій пріѣхалъ слишкомъ поздно.

Царь былъ на пути къ Выборгу, когда покрытый пылью курьеръ привезъ ему подлинный, только что подписанный актъ. „Сего моменту, — писалъ онъ на радостяхъ къ командору Сенявину,—получили мы вѣдомость, что всемилостивый Господь Богъ двадцатиоднолѣтнюю войну пожелаемымъ благополучнымъ миромъ окончилъ, который заключенъ въ прошломъ мѣсяцѣ въ 30 день. И тако, прошедши троевременную школу, такъ (столь) кровавую и жестокую и весьма опасную, нынѣ незаслуженною отъ Бога милостію такой миръ получили, чѣмъ вамъ поздравляемъ.“

Сдѣлавъ нѣсколько распоряженій, чтобъ остановить

военныя дѣйствія, Царь поспѣшилъ въ Петербургъ, куда пріѣхалъ на маленькомъ бригантинѣ, безъ всякой свиты, но съ пушечными выстрѣлами. Значеніе этихъ выстрѣловъ было мигомъ понято. Толпы народа сбѣгались на берегъ Невы, и громкіе, радостные клики привѣтствовали Царя, когда онъ ступилъ на берегъ близь крѣпости. Пройдя въ Троицкій соборъ, чтобъ излить свою радость предъ Подателемъ побѣдъ, онъ приказалъ изъ сосѣдней *австеріи* (трактира) выкатить нѣсколько бочекъ вина и пива, и, обратясь къ народу, при громѣ пушекъ съ крѣпостныхъ бастіоновъ, произнесъ своимъ зычнымъ голосомъ: „Здравствуйте, православные, и благодарите Бога, что толикую долговременную войну, которая продолжалась 21 годъ, всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый, вѣчный миръ!“ Сказавъ это, онъ зачерпнулъ чару вина и осушилъ ее за благоденствіе Россіи и Русскаго народа.

Не три дня, а въ три раза, *въ три пріема* праздновалось заключеніе Ништадтскаго мира. Въ первый разъ это было сдѣлано наскоро, черезъ нѣсколько дней по полученіи подписаннаго уполномоченными договора; во второй разъ празднованіе имѣло болѣе торжественности и серьезнаго значенія: сенатъ поднесъ Государю титло *Великаго, Отца отечества и Императора*. На длинную рѣчь, въ которой канцлеръ Головкинъ изъяснялъ это рѣшеніе верховнаго правительственнаго собранія, Петръ отвѣчалъ слѣдующими замѣчательными словами: „Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что̀ Господь Богъ прошедшею войной и заключеніемъ мира намъ сдѣлалъ. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить: однакожь, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ

сталось, какъ съ монархіею Греческою. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ передъ очи кладетъ, какъ внутри, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ.“

Большое торжество по случаю мира происходило въ Москвѣ, въ началѣ слѣдующаго (1722) года, и оно такъ оригинально, такъ характеризуетъ вкусы того времени, что мы опишемъ его довольно подробно, пользуясь для этого извѣстіями очевидца, офицера изъ свиты Голштинскаго герцога, Берхгольца, и трудолюбиваго Голикова, собирателя всѣхъ извѣстій, касающихся Петра.

Празднества эти продолжались цѣлую недѣлю; они начались торжественнымъ вступленіемъ въ Москву полковъ подъ предводительствомъ самого Государя, при звонѣ колоколовъ, музыкой, пальбой, иллюминаціей и фейерверкомъ, а кончились *прогулкой флота по Москвѣ...* Дѣйствительно, не менѣе 50 судовъ открытыхъ и палубныхъ, сдѣланныхъ, конечно, изъ легкихъ досокъ, однакожъ съ мачтами, парусами и пушками, поставлены были на полозки и прогуливались по улицамъ Москвы, представляя одно изъ самыхъ оригинальныхъ зрѣлищъ, какія только можно вообразить.

31-го января въ 5 часовъ утра всѣ корабли-сани выстроились въ назначенномъ порядкѣ, одни за другими, по дорогѣ отъ Всесвятскаго въ Москву, и въ 9 часовъ тронулись съ мѣста. Впереди всѣхъ ѣхалъ предсѣдатель „всепьянѣйшей коллегіи“, князь-папа, въ длинной красной мантіи; онъ сидѣлъ на устроенномъ въ саняхъ тронѣ, а въ ногахъ у него, верхомъ на бочкѣ, сидѣлъ человѣкъ, одѣтый Бахусомъ. Свиту „папы“ составляли его „кардиналы“, тоже въ красныхъ мантіяхъ, выступавшіе верхомъ на волахъ. Потомъ слѣдовали сани,

запряженныя четырьмя пестрыми свиньями; далѣе ѣхалъ Нептунъ съ трезубцомъ въ рукѣ, съ короной на головѣ и длиннѣйшею бѣлою бородой. За нимъ начиналось уже шествіе, хотя и маскарадное, но не шутовское: Меншиковъ въ большой открытой баркѣ съ музыкой на носу судна и съ статуей Фортуны на кормѣ, окруженный аббатами въ длинныхъ одеждахъ; потомъ Ромодановскій (сынъ, по наслѣдству отъ отца получившій названіе князя-кесаря) въ императорской мантіи, окруженный курфирстами (*). Апраксинъ, одѣтый гамбургскимъ бургомистромъ, ѣхалъ въ баркѣ съ поднятыми парусами; наконецъ, слѣдовалъ большой корабль, съ настоящими, хотя и маленькими пушками (которыя палили по временамъ), о трехъ мачтахъ, со снастями и полныхъ такелажемъ до послѣдней бичевки; пятнадцать дюжихъ коней едва тащили это оригинальное судно. Государь командовалъ имъ и былъ въ одеждѣ командора; матросами же были мальчики отъ 8 до 9 лѣтъ, которые съ необыкновенною ловкостію лазили по веревочнымъ лѣстницамъ, поднимали паруса, когда вѣтеръ былъ попутный, и убирали ихъ, когда поворотъ поѣзда по кривымъ московскимъ улицамъ ставилъ судно бокомъ къ вѣтру. Императрица и другія дамы ѣхали въ крытыхъ баркахъ и по временамъ выходили на палубу, чтобы посмотрѣть на тѣснившійся народъ и показать свои дорогіе маскарадные уборы, блестѣвшіе серебромъ, золотомъ и дорогими каменьями.

Слишкомъ долго было бы описывать всѣ эти барки, гондолы и фрегаты, костюмы дамъ и кавалеровъ, убранство цуговъ и т. п. Упомянемъ только о нѣкоторыхъ,

(*) Князья Германской имперіи, имѣвшіе право голоса на имперскихъ сеймахъ.

наиболѣе оригинальныхъ: о длинныхъ сибирскихъ саняхъ, везомыхъ собаками, и о другихъ, въ которыхъ было впряжено шесть медвѣдей, да еще объ огромной пестро расписанной турецкой кочармѣ съ мачтой и пушками, на которой ѣхалъ великолѣпно одѣтый по-турецки и возлежа на восточныхъ коврахъ и подушкахъ, бывшій господарь Молдавскій, Кантемиръ, съ своею свитой.

Прогулки по Москвѣ этого поѣзда продолжались нѣсколько дней. Но Императоръ, пируя и веселясь, приготовлялъ между тѣмъ все нужное для приведенія въ исполненіе новаго, обширнаго и труднаго замысла.

XXVII.

Виды на торговое посредничество Россіи между Востокомъ и Западомъ. — Вышневолоцкій и Ладожскій каналы. — Китай, Хива и Персія. — Экспедиція Бековича. — Турецкія владѣнія въ Азіи. — Сношенія съ Персіей и Грузіей. — Походъ къ Дербенту. — Неудачи. — Дальнѣйшіе торговые и политическіе виды Петра.

Говоря о причинахъ войны со Швеціей и о пользѣ пріобрѣтенія балтійскихъ береговъ, мы замѣтили, что вся торговля Европы съ Китаемъ, Персіей и вообще среднею Азіей могла, въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, направиться черезъ Россію, роняя на пути своемъ золото, въ которомъ мы очень нуждались и, что̀ еще важнѣе, приводя въ движеніе наши промышленныя силы. Въ настоящее время эта торговля слѣдуетъ другому пути: большіе успѣхи, сдѣланные въ мореплаваніи, и особенно распространеніе паровыхъ судовъ побудили торговцевъ предпочесть плаваніе вокругъ мыса Доброй Надежды сухопутнымъ переѣздамъ черезъ пустыни юго-восточной Россіи и средней Азіи. Но во времена Петра Великаго плаваніе вокругъ *мыса Бурь* (Доб-

рой Надежды) считалось очень опаснымъ, а Индѣйское море было наполнено пиратами, такъ что азіатская торговля должна была, казалось, непремѣнно избрать путь черезъ Россію. Устройствомъ Петербургскаго порта и пріобрѣтеніемъ Риги Петръ открылъ одинъ конецъ этого пути; другимъ концомъ онаго была Астрахань, издавна производившая довольно дѣятельную торговлю съ Персіей и изъ которой обыкновенно отправлялись къ китайскимъ границамъ сухопутные караваны. Всѣ три названные приморскіе порта находятся, какъ извѣстно, при устьяхъ большихъ судоходныхъ рѣкъ, изъ коихъ Нева, посредствомъ цѣлой системы озеръ, рѣкъ и рѣчекъ, могла быть безъ чрезмѣрныхъ затрудненій соединена съ притоками Волги, и Петръ, какъ мы видѣли (вып. II гл. XV), настойчиво принялся рыть каналъ, посредствомъ котораго вступила между собою въ связь рѣчная система Волги съ системой Невы. Мы видѣли также, что онъ началъ другой каналъ, въ обходъ бурливаго, опаснаго Ладожскаго озера. Эти работы стоили Россіи большихъ издержекъ и страшныхъ трудовъ, особенно Ладожскій каналъ; но онѣ обѣщали и огромныя выгоды какъ для внутренней, такъ и для транзитной (провозной) торговли между Европой и Востокомъ. Отнынѣ суда и барки могли безостановочно слѣдовать отъ Петербурга до Астрахани и обратно, и Петръ надѣялся, что съ помощію ихъ будетъ происходить обмѣнъ не только произведеній сѣверныхъ областей Россіи съ произведеніями ея южной окраины, но и сѣверной Европы съ центральною Азіей.

Китай, Индія и Персія,—вотъ три обширные рынка, богатства которыхъ хотѣлось Петру двинуть черезъ Россію; онъ хотѣлъ сдѣлать даже болѣе: онъ хотѣлъ сдѣлать Россію господствующимъ посредникомъ торговли запад-

ной Европы съ азіатскимъ Востокомъ; устроить такъ, чтобы русскіе купцы закупали на восточныхъ рынкахъ все, что̀ нужно Европѣ, и перепродавали бы ей, пользуясь, разумѣется, всѣми барышами этой торговли. Подобную роль торговаго посредника играла нѣсколько вѣковъ сряду Голландія, а еще прежде Венеція; и Голландія и Венеція, благодаря этой роли, быстро развились, обогатились и процвѣли.

Съ Китаемъ у насъ была старинная, хоть и не очень дѣятельная, торговля: есть, напримѣръ, извѣстіе, что еще при Алексѣѣ Михайловичѣ былъ привезенъ въ Россію изъ Китая чай, вовсе тогда неизвѣстный Европѣ. Но независимо отъ торговли, были и другія сношенія съ Китаемъ. Наши сибирскіе казаки и промышленники пускались изъ Красноярска, Нерчинска, Охотска на звѣроловный промыселъ, уходили за сотни верстъ, не рѣдко поселялись на новооткрытыхъ ими мѣстахъ и такимъ образомъ включали ихъ въ составъ Русскаго царства. Такъ занята была Камчатка въ концѣ XVII вѣка, Курильскіе острова въ началѣ XVIII; также были устроены русскія поселенія по Амуру. Китайское правительство приняло поселеніе Русскихъ на Амурѣ за посягательство со стороны Россіи; взаимныя отношенія наши въ концѣ XVII вѣка запутались, и дѣло дошло до того, что богдыханъ (владѣтель Китая) запретилъ пускать на китайскія земли русскихъ купцовъ. Петръ снарядилъ въ 1719 году большое посольство, чтобы возобновить съ богдыханомъ дружбу, а съ его подданными торговлю; но попытка эта не привела ни къ чему существенному.

Обширная равнина, лежащая къ востоку отъ Каспійскаго моря, вообще называемая Туркестаномъ, часть коего вошла нынѣ въ составъ Русской имперіи, тоже

обратила вниманіе Петра. Бывшій въ первые годы его царствованія губернаторомъ въ Сибири, князь Гагаринъ извѣщалъ его, что въ странѣ этой есть золотоносный песокъ; кромѣ того, среднеазійская равнина была промежуточною страной между нашими владѣніями и владѣніями „Великаго Могола", повелителя Индіи, о богатствахъ коего и о неисчерпаемыхъ сокровищахъ управляемой имъ страны носились въ то время въ Европѣ самые фантастическіе слухи. Петра сильно манило проникнуть въ эти таинственныя, загадочныя страны. Посланъ былъ на восточный берегъ Каспійскаго моря молодой, расторопный офицеръ, чтобы развѣдать, въ самомъ ли дѣлѣ справедливы слухи о золотоносныхъ рѣкахъ Туркестана. Офицеръ этотъ, князь Бековичъ, возвратился и подтвердилъ слухъ о находимыхъ тамъ рѣдкихъ ископаемыхъ сокровищахъ; по его увѣдомленію, золотой песокъ находился и въ рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Кромѣ того, есть основаніе думать, что рѣка эта, впадающая въ Аральское море, прежде текла въ Каспійское. Еслибъ оказалось возможнымъ снова обратить ее въ прежнее русло, то товары наши можно было бы возить водой изъ Астрахани почти до самой Индіи, такъ какъ Аму-Дарья выходитъ изъ горъ, отдѣляющихъ среднюю Азію отъ индійскихъ владѣній.

Имѣя въ виду всѣ эти заманчивыя извѣстія, Петръ отправилъ посольство къ хану Хивинскому, по владѣніямъ коего протекаетъ Аму-Дарья, и съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, приказалъ поближе узнать край и войдти, если можно, въ постоянныя сношенія съ Хивой. Посольство это было поручено тому же Бековичу; ему было, между прочимъ, предписано предложить хану, для личной его охраны, отрядъ русскаго войска и выпросить у него позволеніе проѣхать русскимъ купцамъ

(переодѣтымъ инженерамъ) вверхъ по Дарьѣ до таинственной Голконды (сѣверной Индіи, Деккана), въ нѣдрахъ которой, по всеобщему тогда повѣрью, таились неистощимыя копи драгоцѣнныхъ камней. Кромѣ того, Бековичу было приказано изучить мѣстность страны, на случай еслибы пришлось вступить туда съ войскомъ, да и самому послу данъ былъ, въ видѣ конвоя, довольно сильный отрядъ казаковъ съ пушками.

Бековичъ, снаряженный такимъ образомъ, отправился въ 1717 году Каспійскимъ моремъ, высадился на восточномъ его берегу и продолжалъ свой путь пустыней безводною и безлѣсною. Онъ благополучно преодолѣлъ всѣ трудности этого пути и уже былъ недалеко отъ цѣли своей, Хивы, когда увидѣлъ себя окруженнымъ огромными толпами хивинскихъ всадниковъ, которые, не взирая на увѣренія его, что онъ слѣдуетъ съ дружелюбными намѣреніями, пускали въ его отрядъ стрѣлы. Можетъ-быть онъ и успѣлъ бы разсѣять эти нестройныя толпы, никогда не слыхавшія пушечнаго выстрѣла, но ханъ одолѣлъ его обманомъ: прислалъ ему сказать, что узнавъ о его миролюбивыхъ намѣреніяхъ, извиняется въ своей ошибкѣ и приглашаетъ его прибыть въ свой станъ для объясненія въ подробности своихъ намѣреній. Бековичъ имѣлъ неосторожность принять это приглашеніе и былъ убитъ, а отрядъ его, лишенный начальника и утомленный тяжелыми переходами и безкормицей, истребленъ.

Такъ не удались Петру и сношенія его съ центральною Азіей и виды на торговлю съ Индіей, въ которой между тѣмъ медленно, но твердо упрочивала свою власть Англія.

Дѣла съ Персіей были удачнѣе. Персія была для насъ важна какъ промежуточный пунктъ на пути въ ту же

Индію, богатства которой возбуждали жадность европейскихъ правительствъ, да и сама Персія производила столько шелку, ковровъ и драгоцѣнныхъ камней, что установить съ нею торговлю на прочныхъ основаніяхъ было дѣломъ весьма важнымъ. Но независимо отъ этого, сношенія съ Персіей могли пріобрѣсть весьма важное политическое значеніе: они входили въ тотъ кругъ государственныхъ соображеній, которыя называютъ нынѣ *Восточнымъ вопросомъ*. Намъ впервые еще пришлось коснуться этого первостепеннаго по своей важности вопроса, и потому постараемся познакомиться съ нѣкоторыми его основаніями.

Мы уже имѣли случай сказать нѣсколько словъ о Турецкой имперіи (вып. II гл. XX); мы замѣтили между прочимъ, что большинство народонаселенія въ ней состояло изъ христіанъ, — частью Славянъ и частью Грековъ, — которые нетерпѣливо сносили мусульманское иго и ждали только помощи извнѣ, чтобы возстать на своихъ повелителей. Всѣ эти замѣчанія относятся собственно къ Европейской Турціи, то-есть къ Балканскому полуострову. Но владѣнія султана не ограничивались этимъ полуостровомъ: онъ составлялъ лишь небольшую часть тогдашней Турецкой имперіи. По южному африканскому берегу Средиземнаго моря простирались земли, находившіяся въ описываемое время въ прямой или косвенной зависимости отъ султана, какъ напримѣръ: Алжиръ, Тунисъ, Египетъ. Но и эти обширныя, плодоносныя, выгодныя въ торговомъ отношеніи владѣнія не составляли еще средоточія турецкаго могущества: оно находилось въ Азіи, гдѣ султанъ господствовалъ отъ Средиземнаго моря до Аравіи, Персіи и Кавказа, да и западная часть Кавказа признавала надъ собою его власть. Такимъ образомъ государь Тур-

ціи,—этотъ государь, внутри владѣній котораго находились Черное (*), Мраморное и Эгейское моря, которому принадлежали восточный и южный берега Средиземнаго моря, который властвовалъ въ трехъ частяхъ свѣта,—былъ сосѣдомъ Россіи на обширномъ пространствѣ, начинавшемся у тогдашней восточной границы Польши,—на Бугѣ,—и оканчивавшемся у Ахалцыха. Это былъ могущественный и опасный сосѣдъ. Въ Европѣ могущество его было, какъ сказано, не прочно; не прочно оно было и въ Африкѣ, гдѣ наслѣдственные паши и беи были почти независимыми государями; но въ Азіи это могущество было весьма прочно. Тамъ оно опиралось на сплошную массу мусульманъ, признававшую султана не только своимъ вождемъ и государемъ, но и духовнымъ главой. Замѣтимъ наконецъ, что отъ вліянія султана, какъ „главы правовѣрныхъ", не вовсе свободны были татары и другіе мусульмане жившіе въ предѣлахъ Россіи, такъ что къ политическимъ причинамъ столкновеній между Россіей и Турціей могли, въ данную минуту, присоединиться и религіозныя.

Къ востоку отъ азіатскихъ владѣній Турціи находилось Персидское государство, съ которымъ она была въ непрерывной враждѣ. Ни обширностью своею, ни географическими выгодами Персія далеко не равнялась съ Турціей и ни въ какомъ случаѣ не была опаснымъ для насъ сосѣдомъ; торговля съ нею велась у насъ изстари и отношенія наши къ этой странѣ были постоянно дружелюбны. Они должны были сдѣлаться еще дружелюбнѣе, когда Россія, съ одной стороны, при-

(*) Сѣверный берегъ Чернаго моря принадлежалъ Крымскому хану, но онъ, какъ извѣстно, былъ данникомъ султана, который держалъ турецкіе гарнизоны въ Керчи и въ укрѣпленіяхъ запиравшихъ Донъ и Днѣпръ.

шла въ столкновеніе съ Турціей, ибо персидскіе шахи были естественными союзниками нашими противъ Турціи, а съ другой — когда Петръ задумалъ завести торговлю съ Индіей, ибо Персія не могла облегчить сношенія съ этою страной русскимъ купцамъ.

Наконецъ было еще одно государство, или, вѣрнѣе, группа государствъ, о которыхъ мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это были царства Кахетинское, Карталинское и Имеретинское (не упоминая о нѣсколькихъ другихъ, болѣе мелкихъ владѣніяхъ), образовавшіяся изъ нѣкогда славнаго и обширнаго Грузинскаго государства. Вслѣдствіе несогласій, возникшихъ между членами грузинской династіи, оно раздробилось еще за нѣсколько вѣковъ предъ описываемымъ временемъ; нѣкоторыя владѣнія его, находившіяся въ кавказскихъ горахъ, отложились, а Персіяне и Турки завоевали у него каспійское и черноморское прибрежья, оставивъ потомкамъ грузинскихъ царей лишь узкую полосу земли у южнаго подножья Кавказскаго хребта, раздробленную, какъ сказано, на нѣсколько мелкихъ владѣній. Но и эти владѣнія не оставались въ безопасности со стороны Персіянъ и Турокъ, которые взимали съ нихъ дань, нерѣдко дѣлали на нихъ набѣги и постоянно угрожали истребить въ нихъ христіанство. Христіанство издавна исповѣдывалось тамъ по восточному обряду и оно-то связывало Грузинъ съ Россіей; при каждомъ новомъ постигавшемъ ихъ бѣдствіи они обращались къ Россіи, моля о защитѣ и помощи.

Таково было положеніе тѣхъ трехъ странъ, на которыя, покончивъ со Швеціей, Петръ обратилъ свое вниманіе. Грозный сосѣдъ, сѣверная граница котораго простиралась отъ Буга до Ахалцыха, тревожилъ его. Петръ предвидѣлъ, что съ нимъ придется вступить въ

борьбу изъ-за господства на Черномъ морѣ, а потому, не имѣя средствъ ослабить этого врага, онъ сталъ придумывать средства усилить естественныхъ его противниковъ и сблизиться съ ними. Закавказскіе христіанскіе цари часто просили помощи у русскихъ царей, но Россія была отдѣлена отъ нихъ широкою полосой степей, хребтами высокихъ горъ, между коими жили независимыя воинственныя племена; каспійское прибрежье находилось въ зависимости отъ Персіи, а черноморское—отъ Турціи. По счастію, въ описываемое время, обстоятельства сложились такъ, что оказалась возможность протянуть руку помощи нашимъ единовѣрцамъ, черезъ вассальныя владѣнія Персіи, примыкавшія къ Каспійскому морю, не только не навлекая непріязни со стороны шаха, но напротивъ по собственному его приглашенію.

Въ началѣ XVIII вѣка Персія была раздираема междоусобіями. Различные соискатели престола опустошали цѣлыя провинціи. Между прочимъ опустошенъ былъ городъ Шемаха, съ которымъ русскіе купцы имѣли сношенія, причемъ было перебито до трехъ сотъ русскихъ подданныхъ и разграблено большое количество русскихъ товаровъ. Царь потребовалъ „сатисфакціи", но такъ какъ шахъ, тѣснимый мятежниками, при всемъ желаніи не могъ ее доставить, то въ Персію посланъ былъ молодой, расторопный подполковникъ Артемій Волынскій (находившійся нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ и хорошо знавшій дѣла Востока) съ порученіемъ—предложить шаху нашу помощь противъ непокорныхъ его подданныхъ и постановить на прочномъ основаніи нашу торговлю съ Персіей. Военная помощь Россіи должна была показаться подозрительною шаху; но такъ какъ Турція явно поддерживала его враговъ, то предло-

женіе Петра было принято. Такимъ образомъ Русскому Государю представлялся случай утвердить свое вліяніе на западномъ, кавказскомъ прибрежьи Каспійскаго моря, развить торговыя сношенія Россіи какъ съ горскими племенами, такъ и съ Персіей, оказать пособіе закавказскимъ христіанамъ и остановить распространеніе турецкаго могущества въ Азіи, то-есть въ самомъ центрѣ этого могущества. Походъ на берега Каспійскаго моря былъ рѣшенъ тотчасъ же по окончаніи войны со Швеціей. Во время пребыванія своего въ Москвѣ Петръ, какъ сказано, занимался распоряженіями относившимися къ этому походу, а Волынскій, сдѣланный между тѣмъ воеводой въ Астрахани, готовилъ суда для перевозки войскъ, запасалъ провіантъ и фуражъ.

Благодаря расторопности Волынскаго, около половины іюля (1722) собранная въ Астрахани пѣхота (слишкомъ 20 тысячъ человѣкъ) была посажена на суда, а казаки отправлены сухимъ путемъ на низовье Терека.

Еслибы мы стали близь Царицына, въ томъ мѣстѣ гдѣ Волга и Донъ почти сходятся, и обратились бы лицомъ къ юго-востоку, передъ нашимъ взоромъ (предполагая что онъ одаренъ чудесною силой) открылась бы обширная степь, разбѣгающаяся вправо и влѣво до Чернаго и Каспійскаго морей. Степь эта большею частію безводна и безлѣсна, а вблизи каспійскихъ береговъ покрыта солончаками, то-есть земля здѣсь такъ сильно пропитана солью, что во время жаровъ она покрывается бѣлою, соленою корой. По степи этой бродили въ то время, да и теперь еще бродятъ, калмыки и ногайцы, съ своими войлочными кибитками, со стадами коровъ и овецъ и съ табунами лошадей; здѣсь сохранялся еще кочевой бытъ; только изрѣдка можно было замѣтить раскинутое на берегу какой-нибудь болоти-

стой рѣчки селеніе крестьянъ-раскольниковъ, покинувшихъ родныя пепелища... Южную окраину этой необъятной равнины составляли двѣ быстрыя, шумныя рѣки,—Кубань и Терекъ, изъ которыхъ одна течетъ къ западу, въ Черное море, а другая къ востоку, въ Каспійское. По берегамъ этихъ рѣкъ и особенно по ту сторону ихъ, гдѣ равнина мало-по-малу поднимается, подступая зелеными, лѣсистыми холмами къ каменнымъ громадамъ Кавказа, почва необыкновенно плодородна; трава бываетъ здѣсь въ ростъ человѣка, лѣса наполнены великолѣпными дубами, кленами, орѣховыми деревьями и дикимъ виноградникомъ. Что касается до закубанскихъ и затеречныхъ жителей, то они принадлежатъ къ весьма различнымъ племенамъ, но всѣ они вообще красивы, сильны, воинственны. Тѣ изъ нихъ, которые обитаютъ ближе къ Каспійскому морю, признавали, какъ сказано, надъ собою власть Персидскаго шаха, но въ дѣйствительности вовсе отъ него не зависѣли и управлялись собственными своими обычаями, подчинялись единственно своимъ выборнымъ старшинамъ или наслѣдственнымъ своимъ ханамъ и султанамъ.

Еще съ давнихъ временъ Московскій дворъ имѣлъ съ ними нѣкоторыя сношенія: горцы живущіе по среднему теченію Кубани, кабардинцы, или, какъ ихъ называли у насъ, черкасы, участвовали въ походахъ Іоанна Грознаго, котораго одна изъ женъ была кабардинка родомъ. Донскіе казаки постоянно водили съ ними хлѣбъ-соль, такъ что, какъ мы уже видѣли, послѣ усмиренія Булавинскаго бунта, цѣлыя массы казаковъ ушли къ нимъ. Что касается до горцевъ, жившихъ за Терекомъ, то для сношеній съ ними былъ еще издавна построенъ близь устья этой рѣки городъ Терки, и каза-

ки, поселенные близь него, такъ же какъ и Русскіе, сами переселявшіеся сюда во времена религіозныхъ гоненій, приняли даже многіе обычаи своихъ затеречныхъ сосѣдей и породнились съ ними.

Этотъ-то крайній пунктъ русскихъ владѣній и былъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ для нашихъ войскъ, выступавшихъ въ персидскій походъ. Въ концѣ іюля прибыла къ устью Терека флотилія съ пѣхотными солдатами, а въ началѣ августа кавалерія, слѣдовавшая степью. Отдохнувъ здѣсь и оправившись, все войско, подъ предводительствомъ самого Императора, двинулось далѣе, равниной, разстилающеюся между моремъ и горами, сначала широкою, потомъ постепенно суживающеюся, и которую въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ запираетъ старинная крѣпость, принадлежавшая тогда Персіи, Дербентъ.

Бо́льшая часть старшинъ, хановъ, султановъ и другихъ правителей мѣстныхъ народцевъ изъявляли покорность Петру и снабжали чѣмъ могли наше войско, такъ что кромѣ тягости отъ сильныхъ жаровъ и кромѣ болѣзней, происходившихъ отъ непривычнаго климата, наше войско не терпѣло особенныхъ потерь. Государь всюду разсылалъ извѣщенія, что онъ идетъ, какъ союзникъ шаха, помогать ему оборонять вѣрныхъ подданныхъ отъ бунтовщиковъ и разорителей. Въ концѣ августа занятъ былъ безъ выстрѣла Дербентъ, за которымъ уже лежатъ тѣ богатыя, прекрасныя страны, въ которыхъ производятся шелкъ, шафранъ, индиго и т. п. Занять эти страны было тайною цѣлію Петра: мы не желаемъ, писалъ онъ къ нашему резиденту въ Персіи, завоевать эту державу, „а только по морю лежащія земли отберемъ...“

Но смѣлымъ предположеніямъ Государя суждено было

встрѣтить неожиданныя неудачи. Каспійское море бываетъ осенью бурливо; выступившія въ сентябрѣ изъ Астрахани суда наши съ провіантомъ сильно потерпѣли отъ непогоды; мука и крупа, на которыя разсчитывалъ Государь для продовольствія войска, подмокли и испортились; новый провіантъ изъ Астрахани и не скоро подоспѣлъ бы и могъ тоже попортиться или даже погибнуть, а въ такомъ случаѣ что̀ было бы съ войскомъ, зашедшимъ въ такую даль?... Собранъ былъ военный совѣтъ, на которомъ было постановлено возвратиться въ Россію, оставивъ въ Дербентѣ гарнизонъ, какъ въ пунктѣ уже принадлежащемъ намъ, и откуда предполагалось дѣйствовать далѣе.

Дѣйствительно, Петръ хотя и возвратился въ Россію, но военныя дѣйствія продолжались; войска наши заняли нѣсколько персидскихъ прибрежныхъ провинцій съ городами Рящемъ и Баку; близь устья Куры предполагалось заложить большой торговый городъ, а вдоль каспійскаго прибрежья поселить грузинъ и армянъ изъ тѣхъ областей бывшаго Грузинскаго царства, которыя находились подъ мусульманскимъ владычествомъ. Эти переселенцы образовали бы особое, но конечно зависимое отъ Россіи государство, которое могло бы во всякое время оказать помощь своимъ закавказскимъ единоплеменникамъ и служить связью между ними и Россіей.... Основаніе этимъ обширнымъ предположеніямъ было положено. Благодаря добрымъ отношеніямъ къ шаху, Петру открывалась возможность упрочить положеніе русской торговли съ Персіей, а чрезъ Астрабатъ ей открывался, повидимому, путь и въ Индію. Ласкаемый этими мечтами, Государь снарядилъ къ „Великому Моголу" посольство, которое отправилось моремъ, вокругъ мыса Доброй Надежды, и должно было стараться

войдти въ дружественныя сношенія съ князьками острова Мадагаскара... Поистинѣ, исполинскіе планы создавались въ головѣ преобразователя Россіи! Но имъ не суждено было исполниться: менѣе нежели черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Петра занятыя имъ каспійскія прибрежья, какъ мы увидимъ, были уступлены обратно Персіи, а восточная торговля Европы, благодаря настойчивости Голландцевъ и особенно Англичанъ, открыла себѣ путь вокругъ Африки.

XXVIII.

Возвращеніе Петра въ Москву. — Судъ надъ Меншиковымъ и Шафировымъ. — Мысль объ Академіи Наукъ. — «Дѣдушка русскаго флота». — Перевезеніе мощей св. Александра Невскаго. — Здоровье Государя разстраивается. — Мысль о престолонаслѣдіи. — Коронація императрицы. — Судъ надъ Монсомъ. — Болѣзнь Государя. — Кончина его. — Заключеніе.

Много трудился Петръ, работалъ безъ устали и безъ отдыха, а между тѣмъ результаты не вполнѣ соотвѣтствовали его намѣреніямъ; задача, которую онъ на себя принялъ, была гигантская: передѣлать цѣлую націю! Не легко составить законодательство, установить администрацію; но достигнуть того, чтобъ эти законы дѣйствительно исполнялись, чтобъ администрація имѣла въ виду только благо общее, — это еще другое и въ тысячу разъ труднѣйшее дѣло. Для этого нужно, чтобъ администрація состояла изъ честныхъ, приготовленныхъ для своей дѣятельности людей, и чтобы самый народъ охотно принималъ постановляемые законы и не искалъ бы отъ нихъ уклоняться.

Все это составляетъ задачу безмѣрно мудреную. Законъ, даже и самый лучшій, не можетъ всѣмъ безъ исключенія нравиться; онъ необходимо ограничиваетъ

личный произволъ человѣка и весьма часто жертвуетъ выгодами отдѣльной личности благу всѣхъ. Такому стѣсненію можетъ безъ ропота подчиниться только человѣкъ развитый, понимающій необходимость подобнаго стѣсненія (хотя, конечно, и желательно, чтобы стѣсненіе это было какъ можно меньше). А можно ли было ожидать этого отъ нашихъ предковъ, лишенныхъ развитія? Съ незапамятныхъ временъ, тотъ кто имѣлъ силу, ни въ чемъ не хотѣлъ ограничивать свой произволъ, а кто ея не имѣлъ, про того можно сказать, что ему не доставало только случая чтобъ ею злоупотреблять. Изъ безчисленнаго множества примѣровъ, которыми можно подтвердить это, познакомимся съ однимъ, касавшимся первыхъ людей Петрова царствованія.

Выше мы уже видѣли (стр. 24), что надъ Меншиковымъ производилось слѣдствіе, или, лучше сказать, нѣсколько слѣдствій, по разнымъ его злоупотребленіямъ; это поколебало довѣріе къ нему Государя: но удалить такого способнаго человѣка онъ не рѣшался, и Меншиковъ продолжалъ прибавлять новыя злоупотребленія къ старымъ. Въ разное время онъ получилъ въ Малороссіи обширныя имѣнія, не довольствуясь однакожъ которыми, онъ, размежевываясь съ сосѣдними владѣльцами, прирѣзывалъ себѣ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Такъ поступлено было при размежеваніи земель мѣстечка Почепа, гдѣ онъ не только прирѣзалъ себѣ земли, принадлежавшія казакамъ, но и самихъ ихъ, вмѣстѣ съ землями, взялъ въ кабалу. Въ этомъ помогалъ ему Скорняковъ-Писаревъ (съ которымъ мы познакомились по поводу слѣдствія надъ царицей-инокиней), приставленный для надзора за межеваніемъ. Дѣло это было очень обыкновенное и едва ли оно получило бы гласность, безъ слѣдующихъ особыхъ причинъ. Въ то

время, какъ Царь находился въ отсутствіи на берегахъ Каспійскаго моря, Шафировъ хлопоталъ въ сенатѣ, котораго былъ членомъ, о незаконной выдачѣ жалованья своему брату. Нѣсколько сенаторовъ подписали объ этомъ указъ, и вѣроятно подписали бы и другіе, опять еслибы не явились особыя причины.

Однажды Шафировъ, будучи „зѣло отягченъ виномъ“, поссорился съ братомъ Скорнякова-Писарева, бывшаго въ это время оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ, и началъ его укорять за потворство, оказываемое его братомъ Меншикову. Писаревъ, съ своей стороны, обличалъ Шафирова въ желаніи обсчитать казну въ пользу своего брата, и въ лихоимствѣ по ввѣренному ему почтовому управленію; вслѣдъ за тѣмъ онъ повторилъ тѣ же обвиненія въ засѣданіи сената. Это подало поводъ къ ряду самыхъ неприличныхъ и пошлыхъ сценъ въ средѣ этого высшаго правительственнаго учрежденія. Перебранка шла сначала на словахъ, а потомъ и на бумагѣ; Скорняковъ говорилъ, а потомъ и писалъ, что Шафировъ „жидовской породы, холопа боярскаго сынъ“; Шафировъ отвѣчалъ въ томъ же родѣ,—и все это въ формѣ прошеній, оффиціальныхъ бумагъ, такъ что все скандалезное это дѣло сохраняется въ архивахъ вмѣстѣ съ дѣлами государственной важности.

По возвращеніи въ Москву, Государь нарядилъ слѣдствіе; оно открыло злоупотребленія со стороны и Меншикова и Шафирова; этотъ послѣдній былъ приговоренъ къ смертной казни; онъ былъ уже возведенъ на эшафотъ, когда послѣдовала отъ Государя отмѣна опредѣленнаго рѣшенія: вмѣсто смертной казни, Шафирову объявлена ссылка съ отобраніемъ его имѣнія. Что же касается Меншикова, онъ былъ пощаженъ и на этотъ разъ.

Такимъ образомъ, размышляя о чрезвычайной без-

нравственности, господствовавшей у насъ на всѣхъ ступеняхъ общества, даже между людьми вполнѣ обезпеченными и высоко поставленными, мы невольно припоминаемъ мысль Лейбница, что прежде всего нужно намъ было умственное и нравственное развитіе.

Послѣдніе годы царствованія Петра, впрочемъ, отмѣчены особыми заботами его объ этомъ. Продолжая неуклонно, хотя и не весьма успѣшно, настаивать на устройствѣ школъ для простонародья подъ руководствомъ духовенства, Государь сталъ обдумывать средства какъ для доставленія высшаго образованія, такъ и для распространенія его исподоволь на всю массу народа. Съ этою цѣлію онъ вошелъ въ сношенія съ тѣмъ же Лейбницомъ и съ другимъ германскимъ ученымъ Вольфомъ, пользовавшимся въ свое время огромною извѣстностью. Слѣдствіемъ этихъ совѣщаній была мысль объ учрежденіи Академіи Наукъ, то-есть собранія людей ученыхъ по всѣмъ отраслямъ знаній. Обязанностью академиковъ, коими могли быть на первый разъ, конечно, иностранцы, было бы слѣдить за ходомъ науки въ Европѣ и даже разрабатывать ее самимъ; сверхъ того, они должны были заниматься обученіемъ молодыхъ людей изъ Русскихъ, которые, въ свою очередь, могли бы передавать свои знанія другимъ.

Такова была двойная цѣль предполагавшагося учрежденія; но Петръ не успѣлъ привести въ исполненіе своей мысли: Академія была открыта въ Петербургѣ уже послѣ его смерти. Къ сожалѣнію, будучи худо направлена, она потеряла изъ виду одну изъ главныхъ своихъ обязанностей — быть разсадникомъ просвѣщенія для молодыхъ поколѣній.

Между тѣмъ въ Петербургѣ имѣли мѣсто два торжества, о которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Одною изъ причинъ, доставившихъ Россіи славный миръ со Швеціей, былъ нашъ флотъ. Онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ шведскими кораблями; онъ, не взирая на присутствіе въ Балтійскомъ морѣ англійской эскадры, перевозилъ на шведскій берегъ наши войска, которыя принудили стокгольмское правительство къ миру; на одномъ изъ шведскихъ сеймовъ по поводу различныхъ мѣръ къ оборонѣ береговъ, одинъ опытный морякъ сказалъ, что едва ли тысячью судовъ можно надѣяться предупредить высадку русскихъ войскъ на шведскій берегъ. Все это доказываетъ, какъ силенъ былъ въ это время нашъ флотъ, а онъ былъ вполнѣ созданіемъ Петра: войско, какое бы оно ни было, существовало до него; но единственный военный корабль, построенный въ прежнее время, былъ сожженъ Стенькой Разинымъ, и съ тѣхъ поръ попытки къ сооруженію флота не возобновлялись. А такъ какъ первымъ сѣменемъ этого флота, созданнаго въ послѣднее время, былъ тотъ ботикъ, который, валяясь между старымъ хламомъ Измайловскаго дворца, обратилъ нѣкогда на себя вниманіе Петра, то Государю пришло очень естественное желаніе воздать память этому старому ботику, этому „дѣдушкѣ русскаго флота". Онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, а оттуда въ Кронштадтъ, чтобъ такъ-сказать сдѣлать смотръ своимъ „внукамъ".

Въ назначенный день, 11-го августа 1723 года, онъ былъ поставленъ на галіотъ и, подъ парусами, препровожденъ къ Кронштадту. Въ виду этой крѣпости, его спустили на воду; нѣсколько старѣйшихъ адмираловъ, въ томъ числѣ и *Петръ Михайловъ*, встрѣтили его, и на веслахъ, которыми сами дѣйствовали, приблизились къ флоту. Двадцать два линейные корабля, множество фрегатовъ, яхтъ и другихъ меньшихъ судовъ, убранныхъ

разноцвѣтными вымпелами, были выстроены для его встрѣчи. На маленькой скорлупѣ, съ трудомъ справлявшейся съ морскою зыбью, развернулся императорскій штандартъ, и сотни выстрѣловъ загрохотали. Подъ непрерывными залпами, въ облакахъ клубящагося дыма скользилъ карликъ-дѣдушка между рядами исполиновъ-внуковъ; вездѣ, куда онъ приближался, его встрѣчали криками *ура*, барабаннымъ боемъ и другими военными почестями. Послѣ этого былъ устроенъ на берегу пиръ всѣмъ морскимъ чинамъ, а дряхлый родоначальникъ русскаго флота перевезенъ въ Петербургъ, гдѣ и теперь всякій можетъ его видѣть подъ навѣсомъ, прикрывающимъ „Домикъ Петра Великаго“.

Другое торжество имѣло характеръ религіозно-патріотическій. Великій Князь Александръ Невскій издавна причисленъ нашею церковью къ лику святыхъ. Между тѣмъ съ памятью о немъ соединяется, какъ извѣстно, воспоминаніе о славномъ отраженіи шведскихъ силъ силами тогда разъединенной, угнетенной татарами Россіи. Мѣсто, гдѣ бодрый князь покрылъ себя славой, народъ, надъ которымъ онъ восторжествовалъ, все это представляло какъ будто нѣкоторую связь съ происшествіями настоящаго царствованія, какъ будто дѣлало Невскаго естественнымъ патрономъ Петербурга. Поэтому мощи его были перевезены во вновь отстроенный Невскій монастырь, гдѣ и до сего дня покоятся.

Третье событіе, о которомъ надо упомянуть, это бракъ цесаревны Анны Петровны, старшей дочери Петра, съ герцогомъ Голштинскимъ. Оно совершилось уже послѣ смерти Государя, но было имъ улажено. Мы говорили о томъ, какія соображенія побудили герцога искать союза съ русскимъ царствующимъ домомъ. Ништадтскій миръ разрушилъ надежды герцога.

Брюсу и Остерману не удалось ничего выговорить въ его пользу; часть его владѣній, завоеванная Даніей, была ей предоставлена по договору, заключенному этою державой со Швеціей, и передѣлать этого уже не было возможности. Но королева Шведская была родная тетка герцога и не имѣла дѣтей; ему открывались слѣдовательно виды на шведскій престолъ, а устраивая брачный союзъ между нимъ и цесаревной, Петръ могъ надѣяться упрочить добрыя отношенія между сосѣдними, столь долго враждовавшими державами. Поэтому когда миръ былъ заключенъ, наше правительство начало домогаться, чтобы герцогъ былъ признанъ наслѣдникомъ шведскаго престола. Положительнаго обѣщанія по этому предмету дано не было, но поданы были такія надежды, что Петръ рѣшился отдать герцогу руку своей дочери. Цесаревна Анна была по общему отзыву женщина съ умомъ и характеромъ, а по портретамъ ея видно, что она была красавица. Говорятъ, что она была любимица своего отца. Какъ бы то ни было, но въ брачный договоръ ея включено было условіе о томъ, что еслибы отъ ея брака родился сынъ, то онъ могъ бы быть призванъ къ наслѣдію русскаго престола: такъ неотступно и постоянно занимала Петра мысль о томъ, чтобы предупредить замѣшательства въ случаѣ его смерти. Эта тревожная мысль представлялась Петру все чаще и чаще, по мѣрѣ того какъ онъ входилъ въ лѣта; онъ не видѣлъ вокругъ себя рѣшительно никого, кому могъ бы передать начатое имъ дѣло, не мучась опасеніемъ за послѣдствія. Петру шелъ пятьдесятъ первый годъ по возвращеніи изъ Персіи, — лѣта еще далеко непреклонныя, особенно для такого, какъ онъ, исполина,—а между тѣмъ начинали тайкомъ поговаривать, что онъ недолговѣченъ.

Смерть каждаго государя производитъ нѣкоторое потрясеніе, особенно въ государствѣ самодержавномъ. Со вступленіемъ новаго государя могутъ измѣниться отношенія страны къ другимъ странамъ, устроиться новые союзы, прерваться прежніе; внутреннее управленіе можетъ получить новый характеръ, одни сановники замѣниться другими. Но все это ничтожно передъ тѣми вопросами, которые должна была возбудить смерть Петра. Россія, въ двадцатыхъ годахъ прошедшаго вѣка, похожа была на городъ, который разрушенъ до основанія, съ цѣлію выстроить его по новому плану, и въ которомъ изъ-подъ мусора и щепы едва замѣтны сохранившіеся фундаменты, едва начинаютъ возникать стѣны новыхъ зданій. Кто будетъ ихъ достраивать? По какому плану?

Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ несчастной смерти царевича Алексѣя, умеръ младенецъ Петръ Петровичъ. Съ тѣхъ поръ у Государя не было прямыхъ наслѣдниковъ. По стародавнимъ обычаямъ, ближе всѣхъ къ престолу можно было считать внука Государева, Петра Алексѣевича; но ему было въ 1723 году всего восемь лѣтъ, а нужна была не дѣтская рука, чтобы доканчивать дѣло Петра Великаго. Кромѣ того, великій князь этотъ, лишившись въ младенчествѣ отца и матери, жилъ при дворѣ въ забвеніи; никто имъ не интересовался и не заботился о томъ, чтобы сдѣлать его достойнымъ престола. Наконецъ, между нимъ и любимцами Петровыми преградой была смерть царевича Алексѣя. Участники приговора надъ царевичемъ, Толстой, Меншиковъ, Ушаковъ, Ягужинскій и проч., имѣли основаніе бояться, что его сынъ, сдѣлавшись государемъ, не проститъ имъ смерти отца. Почти тѣ же соображенія отдаляли отъ великаго князя и императрицу, которая, не

имѣя сыновей, съ бóльшимъ, конечно, удовольствіемъ видѣла бы на престолѣ свою дочь, нежели сына того, который, справедливо или нѣтъ, считалъ ее въ числѣ своихъ враговъ. Можно, наконецъ, было опасаться, что Петръ Алексѣевичъ, дорожа памятью своего отца, приблизитъ къ себѣ всѣхъ его приверженцевъ, людей преданныхъ старинному порядку, и удалитъ сотрудниковъ своего дѣда, людей начавшихъ съ нимъ дѣло преобразованія.

Но затѣмъ, кто же могъ наслѣдовать Петру въ случаѣ его смерти? Мы видѣли, что мысль Петра останавливалась на потомствѣ, которое долженствовало произойдти отъ цесаревны Анны; но она не была еще обвѣнчана въ описываемое время; притомъ, если не противъ нея, то противъ ея жениха существовали не лишенныя основанія предубѣжденія. Принцъ этотъ, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи, не обнаружилъ никакихъ замѣчательныхъ качествъ, не выучился даже говорить по-русски; притомъ, онъ во всемъ руководствовался волею своего министра, Бассевича, человѣка, какъ мы уже знаемъ, весьма ловкаго, но который вовсе не зналъ Россіи и не интересовался ею, и который, однако, еслибы супруга герцога сдѣлалась Русскою императрицей, могъ бы получить весьма большое вліяніе и увлечь Россію въ споры съ Даніей за захваты сдѣланныя ею въ Голштиніи во время Сѣверной войны.

Естественнѣе было, казалось, призвать къ престолонаслѣдію младшую цесаревну Елисавету. Вѣроятно, она и наслѣдовала бы своему отцу, еслибъ онъ прожилъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ; но въ описываемое время ей шелъ четырнадцатый годъ. Поэтому люди считавшіе вѣроятною близкую кончину Государя и опасавшіеся послѣдствій этой кончины стали группироваться вокругъ его супруги. Екатерина, не имѣя способностей

Смерть каждаго государя производитъ нѣкоторое потрясеніе, особенно въ государствѣ самодержавномъ. Со вступленіемъ новаго государя могутъ измѣниться отношенія страны къ другимъ странамъ, устроиться новые союзы, прерваться прежвіе; внутреннее управленіе можетъ получить новый характеръ, одни сановники замѣниться другими. Но все это ничтожно передъ тѣми вопросами, которые должна была возбудить смерть Петра. Россія, въ двадцатыхъ годахъ прошедшаго вѣка, похожа была на городъ, который разрушенъ до основанія, съ цѣлію выстроить его по новому плану, и въ которомъ изъ-подъ мусора и щепы едва замѣтны сохранившіеся фундаменты, едва начинаютъ возникать стѣны новыхъ зданій. Кто будетъ ихъ достраивать? По какому плану?

Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ несчастной смерти царевича Алексѣя, умеръ младенецъ Петръ Петровичъ. Съ тѣхъ поръ у Государя не было прямыхъ наслѣдниковъ. По стародавнимъ обычаямъ, ближе всѣхъ къ престолу можно было считать внука Государева, Петра Алексѣевича; но ему было въ 1723 году всего восемь лѣтъ, а нужна была не дѣтская рука, чтобы доканчивать дѣло Петра Великаго. Кромѣ того, великій князь этотъ, лишившись въ младенчествѣ отца и матери, жилъ при дворѣ въ забвеніи; никто имъ не интересовался и не заботился о томъ, чтобы сдѣлать его достойнымъ престола. Наконецъ, между нимъ и любимцами Петровыми преградой была смерть царевича Алексѣя. Участники приговора надъ царевичемъ, Толстой, Меншиковъ, Ушаковъ, Ягужинскій и проч., имѣли основаніе бояться, что его сынъ, сдѣлавшись государемъ, не проститъ имъ смерти отца. Почти тѣ же соображенія отдаляли отъ великаго князя и императрицу, которая, не

имѣя сыновей, съ бо́льшимъ, конечно, удовольствіемъ видѣла бы на престолѣ свою дочь, нежели сына того, который, справедливо или нѣтъ, считалъ ее въ числѣ своихъ враговъ. Можно, наконецъ, было опасаться, что Петръ Алексѣевичъ, дорожа памятью своего отца, приблизитъ къ себѣ всѣхъ его приверженцевъ, людей преданныхъ старинному порядку, и удалитъ сотрудниковъ своего дѣда, людей начавшихъ съ нимъ дѣло преобразованія.

Но затѣмъ, кто же могъ наслѣдовать Петру въ случаѣ его смерти? Мы видѣли, что мысль Петра останавливалась на потомствѣ, которое долженствовало произойдти отъ цесаревны Анны; но она не была еще обвѣнчана въ описываемое время; притомъ, если не противъ нея, то противъ ея жениха существовали не лишенныя основанія предубѣжденія. Принцъ этотъ, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи, не обнаружилъ никакихъ замѣчательныхъ качествъ, не выучился даже говорить по-русски; притомъ, онъ во всемъ руководствовался волею своего министра, Бассевича, человѣка, какъ мы уже знаемъ, весьма ловкаго, но который вовсе не зналъ Россіи и не интересовался ею, и который, однако, еслибы супруга герцога сдѣлалась Русскою императрицей, могъ бы получить весьма большое вліяніе и увлечь Россію въ споры съ Даніей за захваты сдѣланныя ею въ Голштиніи во время Сѣверной войны.

Естественнѣе было, казалось, призвать къ престолонаслѣдію младшую цесаревну Елисавету. Вѣроятно, она и наслѣдовала бы своему отцу, еслибъ онъ прожилъ нѣсколько лишнихъ лѣтъ; но въ описываемое время ей шелъ четырнадцатый годъ. Поэтому люди считавшіе вѣроятною близкую кончину Государя и опасавшіеся послѣдствій этой кончины стали группироваться вокругъ его супруги. Екатерина, не имѣя способностей

нужныхъ для управленія государствомъ, особенно при ожидаемыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и не будучи вовсе къ тому приготовлена, не пользовалась и популярностью въ народѣ, который продолжалъ видѣть въ ней „Нѣмку"; но въ Петербургѣ,—въ сенатѣ, отчасти въ синодѣ, въ коллегіяхъ, въ гвардіи,—было много преданныхъ ей людей. Во главѣ ихъ были Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Есть поводы думать, что они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы пріучать Государя къ мысли о возможности Екатеринѣ вступить на престолъ.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ 1723 года обнародованъ былъ манифестъ о намѣреніи Государя короновать свою супругу. Во многихъ великихъ и тяжкихъ государственныхъ трудахъ, сказано въ этомъ манифестѣ, „наша любезнѣйшая супруга, государыня императрица Екатерина, великою помощницею была, и не точію въ семъ, но и во многихъ воинскихъ дѣйствіяхъ, отложа немощь женскую, волею съ нами присутствовала и елико возможно вспомогала, а наипаче въ Прутской баталіи, съ Турки, какъ мужески, а не женски поступала". Коронація эта должна была совершиться въ Москвѣ, съ необыкновенною торжественностію; къ назначенному времени велѣно было прислать депутатовъ со всей Россіи „отъ лица всѣхъ чиновъ и народа". Для бо́льшаго торжества, учреждена была новая почетная стража подъ названіемъ роты кавалергардовъ, капитаномъ которой былъ назначенъ Ягужинскій.

Вотъ подробности коронованія первой Русской императрицы. 7-го мая (1724) великолѣпное шествіе спустилось съ Краснаго крыльца и направилось къ древнему Успенскому собору. Представители крестьянъ, городовъ, купечества, дворянства, съѣхавшіеся со всѣхъ кон-

его усилилась, и онъ принужденъ былъ лечь въ постель. Но и дрожа отъ лихорадки, этотъ вѣчный труженикъ не оставлялъ своей правительственной работы: въ самый день возвращенія своего въ Петербургъ онъ подписалъ одинъ изъ огромнаго количества выданныхъ имъ указовъ.

Положеніе Государя было опасно. Обыкновенный медикъ его, Блументростъ, пожелалъ, чтобы приглашенъ былъ еще другой. Соединенными ихъ усиліями больной поднялся на ноги и снова принялся за свои обычныя упражненія: ѣздилъ въ сенатъ, осматривалъ заводы и фабрики, писалъ указы и регламенты, продолжалъ огромную свою переписку съ начальниками различныхъ вѣдомствъ и управленій, не думая о сохраненіи своего здоровья. Въ добавокъ, онъ присутствовалъ на церемоніи водоосвященія 6-го января (1725), простудился и снова слегъ въ постель,—на этотъ разъ уже чтобы не вставать болѣе.

Медицинскія пособія уже не оказывали никакого дѣйствія и доставляли ему только минутное облегченіе; необыкновенно сильная его натура изнемогала; онъ страдалъ жестоко и, обращаясь однажды къ придворнымъ, окружавшимъ его постель, произнесъ ослабѣвшимъ голосомъ: „Изъ меня познайте, сколь бѣдное созданіе есть человѣкъ!“ Двѣнадцать дней онъ боролся со смертію, и, наконецъ, 28-го января грозныя очи его сомкнулись на вѣки...

Тотъ самый Никитинъ, котораго считаютъ первымъ русскимъ свѣтскимъ живописцемъ, снялъ съ него, уже мертваго, портретъ. Петръ изображенъ въ гробу; голова его покоится на подушкѣ; грудь и скрещенныя на ней руки покрыты синею бархатною мантіей, подбитою горностаемъ. Пряди черныхъ волосъ разсыпаны вокругъ

похолодѣвшаго чела до самой шеи; брови слегка сдвинуты надъ грозными очами; ноздри нѣсколько раскрыты предсмертнымъ страданіемъ: но сжатыя губы, гладкое чело и опущенныя рѣсницы выражаютъ полнѣйшее безчувствіе и покой, — печать смерти. Точно охваченное мгновеннымъ холодомъ и оледенѣвшее въ волненіе море.

Такимъ онъ лежалъ въ гробѣ, поставленномъ на высокій катафалкъ съ балдахиномъ, въ одной изъ комнатъ Лѣтняго дворца. Комната эта была вся убрана чернымъ сукномъ съ фестонами изъ бѣлаго флера; пять серебряныхъ паникадилъ, спускаясь съ потолка, затянутаго, такъ же какъ и окна, чернымъ сукномъ, разливали печальный свѣтъ въ этомъ траурномъ покоѣ, который съ утра до вечера наполнялся людьми всякаго званія, приходившими, по старинному обыкновенію, проститься съ покойнымъ.

3-го марта тѣло умершаго Государя было перевезено съ большою церемоніей въ Петропавловскій соборъ. При печальномъ звонѣ колоколовъ, при звукѣ изрѣдка раздававшихся съ крѣпости выстрѣловъ, погребальный кортежъ потянулся къ крѣпостнымъ воротамъ. Такъ какъ соборъ былъ еще не совершенно достроенъ, то внутри его наскоро сколотили деревянную церковь, въ которой происходило отпѣваніе. По окончаніи обряда Ѳеофанъ Прокоповичъ вышелъ изъ алтаря и произнесъ слѣдующія слова, глубоко потрясшія присутствовавшихъ и дошедшія до потомства: „Что̀ се есть? До чего мы дожили, о Россіяне? Что̀ видимъ, что̀ дѣлаемъ?... Петра Великаго погребаемъ!“ Такъ началъ знаменитый витія надгробное слово, и кончилъ его обращеніемъ къ Россіи; какъ будто утѣшая ее, онъ сказалъ: „но, о Россіе, видя кто и каковый тебя оставилъ, вижду и какову оставилъ тебѣ!“

—

Со времени Петра прошло почти полтораста лѣтъ, и хотя о дѣлахъ и личности его было писано чрезвычайно много, но мы только что начинаемъ узнавать и его самого, и его эпоху. Только въ самое послѣднее время сдѣлано нѣсколько важныхъ въ этомъ отношеніи открытій, которыя, между прочимъ, показали, что, съ одной стороны, не мало пущено въ оборотъ льстивой лжи о Петрѣ, а съ другой—ни на чемъ неоснованной клеветы. Болѣе всѣхъ сдѣлали въ этомъ отношеніи академикъ Устряловъ, который съ величайшимъ тщаніемъ обработалъ нѣкоторыя части Петрова царствованія, и профессоръ Соловьевъ, изложившій по дѣламъ хранящимся въ нашихъ архивахъ почти всю эпоху преобразованія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ архивахъ другихъ государствъ, въ кладовыхъ частныхъ людей, вмѣстѣ съ полуистлѣвшими ихъ фамильными бумагами, хранятся и еще драгоцѣнныя указанія какъ относительно самого Петра, такъ и относительно его эпохи, и только тогда, когда все это будетъ обнародовано, разсмотрѣно критикой и сгруппировано талантливымъ повѣствователемъ, мы въ состояніи будемъ произнести твердое, рѣшительное сужденіе о всемъ выше разсказанномъ.

Нельзя, однако, воздержаться отъ сужденія о такой важной и интересной эпохѣ, какъ первая четверть XVIII вѣка, и о такомъ необыкновенномъ человѣкѣ, какъ Петръ I. Вотъ что̀ въ настоящее время можетъ сказать объ этомъ писатель, желающій остаться безпристрастнымъ:

Къ концу XVII столѣтія Россія дошла до такого положенія, что долѣе оставаться въ немъ она не могла. Во всей Европѣ распространялось просвѣщеніе, совершалось то постепенное, постоянное измѣненіе въ по-

нятіяхъ, въ нравахъ, образѣ жизни, общественныхъ отношеніяхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, которое называютъ *прогрессомъ*. Между тѣмъ, по вѣковѣчному и неизмѣнному закону, усиливающаяся цивилизація, подобно разгарающемуся пламени, все шире и шире распространяетъ свое освѣщающее дѣйствіе. Не взирая на то что Россія забилась въ самый отдаленный уголокъ Европы, что въ ней дошло до высочайшей степени отвращеніе къ иностранцамъ, — не взирая на все это, она не могла навсегда укрыться отъ свѣта цивилизаціи; но съ нею могло бы случиться то, что̀ случилось въ наше время съ Турціей и Китаемъ: цивилизація была бы навязана ей силой.

Отъ такой печальной участи спасъ ее Петръ: онъ самъ призвалъ въ Россію европейскую цивилизацію.

Но при этомъ произошло то, что̀ бываетъ, когда человѣкъ малообразованный и неразвитый является въ общество образованныхъ и развитыхъ людей: онъ или упрямо молчитъ, презирая преимущества, которыхъ не понимаетъ, и глубже прежняго замыкается въ свое невѣжество, или поддается безусловному подражанію, стыдясь даже и того хорошаго, что̀ заключается подъ его грубою оболочкой. Часть Русскаго народа, и во главѣ его раскольники, отчасти духовенство, возненавидѣли упавшій на нихъ лучъ свѣта; другіе, и отчасти самъ Царь, увлеклись подражаніемъ. Слѣды того и другаго направленія не изгладились даже и въ настоящее время: и теперь еще есть люди, которые съ непріязнію видятъ сближеніе Россіи съ Европой, а съ другой стороны, есть такіе, которые даже въ домашней жизни не употребляютъ другаго языка, кромѣ иностраннаго, а свой образъ мыслей подчинили приговорамъ западной Европы. Но успѣхи просвѣщенія мало-по-

малу стираютъ крайности обоихъ этихъ направленій, и люди благоразумные считаютъ въ настоящее время сближеніе съ Европой большимъ благодѣяніемъ, но въ то же время хотятъ чтобы Русскій былъ ничѣмъ инымъ какъ Русскимъ и съ любовію отыскиваютъ въ исторіи нашей, въ нашемъ прошедшемъ, добрыя начала, которыя стараются развивать какъ въ государственномъ, такъ и въ частномъ быту.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Нѣсколько строкъ выше было сказано, что въ понятіяхъ, нравахъ и обычаяхъ народовъ совершается постоянное обновленіе, которое называется прогрессомъ и которое именно и дѣлаетъ изученіе исторіи столь интереснымъ. Бываетъ однакоже, что обновленіе это совершается чрезвычайно медленно, что оно почти пріостанавливается; если сравнить между собою, напримѣръ, Германію и Персію за 2000 лѣтъ предъ нынѣшнимъ временемъ въ отношеніи ихъ умственнаго и гражданскаго развитія, то преимущество останется едва ли не на сторонѣ послѣдней, а если сравнивать ихъ положеніе въ настоящую минуту, какая огромная разница окажется въ пользу Германіи! Отъ чего это могло произойдти? Очевидно отъ того, что Персія не двигалась, не развивалась въ теченіе 2000 лѣтъ, а въ Германіи постоянно совершался прогрессъ. Германія счастлива въ этомъ отношеніи; она до сихъ поръ шла въ числѣ передовыхъ націй, въ числѣ тѣхъ націй, которыя служили примѣромъ для другихъ. Но несправедливо было бы отчаиваться и въ судьбѣ Персіи: можетъ-быть и ей суждено войдти въ семью просвѣщенныхъ націй; можетъ-быть это даже совершится безъ внѣшняго вмѣшательства, какъ совершилось и въ Россіи; можетъ быть и въ ней явится какой-нибудь реформаторъ, свой Петръ Великій.

Но это будетъ для нея трудная минута. Какъ дѣти, которыя долго не росли и не развивались, подвергаются опасности, когда они вдругъ начинаютъ рости и развиваться съ удвоенною быстротой, такъ точно и народы. Эпоха великихъ внутреннихъ реформъ сопровождается большими общественными страданіями. Люди, совершающіе эти преобразованія, должны быть людьми сильными, рѣшительными, непреклонными, потому что для борьбы съ понятіями и привычками цѣлаго народа нужны страшныя силы, и только человѣкъ необыкновенно богатый способностями, не останавливающійся ни предъ какою опасностію и ни передъ какимъ сопротивленіемъ, можетъ вступить въ эту борьбу.

Таковъ именно и былъ нашъ преобразователь. Тяжело досталось Русскому народу возрожденіе его; можетъ-быть желѣзная рука Петра, давя его въ продолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ, повредила на время неразвитые его члены, — но только на время. Та же самая рука вливала въ оскудѣвшія жилы этого народа всепобѣждающее лѣкарство,—просвѣщеніе, и вотъ почему народъ этотъ, въ которомъ медленно и слабо струилась жизнь въ продолженіе восьми слишкомъ вѣковъ, въ послѣднія 150 лѣтъ начинаетъ производить изъ своей среды и поэтовъ, и художниковъ, и ученыхъ, и полководцевъ, и промышленниковъ; вотъ почему онъ начинаетъ уже въ настоящее время подчинять своему нравственному вліянію народы, которые доселѣ подчинялись только физической его силѣ.

УКАЗАТЕЛЬ
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

	DATE DUE		

